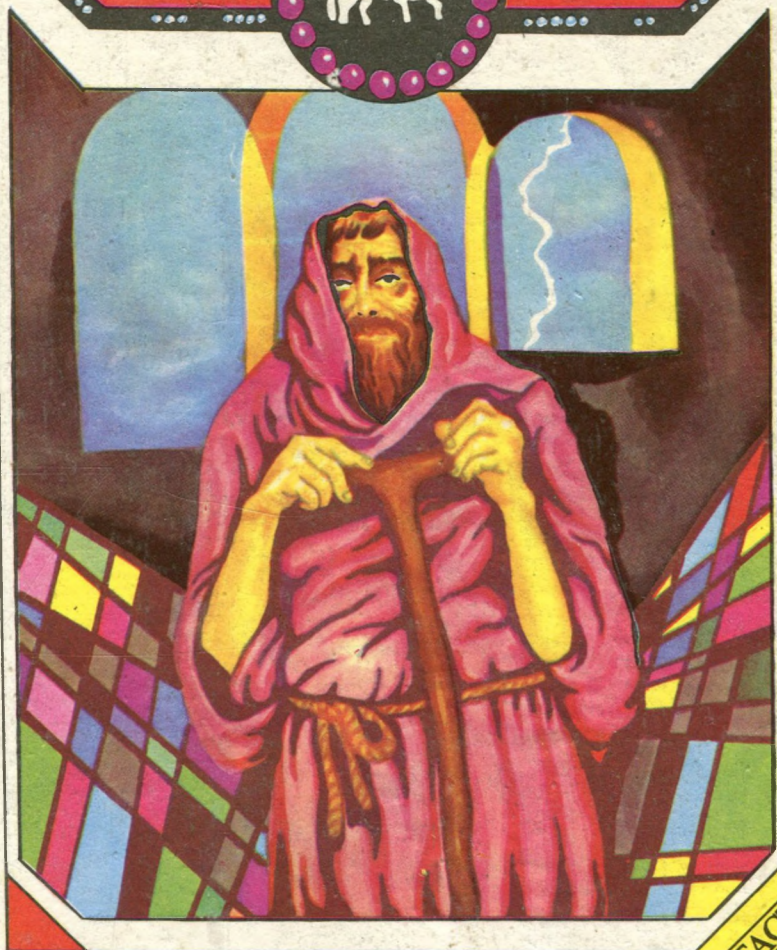

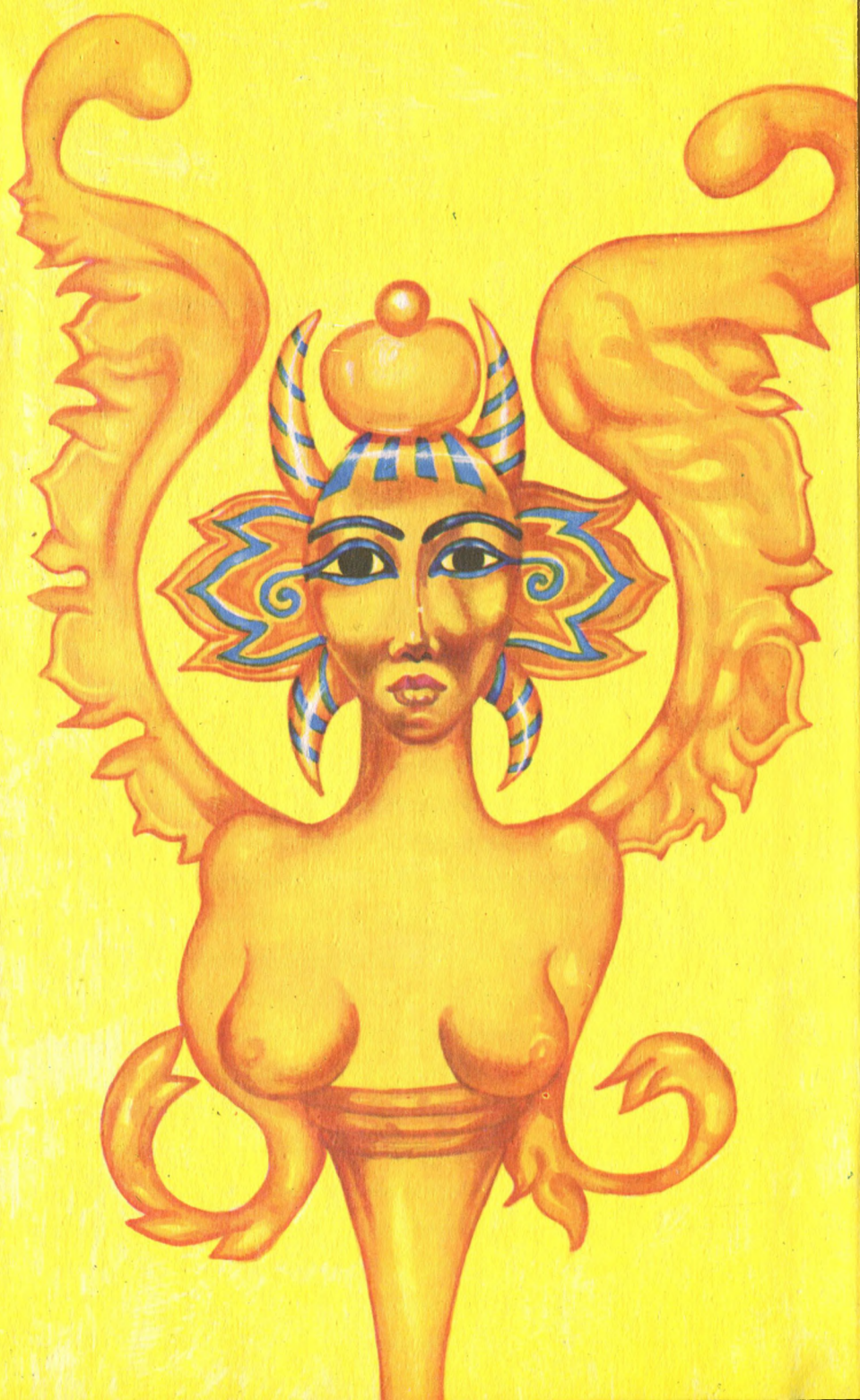

ЛАРИ НИВЕН
—
ДЭВИД ДЖЕРАЛД

ФАНТАСТИКА

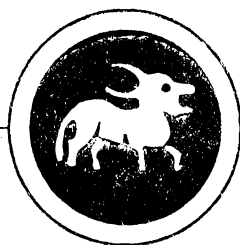

•

(

,

Лари НИВЕН
Дэвид ДЖЕРАЛД

ЛЕТАЮЩИЕ
КОЛДУНЫ

AXUL

Художник С. Букур.
Сборник фантастики: том восьмой.

ЛАРИ НИВЕН, ДЭВИД ДЖЕРАЛД. Летящие колдуны. кн. 1,2
Кишинев, Л.Ф. "Ахul-Z", 1993 г. , 288 стр.
ISBN 5-88568-261-5

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ

Книга первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня разбудил Пилг Крикун. Он дубасил в стенку моего гнезда и взволнованно кричал:

— Лэнт! Лэнт! Это свершилось! Иди скорее!

Я высунул голову наружу.

— Что у тебя стряслось?

Я втянул голову назад в гнездо и стал одеваться. Безрадостная новость, как и все новости принесенные Пилгом. Недаром шерсть на мне встала дыбом. Пилг Крикун имел привычку предсказывать катастрофы за неделю до их начала.

Два раза в год, в периоды равноденствия, он предрекал любые несчастья. По мере того, как мы уходили из—под влияния одного Солнца и попадали под влияние другого, местные чары утрачивали свою стабильность. Стоило нам приблизиться к соединению — моменту, когда голубое Солнце должно было пересечь красное — Пилг с нарастающей интенсивностью начинал предупреждать о катастрофе. Так было всегда. Естественно, должно же было когда-то случиться что-то. Что-то ужасное. Это ощущалось повсюду. А впоследствии Пилг, тряся тяжелой головой, стонал:

— Подождите до следующего года! Подождите до следующего года! Будет еще хуже!

Иногда мы подшучивали над ним, предсказывая конец света, если "следующий год" Пилга когда-нибудь наступит.

Я сбросил лестницу и спустился вниз.

— Так в чем дело?

— О, я предупреждал тебя, Лэнт. Предупреждал! Может быть теперь ты будешь мне верить. Я предупреждал тебя, ты не посмеешь сказать, что не предупреждал. Там на небе я видел знаменье. Какое еще доказательство тебе нужно?

Он имел в виду Луны, которые уже начали сбегаться в одно место, в определенной части неба. Шуга, волшебник, предсказал, что вскоре мы окажемся в полной темноте. Возможно даже, сегодня вечером. И Пилг усмотрел в том еще одно предначертание катастрофы. Пока мы шли, я пытался разузнать у Пилга, что же все-таки случилось. Река изменила свое течение? Чье-нибудь гнездо сорвалось с дерева? Или загадочная гибель целого стада? Но Пилг и сам не знал в точности, что произошло. Его волновало другое. В своих предостережениях он на этот раз оказался прав!

Похоже какой-то пастух прибежал в деревню в паническом страхе. Он что-то при этом причал о новом волшебнике. Прежде чем я получил нормальную информацию от Пилга, мы вышли на деревенскую поляну, где испуганный пастух, прислонившись к большому дереву, рассказывал о случившемся большой группе мужчин. Они обступили его, донимая вопросами. Женщины и те оставили работу, но все же с почтительного расстояния наблюдали со страхом за пастухом.

— Новый волшебник! — говорил тот, задыхаясь. — Красный волшебник! Я видел его!

Кто-то передал ему бурдюк. Он шумно пил большими глотками и не оторвался до тех пор, пока не высосал его до дна. Затем отдышавшись, продолжал:

— ...около пирамиды ветряного бога. Он бросил красный огонь через горн.

— Красный огонь... красный огонь, — забормотали деревенские жители.

— Если он бросает красный огонь, значит, он красный волшебник.

И тут я услышал слово "дуэль". Женщины, кажется, тоже услышали его. Они разинули рты и отпрянули от мужчин. Тогда я протиснулся к центру толпы.

— А, Лэнг, — сказал один из собравшихся. — Ты слышал? Говорят, здесь будет дуэль.

— Здесь? — усомнился я. — Ты видел руны, написанные на гнезде Шуги?

— Нет, но...

— Тогда почему же ты решил, что здесь будет дуэль?

— Красный волшебник! — вдруг вмешался пастух. — Красный волшебник!

— Чепуха! Ни один красный волшебник не может иметь той силы, которую ты описываешь. Что же ты не подождал и не выяснил что-нибудь определенное, прежде чем распространять глупые лживые слухи, которые пугают женщин и детей?

— Мы все хорошо знаем Шугу. Как только он обнаружит, что в здешних местах появился новый волшебник, он...

— Ага! Ты хочешь сказать, что Шута еще ничего не знает!

Мужчина пришел в замешательство.

Я повысил голос:

— Кто-нибудь сообщил Шуте?

Молчание.

— И ни один не подумал! Ясно. Так вот, мой долг — не дать Шуте поступить опрометчиво.

С этими словами я прошел мимо мужчин и заторопился к гнезду волшебника.

Гнездо Шуги вполне отвечало колдовским требованиям. Сморщенная уродливая тыква, свисающая с дерева-великана далеко за пределами деревни. Гильдия Советников не подпускала волшебников ближе, опасаясь его постоянных экспериментов с новыми заклинаниями.

Шугу я застал собирающим свой походный ранец. И по его беспокойным движениям я понял, что он встревожен. И тут же встревожился сам: я случайно увидел, что он положил в ранец теринэль, украшенный резьбой по кости. Последний раз он применял его, когда накладывал заклятие красных зудящих нарывов на Хэмита Неудачу, жителя деревушки Неуспех. А еще я заметил, что он уложил поверх теринэля. И вздрогнув сказал:

— Я уверен, что это противоречит правилам Гильдии.

Какой-то миг мне казалось, что сейчас он заклеянит меня заклятием. Я сжался от страха и инстинктивно сделал защитный жест, чтобы оградить себя от заклятия. Здесь мне не мешало бы вспомнить, что защитные амулеты, которые я носил, изготовил для меня сам Шута, вероятно, он будет не в силах преодолеть собственные барьеры по меньшей мере еще несколько дней — они должны были утаснуть с приходом Голубых рассветов.

— Это ты! — резко заявил он. — Что ты знаешь о магии? Ты — называющий себя моим другом! Даже из вежливости ты не сообщил мне о появлении нового колдуна!

— Я сам узнал о его появлении всего несколько минут назад. Возможно, он прибыл только сегодня.

— Прибыл сегодня? И сразу начал разбрасывать красный огонь? Не сообщив о себе местным богам? А предварительные местные заклинания, связанные с приливами и их побочные эффекты? Смешно, Лэнт, ты — глупец! Ты — идиот из первого круга изучения магии. Почему ты надоедаешь мне?

— Потому что ты — идиот, не признающий дипломатии, — ответил я, разозлившись. (Я был один из немногих жителей деревни, которые

ощетинившись на Шугу, остарались в живых и могли потом рассказать об этом).

— Если бы позволил тебе вооружившись, идти в гору всякий раз, когда ты чувствуешь себя обиженным, ты бы ввязывался в дуэли так же часто, как встает голубое солнце.

Шуга посмотрел на меня и по выражению его лица, я понял, что мои замечания достигли цели.

— Я рад, что ты разглядел во мне дипломата, — сказал он, и я позволил себе расслабиться.

— Наши способности должны взаимно дополнять друг друга, Шуга. Чтобы наши старания увенчались успехом, надо относиться друг к другу с уважением. Только таким образом мы сможем защитить нашу деревню.

— Ты и твои проклятые речи, — нахмурился он. — Когда-нибудь я соберусь и превращу твой язык в кислую дыню. Только ради мира и спокойствия.

Я игнорировал последнее замечание. Учитывая обстоятельства, Шуга имел право быть раздражительным. Он сердито затянул ремешки на походном ранце.

Я спросил:

— Ты готов? Я пошлю приказание Орбе, чтобы он приготовил два велосипеда.

— Ты как всегда самонадеян, — пробормотал Шуга, но я уже понял, что он втайне благодарен мне за эту мысль.

Вилвил и Орбе — мои старые друзья, старшие сыновья. Вырезанные ими велосипеды считаются лучшими в районе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы нашли нового волшебника возле пирамиды Макс-Вотца — ветряного бога. От пирамиды к крутому каньону тянулся широкий и плоский, покрытый травой холм с небольшим склоном к югу.

Новый волшебник захватил этот холм, разложил на нем свои вещи и приспособления. Когда мы резко остановили свои велосипеды, он занимался тем, что обменивался заклинаниями с каким-то незнакомым предметом.

Шуга и я остановились на почтительном расстоянии и наблюдали. Ростом незнакомец был чуть выше меня и значительно выше Шуги. Его ножа была светлее нашей и не имела волос, за исключением единственного участка шерсти на верхнем участке черепа. К тому же у него на носу имелись

странные устройства. Очевидно, это были линзы из кварца в костяной рамке, через которые незнакомец мог смотреть.

Черты его лица были странными и тревожащими, а кости, казалось, имели необычные пропорции. Определенно ни одно нормальное существо не могло обладать таким животом. Его вид вызывал у меня тошнотворное чувство, и я предложил, то есть предположил, что кто-то из его предков был нечеловеком.

По традиции волшебники носили диковинную одежду, чтобы выделить себя из общей массы. Костюм незнакомца представлял собой одно сплошное одеяние, покрывающее большую часть тела. Даже Шуга не отказался бы от такого фасона: капюшон, отброшенный назад, обшлага, высоко поднятые на рейтузах, высокие сапоги кожаные, а над сердцем золотой значок — вся одежда была выткана точно по форме тела, и форма эта была на удивление выпуклой. Тело охватывал широкий пояс, к которому были прикреплены три-четыре колдовских приспособления, а рядом были расставлены крупные механизмы. Их полированный металл отдавал голубовато-белым мерцанием.

В нашей деревне было мало металла — он быстро ржавел, но я, человек много путешествовавший по миру и знаком с металлами, которые видел в других землях. Но все же я ни разу не встречал металл так прекрасно обработанный, как этот.

Механизмы стояли ровно, каждый на трех ногах, даже там, где земля была неровной. Незнакомец, пока мы наблюдали за ним, напряженно всматривался в один из механизмов, то смотрел через каньон на священную пирамиду Макс-Вотца, бога ветров, а затем на свое устройство. Бормоча сам себе, он пересек поляну, и что-то подрегулировал в приборе. Видимо, это было длинное и сложное заклинание, хотя ни я, ни Шуга не могли понять, в чем заключается его смысл.

Иногда ему приходилось обращаться к своему гнезду, большому и черному, правильной яйцеобразной формы, сидящему на краю пастбища. Вокруг не было деревьев, достаточно высоких, чтобы подвесить его, и он просто посадил его, широким концом прямо на землю. Поступил он конечно глупо, однако скорлупа гнезда выглядела достаточно прочно, чтобы противостоять мародерствующим хищникам.

Я ни разу не встречал такого гнезда и удивлялся, как это он умудрился построить его за одну только ночь. Его власть должна быть громадной.

Незнакомец не замечал нас, и беспокойный Шуга вертелся от нетерпения. Но как раз, когда Шуга едва не прервал его, незнакомец выпрямился и коснулся своего приспособления. Устройство откликнулось, швырнув через каньон, прямо на пирамиду Макс-Вотца красный огонь.

Я думал, Шугу охватит смертельная ярость. Прямо сейчас же! Сию же минуту... Боги погоды достаточно упрямы, чтобы — в лучшем случае — уметь их хотя бы сдерживать, и Шуга потратил три долгих лунных периода, стараясь умилостивить Макс—Вотца в предвидении следующего сезона ураганов. И вот теперь незнакомец разрушил одно из его самых тщательных заклинаний.

Более красный чем рубин, опаляющий глаза, яркий и узкий, прямой, точно горизонт в океане, который я тоже видел. Этот малиновый огонь протянулся через каньон и принялся хлестать по храму. Огонь, вытекал снова и снова, я начал опасаться, что он никогда не прекратиться. И звук от него шел ужасный. Высокое жужжание, неземной вой, до боли вонзающийся в мою душу. Сквозь него мы слышали, как равномерно потрескивала и пощелкивала пирамида.

Едкий дым поднимался от нее вверх, и я содрогнулся, представив, как рассеивающаяся гарь может повредить атмосфере. Кто знает, как это может повлиять на погоду, сделанную заклинаниями Шуги. Я сделал мысленную отметку насчет того, чтобы жены укрепили пол моего гнезда. Но тут, так же неожиданно как начался, красный огонь прекратился. На холм снова спустилась тишина и спокойствие. Снова голубой сумрак окутал землю. Но в моих глазах сохранился ослепительно голубоватый отпечаток. Но пирамида ветряного бога все еще продолжала потрескивать.

Удивительно то, что пирамида продолжала стоять! Она тлела и шипела, на ней виднелись безобразные шрамы там, где к ней прикасался красный огонь. Но она была целой. Когда Шуга строит, он строит добротно!

Незнакомец тем временем перенастраивал свое устройство, не прекращая бормотать что-то себе под нос. Я так и не понял, было ли это частью заклинания. Словно мать, опекавшая своих детенышей, он двигался от устройства к устройству, всматриваясь в одно, переставляя другое, произнося странные звуки над третьим.

Я бросил взгляд на Шугу, но смог разглядеть лишь сильно поджатые губы. Ничего странного, что даже его борода, казалось, съежилась. Я начал бояться, что дуэль начнется прежде, чем незнакомец успеет преподнести Шуге подарок.

Что-то следовало предпринять, чтобы не позволить Шуге совершить опрометчивый шаг. Я храбро шагнул вперед.

— Гм... — начал я. — Гм... Мне не хотелось бы прерывать ваше столь очевидное занятие, но эта штука посвящена Макс—Вотцу. Потребовалось много циклов, чтобы создать систему заклинаний, которые...

Волшебник поднял глаза и кажется, впервые нас заметил. Он сделался необычайно возбужденным. Стремительно шагнув к нам он сделал жест:

выпрямил руки с ладонями, раскрытыми нам навстречу, произнося что-то быстро и напряженно на языке, которого я никогда в жизни не слышал. Я тут же бросился на землю и закрыл голову руками.

Ничего не произошло.

Когда я поднял глаза, Шуга все еще стоял рядом с другим велосипедом, раскинув руки в виде фигуры разрушающей заклинания. Или заклинания незнакомца не удались, либо Шуга сумел их заблокировать, но только незнакомец уже не повторял заклинаний. Вместо этого он попятился к своему странной формы гнезду, не сводя с нас взгляда. Он снова заговорил своими непонятными словами, но теперь они были медленными и более низкого тона, похожего на тон, каким успокаивают потревоженное животное. Потом он скрылся в гнезде и снова все стало способствовать спокойствию и голубизне.

Если не считать потрескивания остывающего камня, которое все еще доносилось до каньона, как напоминание о том, что Макс-Вотц был осквернен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я повернулся к Шуге.

— Это может быть серьезным?

— Лэнт, ты глупец. Это уже серьезно.

— Сможешь ли ты справиться с этим новым волшебником?

Шуга хмыкнул уклончиво и мне стало страшно.

Шуга считался хорошим колдуном, и если теперь он в себе не уверен, не уверен в своем мастерстве, значит, вся деревня может оказаться в опасности.

Я уже начал было высказывать свои опасения, но тут незнакомец вновь появился. Он нес какое-то устройство, сделанное из металла и кости. Оно было меньше, чем остальные, и от него во все стороны торчали тонкие прутья. Оно напоминало мне одно из самых неприятных приспособлений, виденных мной в свои мрачные годы.

Волшебник не спускал с нас взгляда все время, пока устанавливал приспособление на три тонкие ножки. Как только он повернул его в нашу сторону, я напрягся.

Приспособление начало издавать жужжащий звук, похожий на звук водяной арфы, когда струнный смычок протягивается через ее стеклянные трубы. Жужжание росло на высоких тонах, пока не сделалось беспокойным, как у механизма красного огня.

Я прикинул расстояние между собой и ближайшим валуном. Незнакомец снова нетерпеливо обратился к нам на своем непонятном языке.

— Вы невежливы, — сделал громкое замечание Шуга. — А эти дела могут подождать, не так ли?

Волшебное устройство тут же повторило:

— Не так ли?

Я плюхнулся позади валуна и затаился там. Шуга остался стоять.

— Именно так, — повторил он твердо. — Вы нарушаете обычай. Находясь в моем районе, вы должны подарить мне одно новое заклинание.

Волшебное устройство снова заговорило. Его интонации были устрашающими и нечеловеческими.

— Новый волшебный подарок... прежде неизвестный... конечно. Будь я в вашем районе...

Я понял, что сказал незнакомец. Устройство пыталось говорить вместо него, но нашими словами. Шуга тоже понял это и успокоился. Устройство было всего-навсего говорящим амулетом, причем скверным, несмотря на внушительные размеры.

Шуга, говорящий амулет и незнакомец стояли на продуваемом ветром холме и разговаривали друг с другом. В основном это был детский лепет. Устройство не имело своих собственных слов, но оно могло использовать слова Шуги, иногда правильно, но чаще — нет.

Настроение Шуги оставалось неизменным. Он пришел требовать дар или вызов на дуэль от вторгшегося в его владения незнакомца, а вместо этого ему приходилось обучать устройство разговаривать. А незнакомец словно бы даже веселился на Шугин счет.

Красное Солнце давно скрылось, а голубое клонилось к горизонту. Неожиданно, голубое Солнце зашло за кучу фиолетовых облаков и исчезло, как тонкая свечка, задутая ветром. Весь горизонт стал темно-красной тенью. Луны возникали в ночи, расположившись сейчас в виде полосатой ящерицы.

С помощью неопределенных конфигураций Шуга делается сильнее. Поведитель он или только слуга полосатой ящерицы, размышлял я, в то время, как он властно подтягивал одежды на своей коренастой фигуре. Поведитель — это видно из его поведения.

Внезапно незнакомец повторил свой жест с открытыми ладонями, повернулся и пошел назад к своему гнезду. Но не вошел внутрь. Вместо этого он коснулся края входа и там зажегся свет. Ослепительный свет! Вдвое ярче дневного света, он бил струей из бока гнезда. Очень страшный свет — земля и растения изменили свою окраску, и что-то произошло с их тенями, так как они сделались удивительно черными.

Поступок нового волшебника был очевиден даже мне — тем более Шуге. Он отпрянул назад от света с поднятыми для защиты руками. Это было бесполезно. Свет последовал за ним, обрушился на него, ослепил, совершенно затмив лунный свет.

Незнакомец уверенно отвергал власть полосатой ящерицы над собой. Шуга стоял трепеща — крошечная фигура, приколотая к земле этим странным, ослепляющей силы светом.

Затем, непонятно почему, незнакомец заставил свет исчезнуть.

— Мне кажется, свет вас беспокоит, — сказала за волшебника говорящее устройство. — Для меня он не имеет значения. Мы можем разговаривать в темноте.

Я вздохнул с облегчением, но до конца не расслабился. Этот незнакомец наглядно доказал, как запросто он может аннулировать эффект любой лунной конфигурации. От Шугиной власти, которую можно было призвать с неба, придется отказаться.

Я смотрел как полосатая ящерица удручающе крадется к востоку. Луны чертили через небо свой путь. Молочно-белые полумесяцы с широкими красными краями. В последующие ночи красные границы станут уже, как только Солнца приблизятся одно к другому. Затем цветные края растают. А позднее, после следующего восхода Солнца, должны показаться голубые края... И Шуга не получил никакой пользы от всего этого.

Шуга и новый волшебник все время разговаривали. Но теперь говорящее устройство обладало достаточным запасом слов, так что оба могли довольно вразумительно обсуждать все вопросы магии.

— Этическая сторона ситуации очевидна, — говорил Шуга. — Вы занимаетесь магией в моем районе. За это вы должны заплатить. Более того, вы должны мне секрет.

— Секрет... — отозвалось говорящее устройство.

Сбросив оцепенение, я наострил уши.

— Какую-нибудь часть магии, которой я еще не знаю, — уточнил Шуга.

— Каков, например, секрет вашего света. Отчего он вдвое сильнее дневного?

— ...разница потенциалов... горячий металл внутри холодного... сомневаюсь, что вы сумеете понять... причиной тепла является поток... крошечные кусочки молнии...

— Ваши слова лишены смысла. Мне не понятно их значение. Вы должны раскрыть секрет, чтобы я понял его и мог использовать. Я вижу, что ваша магия очень сильна, возможно вы знаете способ, как предсказывать приливы?

— Нет, я не могу рассказать вам, как предсказывать приливы. У вас имеется одиннадцать Лун и два основных Солнца, которые растягивают ваши океаны во всех направлениях, воздействуя при этом друг на друга. Понадобятся годы, чтобы рассчитать схему приливов...

— Несомненно ты знаешь вещи, которые мне неизвестны. Так же, как и я знаю секреты, о которых ты не слышал.

— Конечно. Но я стараюсь найти то, что тебе пригодилось бы больше всего. Это чудо, чего вы уже достигли. Даже велосипеды...

Тут я позволил себе вмешаться:

— Это хорошие велосипеды, — сказал я ревниво, — их сделали два моих сына.

— О! Велосипеды! — он подошел ближе.

Я напрягся, но он всего лишь захотел осмотреть их.

— Рамы из твердого дерева, шкивы с ремнями вместо цепей, прошитые шкуры вместо шин. Все это чудесно. Просто изумительно! Примитивно, сделано вручную, колеса большие, плоские, без спиц, но какое это имеет значение! Это же велосипеды! И это в то время, когда наши не захотели верить в развитие у вас любых форм... совсем.

— О чем ты говоришь? — требовательно спросил Шуга.

Я оскорбленно молчал, кипя от обиды за велосипеды Вилвила и Орбе. Примитивные, как же?!

— ...начинается с познания порядка, — ответил волшебник. — Но ваш мир совсем не упорядочен. Вы находитесь в густом темном облаке, поэтому не можете видеть ни один из постоянных источников света на небе. Ваше небо — случайный набор Лун вашей системы... сочетание трех тел облегчает захват... приливы, которые происходят каждый по своему под влиянием всех этих Лун... Луны, пути которых пересекаются постоянно и беспорядочно, изменяя их... из-за взаимного... — говорящее устройство пропускало половину слов незнакомца, превращая остальные в тарабарщину. — А еще высокий уровень... от голубого Солнца, дает вам новые формы каждую неделю или около того. Нет порядка в наблюдаемом вами... можно применить метод проб и ошибок в строительстве. Нет четкой линии технологии, потому что вам не приходится наблюдать, чтобы ваше окружение воспроизвело те же самые линии дважды подряд... Но это... человеческий инстинкт старается управлять природой. Вы должны рассказать мне...

Шуга прервал болтовню незнакомца.

— Сперва ты должен рассказать мне. Сообщи что-нибудь новое, что могло бы удовлетворить законы Гильдии. В чем секрет, скажи мне, твоего красного огня?

— О, я не могу выдать вам секрет!

Шуга снова начал раздражаться, но вслух сказал лишь:

— Не можете? Но почему?

— Что касается этого устройства, то вам его не понять. Вы не можете использовать его в работе.

Шуга выпрямился в полный рост и уставился на незнакомца.

— Не собираешься ли ты сказать, что я даже не волшебник второго круга! Любой волшебник достойный своих костей, может делать огонь и пшвырять его.

И тут Шуга произвел шар огня из рукава и небрежно пшвырнул его через поляну.

Я видел, как был поражен незнакомец. Такого он не ожидал. Огненный шар пошипел, а затем угас, оставив на земле выжженное место. Незнакомец сделал к нему два шага, словно намеревался исследовать его, затем повернулся к Шуге.

— Очень впечатляюще, — произнес он, — и все-таки...

Шуга ответил:

— Вот видишь. Я также могу бросать огонь. Но я хотел бы бросать его по прямой линии, как это делаешь ты, — вот чему я хочу научиться.

— Это совершенно другой принцип... когерентный свет... плотный луч... маленькие сгустки энергии... вибрация...

Демонстрируя, он дотронулся до колдовского механизма — и оно еще раз выплеснуло красный огонь. Обжигающее глаза пламя снова заиграло на пирамиде Макс-Вотца. И еще одна дымящаяся дыра. Я сморщился. Незнакомец пояснил:

— Он заставляет кипеть камень, а цвет дыма сообщает мне из чего он сделан.

Я постарался скрыть свою реакцию. Любой идиот знает, что дым голубовато-серый по цвету, так же и из чего сделан камень. Это я и сам мог сказать ему.

Он, однако, продолжал:

— Поглощение света... Я не могу научить вас, как им воспользоваться. Ведь вы можете потом применить его в качестве оружия.

— Можем применить как оружие! — возбужденно воскликнул Шуга. — Тогда может быть другая польза от заклинания бросающего красный огонь?

— Я же объяснил вам, — сказал незнакомец нетерпеливо. — Могу объяснить снова, но для чего? Это для вас слишком сложно, чтобы понять суть. — (Вот это было совершенно излишне и оскорбительно. Конечно, Шуга — волшебник только второго круга, но это еще не значит, что он более низкого положения. Действительно, имелось немного секретов,

которые не были ему известны. Кроме того — достижение первого круга — это вопрос не столько мастерства, сколько политики. А Шута никогда не был дипломатом).

Словом, мне оставалось только наблюдать, как Шута разряжается.

Было самое время смягчить маслом дипломатии жесткие крошки разногласий между этими двумя волшебниками. Особенно теперь, когда преодолен языковой барьер, мой долг преодолеть трения между ними.

— Шута, — сказал я, — разреши говорить мне. Я дипломат.

Не дождавшись согласия и немного нервничая, я подошел кговорящему устройству...

— Позвольте представиться. Мое имя Лэнт-ла-ли-лэях-ноу. Возможно вам покажется самонадеянным, что я претендую на семь слогов, но я немаловажная личность в нашей деревне.

Я чувствовал, что необходимо установить мой ранг с самого начала и мое право отвечать за деревню.

Незнакомец посмотрел на меня и произнес:

— Мне приятно познакомиться с вами. Мое имя... — говорящее устройство запиналось, но я успел сосчитать слова в имени. Всего три. Я улыбнулся про себя. Очевидно, мы имели дело с лицом очень низкого статуса... Но вот что меня беспокоило, откуда взялся этот волшебник, если личность такого низкого статуса могла управлять такой могучей магией? Я решил пока не думать об этом. Возможно он не назвал своего полного имени. В конце концов я тоже не назвал секретные частицы моего.

Говорящее устройство вдруг перевело три слова имени незнакомца:

— Как цвет, оттенок пурпурно-серого.

— Очень странно, — тихо сказал Шута. — Я никогда не слышал о волшебнике, именуемом как цвет.

— Может быть это не имена, а лишь указание какому богу он служит?

— Чепуха, — пршептал в ответ Шута. — Тогда он должен быть где-то красным или где-то голубым. А он не тот, ни другой.

— Возможно, он оба сразу, то есть Пурпурный.

— Не говори глупостей, Лэнт. Нельзя служить двум хозяевам. Кроме того, он не совсем пурпурный, он пурпурно-серый. Я никогда не слышал о сером волшебнике.

Я повернулся к незнакомцу.

— Это ваше полное имя? А сколько слогов в его секретной части? Он не мог на меня обидеться, я же не спрашивал его о самом имени. Он сказал:

— Я назвал вам полное имя. Как-Тень-Пурпурно-Серого.

— И у вас нет другого? Нет секретного имени?

— Я не уверен, что понял. Это мое полное имя.

Мяс Шугой переглянулись. Незнакомец был или невероятно глуп, или очень хитер. Или он выдал нам полное имя, отдавая себя тем самым под полную власть Шуги, или строил из себя дурака, чтобы позволить Шуге раскрыть себя. Возможно, имя названное им, было своего рода волшебной ловушкой. Определенно, оно не являлось ключом к его личности.

Как-Тень-Пурпурно-Серого заговорил снова:

— Откуда вы пришли?

— Из деревни.

Я уже было собрался показать вниз, под гору, но воздержался. Неразумно говорить этому странному незнакомцу, где расположена деревня.

— Но я не видел деревни с воздуха.

— Совершенно невероятно! — воскликнул Шуга. — С воздуха!

— Да, когда я облетал район.

В ответ глаза Шуги стали округлыми.

(Облетал? У тебя есть летательное заклинание? Я даже не смог заставить летать что-нибудь более крупное, чем дыню. В нее я наловил пузырей дурного запаха, что есть в болотах).

Действительно, Шуга пытался улучшить заклинание полета и занимался этим все время, как стал волшебником. Он даже заставил моих сыновей Вилвила и Орбе помогать ему. Им нередко приходилось забрасывать вырезание новых велосипедов, чтобы приниматься за работу над каким-нибудь новым устройством. И так был велик энтузиазм и замыслы Шуги, что они не брали, к моему раздражению, никакой платы за свой труд.

Новый волшебник улыбнулся, когда Шуга описал свой летательный амулет.

— Примитивно, — сказал он. — Хотя и способно действовать. Моя собственная повозка использует более сложные и эффективные сопредельные способы.

Он указал на свое огромное черное гнездо. Должно быть он имел в виду одно из своих устройств, скрытых внутри, или возле гнезда. Кто может представить себе летающее гнездо? Гнездо — это дом, определенное место, символ убежища и возвращения. Философически, гнездо не может двигаться, ни тем более летать. Вот. А что невозможно философически, то невозможно и для магии. Этот закон сдерживает даже богов.

— Покажи мне как оно действует, научи своему заклинанию! — взволнованно выкрикнул Шуга.

Незнакомец покачал головой.

— Я не могу этого показать ни тебе, ни другому. Вы просто не поймете...

Пожалуй, это было уже слишком! Целый вечер новый волшебник оскорблял Шугу. А теперь он отказывается одарить его секретом. Шуга начал подпрыгивать от раздражения. Он вытащил свой теринэль и прежде чем я успел его успокоить, набил духовые камеры проклятым порошком.

— Шуга, ну потерпи, пожалуйста, — начал я его успокаивать. — Давай вернемся в деревню. Сначала потребуем собрать Гильдию Советников. Не вызывай его на дуэль, пока мы не обсудим это мероприятие.

Шуга ответил едва слышным бормотанием. Бормотал он примерно следующее:

— Надо бы испытать этот теринэль на тебе. Сам знаешь, я не любитель зря тратить хорошее проклятие.

Но тем не менее, он опустошил зарядные устройства, завернул теринэль в шкуры и убрал ранец. Потом встал, посмотрел на нового волшебника и сказал:

— Мы возвращаемся в нашу деревню, чтобы посоветоваться. И вернемся сюда в начале голубых рассветов.

Но незнакомец, кажется, не понял его.

— Я пойду с вами, — сказал он. — Мне хотелось бы увидеть вашу деревню.

Шуга был бы умнее, если бы немного подумал. Но он тут же ответил:

— Конечно, вы можете пойти с нами. С нашей стороны было бы невозможно не пригласить вас. Но вам не следует так далеко отлучаться от вашего гнезда. Ночью, когда уходят Луны, красные проклятья бродят по земле. (Мне не хотелось, чтобы Шуга заострял этот вопрос, ведь мы тоже находились далеко от дома).

Шуга беспомощно развел руками.

— Если бы в деревне имелись пустые гнезда... мы бы вам уступили одно, а так с наступлением полной темноты я не рекомендую блуждать в отдалении от собственного гнезда.

— Все это правильно, — согласился незнакомец. — В таком случае, я понесу его с собой.

— Хм! Каким образом? Мы совершенно не намерены вам помогать. Да ни один из нас и не обладает силой, чтобы...

Как-Тень-Пурпурно-Серого усмехнулся.

Я уже начал уставать от его ухмылок.

— За это не беспокойтесь, — заверил он. — Вы только идите впереди по дороге, а я последую за вами.

Мы с Шугой переглянулись. М-да, ясно, что этот коротконогий незнакомец не поспевает за нашими велосипедами — особенно, если он собирается тащить за собой гнездо. Тем не менее мы из вежливости

подождали, пока незнакомец укладывал свои вещи в гнездо. Я был удивлен, видя, как легко они складывались и как компактно хранились, и сделал в уме заметку — при случае ознакомиться с одним из них поближе. Любопытно было узнать, чем вырезана кость, и как обработан металл. Возможно, конструкция этих приспособлений и меня чему-нибудь научит. Слишком тонкой была их резьба, чтобы я мог разглядеть ее как следует в лунном свете.

Непроизвольно я посмотрел на небо. Мы почти вплотную приближались ко времени полной темноты. Всего шесть Лун осталось на небе. Неудивительно, что свет от них был слаб. Я был совсем не намерен задерживаться дольше из-за этого незнакомца.

В самое короткое время незнакомец упаковал все свои устройства и сложил их внутри гнезда. В его поведении была такая уверенность, словно он знал, что делает и это вызывало у меня смутное беспокойство.

— Все в порядке, — сказал он, — я готов. — С этими словами он исчез внутри гнезда, закрыв за собой дверь.

Когда это случилось, мое беспокойство перешло в настоящий ужас. Гнездо Пурпурно-Серого вдруг начало жужжать, и громче, чем все его говорящие и огненно-красные устройства, потом поднялось в воздух. Там оно повисло на высоте роста двух человек. Оно засверкало невиданным цветом, от которого деревья и камни засверкали подобно ярким галлюцинациям. Я подумал, как бы Шуга от удивления не свалился с велосипеда. Ведь он и днем едва справлялся с ним, так как ездить на нем достаточно трудно.

Путь назад в деревню был кошмарным. Шуга был настолько не похож на себя, что даже не произнес ни одного из своих защитных "кантеле". Мы все время оглядывались на огромное яйцо, плывущее за нами и разбрасывающее свет во все стороны, подобно некому ужасному воплощению Элкина — бога грома.

Положение дел ухудшилось еще и тем, что очередная Луна, если смотреть сверху, спускалась на нас, приближался период полной темноты. Один из нас застонал, и я не был уверен, кто это был — Шуга или я.

Велосипеды грохотали по горной тропинке. Мне настолько хотелось вернуться целым и невредимым домой в гнездо, что я не догадался попросить Шугу быть поосторожнее со второй машиной. Он все время посматривал назад, через плечо и я был уверен, что он ударится обо что-то по дороге и расколется колесо. К счастью, этого не произошло. Не знаю, стал бы я останавливаться, чтобы помочь ему. Только не при этом яйце, сверкающем, гонящемся за нами, путающем, все время держащимся в воздухе.

Нам все-таки удалось спуститься к лугам. Несколько женщин вышли в поля собирать ночные грибы, они заметили наше появление, но когда они увидели огромное яйцо, летящее за нами, то они повернулись и, на всякий случай, убежали в деревню.

Мы с Шугой даже не догадались остановить велосипеды на холме, а прямо на них направиться в деревню. (Ничего, позже женщины очистят грязь с колес).

Как только мы добрались до деревни, последняя из Луи исчезла на востоке. Еле дыша мы остановились в центре поляны. Большое черное яйцо зловеще плавало над нами, заливая всю деревню своим зловещим сиянием. Огромные деревья и тыквообразные гнезда, устроенные на их могучих ветвях, приобрели странный и пугающий оттенок...

Сверху, громче любого естественного, загромыхал голос волшебника:

— ...не удивительно, что я не увидел ее с воздуха... дома, сконструированные в виде сфер, свисающих с веток громадных деревьев... должны быть по меньшей мере... погодите, пока... узнают об этом... Где я могу остановиться? — неожиданно спросил он.

— Где-нибудь, — выдохнул я, тяжело дыша и сделал соответствующий жест рукой. Потом осмотрелся по сторонам, есть ли у нас деревья достаточно крепкие, чтобы подвесить это гнездо. Ни одного большого дерева, ни одного свободного. Но если этот волшебник способен заставить свое гнездо летать, то он несомненно может прицепиться и к молоденькому деревцу. Но вместо этого незнакомец опустился просто на землю.

Точнее, не просто на землю. Гнездо пронеслось над деревней к реке, к гребню склона, возвышавшегося над лигушачьими прудами. Сейчас пруды стояли сухими, подготовленными к ритуальной чистке и перенесению заговоров.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спал я плохо. И встал, когда дымный ободок красного Солнца только начал появляться над горизонтом.

Умывшись и расчесавшись я почувствовал себя лучше, но все же оставался измученным и усталым. Ночные приключения не прошли даром. Одного взгляда, брошенного на гнезда оказалось достаточно, чтобы убедиться — незнакомец волшебник все еще здесь.

Пилт Крикун расхаживал между деревьями и стонал по этому поводу. Теперь, когда новый колдун перенес свое гнездо в деревню, катастрофа обрела определенный смысл. Даже отсюда я видел толпу любопытных

собравшихся вокруг гнезда, правда, державшуюся на почтительном расстоянии.

Видел и торюбца лягушками, заламывающего руки и причитающего над своими прудами. После изгнания незнакомца ему придется очищать их заново. А если это случится нескоро, то он пропустит время высевания икры.

Мы с Шугой только направлялись посмотреть. Зато, заметив нас, колдун оторвался от растения, которое рассматривал и скрылся в своем гнезде. Но почти сразу же вернулся, неся в вытянутой руке какой-то предмет.

— Подарок, — сказал он, — подарок для Шуги-волшебника.

Шуга был явно удивлен. Он никак не ожидал, что незнакомец предложит требуемый в данном случае подарок. Теперь же он выполнил обязательное для волшебника условие и имел полное право оставаться в нашем районе. По тому же условию, Шуга обязан был даже уважать нового волшебника в его заклинаниях... Правила Гильдии вполне определены.

Шуга, как местный волшебник, имел право старшинства. Незнакомец не имел право делать ничего такого, что мешало бы практической деятельности Шуги или его предшествующим заклинаниям, но в остальном он имел право делать все, что захотел бы.

Шуга осмотрел подарок. Тот был маленький и легкий, можно держать в одной руке. С одного торца вмонтированная стеклянная линза. Незнакомец тут же показал как он работает. Если надавить на скользящую шишку устройства, стеклянная линза делает свет.

Пустяковая вещь. Я почувствовал разочарование Шуги. Он был оскорблен: незнакомец мог бы подарить что-нибудь позначительнее. Шуга и сам мог показать холодный свет разными способами. Но сказать ему было нечего. Испытывать подаренный ему амулет в присутствии всей деревни считалось очень нехорошим поступком.

Единственным достоинством подарка было то, что его свет мог приобретать формы, какие мы никогда не видели раньше. Покручивая ободок на торце, форму света всегда можно было менять, от узкого луча, как у огненно-красного устройства незнакомца — до широкой полосы, способной осветить половину деревни. Используя скользящую жижку, яркость приспособления тоже можно было регулировать, от тусклого мерцания, не ярче чем у светящегося мха, до света такой яркости, что на него невозможно было смотреть.

Пурпурно-Серый посоветовал Шуге не пользоваться амулетом слишком долго в таком состоянии, так как его нечто (говорящее устройство не смогло перевести этого слова) очень быстро истощится. Шуга вертел подарок в руках. Сердце его тянулось к летающим заклинаниям или

устройству красного огня. Но правила приличия вынуждали принять и этот дар с благодарностью. Я видел, что он хочет спросить еще что-то, но не имеет понятия, как сформулировать вопрос и не обидеть волшебника.

— Трудно понять, как в вашем мире возникла жизнь? Эволюционные модели предоставляются невоспроизводимыми. А кто бы стал здесь селиться? Мы, естественно, жить бы здесь не смогли... С одной стороны из космоса планету накрывают пылевые облака. С другой, вы практически не получаете нормального желтого света, — отдельные понятные предложения перемешивались веренищей бессмысленных слов. — Хотя я предполагаю, что красное и голубое Солнце создают комбинацию, дающую тот же самый эффект... все растения выглядят черными потому, что здесь так мало зеленого цвета, но нечто в растениях использует не зеленый цвет: так что с этим, по-моему, все в порядке... И эти двойные тени, которые любого сведут с ума.

Шуга переждал этот поток тарабарщины с похвальным терпением. Слова Пурпурно-Серого о различных цветах, казалось, намекали на что-то очень важное, и Шуге хотелось понять на что.

— Ты говоришь об этом мире, — сказал он, — можно предположить, что ты знаешь и другие миры?

Я подумал, не ловит ли Шуга незнакомца на удочку.

— О, да! Мой мир... — новый волшебник посмотрел вверх, размышляя, затем указал на пустое небо. — Мой мир находится в том направлении... Я думаю, за пылевыми облаками.

Пылевые облака?

Шуга начал пристально рассматривать небо. Я сделал то же самое и так же поступила толпа свидетелей.

— Пылевые облака?

Небо было чистым и голубым.

Шуга посмотрел на волшебника.

— Издеваешься над нами? Я ничего нигде не вижу. Никаких пылевых облаков, никаких других миров. В небе ничего нет.

— Есть, — заявил Пурпурно-Серый. — Но они слишком малы и далеки, чтобы их рассмотреть.

Шуга шевельнул бровью и опять повернулся в сторону волшебника. Чувствовалось, что многие, из тех, кто к нам прислушивается, едва сдерживают смех. Молодые женщины начали потихоньку хихикать и их надо было увести.

— Слишком малы, — повторил Шуга. — Слишком малы...

Терпение его иссякло. Шуга не обладал темпераментом, пригодным для общения с детьми, дураками и сумасшедшими.

— О, нет... ты неправильно меня понял, — быстро заговорил Пурпурно-Серый, — они слишком малы, потому что очень-очень далеко отсюда.

— А-а... — протянул Шуга медленно.

Пурпурно-Серый так и не объяснил про пылевые облака, или об их отсутствии.

— Да. На самом деле они настолько далеки, что если бы ты решил до них добраться, скажем на велосипеде, то доехать туда могли бы только твои потомки. А ты постареешь и умрешь даже раньше, чем преодолеешь незначительную часть пути.

— Я понял... — сказал Шуга, — но тогда, как ты добрался сюда? Крутил педали быстрее?

Пурпурно-Серый рассмеялся.

— О, нет, даже это не может помочь! Я...

Говорящее устройство запнулось, затем сказала:

— ...обошел вокруг.

Шуга в смятении покачал головой. Еще несколько женщин пришлось увести прочь. Нехорошо, когда женщины слушают взрослого мужчину, корчащего из себя дурака. И нехорошо, когда они станут свидетелями смущения Шуги. Мужчины тоже начали переговариваться. Шуга широким жестом заставил их замолчать — он еще не сдался.

— Обошел кругом? Что, пылевые облака? — спросил он.

— О, нет. Пылевые облака я прошел насквозь. А обошел кругом... путь...

Шуга медленно повторил это предложение, чтобы проверить, не упустил ли он что-нибудь. Нет, все так и было. Только... Он повернулся и побрел вверх по склону, вертя в руках дающее свет устройство.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Несколько следующих дней Пурпурно-Серый потратил на то, что собирал мелкие растения, части растений покрупнее, пригоршни грязи, воды и почвы. За его работой постоянно следили как дети, так и взрослые, но он не обращал на них никакого внимания.

Его повсюду сопровождал летающее трехногое устройство (во время полета ноги у него были сложены). Волшебник не обращал на него внимания, пока не возникла нужда. Каждый раз, когда ему необходимо было взять образец чего-то, он устанавливал свое устройство на ножки и направлял его на нужное место. Устройство выглядело достаточно безвредным, чтобы рискнуть осмотреть его, но Шуга только скрежетал зубами всякий раз, когда оно проплывало мимо.

Наконец Шуга принял решение раскрыть секрет делающего свет устройства. Когда я навел на него, чтобы узнать, как идут дела, он свирепо на меня глянул и пробормотал:

— Проклятье этому демону с одной тенью!

— Может быть тебе помогло, если бы ты попытался узнать, какой бог дает силу его заклинаниям?

Шуга поглядел на меня еще свирепее.

— Я учу тебя, как вырезать по кости? Почему же ты решил учить меня магии? Не думаешь ли ты, что я плохо знаю свое дело? Я проверил устройство на присутствие богов каждого из известных пантеонов и... безрезультатно.

— Возможно, — предложил я, — оно основано на другом принципе работы? Пурпурный, насколько можно понять, ни к каким богам вообще не обращается. Может быть, что...

— Тогда каким образом его устройства работают? — закричал Шуга. — С помощью суеверия?

— Я не знаю, но... может быть он черпает свою власть из какого-нибудь другого источника. А может быть...

— Лэнт, ты глупец! Почему ты упорно продолжаешь болтать о том, в чем нисколько не разбираешься. Если ты собираешься говорить с волшебником о магии, то постарайся хотя бы говорить достаточно разумно.

— Но как раз поэтому я и спрашиваю...

— Суеверие, Лэнт, это безвредная болтовня, которую повторяют настолько часто, что люди и в самом деле начинают в нее верить. И вот тогда она уже не безвредна. Магия, с другой стороны, оперирует тщательно сконструированными уравнениями символов, предназначенных для управления определенными силами и предметами. Магия действует всегда, веришь ли ты в нее или же нет.

— Понял, — ответил я. — Не думаю, что Пурпурный действует при помощи суеверия.

— Я тоже так думаю, — согласился Шуга. — Слишком большой силой он обладает.

— Но ведь не видно, что он действует при помощи магии!

— Не предполагаешь же ты, что устройства Пурпурного могут работать вне зависимости от богов?

Шуга поглядел на меня так, и сказал эти слова таким тоном, словно обращался к сумасшедшему. Меня это рассердило.

— Такие вещи возможны. Вилвил как-то признался мне, что часто проверяет новые велосипеды без благословения. Совсем стал беззаботным и забывчивым. Но ничего плохого с ним не случилось.

— Вилвил и Орбе под моей защитой. Вспомни, вместо платы за помощь в изделии летающие заклинания.

— Да, я помню. Но я бы предпочел, чтобы они получали что-нибудь более существенное.

Шута игнорировал мое замечание.

— Я в любом случае оберегаю твоих сыновей, так что какая-то поездка Вилвила на неблагословленном велосипеде ничего не доказывает. Кроме того, если все остальное было выполнено как надо, то благословение велосипеду не обязательно.

— И все равно я скажу, что устройства, не зависящие от богов — возможны.

Шута посмотрел на меня.

— Ты кажешься излишне самоуверенным.

— Однажды в детстве я воспользовался неблагословленным рыболовным удилищем. Я сделал его сам.

— И что дальше?

— Я поймал рыбу.

Шута фыркнул.

— Лэнт, это ничего не доказывает. Если бы ты благословил удилище и смысл крючок как положено, ты бы поймал в десять раз больше рыбы. А так ты доказал только одно — что сделал удилище пригодным для ловли. Что тебе требовалось для этого эксперимента, так это контрольный образец — точно такое же удилище, только благословленное и омытое. Тогда бы ты увидел, на какое из них можно было поймать больше рыбы.

— Ты говоришь так, будто сам ставил такой эксперимент.

— Не с рыбой. С ловушкой.

Он заметил мое удивление и сказал:

— Любой начинающий волшебник, будучи учеником, должен доказать самому себе, по крайней мере однажды, что магия — огромная сила. Невозможно стать волшебником, если в твою душу впадо зерно сомнения. Позволяя ученику удовлетворить свое любопытство, мы укрепим в нем веру в себя. Этот простенький эксперимент — такой может кто угодно придумать — на самом деле тест, который может быть повторен множество раз. И всегда результат будет одним и тем же.

— Какой?

— Получается, что в ловушку с благословленной приманкой попадает вдвое больше кроликов.

— Да? Может быть это просто потому, что приманка для кроликов в благословленной ловушке становится более соблазнительной?

— Конечно, — ответил Шуга. — Как раз это и подразумевается. Вся цепь заклинания это стремление сделать приманку соблазнительнее. Ловушки — простые устройства, Лэнт. Простые устройства не всегда нуждаются в магии, зато результаты ее сразу видны. Сколько, скажем, частей было в твоей удочке?

— Три. Удилище, леска и крючок.

— Верно, всего три. Тем не менее, леска может порваться, наживка соскочить, крючок не зацепиться. А ведь это в простом устройстве, которому и не обязательно быть особенно надежным. Подумай, Лэнт! Подумай о конструкции, в которой много движущихся частей. Необходимо, чтобы они все были в полном порядке, прежде чем вся конструкция сможет работать. Подумай, например, о велосипеде.

Я собрался было ответить, но Шуга оборвал меня.

— Не перебивай. У велосипеда много движущихся частей: колеса, шкивы, руль, педали, оси. Все эти части должны быть точно вырезаны и аккуратно подогнаны друг к другу, иначе велосипед просто не поедет. Далее, теоретически, совершенная машина возможна... но на практике, ну, когда ты имеешь машину, которая обязана быть точной просто потому, что иначе не станет функционировать, тогда влияние магии становится чрезвычайно важным. Если неудачна только одна часть, только одна, то бесполезна вся машина. Простое устройство не нуждается в магии, потому что его действия усиливаются самыми простыми заклинаниями, сложному же устройству требуется и более сложные заклинания только для того, чтобы оно вообще работало. Слишком много может получиться не так. Скажи, Лэнт, сколько частей в велосипеде?

Я пожал плечами.

— Никогда не считал. Очень много, я думаю.

Шуга кивнул.

— А сколько частей в летающем гнезде незнакомца?

Я покачал головой.

— Я не знаю.

— Больше чем у велосипеда?

— Несомненно, — ответил я.

— Ты очень наблюдателен, Лэнт. Я уверен, что там должно быть по меньшей мере тысяча разных частей. На основании своих собственных детальных экспериментов я могу сказать, что летательный амулет на самом деле очень сложное устройство. В гнезде Пурпурно-Серого должно быть очень много движущихся частей и все должны работать в очень точном взаимодействии. Малейшая ошибка и — пух! Ничего не получится. Для меня вполне очевидно, что чем больше у машины частей, тем больше у

нее возможностей сломаться. А теперь ты стоишь здесь и стараешься убедить меня, что чужак заставляет все эти части работать с абсолютной точностью без помощи магии вообще...

Я закивал. Шуга говорил очень убедительно. Определенно, он уже обдумал весь этот вопрос в целом глубже, чем я себе представлял. Но, конечно, это и была его работа, как волшебника. Можно чувствовать себя спокойно — выполнит он ее хорошо. Я улыбнулся ему.

— То же самое можно сказать и о всех других его устройствах, не так ли?

— Ты начинаешь замечать очевидное, Лэнт, — кивнул он.

— Им необходимо столько магии, что впору дымиться от заклинаний, верно?

Шуга вновь кивнул.

— Значит, ты раскрыл секрет светового устройства, Шуга! — воскликнул я. — Оно столь сложно, что остальное очевидно, так?

— Не так. Оно настолько просто, что в этом-то и вся загадка.

— Хм-м...

— Все, что следовало сделать, это разобрать устройство и посмотреть, что мне это даст.

Он махнул на верстак. На нем лежали всего четыре предмета, элементы светового прибора чужака: пустая оболочка, кристаллическая линза, плоская пластина и внутренняя коробочка, по форме напоминающая внешнюю оболочку. Шуга вертел этот предмет и так и эдак, но не мог найти места, где бы этот предмет открывался. Коробочка эта была твердой и сплошной, и мы никак не могли догадаться, что же у нее внутри. Раскрыть ее нам никак не удавалось, а применять силу Шуга не хотел, он боялся испортить устройство.

— Ты так и не добился от него никаких изменений? — спросил я.

— Не совсем так. Одного я все же добился ...

— И какого?

— Свет. Он совсем исчез и больше не появлялся.

— О!

Я наблюдал как Шуга насупившись, снова собрал предметы вместе. Он сдвинул скользящую пластинку. И ничего не случилось. Он покрутил туда-сюда вращающуюся выпуклость. Опять ничего.

— Я не думал, — пробормотал он. — Я надеялся, что заклинание восстановится, если дать ему отдохнуть, но тут, очевидно, я ошибся.

— Тогда почему бы тебе не вернуть его Пурпурному? — поинтересовался я.

— Что? Или ты считаешь, что я сам неспособен решить эту проблему.

— Да нет же, Шуга, — запротестовал я. — Я уверен, что ты ее репнишь. Я только подумал... ну, если Пурпурный сделал что-то такое, что отменяет первоначальное заклинание... а ты об этом не знаешь. Возможно, он оскорбил кого-то из богов.

Шуга задумался.

— Может быть ты и прав. Ты же уверен в моем мастерстве волшебника, Лэнт?

И он пристально посмотрел на меня. Я поспешил его заверить:

— Шуга, у меня нет никаких сомнений в уровне твоих знаний.

Это несколько успокоило его.

— Хорошо. Без сомнения, теперь мы можем навесить Пурпурного и узнать, почему устройство перестало работать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мы нашли Пурпурного на восточном пастбище. Он что-то колдовал над своим приспособлением. Я огляделся, но устройства, бросающего красный огонь, не заметил. Очевидно, он его с собой не взял. Приспособление, с которым он возился на лугу, казалось безобидным.

Пурпурный прохаживался по лугу, что-то довольно бормоча себе под нос, когда Шуга прервал его занятие и протянул испорченное устройство. Пурпурный взял устройство, несколько раз попробовал его включить, затем открыл и проверил внутренний цилиндр. Он обратил внимание, что его поверхность стала красной.

— Ну, конечно, он и не должен работать. Батарея сдохла.

Шуга побледнел.

— Батарея? Почему ты мне не сказал, что там внутри живое существо? Я даже не знал чем его накормить.

— Да нет же, — рассмеялся Пурпурный. — Ты не понял.

— Я понял все достаточно хорошо, — заявил Шуга. — Ты доверил мне живое существо, даже не сказав об этом. Не стоит удивляться, что оно, заключенное в этот крошечный ящик без воды и пищи, умерло. Теперь из-за тебя я повинен в смерти живого существа и должен произнести молитвы за упокой его души.

Пурпурный справился со смехом.

— Да послушай же меня, Шуга, послушай! Батарея — не живое существо. Это устройство, предмет, который хранит в себе энергию.

— А-а, — произнес Шуга, — скрытое заклинание.

Он оглядел механизм и спокойно спросил:

— Какого бога мне нужно угодотворить, чтобы восстановить ее силу?

Пурпурный опять засмеялся.

— Ты опять не понял. Да я это для тебя сделаю.

Он потянулся за устройством, но Шуга воспротивился.

— Почему ты не можешь сказать мне, как ее восстановить? — потребовал он. — Зачем мне устройство, если я буду постоянно обращаться к тебе, если его сила истощается? Каким волшебником я буду после этого? А в дальнейшем, что будет если ты уедешь, как я это восстановлю? Если бы я, по крайней мере, знал, какие боги...

— Никаких богов, — заявил Пурпурный. — Вообще никаких богов. Ваши боги не могут восстановить силу этого устройства. Дай его мне, Шуга. Я сам все сделаю.

Шуга отдернул руку, словно ужаленный.

— Боги не могут восстановить силу устройства! Только ты это можешь сделать?

— Успокойся, Шуга, — попросил Пурпурный. — Устройство работает без помощи богов, оно в них не нуждается.

Шуга закрыл устройство рукой и заговорил медленно и осторожно:

— Ты надо мной смеешься? Ни одно устройство не может работать без помощи богов.

— А это работает. Точно так же, как и остальные мои устройства.

Тон Шуги стал немного резким.

— Пурпурный, это ты не понял. Неужели ты можешь отрицать власть богов? За такие слова Элкин обрушит молнии на твою голову. Я тебя предупредил...

— Звучит вполне правдоподобно, — перебил его Пурпурный. — Особенно в том случае, если бы здесь присутствовал сам Элкин, или другой бог. У вас этих богов столько, что я до сих пор не успел их пересчитать. Ох уж эти примитивные суеверия, порожденные невежеством, пытающиеся объяснить необъяснимое. Я сожалею, Шуга, но не смогу объяснить тебе всего — ты такая же их жертва, как и хозяин.

Тут он замолчал.

— Это все? — спросил Шуга.

— Да, боюсь, что так, — ответил тот.

Шуга задумчиво посмотрел на устройство, которое все еще сжимал в руках.

— Пурпурный, — начал он медленно и резко, но в голосе его ощущалась сдержанность. — Если бы не твои устройства, я бы подумал, что ты либо дурак, либо богохульствующий красный волшебник. Но возможности твоих устройств таковы, что ты не можешь быть ни дураком, ни заблуждающимся. Следовательно, ты должен быть еще кем-то.

Он помолчал, потом добавил:

— Я хочу знать, кто ты такой. В наших беседах ты постоянно пользуешься понятиями, которые не имеют смысла, но намекают на него. Я уверен, ты знаешь такие вещи, о которых я и понятия не имею. Твои устройства это доказывают яснее ясного. Я хочу знать эти секреты.

Он снова замолчал, потом с трудом пересилил себя и спросил:

— Ты меня научишь?

Слова Шуги напугали меня. Никогда раньше я не видел его таким смирным. Должно быть, страстное желание выведать секреты чужака поглотило его целиком, иначе к чему так унижаться.

Пурпурный долго смотрел на Шугу.

— Да, — сказал он тихо, словно бы себе. — Да... это единственный путь — учить местных шаманов, дать им знания. Но Шуга, сперва ты должен понять, что боги — это не боги, а атрибуты вашей веры.

Шуга кивнул.

— Эта теория мне знакома.

— Отлично, — ответил Пурпурный. — Возможно, ты не так примитивен, как я думал.

— Это теория, — продолжал Шуга, — одна из ключевых теорий, на которых основана вся магия — боги принимают формы, необходимые для их функции, и эти функции определяются...

— Нет, нет, — оборвал Пурпурный. — Люди не понимают, как Луны вызывают приливы, поэтому вы придумали Нэвила — бога приливов и покровителя картографов. Вы не понимаете, как под воздействием огромных масс раскаленного воздуха образуется ветер, поэтому придумали Макс-Вотца — бога ветров. Вы не понимаете связи между причиной и следствием, поэтому вы и придумали Либа — бога магии.

Шуга хмурился, но кивал. Он очень старался понять.

— Я знаю, как это происходит, Шуга, — сказал Пурпурный снисходительно. — Неудивительно, что у вас так много богов. Вера в одного Бога начинается с одного Солнца. А у вас тут два Солнца и одиннадцать Лун. Вся планетная система скрыта пылевым облаком... — он заметил, что Шуга нахмурился еще сильнее, и быстро поправился, — нет, забудь об этом. Это только сбивает тебя с толку.

Шуга кивнул.

— Тогда слушай внимательно, Шуга. Есть нечто большее, чем ваши боги, но ты и твои соплеменники забыли, что сами их создали, а потом начали думать наоборот, что боги создали вас.

Шуга поежился, но ничего не сказал.

— Теперь я постараюсь научить тебя тому, что могу. Я был бы рад этому. Чем скорее ты и твои сородичи отбросят свои примитивные суеверия и признают единственно правильное... — в этом месте говорящее устройство снова загнулось, — ...магию, тем скорее вы унаследуете огни в небе.

— Хм! — произнес Шуга. — Что еще за огни в небе? Ты имеешь в виду те слабые призрачные светлячки, которые изредка появляются, и на одном и том же месте почти никогда снова.

Пурпурный кивнул.

— Ты не можешь видеть их такими как я, но когда-нибудь, Шуга, когда-нибудь твой народ построит свои собственные летающие амулеты, и...

— Да, да, конечно, — произнес Шуга страстно. — Покажи мне эти летающие амулеты. Какие боги?

— Никаких богов, Шуга. Именно это я и стараюсь тебе растолковать. Летающие устройства созданы не богами, а людьми, такими же как я.

Шуга открыл рот, но чуть не подавился и лишь прохрипел:

— Создано... людьми...

Пурпурный кивнул.

— Тогда это должно быть очень простое устройство, насколько я представляю... ты меня научишь?

— Я не могу, — запротестовал Пурпурный.

— Не можешь? А сам только что говорил, что будешь меня учить.

— Нет, нет... Я имел в виду, что научу тебя своей... — говорящее устройство опять не смогло перевести это слово, — магии, но не могу обучить тебя своим летающим заклинаниям.

Шуга покачал головой, уяснив сказанное.

— Твое летающее устройство — это не магия?

— Наверно. Она... — говорящее устройство опять замкнулось, — ...магия.

Я почувствовал, что терпение Шуги истощилось.

— Так ты собираешься научить меня летать или нет?

— Да... но это твои потомки будут летать...

— Тогда зачем мне это?

— Я имел в виду, что твои дети и твои внуки.

— У меня нет детей, — отрезал Шуга.

— Да не об этом я... Я подразумевал, что дети и внуки твоих соплеменников. Летающие устройства настолько сложны, что уйдут годы, прежде чем его изучат и построят.

— Так давай начнем, — потребовал Шуга нетерпеливо.

— Но у нас ничего не получится, — запротестовал Пурпурный, — до тех пор, пока ты не изучишь основы... магии.

— Я уже знаю основы магии! — воскликнул Шуга. — Учи меня летающему заклинанию!

— Да не могу я! — воскликнул в ответ Пурпурный. — Это для тебя слишком сложно.

— Тогда почему ты сказал, что будешь учить, если уже не будешь? — завопил Шуга, раскрасневшись.

— Я не сказал, что не буду, — громыхнул Пурпурный, — я сказал, что не могу!

И тут Шуга выпал из себя.

— Пусть у тебя будет множество безобразных дочерей, — начал он. — Пусть паразиты от десяти тысяч грязных скотов заполнят твои штаны. — Его голос поднялся до путающей высоты. — Чтоб разлетелось твое гнездовое дерево! Чтоб ты никогда не получил подарок, который тебе понравится! Чтоб бог грома ударил тебя в коленку!

То были только эпитеты, ничего более, но в устах Шуги и этого было достаточно, чтобы поблдевел даже я, невинный храбрый зритель. Я подумал, не выпадут ли у меня волосы от присутствия при демонстрации такого гнева.

Пурпурный сохранял спокойствие. Я позавидовал его мужеству перед лицом такой ярости.

— Я уже говорил тебе, Шуга, что твоей магии я не боюсь. Я выше этого. Шуга набрал побольше воздуха.

— Если ты не прекратишь, я буду вынужден использовать вот это!

И Шуга вытащил из складок своей одежды куклу. По странным пропорциям и раскраске, я догадался, что кукла изображает Пурпурного. Но Пурпурный даже не вздрогнул, как сделал бы это любой нормальный человек на его месте.

— Используй, — согласился он, — иди и используй. Только не мешай мне работать. Балансировка нашей вселенной экологической системы развивалась в инертном направлении. У животных развились очень необычные железы внутренней секреции для контроля функций тела. Я таких ни разу не встречал.

Пурпурный опять обратился к своим устройствам, движением пальца сделал что-то с одним из них — и целый участок восточного пастбища взлетел вверх.

Шуга в отчаянии нахмурился. Пурпурный только что надругался над красивейшим пастбищем деревни, одним из самых замечательных пастбищ

Ротна-Эйна — бога овец. Кто знает, каким будет вкус у баранины этой весной?

И тут Пурпурный принялся собирать кусочки почвы и складывать их в маленькие контейнеры. Он собирал помет!!! Да разве можно одному человеку нарушать столько основных законов магии и уцелеть!!! Законы магии очень строги! Любой глупец каждый день может видеть их в действии — даже я был знаком с ними — они управляли всем миром и влияние их было просто и очевидно.

Я не удивился, когда Шуга с мрачной решимостью положил на траву куклу и поджег ее. Я также не удивился, когда от куклы осталась только горстка белого пепла, а Пурпурный так и не обратил на это внимания.

Шуга смотрел на него в ужасе. Сама беззаботность Пурпурного воспринималась в крайней степени оскорблением. Когда мы уходили, он копался внутри одного из своих щелкающих ящичков. Он даже не заметил, что мы покинули его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шуга пристально всматривался в небо, наморщив лоб. Оба Солнца стояли еще высоко — крупный красный диск и голубовато-белая точка. Голубое Солнце стояло на краю красного, готовясь начать долгий путь по его лицу.

— Дух Элкина, — бормотал Шуга, — я не могу воспользоваться Солнцами, их расположение непостоянно. Остаются только Луны, но они образовали конфигурацию "Грязевая Вонючка". — Он швырнул через поляну огненный шар. — Восьмилунная Грязевая Вонючка, — он подбоченился и закричал в небо: — За что ты меня, Суале! За что? Что я сделал обидного, что ты проклял меня таким неблагоприятным расположением Лун? Разве я не клялся служить тебе всю жизнь?

Но ответа не последовало. Я и не думал, что Шуга ждет его. Он вернулся к своим волшебным атрибутам.

— Ну и ладно. Раз ты подсовываешь мне Вонючку, пусть будет Вонючка. На, Лэнт, поддержи-ка, — и он подтолкнул ко мне большой короб.

Шуга рылся в своем оборудовании, не переставая что-то бормотать. Вокруг него выстроилась странная коллекция заклинающих устройств.

— Для чего все это? — я указал на кучу.

Шуга, казалось, не слышал моего вопроса, продолжая что-то прикидывать в голове, потом принялся складывать приспособления назад в короб.

— Так для чего все это? — повторил я.

Шуга взглянул на меня.

— Лэнт, ты глупец! Это, — он со значением приподнял свой груз, — чтобы доказать чужаку, что нельзя шутить с богами полного живота.

— Мне страшно спрашивать, но все же, что это?

— Заклинания... Тебе остается только подождать и вместе с другими увидеть их действие.

И он целеустремленно зашагал к лягушачьим прудам. Я поспешил за ним. Удивительно, как быстро способны нести Шугу его коротенькие тоненькие ножки.

На возвышении над летающим гнездом уже собралась возбужденная толпа жителей деревни. Когда появился Шуга, люди взволнованно зашептались — слух о том, какое оскорбление нанес ему Пурпурный, разнесся быстро. Собравшиеся напряглись от ожидания.

Шуга игнорировал их присутствие. Он пробился сквозь беспорядочную толпу и сердито направился к гнезду Пурпурного, не обращая внимания на грязь, чавкающую у него под ногами и забрызгавшую край его накидки.

Он трижды, не останавливаясь, обошел вокруг гнезда, осматривая его со всех сторон.

Мне было неясно, то ли он уже начал закливания, то ли еще только прикидывал ситуацию. Какое-то время он простоял, разглядывая нижнюю часть гнезда, напоминая художника, погрузившегося в размышления над чистой шкурой. Затем он быстро и сосредоточенно шагнул вперед и куском мела быстро и решительно нарисовал на боку гнезда Пурпурного рогатый знак.

Заинтересованный задумчивый шепот прошел по толпе.

— Рогатый знак... рогатый знак...!

Это закливание должно было относиться к ведению Ротна-Бэйра — овечьего бога. Собравшиеся стали деловито обсуждать происходящее. Ротн-Бэйр не был особенно могущественным, но особенно раздражительным. Большинство заклинаний Ротна-Бэйра относились к плодородию и собранию пищи. Мало что могло разгневать овечьего бога, но уж если Ротна-Бэйра что-то должно было вывести из себя, то Шуга должен был знать закливание. Толпа гудела от любопытства. Каждый прикидывал, какую форму примет законченное закливание.

Шуга кончил рисовать. Бездумно стряхивая мел с рук, он подошел к топкому берегу реки. Затем принялся расхаживать взад и вперед вдоль него, что-то обдумывая. Неожиданно обнаружил то, что искал и как раз над поверхностью воды. Попытался схватить искомое, погрузив руки в воду без малейшего всплеска. Когда он выпрямился, рукава накидки были

мокрые, а в руке он сжимал коричневого слизняка. Немного погодя я почувствовал омерзительный запах грязевого воипочки.

Запах достиг остальных и по толпе пронесся шепот одобрения. Вражда между Ротн-Бэйром — овечьим богом и Нильном — богом грязевых существ, была хорошо известна даже непосвященным. Очевидно, Шуга задумал заклинание, построенное на взаимной антипатии двух богов.

Моя догадка оказалась верной — я гордился своим практическим пониманием основных заговоров и законов магии.

Грязевой воиочка был разрезан Шугой по брюху. Потом Шуга ловко извлек воиочую железу, поместив ее в костяную чашку. Я узнал чашку, вырезанную и освященную для него мной самим. Она была изготовлена из черепа новорожденного ягненка и посвящена Ротн-Бэйру. Сейчас же он осквернил ее самой отвратительной частью воиочки. И, несомненно, привлек внимание овечьего бога.

Он оставил чашку в сторону и вернулся к воиочке, лежащей в болотной луже, поднял его и умело отрезал голову, даже не вознеся молитву за его душу. Этим он осквернил ее смерть. И, несомненно, привлек внимание Нильна.

Используя мочевой пузырь слизняка вместо чашки, он начал готовить зелье из растертой кости, экстракты голода, сушеной овечьей крови и некоторых других компонентов, которые я не мог определить с такого расстояния. Я подозревал, что все они были предназначены для того, чтобы вызвать дух Нильна, хотя еще не совсем ясно, каким образом.

Шуга осмотрел гнездо сумасшедшего волшебника со стороны, обращенной к реке, а затем принялся широкими полосами наносить водяное зелье на черный бок гнезда, рисуя решетку из одиннадцати полос.

Эта часть заклинания должна была разгневать Нильна. Шуга осквернил грязевое существо для того, чтобы прославить величие Ротн-Бэйра — рогатый знак, изображенный на противоположной стороне гнезда.

Он вернулся к костяной чаше с воиочей железой слизняка и с помощью большой кости растер железу в дурно пахнущую пасту. Затем смешал ее с овечьей кровью, порченной водой и зеленоватым порошком из своего ранца. Я узнал порошок — это был экстракт страха, обычно используемый там, где желательно могущественное заклинание. Его получали из раздробленных копыт животных. Надо было пожертвовать шесть овец, чтобы получить его небольшое количество, которое Шуга добавил сейчас к своему зелью. Нагнувшись к нижней части гнезда, Шуга начал изображать знакомый символ поверх мелового рисунка рогатого знака. Это был знак Нильна — диагональная полоса с двумя пустыми кругами с каждого края.

Толпа оценивающе затаила дыхание. Присутствовать при таком оригинальном нанесении заклинания доставляло истинное наслаждение. Не удивительно, что его прозвали Шуга-Высокий. Ротн-Бэйр не мог позволить долго просуществовать подобному ужасному оскорблению своих овец. И Нильн — бог грязевых существ — недолго будет благодушеествовать, если грязевые вонючки будут приноситься в жертву Ротн-Бэйру.

Бражда двух богов проявлялась всякий раз, когда овец гнали к воде. Овцы неаккуратны и неуклюжи. Когда они топчутся на берегу, то давят множество лягушек, змей, ящериц, хамелеонов и прочих амфибий, которые живут в грязи. В то же время многие из наиболее опасных живых существ, ядовитых и клыкастых со злобой нападают на овец, раня им ноги, портя шерсть, заражая паразитами, награждая гноящимися язвами, оставляя кровавые следы от сердитых укусов и царапин.

Два бога ненавидели друг друга и в своих разнообразных воплощениях — таких как овцы и грязевые существа — не жалели сил, чтобы уничтожить друг друга при первой же возможности.

Сейчас же Шуга нарисовал оскорбления обоим на одном и том же гнезде. Он осквернил воплощения каждого из них для того, чтобы прославить величие другого. Если Пурпурный немедленно не принесет возмещение, то пострадает от ярости обоих богов одновременно.

Пурпурный заявил, что он в богов не верит. Он отрицал их существование. Он отрицал их власть. Он утверждал, что выше магии Шуги.

Я надеялся, что вернется он вовремя, чтобы увидеть действие заклинания.

Я пошел с Шугой вниз к реке и помог ему в ритуальном очищении. Ему было необходимо очиститься от следов проступка против обоих богов, иначе он пострадал бы от собственного проклятия. Боги иногда близоруки. Я окропил его шестью различными маслами, прежде чем позволил хотя бы вступить в реку (неразумно обидеть Фолфо-Мара — речного бога).

Мы не успели кончить с очищением, как услышали, что действие проклятия началось. До нас донеслись слитные крики толпы и смутный гул. Шуга завернулся в накидку и поспешил на холм. Я возбужденно последовал за ним.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мы добрались до гребня холма вовремя, чтобы увидеть свирепого барана, яростно бодающего гнездо Пурпурного. Набежало еще несколько баранов и тоже ринулись в атаку на черный шар. Гнев их был в основном сосредоточен на оскверненном знаке Ротн-Бэйра. Казалось, их раздражало

само вещество символа. Запах грязевого вонючки достаточно могуществен, чтобы разъярить любого.

Тяжело дыша, с покрасневшими глазами, бараны сталкивались, пихались, даже били в бешенстве друг друга лбами, только чтобы атаковать ненавистный символ, нанесенный на боку летающего гнезда. При каждом их ударе ужасающий гул эхом разносился по холмам.

И каждый удар сопровождался громким весельем толпы. Я ожидал, что в любой момент кто-нибудь из баранов проломится сквозь стенку этого мрачного жилища — но нет, эти стенки сказались крепче, чем я предполагал. Каждый раз, когда баран ударял в него, гнездо, казалось, на мновение немного приподнималось в грязи и тут же опускалось в нее — это был единственный эффект, который я мог наблюдать. Блея от бешенства, бараны неистовствовали, нападая на оскорбительный рисунок — они являли собой живое воплощение гнева Ротна-Бэйра. Снова и снова бросались они на тусклую черную поверхность.

Старый Харт, вожак, сбил себе оба рога (они сами по себе священные атрибуты, и я скорбел, оплакивая потерю). Несколько других баранов тоже пострадали. Их глаза налились кровью от ярости, ноздри широко раздувались, дыхание вырывалось горячими выхлопами пара, звуки блеяния и фыркания наполняли воздух. Пар поднимался от тел, копыта шлепали по грязи, сминали траву и грязь в сплошную жижу.

Некоторые бараны уже хромали и, пока мы наблюдали, одно из старых животных поскользнулось и покатилося по грязи, столкнулось с двумя другими, свалило их. Все трое оказались под ничего не разбиравшими копытами других баранов. К сердитому фырканию прибавилось хрюканье боли, шум падения и глухой гул, который раскатывался по склону каждый раз, когда на стенку гнезда Пурпурного падали удары. Сила и выносливость животных превосходила все мыслимое, они продолжали карабкаться друг на друга, бодая оскорбительное заклинание.

При каждой новой атаке гнездо приподнималось от земли и грозило соскользнуть вниз по склону, и каждый раз помедлив, оседало назад и выдавливало себе из грязи колыбель. Несколько раз оно придавливало изгибом стенки зазевавшихся животных.

Я чувствовал, как во мне вздымается волна возбуждения — в любой момент гнездо Пурпурного должно было завалиться на бок.

И тут внезапно три барана одновременно ударили в гнездо. Оно, казалось, подпрыгнуло в воздух. В тот момент, когда оно приподнялось из своего углубления, в него ударил еще один баран, как бы продолжая это движение. С громким влажным хлопаньем гнездо вдруг заскользило вниз по склону. Разъяренные бараны ринулись за ним, бодая всю дорогу,

забивая грязь копытами — через все тщательно террасированные лягушачьи садки Лига прошел длинный глубокий шрам. Я вопил от восторга вместе со всеми.

Огромный черный шар врезался в реку с громким чмоканьем и брызгами, у жителей деревни вырвался истощенный крик восхищения.

Молчал только я — ужасающее гнездо ни на сколько не отклонилось от своего правильного вертикального положения. Заметил ли это Шуга? Его хмурость и озадаченность были не меньше моих.

Но гнездо находилось в реке! Бараны, увязая в грязи, скользили по склону, уничтожая то, что еще уцелело от лягушачьих прудов, настигая противника. Чуть ли не весело, они бросились в воду, продолжая наносить удары по жилищу Пурпурного.

Часть из них толпились на берегу, меся грязь. Грязевые вонючки и саламандры в панике копошились под их копытами, к кровавым пятнам на боках обезумевших животных добавились новые оттенки. Раздавленные грязевые вонючки смешивались с овечьей кровью. Невыносимый запах настиг нас на вершине холма вместе с истерическим блеянием и хлопками.

Теперь черное гнездо оказалось в пределах досягаемости Нильна. Пока только Ротн-Бэйр имел возможность отомстить за оскорбление. Сейчас же берега вскипели, точно живые, когда саламандры, ящерицы, крабы, ядовитые змеи и прочие речные создания начали выбираться из грязи и темноты. Они копошились на взбаламученной поверхности и атаковали все, что двигалось, но чаще — баранов.

Бараны продолжали заниматься гнездом, безразличные к обитателям ила, запутавшимся в их шерсти, свисающих с боков, бьющим по ногам. Их когда-то округлые, а теперь изодранные и исцарапанные бока были испещрены красными пятнами, и широкими полосами ила от грязной речной воды. Это зрелище внушало благоговение — овцы и речные создания, вместе атакующие неподвижную черную сферу.

Жители деревни выстроились на гребне холма и радостными криками приветствовали неистовую активность внизу. Один-два пастуха похрабрее попытались было спуститься вниз, к реке, но щелканье клешней крабов быстро прогнало их наверх.

Бараны теперь двигались медленнее, но все же продолжали тесниться вокруг жилища Пурпурного, все еще продолжая толкать его, вскарабкиваясь на тела упавших товарищей. Вода стала розовой. По берегам реки кишели рассерженные грязевые вонючки. Это было зрелище, достойное богов. Толпа продолжала дико веселиться и даже начала распевать хвалебные гимны в честь Шуги. Заводилой был Пилг Крикун.

Гнев баранов начал утихать. Некоторые уже взбирались наверх, скользя и шлепаясь в свою собственную кровь, съезжая назад по илистой почве. Два-три барана ушли под воду и больше не показывались.

Грязевые создания тоже начали успокаиваться — и пастухи, соблюдая осторожность, осмелились спуститься вниз, чтобы позаботиться о своем израненном стаде.

— Красивое заклинание, Шуга, — поздравил я его. — Красивое и такое сильное.

И действительно, по мере того, как взбаламученная пена реки начала спадать, открывая всю степень разорения, некоторые из жителей начали даже ворчать, что возможно, заклинание действительно было слишком сильным. Один из членов Гильдии Советников проворчал:

— Только поглядите на эти разрушения! Это заклинание должно быть запрещено!

— Запретить и оставить нас беззащитными перед врагами? — возразил я.

— Ну, — поправился он, — наверно надо удерживать Шугу от того, чтобы он использовал его против друзей. Он может применять это только против чужаков.

Я кивнул, соглашаясь.

На истоптанной грязи склона лежало мертвыми, по крайней мере, одиннадцать наших овец, грязевые существа беспорядочно копошились на их неподвижных или все еще вздымающихся боках. Четыре барана были втоптаны в землю, другие, подальше, лежали с повернутыми под неестественными углами головами — они сломали себе шею, бодая гнездо Пурпурного. Три тела с открытыми ртами лежали под водой. У уцелевшей части стада на боках и ногах виднелись многочисленные следы укусов грязевых вонючек. Несомненно, большинство из этих укусов позднее станут гноящимися ранами, и еще много баранов умрет по прошествии некоторого времени.

Обитатели ила будут злобствовать еще несколько дней. Будет опасно купаться и, вероятно, овцы еще долго не посмеют вернуться к реке и их придется водить на водопой к горным ручьям. Лягушачьи садки уничтожены полностью, их предстоит еще восстанавливать где-то в другом месте.

Анд, обозрев свой испоганенный склон, сердито стонал и заламывал руки. И наконец, гнездо сумасшедшего волшебника перегородило реку. Вода, встречая препятствие, переклестывала через южный берег бурным потоком. Она уже прокладывала себе новое русло.

Но какое это имело значение. Невелика цена за ущерб, нанесенный чужаку. Принимая во внимание грандиозность задачи, потери были невелики. Мы могли гордиться Шугой. Тогда почему вдруг стало так тихо? Я посмотрел налево и увидел Пурпурного, стоящего на гребне холма.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он стоял там, а вокруг парили его устройства. Все внимание толпы переключилось на него. Пурпурный стоял, уперев руки в бедра и задумчиво смотрел вниз, на свое гнездо. Как долго он уже там?

— Очаровательно, — произнес Пурпурный и начал быстро спускаться по склону. Его устройства запорхали следом. Гнездо торчало посреди реки, похожее на огромное яйцо. Сильный водяной поток огибал выпуклые бока, гневно рассыпая брызги вверх и на утопанный берег. Свирепые грязевые существа пытались вскарабкаться на его тусклую черную поверхность, решительно добираясь до знаков заклинания. Комья грязи, клочья окровавленного меха смазали его края, но магические рисунки Шуги все равно были видны, словно он выгравировал их на поверхности. Гнездо стояло непоколебимо, надменно нацеливаясь носом вертикально вверх. Меня это насторожило. Я искал глазами вмятины на стенках поверженного гнезда чужака. Они определенно должны были остаться от бараньих рогов, но не обнаружил ничего.

Пурпурный зашагал по склону прямо вниз к воде. Ни комочка грязи не прилипало к его необычным сапогам, в отличие от нас с Шугой. Мы были в грязи по бедра. Несколько грязевых вонючек напали на волшебника, когда он вошел в воду. Пурпурный не обратил на них внимания. А твари, казалось, не могли вцепиться ему в ноги. Он остановился под выпуклостью гнезда, и мы ожидали, что он сейчас разразится криками ярости.

Но как ни в чем не бывало, Пурпурный начал коротким инструментом осторожно соскабливать кусочки заклинания Шуги и складывать их в прозрачные мешочки. Его безумное говорящее устройство продолжало передавать его ворчание:

— Очаровательно... сила этих желез секрети, контролирующая функции тела, такова, что я ни с чем подобным раньше не сталкивался. Интересно, возможно ли этот эффект воспроизвести искусственно?

Дважды он припихивался к тому, что соскребал и дважды ронял слово, которое говорящее устройства не могло перевести. Когда он кончил, то окунул руки в воду, чтобы смыть их, ненароком обидев Филомара, обычно доброго речного бога.

Пурпурный вернулся к овальной двери своего гнезда. Оно шло вровень с выпуклой стенкой, но было обведено оранжевой краской, чтобы сделать

ее заметной. Он надавил на квадратную выпуклость, дверь скользнула в сторону, и он исчез внутри гнезда.

Мы ждали. Останется ли он в своем гнезде и будет жить посреди нашей реки?

Внезапно летающее гнездо зажужжало и поднялось футов на двадцать в воздух. Я завопил вместе со всеми — бессильный крик ярости. Гнездо в одно мгновение превратилось из черного в серебряное, должно быть стало невероятно скользким, так как все частицы грязи, кровавые ошметки, остатки заклинаний Шуги начали стекать с его поверхности вниз, и комком грязи шлепнулись обратно в реку.

Гнездо вновь стало черным. Оно горизонтально полстело над землей и мягко приземлилось — на несколько ярдов западнее места, на котором стояло час назад. Только теперь оно возвышалось на краю участка истоптанной грязи, на которой бараны и грязевые существа сражались, чтобы его уничтожить.

Я увидел, как Шуга сел там же, где стоял. Я испугался за свою деревню, за нормальное психическое состояние Шуги и свое собственное. Если уж Шуга не сумел нас защитить от сумасшедшего волшебника, значит все мы обречены.

Жители деревни сердито заворчали, когда из своего гнезда вновь появился Пурпурный. Он нахмурился и спросил:

— Интересно, что вас так разозлило?

И в этот момент кто-то метнул в него копье.

Я не в силах был обвинить парня. Дикие слова, никакие звуки не могли лучше ответить волшебнику.

Юнец, озлобленный до потери рассудка, швырнул свое костяное копье в спину чужаку — без благословения!

Оно тяжело ударило Пурпурного и отскочило, не вонзившись. Пурпурный опрокинулся, но не как человек, а на манер статуи. У меня сложилось странное впечатление, что на какое-то неуловимое мгновение Пурпурный стал твердым как камень.

Но это мгновение прошло. Волшебник тут же вскочил на ноги. Копье, разумеется, не причинило ему никакого вреда. Никто не должен нападать на волшебников с неблагословенным копьем. Теперь мальчишке предстояло предстать перед Гильдией Советников. Если, разумеется, деревня доживет до того времени.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Светила поднялись одновременно, голубое Солнце вырисовывалось внутри огромного, с лохматыми краями малинового диска.

Я проснулся в полдень. Эвакуация уже шла своим чередом. Мои жены и дети успели упаковать уже почти все, хотя боязнь потревожить мой сон сковывала их. Но, хотя под моим присмотром и при соответствующей дисциплине, упаковка пошла быстрее, мы оказались чуть ли не последней семьей, покидающей деревню.

Диск красного Солнца уже низко повис над горами, когда я отстал от процессии своих жен, задержавшись возле гнезда Шуги.

Шуга выглядел усталым, но, удивительно, глаза его были живыми и веселыми, а пальцы двигались будто сами по себе, завязывая на кожаном ремешке магические узлы. Я достаточно хорошо знал его, чтобы не приставать с разговорами, когда он был весь сосредоточен на дуэли.

Хотя никакого официального заявления Пурпурный и не делал, но это была уже дуэль. Возможно, Пурпурный надеялся, что если дуэль до сих пор и не объявлена, то Шуга так и будет мирно посиживать и позволять ему вести похожие на дуэль действия.

Но я — то хорошо знал Шугу. Яростный жар, горящий в его глазах, подтверждал то, о чем я и остальные жители деревни уже догадывались. Шуга не успокоится, пока в деревне, без сомнения, не будет только одного волшебника.

Я поспешил за женами. С таким грузом нам придется идти даже ночью. Я даже снял путы с женщин, чтобы они смогли двигаться побыстрее — не стоило недооценивать серьезность положения.

К тому времени, когда над головой повисли Луны, мы добрались до цели. Большинство семей разместилось на террасах, вытянувшихся вдоль длинного покатого склона, нависающего над рекой и рощей домашних деревьев, на которых находилась наша деревня.

Лагерь предоставлял собой беспорядочное сборище навесов и палаток, дымных костров и кричащих женщин, толчею мужчин и мальчишек. Навозные жуки уже деловито копошились под ногами: прежде чем успели выбрать место, многие из моих отпрысков уже растворились в темноте и суматохе.

Хотя ночь давно настала, спали немногие. Феерический лунный свет создавал сумрак ни красный и не голубой, а прозрачно-серый — странное полуреальное время, ожидание следующего шага дуэли. Лагерь наполняло почти что радостное оживление.

Откуда-то из-за стойбища холостяков доносилась перебранка игроков в кости и отдельные победоносные крики, когда кому-то из играющих удавалось выиграть кон. Чтобы удовлетворить низшие классы, многого не требуется.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

А утром нас поджидал неприятный сюрприз.

Мы с Хинком стояли на краю лагеря, глядя со склона вниз на деревню, и обсуждали предстоящую дуэль, когда услышали неясный далекий хлопок — точно Элкин откашлялся.

— Погляди, — сказал Хинк. — Шуга уже начал.

— Нет, — покачал я головой, — думаю, он только разогревается. Похоже на подготовительное заклинание, или что-то в этом духе, попытка привлечь внимание богов.

— Достаточно энергичное привлечение внимания, — ответил Хинк. Я кивнул.

— Дуэль будет неистовая. Я думаю, не пора ли нам двигаться дальше?

— Если мы еще не выбрались из опасной зоны, уважаемый Лэнт, то у нас уже не осталось времени, чтобы уйти, — проговорил Хинк. — Даже бегом, даже под угрозой смерти. И даже если ты и прав, нам не уговорить остальных. Они слишком устали.

Он, конечно, был прав, но прежде чем я успел ответить, нас отвлекла толпа женщин, истерически несущихся по лагерю со всей скоростью, которую позволяли им спутанные ноги. Они выкрикивали имя Пурпурного.

Я перехватил их и ударом кулака призвал к порядку свою третью жену.

— Что с вами случилось? — потребовал я ответа.

— Сумасшедший волшебник! — заголосила она. — Он надумал заговорить с женщинами!

— Сумасшедший волшебник здесь?!

Она испуганно закивала.

— Он перенес свое гнездо к источнику, в котором мы моемся... и пробовал с нами говорить. Он хотел знать, почему мы ушли.

Может ли мужчина так не уважать себя? Заговорить с женщинами! Даже от ненормального волшебника такого трудно было ожидать. Я пробился сквозь нервно кружащуюся толпу женщин, мужчин, расспрашивающих своих жен, отпрысков, требующих внимания. Пока я добирался до ручья, некоторые из мужчин разузнали в чем дело и присоединились ко мне. Они тревожно перешептывались. Пилг громко причитал:

— Не убежать нам! Дуэль следует за нами. Увы! Увы!

Все осталось так, как и говорили женщины. Пурпурный перенес свое гнездо на новое место, как раз за лагерем, возле источника, который женщины выбрали себе для умывания. Огромное черное яйцо стояло закрытым, волшебника нигде не было видно.

Мужчины (кроме меня и Хинка) выжидали ровно столько, чтобы убедиться, что женщины говорили правду. Затем они развернулись и умчались в лагерь.

Хинк и я обменялись безмолвными взглядами. Почему Пурпурный последовал за нами? Может быть он бежит от дуэли? Я никогда ни о чем похожем раньше не слышал. Что ему понадобилось от жителей деревни?

Я осторожно обошел гнездо. Оно было таким же, как и в ту страшную ночь, когда я впервые увидел его. Я подкрался поближе. На земле остались неглубокие отпечатки от странных сапог Пурпурного. Но где же он сам?

Неожиданно раздался все тот же громохочущий голос:

— Лэнт! Как раз ты — то мне и нужен!

Для Хинка это было уже слишком. Он повернулся и умчался вниз по склону, вслед за остальными. Я очень хотел присоединиться к остальным, но и очень хотел выяснить, что же замышляет волшебник.

Дверь гнезда скользнула в сторону и показался Пурпурный. Чудная, с брюшком фигура казалась беспокойной, на голом лице — пугающая усмешка... Он направлялся ко мне, словно я был его старым другом. Говорящее устройство плыло следом.

— Лэнт, — сказал он, подойдя ближе. — Может быть ты мне сможешь объяснить, почему вы перенесли деревню? То место было намного приятнее.

Я с любопытством поглядел на него. Может ли быть, чтобы он не знал о дуэли? Можно ли быть таким наивным? Ну что же, так даже лучше — его неведение пойдет на пользу Шуте. Я определенно не должен ничего объяснять ему. Какое дело обыкновенному смертному до дел волшебников. Не хочу я ни во что впутываться. Поэтому я только кивнул:

— Да, то место было лучше.

— Тогда почему же вы там не остались?

— Мы надеемся вскоре вернуться, — ответил я. — После соединения.

Я указал на Солнце, где одно наложилось на другое. Голубоватая точка Оуэlsa пристроилась у нижнего края малинового диска Вирн-са.

— О, да, — согласился Пурпурный, — очень впечатляюще.

Он обернулся и восхищенно уставился на землю позади себя.

— И к тому же это делает такими красивыми тени!

— Очень красивыми... — я замолчал, не закончив фразы. Тени были черными и голубыми, каждая с кровавой каймой: постоянное напоминание

о времени ужаса, нависшего над ними. Или человек этот бесстрашный... или глупый. Я промолчал.

— Очень красиво, — повторил Пурпурный. — Прямо—таки изумительно. Ладно, я останусь здесь с тобой и твоими людьми. Если я могу чем—то вам помочь...

Все внутри меня сжалось и умерло.

— Ты... ты собираешься остаться здесь?

— Да, думаю, что так. И вернусь в деревню, когда вы все вернетесь. А пока воспользуюсь случаем потратить денек—другой на исследование горных районов.

— О! — произнес я.

Тут он, казалось, потерял ко мне всякий интерес, повернулся и направился к своему гнезду. Я подождал, чтобы посмотреть, как он заставляет дверь сдвигаться в сторону.

Меня это озадачило с тех пор, как я впервые увидел его, проделывающим этот фокус. Это была серия ударов по стенке гнезда. Он выстукивал их в быстром и четком ритме.

Я предполагал, что серия ударов является своего рода заклинанием для того, чтобы дверь открылась, но все происходило для меня слишком быстро, чтобы запомнить последовательность.

Пурпурный вошел внутрь, дверь закрылась, и он исчез.

Я угнетенно поспешил обратно в лагерь, точнее в то, что еще осталось от лагеря.

Жители покидали свои самодельные домики, готовясь спастись бегством. Мужчины поспешно паковали походные ранцы, женщины сзывали малышей. В толпе возбужденно сновали дети и собаки, поднимая пыль, сшибая цыплят и жуков—мусорщиков.

Охваченные паникой семьи уже двинулись по террасе, по склонам, вниз, в стороны, куда угодно, лишь бы подальше от Пурпурного, ненормального волшебника, который принес с собой столько несчастий. Мои собственные жены стояли и нервничали поджидая меня. Первая и вторая пытались успокоить третью, которая едва владела собой.

— Он хотел говорить со мной! Он хотел говорить со мной!

— Это не твоя вина, — сказал я ей. — Я не стану тебя наказывать за это прегрешение. Ты правильно сделала, что убежала.

Мои слова оказали немедленный успокаивающий эффект на испуганную женщину, быстрее чем все уговоры и поглаживания двух других жен, еще раз доказав, что только мужчина может справиться с необычной ситуацией.

— Поднимайте тюки, — приказал я. — Пора отправляться.

— Уже идти? — переспросила одна из них. — Но мы ведь только пришли.

— Нам нужно снова уходить, — заявил я. — Прежде чем это место будет проклято. Скотские манеры безумного волшебника заслонили от тебя подлинную опасность. Шута последует за Пурпурным сюда. А теперь поднимайте тюки, или я побью вас троих.

Жены выполнили все, что было им приказано, но не без слабого ропота. Даже когда я решился снять с их пути, чтобы ускорить движение, они продолжали слабо ворчать — и не без причин. Пурпурный легко и бездумно перечеркнул все наши усилия всего лишь несколькими мгновениями полета.

За какой-то час лагерь опустел. Когда мы спускались с холма, мне показалось, что я вижу Пурпурного, бродящего как неприкаянная душа среди брошенных навесов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы оказались единственной семьей, вернувшейся в деревню. Куда убежали остальные, я не знал. Вероятно, южнее, за пределы района. Должно быть они потеряли всякое желание поглядеть на дуэль, даже на расстоянии. Теперь они старались просто спасти свою шкуру.

В блекнувшем дневном свете мы осторожно приближались к деревне. Голубое Солнце исчезло за краем мира, осталась лишь округлая выпуклость красного. От его света как бы наполнялся огнем туман, поднимавшийся от дальних болот.словно вся западная сторона мира воспламенилась. Я чуть ли не ощущал запах горелого в воздухе, запах несчастья в вечернем свете. Я оставил жен возле гнезда — гнезда, к которому, как я думал, мы больше не вернемся — и направился к гнезду Шуги. Я нес с собой сверток с едой для него — пожалуй что последней его едой. Идя по деревне я мог видеть многочисленные следы его заклинаний. Некоторые из наших величественных домашних деревьев тут и там лежали на боку, точно вырванные из земли громадной силой. Другие, казалось, высохли и умерли прямо на месте. Повсюду на земле валялись гнезда с расколотыми стенками. Исчезли животные — мусорщики, не слышно было ночных птиц. Деревня была пуста, если не считать конечно меня, моих жен и, естественно, Шуги. Деревня вымерла.

Даже если Шута выиграет дуэль, то в эту деревню вернуться никто не сможет, или не захочет. Ее стабильность, надежность оказалась почти уничтоженной.

Все вокруг было безмолвным и угнетающим. Когда я подошел к гнезду Шуги, под ногами закрипела мертвая трава. Я осторожно постучал по стенке.

Когда Шуга появился, я онемел от изумления и ужаса. Шуга стал серым и изможденным, под глазами появились новые круги, а кожа была расцвечена красными пятнами, словно он оказался близко от своего собственного проклятия.

Но еще больше меня испугало то, что Шуга обрил свою шерсть. Теперь он был совершенно голым и безволосым — страшная карикатура на свихнувшегося волшебника.

Шуга приветствовал меня слабой улыбкой, благодаря за появление. То, что в ночь перед дуэлью жители деревни накрывают стол для своего колдуна — было традицией. Но все остальные разбежались, и поэтому этот долг пал на меня одного.

Я стоял молча, ждал и прислуживал ему, реагируя на каждый жест или желание. Пищи было много, все самое лучшее, что мне удалось приготовить при таких обстоятельствах. Шуга, казалось, ничего не замечал. Он ел неторопливо, смакуя каждый кусок. Выглядел он усталым, руки подрагивали при каждом движении. Но он ел добродушно.

Когда он отложил костяную палочку для пищи, Солнце давно скрылось на западе. Луны еще не появлялись. Шуга двигался медленно, но было ли в том повинно истощение или ситуация, определить не представлялось возможным.

— Где остальные? — спросил он.

— Сбежали.

Я объяснил, что случилось. Шуга слушал внимательно, порой выхватывая приглянувшийся ему кусок из стоящей перед ним чаши.

— Я не ожидал, что чужак переедет, — пробормотал он. — Поступок плохой, но умный. Теперь мне придется изменить заклинания, чтобы учесть этот новый фактор. Ты сказал, что он попытался заговорить с женщинами? — И он впился зубами во фрукт.

Я кивнул.

— С моей третьей женой.

— Тьфу! — Шуга с отвращением выплюнул семена. — У человека нет вкуса. Если мужчина падает так низко, чтобы заговорить с женщиной, он мог бы, по крайней мере, выбрать женщину достойного противника.

— У тебя нет женщин, — напомнил я ему.

— И все-таки этим он нанес мне оскорбление, — не сдавался Шуга.

— Возможно, он знал кое-кого получше. Но помнишь, он говорил, что обычаи его родины сильно отличаются от наших.

— Невежество могло бы оправдать его плохие манеры, — проворчал Шуга, — но только безумием можно объяснить его прегрешения против здравого смысла.

— Говорят, безумец обладает силой десятиерых.

Шута посмотрел на меня.

— Я знаю, что так говорят. Я и сам много раз так говорил.

Мы посидели молча. Немного погодя я спросил:

— Как ты думаешь, что будет завтра?

— Будет дуэль. Один победит, другой проиграет.

— Но кто? — настаивал я.

— Если бы можно было наверняка сказать, кто из волшебников победит, не было бы необходимости в дуэлях.

Мы опять посидели молча. Впервые Шута упомянул о дуэли с каким-то привкусом сомнения. Раньше он всегда высказывал уверенность в своих способностях и скептически относился к могуществу Пурпурного. Было ясно, что дуэль начала оказывать свое влияние еще до того, как было произнесено первое проклятие.

— Лэнт, — неожиданно произнес Шута, — мне потребуется твоя помощь.

Я удивленно уставился на него.

— Моя?! Но я не ничего не смыслю в магии. Ты сам говорил мне, что я глупец, несчетное количество раз. Мудро ли рисковать таким важным начинанием из-за участия...

— Прекрати, Лэнт! — сказал он мягко. Я замолчал. — Все, что от тебя потребуется, это помочь перенести волшебное оборудование наверх, к гнезду Пурпурного. Нам потребуется два велосипеда, или выючное животное. Я не могу перенести все сам.

Я облегченно вздохнул.

— О, конечно, в таком случае...

Меньше чем через час мы пустились в дорогу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

До расположения лагеря мы добрались почти на рассвете. Брошенные насесты и укрытия стояли пустыми, напоминая ночью страшный город мертвых. Я заметил, что дрожу.

Мы молча проехали через него и остановились на склоне, как раз возле источника. Было слышно, как он беззаботно журчит в темноте.

Стараясь двигаться по возможности тихо, мы пробрались к краю холма. Я затаил дыхание, пока мы не взобрались выше, и только тогда вздохнул с облегчением. Да, гнездо было на месте.

Я подумал, что заплакал бы горькими слезами, если бы оно оттуда исчезло. Я был бы уверен, что это убило бы Шугу. Потрясение от того,

что враг таким манером сбежал от него, от крушения его планов, было бы слишком велико.

Мы прокрались назад в покинутый лагерь, чтобы там дожидаться рассвета. Мне очень хотелось спать, но Шуга дал мне зелье для бодрости, чтобы ему не было скучно в одиночестве, как сказал он. После этого он начал раскладывать свое оборудование, сортируя его.

— Если бы только я мог захватить его врасплох, — пробормотал он, прекратив смазывать металлический нож. — Если бы существовал какой-нибудь способ отвлечь его подальше от гнезда...

— Это ни к чему, — выпалил я, — он, вероятнее всего, и сам уйдет. Он снова начал свои опыты. Он сам это сказал, когда я с ним говорил. Он намерен исследовать гряду гор.

— Ха, — произнес Шуга, — это удача. Надеюсь, он намерен исследовать гору таким же способом, как и деревню, когда ушел из гнезда чуть ли не на целый день.

— А почему бы и нет? да и что случится, если он вернется раньше, чем будет наложено проклятие?

Будем надеяться, что не вернется.

— А ты что-нибудь сделать сможешь?

Шуга помедлил, немного подумал, потом начал шарить в своем ранце. Достал небольшой мешочек с порошком и пучком каких-то трав.

— Иди и рассей эту пыль вокруг гнезда. Это очень мелкая пыль, она будет плавать в воздухе часами. Если он надышится ею, то почувствует неистребимое желание чего-нибудь добиться, и он не вернется до тех пор, пока его желание не будет удовлетворено.

— А как же я?

— Для этого трава и предназначена. Когда закончишь с порошком, то возьми половину травы и жуй как следует. Когда во рту станет горько, то проглоти, но не раньше. Остатную траву принеси сюда, чтобы я тоже смог пожевать. Это сделает нас обоих невосприимчивыми к воздействию порошка.

Я кивнул, потом прокрался на холм и сделал все, что велел Шуга. Когда я вернулся к нему, он как раз заканчивал раскладывать оборудование. С одним пухлым мешочком он обращался особенно осторожно.

— Растертый волос волшебника, — объяснил он мне.

Я не осуждал его за эту осторожность. Он слишком много пожертвовал, чтобы напоить этот мешочек. Его сжавшееся, выбритое тело дрожало от холода.

Неожиданно лицо его исказилось от тревоги.

— Я уверен, что власть Пурпурного связана каким-то образом с его гнездом. Я должен как-нибудь проникнуть в него. Это единственная часть проклятия, в которой я сомневаюсь. Я должен попасть в его гнездо.

Мое сердце подпрыгнуло.

— В этом я могу тебе помочь, — чуть ли не закричал я, но тут же спохватился и понизил голос. — Сегодня... я хочу сказать вчера (так как рассвет уже быстро приближался) я стоял достаточно близко от Пурпурного, чтобы видеть, как он проделявает свое заклинание для двери.

Шуга чуть ли не бросился на меня.

— Лэнт, ты глупец! — но тут он сообразил, что надо говорить потише.
— Почему ты мне раньше не сказал об этом, — прошипел он.

— Ты меня не спрашивал.

— Ладно, а теперь я спрашиваю, как оно действует?

Я рассказал, то что видел, про серию ударов по стенке гнезда, которые Пурпурный отстучал в определенном порядке, про то, что дверь после этого немедленно открылась.

Шуга слушал внимательно.

— Очевидно, последовательность, с которой он касался стенки, управляет заклинанием. Подумай, Лэнт! Какого места он касался?

— Этого я не видел, — признался я.

Шуга выругался.

— Тогда зачем ты надоедаешь мне рассказами о том, как открыть дверь, если сам этого не знаешь. Лэнт, ты глупец!

— Я сожалею... но это происходило так быстро. Если бы я только мог вспомнить... если бы я мог увидеть это еще раз...

— Не исключено, — пробормотал Шуга. — Не исключено... Лэнт, ты когда-нибудь подвергался заклинанию, раскрывающему память?

Я покачал головой.

— Это заклинание большой силы. Его можно использовать для того, чтобы ты мог вспомнить то, что забыл.

— Гм, это опасно?

— Не больше, чем любое другое заклинание.

— Ладно, — сказал я, поднимая велосипед. — Желаю тебе счастливой дуэли, Шуга. Увидимся, когда она...

— Лэнт, — ровно произнес Шуга, — если ты сделаешь еще один шаг, я включу наряду с именем Пурпурного и твоё имя...

Я тут же опустил свой велосипед на землю. Только этого мне еще не хватало для полного счастья!

Мои чувства, должно быть, ясно выразились на лице, потому что Шуга сказал:

— Да не бойся ты так. Я сделаю все, чтобы тебя защитить. Ты неожиданно стал очень важной частью этой дуэли. Знания, скрытого в твоей памяти, может быть как раз и не хватает для успеха.

— Шуга, но я же глупец! Ты настолько часто говорил это, что это не может не быть правдой. Я с этим согласен. Я глупец. Ты не мог ошибиться в своем суждении обо мне. Какая же польза от меня может быть?

— Лэнт, — произнес Шуга, — ты не глупец. Поверь мне. Иногда из-за своей нетерпимости я склонен к поспешным высказываниям. Но касательно тебя у меня всегда было самое высокое мнение. Лэнт, ты не глупец.

— Нет, я глупец, — настаивал я.

— Ты — нет! — возразил Шуга. — К тому, же здесь не требуется никаких особенных интеллектуальных качеств, чтобы вспомнить те простые операции, которые ты описал. Даже такой идиот, как ты, может это сделать.

— Ах, Шуга, думай что хочешь, а мне, пожалуй, позволь вернуться к семье.

— И пусть другие мужчины деревни считают, что ты трус?

— Это не такой уж большой груз, я его вынесу...

— Никогда! — перебил меня Шуга. — Никогда ни один из моих друзей не будет заклеимлен пятном труса! Ты останешься здесь, Лэнт! Можешь мне поверить, здесь, со мной! И ты будешь благодарен мне за то, что я, как твой друг, о тебе позабочусь.

Он опять склонился над оборудованием, разложенным на земле. Я вздохнул, смирившись, и присел на землю, ожидая дальнейшего развития событий.

Рассвет уже забрезжил на востоке. Шуга повернулся ко мне.

— Твое участие будет минимальным, Лэнт. Нет причин бояться...

— Но опасность...

Он жестом заставил меня замолчать.

— Никакой опасности, если ты в точности будешь следовать инструкции, которые я тебе дам.

— Я буду следовать твоим инструкциям.

— Хорошо. Тогда никакой ошибки не предвидится. Даже малейшая ошибка может стоить нам жизни.

— Но ведь ты только что сам сказал, что никакой опасности не будет...

— Конечно не будет, если ты будешь следовать инструкциям. Большая часть тяжелой работы уже выполнена. Не забывай, чтобы составить уравнение, мне было необходимо приготовить составные части. Я должен был разработать символику, чтобы заставить различные мистические

формулы и спадобья действовать. Все, что предстоит тебе, это разместить их в соответствующих местах и в соответствующее время.

— Я думал, что все, что я тебе должен был помочь сделать, это открыть гнездо...

— Конечно. Но раз ты будешь рядом, то можешь помочь и в остальном.

— О—с! — выдохнул я.

— И что бы ты не делал, ты не должен пытаться со мной заговорить. Это очень важно. Как только Солнце взойдет, мы начнем, а как только мы начнем, мне нельзя будет отвлекаться. За исключением тех моментов, когда это будет необходимо для проклятий. А так вообще я не буду разговаривать. Ты понял?

Я кивнул.

— Хорошо. Теперь слушай. Есть еще одна вещь. Вещь очень важная. Это не относится к проклятию, Лэнт. Но для своей же собственной безопасности, ты должен быть очень внимательным, чтобы не леснерить.

— Леснерить? — переспросил я. — Что это значит — "леснерить"?

Но вместо ответа Шута указал на восток. Над холмами густо-голубыми сполохами пробивался день. Шута опустился на колени и забормотал. Проклятие началось.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Первым шагом было самое тщательное ритуальное очищение, чтобы мы не могли загрязнить проклятие каким-нибудь давно забытым заклинанием.

Затем шло освящение, молитва о покровительстве, обращенное к Солнцам, Оуэлсу и Вирну, к Лунам всем одиннадцати — сейчас они образовали конфигурацию Экке-Человек (этот человек так хорошо служил богам, что сам стал богом).

Другие молитвы были посвящены речному богу и богам ветра, богам силы и магии, разума, хищным птицам, дуэлям прошлого, настоящего и будущего, небес, морей и приливов. И, конечно, Элкну — богу грома. Мы произнесли молитвы всем им и просили благословить наши старания. Мы просили винить чужака, а не нас за нанесенные им оскорбления. После чего мы произвели очищение снова.

Затем отогнали колдовское оборудование и начали карабкаться вверх по склону, туда, где поджидало нас жилище свихнувшегося волшебника. Туман, покрывший на рассвете все низины под нами, исчезал по мере того, как выше поднимались оба светила. Массивное красное Солнце придавало туману розоватый цвет, а крохотное голубое заставляло его быстро испаряться. Теперь мы могли видеть на многие мили вокруг.

Мы медленно вобрались на возвышенность. Немного ниже, на противоположной стороне виднелось черное гнездо волшебника, утрумо и угнетающе поджидающее нас в утренней тишине. Оно стояло закрытым. Но вот пустое ли оно?

Я хотел спросить Шугу, что нам делать дальше, но его последние наставления так меня напугали, что я даже боялся дышать без разрешения. Шуга, должно быть, почувствовал мою растерянность, так как сказал:

— Теперь мы подождем...

Солнце поднялось еще выше в небе. Остатки тумана развеялись. Яйцо продолжало безмолвно стоять на площадке. Единственным звуком, нарушавшем утреннюю тишину, было журчание источника.

Дверь гнезда внезапно открылась, и появился Пурпурный. Он неторопливо потянулся, сделал глубокий вдох, с шумом выдохнул. Я подумал, плавает ли еще в воздухе возбуждающий порошок. Если он все еще сохранился в воздухе, то теперь Пурпурный до предела наполнил им свои легкие. Хотя никакого эффекта не наблюдалось, пока он закрывал свое гнездо. Если порошок действовал, то слабо.

Мы затаили дыхание — Пурпурный начал подниматься по склону холма. Вскоре он исчез за его вершиной, а мы остались одни, взирая на гнездо. Шуга встал и энергично направился к нему, и я тут же, не мешкая, последовал за ним, но совсем не так охотно. Шуга внимательно осмотрел гнездо, трижды обойдя вокруг и, наконец, остановился возле оранжевого овального контура, обозначающего вход.

Первый шаг был самым важным и критическим. Шуге предстояло войти в гнездо Пурпурного. Если он этого не сумеет, то все остальные тщательные приготовления окажутся напрасными. Он окажется не в состоянии завершить заклинания.

Поэтому теперь все зависело от заклинания, возвращающего память...

Шуга поместил меня на том же самом месте, на котором я стоял, когда наблюдал за тем, как Пурпурный открывает свое гнездо. Затем он достал стеклянное устройство, поднес к моим глазам и приказал смотреть на него.

Я подумал, что напряжение последних дней оказались для моего друга чрезмерными. Внутри стеклянного устройства я не увидел никаких ответов. Но я сделал так как он приказывал, продолжая внимательно пялиться вовнутрь. Шуга своим высоким каркающим голосом начал произносить что-то мягкое, медленно, нараспев. Я попытался было сосредоточиться на его словах, но стеклянный предмет мерцал и светился перед глазами, мешая сделать это.

Я не мог сфокусировать взгляд на устройстве. Оно, казалось, таяло и исчезало, хотя Шуга продолжал держать его передо мной. Я попытался

было следовать за устройством глазами, когда оно уплывало из вида, но оно было быстрее. Звуки голоса сплетались со световыми вспышками, они вместе, казалось, вращались и сворачивались, смешивались и распадались... и мир стал...

Неожиданно я очнулся.

Ничего не произошло.

Заклинание, раскрывающее память, не удалось.

Я ничего не вспомнил. Я раскрыл было рот, чтобы сказать это, но Шуга остановил меня.

— Ты сделал все замечательно, Лэнт, просто замечательно.

Я удивился, не понимая о чем он говорит, но Шуга уже опять возился со своим оборудованием. Движения его стали уверенными, почти что веселыми. Он нашел, что искал — кусок мела и принялся рисовать магическую формулу на квадратной выпуклости возле двери. Не прекращая своего занятия, он сказал:

— Ты рассказал мне почти все, что необходимо знать, Лэнт. Почти все. Остальное я должен понять сам.

Я пожал плечами и присел, наблюдая.

Шуга, скорее всего, знал, что делает. Он уселся, подогнув ноги перед дверью и начал заклинание, вводящее его в транс. Шуга сидел неподвижно, слышались лишь его тонкий пронзительный голос и журчание источника.

Солнце взбиралось все выше на небе, Оуэлс словно голубовато-белый алмаз сверкал на потускневшем краю Вирна. Так много предстояло сделать и так мало времени оставалось! Долго ли еще будет отсутствовать Пурпурный? Успеем ли мы закончить заклинание вовремя?

Шуга продолжал сидеть, неподвижный и молчаливый. Его глаза стали тусклыми. Время от времени он хмыкал, но ничего не говорил. Я почувствовал, что потею.

Может ли Пурпурный бросаться красными огнями в человека?

Наконец, когда я начал опасаться, что Шуга так никогда и не заговорит, он поднялся, шагнул к этой выпуклости и как-то по особенному прикоснулся к ней.

Ничего не произошло.

Шуга повторил попытку. И опять ничего не произошло. Он пожал плечами, вернулся на прежнее место и снова погрузился в транс. Последовало ожидание еще более длительное. Следующий раз Шуга приближался к двери осторожно и медленно. Он заново отстукал серию ударов по выпуклой поверхности гнезда, но в другой последовательности.

Но снова ничего не произошло.

Шуга вздохнул и опять принял сидячее положение. Я начал бояться, что так мы можем провести целый день, стараясь войти в гнездо Пурпурного, и у нас не останется времени для проклятий. Фактически, я уже распростился со всеми надеждами выполнить стоящую перед нами задачу, когда Шуга поднялся снова. Он медленно подошел к гнезду, долго глядел на выпуклость, затем начал постукивать по ней в особо тщательной и аккуратной манере.

И дверь гнезда открылась.

Шуга позволил себе улыбнуться, но только слегка. "Я так и знал", — говорила улыбочка.

Предстояло еще много работы.

Мы быстро собрали оборудование и внесли его в жилище Пурпурного.

Стены гнезда светились сами — странный, как и сам Пурпурный, коричнево-желтый свет. Из-за него мои глаза стали неправильно воспринимать цвета. И только по мере того, как глаза привыкли, я смог оглядеться и увидел, что гнездо обставлено как ни одно другое. Повсюду виднелись крохотные светящиеся глазки, шишки и выпуклости, похожие на выпуклости возле двери.

В самом центре находилась зигзагообразная мягкая кушетка — подходящее ложе для демона. Как раз напротив нее на стенке гнезда был расположен ряд плоских пластин, напоминающих окна, но бесконечно более прозрачных — точно отвердевший воздух! Действительно, гнездо в целом являло самую искусную работу, которую я когда-либо видел.

Шуга внимательно разглядывал пластины, напоминающие окна. В одних виднелись участки местности вокруг гнезда. Другие показывали странные разноцветные картины, тщательно прорисованные линии и кривые — очевидно, заклинания демона. Шуга указал на одно из них и спросил:

— И ты все еще думаешь, что он не пользуется магией?

Но тут же вспомнив свое собственное приказание воздержаться от болтовни, замолчал.

Это предписание, очевидно, было не слишком строгим, так как сам Шуга не переставал бормотать все утро. Вероятно он предостерегал от разговора только меня, потому, что боялся, что я стану отвлекать его. Ну, насчет этого он мог бы и не беспокоиться. Я слишком уважаю Шугу, чтобы приставать к нему с расспросами посреди заклинания.

Я открыл было рот, собираясь сказать ему это, но Шуга жестом остановил меня.

Рядом с мягким предметом находилось растение — оно как раз подходило к обстановке такого гнезда. Я лично такого растения никогда не видел. Формой оно напоминало белую розу, но его цвет — может ли

зеленый цвет быть таким? Листья сверкали словно галлопцинация. Зеленый цвет — цвет темный, близкий к черному, а тут он казалось сверкал так же ярко, как красный или голубой. Я прикоснулся к растению, ожидая, что оно окажется таким же нежным, как и все известные мне, но тут же отдернул руку от неожиданности. Листья были жесткими, словно неободранная шкура. До чего же должно быть странен мир откуда пришел Пурпурный! Я подумал об этом и тут же понял, что во многом слишком стал верить безумному волшебнику. Это растение должно быть из тех, которые мне знакомы. Просто Пурпурный его проклял. Я переключил внимание, начав отыскивать дверь, ведущую в помещение наверху. Но ничего такого не нашел. Очевидно в гнезде было только одно отделение. А остальное его в немалом объеме, должно быть занимали магические устройства. Шуга оказался прав во всем!

Но до чего же тесное это гнездо, едва хватает места, чтобы поместиться вдвоем.

Шуга раскрыл свой ранец, разложил оборудование на полу и принялся последовательно раскладывать материалы, которые ему понадобятся в первую очередь. Словно ему приходилось проклинать летающие гнезда каждый день.

Он остановился, поскреб пальцем щетину на подбородке и начал сверяться с контрольной схемой — куском пергамента, который достал из ранца.

— Да, — произнес он, решившись после недолгой паузы. И достал металлический нож, который уже я раньше видел. — Мы начнем с осквернения металла.

Он поплевал на нож и начал вырезать им на поверхности пола. Точнее, попытался это сделать, нож не втыкался. Нахмурившись, он надавил сильнее. Кончик ножа обломился. Затем лезвие раскололось пополам.

Шуга без комментариев вернул остатки ножа в ранец и опять углубился в список. На этот раз он взял мешочек с красным порошком — пылью ржавчины, отсыпал немного на руку, и подул. Бурое облако наполнило помещение. Я закашлялся, и Шуга бросил на меня свирепый взгляд.

Где-то возник жужжащий звук. Затем ветер пробежал по гнезду, шевеля мои волосы и одежду. Я испуганно взгляделся — не поймал ли Шуга бога ветра? Пока я озибался, красноватая пыль исчезла из воздуха. Потом ветер прекратился, но и пыль пропала вместе с ним. Не осталось даже тонкого красноватого налета на полированных стенах. Странно. Но Шуга не унывал. Он опять уставился на свой список.

Неожиданно Шуга выбросил шар огня из-под накидки. Потом еще и еще, швыряя их в стены, потолок, пол. Шары прилипали там, где касались поверхности, исходя искрами и маслянистыми дымами.

Послышался свистящий звук, из отверстий в потолке ударили струи воды. Они били точно по огненным сгусткам. В доли секунды превратив их в пепел. А затем, когда Шуга швырнул из-под накидки еще один шар, все они нацелились в Шугу.

Когда вода прекратилась, Шуга уронил промокший ком на пол. Роняя капли он достал подмоченный список и опять сверился с ним. Вода стекала с него вниз и куда-то девалась.

Я почувствовал, как надежды мои уменьшаются вместе с водой. Шуга сделал три отдельные попытки и все они скончились неудачей. Магия ненормального волшебника оказалась слишком сильной. Мы были обречены прежде чем начали.

— Так, — проговорил Шуга, — все идет хорошо.

Я не верил своим ушам. И я даже осмелился спросить:

— Все идет — как?

— Лэнт, ты невнимателен. Это же очевидно. Гнездо снабжено очень активным заклинанием. Я должен был выяснить, что они собой представляют, чтобы потом суметь нейтрализовать их. Ну, а теперь давай проклиная!

И Шуга начал писать руны на всех поверхностях гнезда: на полу, стенах, потолке, на спинке странной кушетки, — везде. Он обращался к Тонкой линии, богу инженеров и архитекторов, прося их взорвать это гнездо, чтобы оно треснуло и развалилось. На каждый священный знак, нанесенный мелом, он капал дурно пахнущей жидкостью. Она тут же начала дымиться и шипеть.

— Воды, огонь, горите и вскипайте, — настойчиво уговаривал Шуга свое зелье.

Мы наблюдали за тем, как жидкость выедала дырки в рунах и поверхности под ними. Замечательное осквернение — сердцевина самого хорошего проклятия.

Теперь Шуга принялся наполнять гнездо пылью. Он, очевидно, надеялся перегрузить устройство защитного ветра, так как вздымал огромные облака красной ржавчины. Жужжание послышалось немедленно, но Шуга не прекратил вздывать пыль.

— Эй, не стой там, болван! Помоги мне!

Я схватил пригоршню красного порошка и тоже начал дуть. Плотные облака ржавчины кружились по всему помещению.

Пыль ржавчины — символ времени. Она посвящена нескольким богам сразу: Брейду — богу прошлого и Кренку — богу будущего, а также По — несущему увядание всем пашням.

Вскоре мы покончили с ржавчиной и принялись за белый порошок, напоминающий толченую кость.

— Это тоже для ветровых отверстий, — пояснил Шуга, указывая на квадратные окошки под потолком.

Я раскашлялся до слез. Шуга швырнул огненный сгусток на экран, там он и прилип. Вода ударила короткой струйкой, потекла по экрану, порошок собрался вокруг водяных капель.

Вскоре жужжание стало неровным, грозя прекратиться.

— Прикрой нос и рот, Лэнт, я не хочу чтобы ты дышал всем этим.

Шуга поднял туго набитый кожаный мешочек. Я обернул одеждой нижнюю половину лица, наблюдая, как он достал большую пригоршню растертого волоса волшебника.

Шуга с благоговением, порожденным великой жертвой, тщательно прицелился и выдул в направлении ветровых окошек плотную струю.

Через мгновение все было кончено. Жужжание стало напряженным, ветер, казалось, прекратился.

И вдруг все стихло.

— Хорошо, Лэнт. Теперь давай горшки.

Лицо Шуги светилось триумфом. Я поднял ларец, лежащий возле стены и выставил ряд горшков с плотной крышкой на каждом.

— Хорошо, — снова проговорил Шуга. Он осторожно расставил горшочки по всему гнезду Пурпурного. В каждый он вкладывал шипящий огненный сгусток, затем закрывал крышкой. В крышке каждого горшка были проделаны крошечные отверстия. Они позволяли дышать богу огня, но были слишком маленькими, чтобы в них могла проникнуть вода. Над горшками повисли водяные струи, но они не могли добраться до пламени, продолжая хлестать по горшкам и по всему остальному.

Шуга заметил куда уходит вода и принялся лить в сточные отверстия оскверненную воду и прочие вязкие субстанции. Потом сделал перерыв, чтобы добавить к новой порции внушительную горсть толченой белой кости. Как только этот порошок достиг отверстий, смесь начала угрожающе густеть.

Сливные отверстия вскоре перестали справляться. На полу вскоре начали собираться лужи. В горячем влажном воздухе отвратительный запах оскверненной воды сделался невыносимым. Я побоялся, что меня вырвет. Но это не имело никакого значения. Гнилая вода определенно должна была разгневать Филфо-мара — речного бога. А потом Филфо-мару и Нэвину

— богу приливов предстояло схватиться в своей древней борьбе за воду. Только на этот раз они будут растягивать не воды мира, а противоположные стенки черного гнезда. Чем больше воды скопится в кабине, тем больше станет их власть и тем яростнее битва.

К тому времени, когда водяные струи прекратились, мы были насквозь мокрыми и стояли по колено в воде, но не мерзли. В гнезде было как в бане, Шуга скинул свою накидку, и я последовал его примеру.

Глаза слезились. Я все еще не мог откашляться от пыли, набившейся в легкие. Я сказал об этом Шуге, но он только фыркнул в ответ:

— Хватит жаловаться. Я никогда не говорил, что проклятия легко даются. То ли еще будет!

Действительно, мы только начинали.

Теперь Шуга переключился на разнообразные плоскости и пластины, входящие в обстановку. Они были усеяны огромным количеством шишек и выпуклостей. Многие располагались в ряд по восемь и каждая обозначалась отдельным символом. Один из них мы узнали — треугольник, символ Экке—Человека.

Могло ли это быть аналогичным какому-то заклинанию Шуги, основанному на символе Экке? А если так, то не смог бы Шуга использовать этот факт в качестве клина, рычага, чтобы с его помощью нарушить и остальные заклинания гнезда Пурпурного?

Шуга задумчиво пожевал губами, затем поскреб щетину на подбородке.

— Нажимай на все выпуклости, Лэнт. Там, где увидишь знак треугольника. Мы приведем в действие все Экке—заклинания Пурпурного, а потом развеем их силу.

Мы двинулись по периметру гнезда, сверху до низу, рассматривая шишки и выпуклости. Шишки могли поворачиваться так, что основание треугольника оказывалось наверху, а выпуклости можно было вдавливать.

Попадались, правда, шишки без символов. Немного по экспериментировав, Шуга выяснил, что их можно поворачивать таким образом, чтобы крошечные металлические лучики, спрятанные за стеклянными пластинками, сдвигались и указывали на треугольники, выравненные там.

Происходили странные вещи, но Шуга успокоил меня, приказав не обращать на это внимание.

Так, к примеру, одна из плоских зеркальных пластин засветилась немыслимым светом и на ней возникли образы деревни, людей, которых мы знали: Хинка, Анда и Пилга. Я в ужасе уставился на них, но Шуга тут же уничтожил заклинание, мазнув густым серым зельем, скрывшем всю картину. А я тут же получил выговор.

— Сказано было тебе — не смотри!

Мы продолжали свою деятельность. В конце концов все устройства в гнезде ненормального волшебника оказались настроены на знак треугольника.

Мы перешли к следующей стадии нашего проклятия.

Огненные горшки начали остывать, потому Шуга снова их наполнил. Металл в том месте, где они стояли, стал уже слишком горячим, чтобы к нему прикасаться, а детали отдельных устройств начали потрескивать.

Затем Шуга принялся покрывать все подряд густой серой мазью. Сперва он ликвидировал окна с картинками. Потом замазал все глазки и выпуклости. Теперь одни боги знали, какие символы были приедены в действие. За несколько минут внутри гнезда все стало серым. Кларс — бог небес и морей должен был разозлиться. Фол, — бог порчи, наверно трясся от смеха. Шуга, таким образом подтолкнул их к схватке друг с другом внутри черного яйца.

Шуга начал рисовать новые руны на замазанных поверхностях, словно позабыл о рунах внизу. Там где верхние и нижние символы вступали в противоречие, боги тоже должны были оказаться вовлеченными в беспорядочную схватку. Везде, где только можно, Шуга включал в руны имя Элкина — бога грома.

В щель между двумя панелями и с шишками и выпуклостями Шуга вставил узкое острие тесака и призвал Пулниссиня — бога дуэлей. Призывая Хитча — бога птиц, он разбил в три отверстия яйца, которые тут же сердито зашипели, растекаясь по сторонам — так Шуга использовал яйцеобразную форму яйца против него же. Он продолжал говорить нараспев, призывая Макс-Вотца и Влока — бога насилия, а в одном случае он даже произнес руну, оскорбляющую Тис-турзика — бога любви, потому что любовь, обернувшись ненавистью, сможет оказаться самой могущественной силой.

Шуга опять сверился со списком и достал сосуд с дремлющими жалящими насекомыми, с разной плесенью и пиявками. Сначала он изрлек насекомых с жалами и насекомых с когтями и принялся разбрасывать по сторонам. Хотя твари были вялые, некоторые попытались напасть на нас, поэтому мы постарались закинуть их туда, где они не будут представлять немедленной опасности. К тому же мы не поленились натянуть самые толстые сапоги и перчатки, которые не могли прокусить эти клыкастые бестии.

Шуга большими комьями грязи залепил отверстия возле панели с шишками и выпуклостями, призывая одновременно Синил — повелителя грязи. Воздух из-за жары и воды сделался почти что непригодным для дыхания, но панели были еще горячее. В некоторых местах серая грязь Шуги потрескалась и почернела. Поверхность под ней светилась красным

и дышала таким жаром и вонью, что никто из нас не решался туда приблизиться. Внутри яйца что-то шипело и дымилось.

И все это время Шуга не переставал взывать к Элкину — богу грома, богу страха.

— Элкин! О, Элкин! Сойди вниз, о великий и малый, бог грома и молнии и громких звуков! Сойди со своей горы, о, Элкин, сойди со своей горы и порази этого святотатца, который осмелился осквернить священное имя твоей магии.

Шуга забрался на кушетку демона и, раскинув руки, протянул их вверх, к небу. Торжество рисовалось на его лице, когда он произносил последнее кантало проклятия.

Гнездо было запутано паутиной боли и разрисовано рунами отчаяния.

Затопленная раскаленная кабина кишела огненными шарами, колючими крабами, морскими чудищами и пиявками. Где-то что-то горело: густой дым выбивался из-под стенок. Я задыхался от негодного воздуха, слезы слепили глаза.

Это была мастерская работа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вслед за Шугой я вывалился из гнезда. Сухая трава затрещала под ногами, когда я прыгнул на землю. Мы наверно полжизни потеряли в этом созданном Шугой аду.

Я удивился, обнаружив, что еще день. Двойной солнечный свет разливался над миром с ободряющей привычностью. Деревья, растения и трава показались мне черными, я подумал, не слишком ли долго мои глаза привыкали к свету гнезда Пурпурного.

Я наслаждался холодным чистым воздухом. Голова кружилась. Но несмотря на это именно мне пришлось помогать Шуге идти. Я только наблюдал за проклятиями, Шуга же осуществлял их, и это отняло все его силы. Неверными шагами мы спускались по склону. Наши тени с краснотолубыми краями раскачивались перед нами. Как кончилось проклятие, так кончилось и соединение. Светила опять разошлись.

Казалось чудом, что Пурпурный не помешал нам, но еще только близился полдень. Мы умудрились уложиться в кратчайшее время.

Мы притаились среди кустов. Чистый воздух действовал как крепкое вино, и я чувствовал, что пьянею от него. Мы разлеглись под раскидистыми черными листьями и дышали полной грудью.

Немного погодя я перевернулся на бок, посмотрел на Шугу и спросил:

— Когда это начнется?

Он не ответил, и я решил было, что Шуга уснул. Меня бы это не удивило. Он осунулся, напряжение последних дней измотало его. Глаза, когда он их раскрыл, были красными и обведены кругами. Шуга медленно вздохнул:

— Не знаю, Лэнт, не знаю. Возможно я забыл что-нибудь...

Я сел и с беспокойством посмотрел на черное гнездо. Оно оставалось все там же, во впадине между двумя холмами. Дверь приглашающе раскрыта. Дверь!..

— Шуга, — закричал я. — Дверь! Мы оставили ее открытой.

Он резко поднялся, в ужасе уставившись на поляну.

— Мы можем ее закрыть? — спросил я.

— Для этого требуется другое заклинание, — ответил Шуга. — А у нас его нет.

— А ты можешь?

— Что "могу"? — поинтересовался он. — Составить заклинание, закрывающее дверь? Нет, для этого гнезда не могу. Я сперва должен выяснить, что приводит в действие заклинание, открывающее дверь.

— Но я сам видел, как ты открыл дверь...

— Лэнт, ты глупец, — вяло возразил он. — Я знаю как использовать заклинание, но я не знаю почему оно так действует. Ты же видел, сколько у меня было возни со световым устройством. Нет, Лэнт, если бы ты еще что-нибудь знал о том, как дверь действует... но я-то знал, что ничего такого ты не знаешь, потому что всматриваясь в твою память, она до сих пор открыта...

— Но, проклятие...

Он жестом остановил меня.

— Я не знаю. Придется ждать. Ему еще что-то требуется, чтобы перейти к действию... может закрытая зверь... А без того...

Он не договорил и пожал плечами.

Солнца ползли на запад. Голубое теперь явно опережало красное. Я спокойно смотрел на холм. Долго ли еще придется ждать, пока проклятие сработает. И в этом нам могли помочь только боги. Величайшие заклинания Шуги шли насмарку. И, если они не сработают, не останется больше богов, которые могли бы помочь нам. Все они будут настроены против нас.

Тени медленно удлинялись, прохладные сумерки уже растекались над миром, а мы с Шугой все стояли в беспомощности и смотрели. Черное гнездо, мрачное и угрожающее, ждало. Желтый свет освещал проем двери.

Мир ждал, мы ждали, гнездо ждало.

Проклятие ждало...

А затем неожиданно, хрустящий звук шагов по склону. Мы тут же нырнули в кусты. Немного погода показался Пурпурный. Он поднимался на холм. Я еще подумал, удовлетворил ли он свое желание? С той стороны, откуда он шел, он не мог видеть открытую дверь. Пурпурный обогнул изгиб стены и остановился. Затем торопливо шагнул вперед, вглядываясь вовнутрь. Впервые мы увидели Пурпурного реагирующим на магию Шуги. Он закричал — точно охотящаяся летучая мышь. Перевод без сомнения, был бы более содержательным, но говорящее устройство молчало. Пурпурный бросился в дверь, задел за косяк, и тот спшиб с его носа стеклянное приспособление (интересно, как Шуга умудрился так подколдовать).

Мы слышали, как он горланил внутри гнезда — неистовые яростные вопли, совсем на него не похожие. Время от времени грохочущий голос говорящего устройства разносился над равниной:

— Бог мой!... Как эти... забрались... А-а, ужалил! Отдай ногу, ты сволочь... почему не действует убийца насекомых...

— Жалящие насекомые причиняют ему беспокойство, — прошептал я.

— Богом проклятые жалящие насекомые! — прервал меня громыхающий голос Пурпурного.

— Но жалящие насекомые не входят в заклинание, Лэнт, — прошептал Шуга. — Они будут жалить в любом случае, являются они частью заклинания или нет.

Шуга был прав. Проклятие еще не вступило в действие.

Я раздраженно рвал на себе мех. Чего ждут боги? Может они намерены ждать достаточно долго, чтобы Пурпурный успел нейтрализовать элементы, составляющие проклятие, и обратить его против Шуги?

Новые вопли неслись над миром:

— Яйца... яйца...

— Во всяком случае мы лишили его спокойствия, — прошептал я Шуге. — Это уже начало.

— Этого недостаточно. Боги должны были сцепиться друг с другом в стремлении его уничтожить... Должно быть дверь виновата... Лэнт, я боюсь...

Он зловеще замолчал. Я почувствовал, как начал леденеть позвоночник.

— Дикари! — ревел голос Пурпурного, — примитивные дикари!.. Это проклятая серая краска... Где черт возьми! Кровосмешение... совокупление... совокупление кровосмесительного извращения... заболевания от физической близости... примитивные дети... я убью похотливых отпрысков собак! Я испепелю этот похотливый мир!..

Пурпурный мог быть непоследовательным, но несомненно говорил искренне. Я приготовился к бегству. Я видел, как он бунтовал в гнезде, неистово колотя по шишкам и выступам, которые мы с Шугой закрасили, Пурпурный лихорадочно крутил одну шишку за другой, пытаясь нейтрализовать заклинание Шуги.

— Что же касается этой волосатой скотины Шуги...

Тяжелая изогнутая дверь закрылась, оборвав истеричные вопли Пурпурного.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мягкий ветерок целаялся за листья, кусты и наши накидки. Тени удлинялись, пока не начали теряться в темноте.

Голубое Солнце замерцало и исчезло, оставив одно распухшее красное светило. Все погрузилось в мертвое молчание.

Мы с Шугой осторожно выползли из своего укрытия. Черное гнездо спокойно лежало в углублении. Дверь была закрыта, и только оранжевый контур отмечал ее место на гладкой невыразительной поверхности.

Мы осторожно и опасливо подобрались поближе.

— Уже началось! — прошептал я.

— Заткнись, глупец! Сейчас нас, должно быть, слушает весь пантеон богов.

Мы приблизились вплотную. Черное гнездо оставалось неподвижным, поджидая нас. Шуга приложил ухо к его поверхности и прислушался.

Яйцо неожиданно и бесшумно взмыло вверх, отшвырнув Шугу в сторону. Я плашмя упал на землю и начал вымаливать прощение:

— О, боги мира, я полагаюсь на вашу милость, я прошу вас, пожалуйста, не гневитесь...

— Заткнись, Лэнт! Хотелось испортить заклинание?

Я осторожно поднял голову. Шуга стоял упершись руками в бедра и глядел вверх, в красные сумерки. Черное гнездо терпеливо и неподвижно зависло в нескольких футах над его головой.

Я устало поднялся на ноги. Это заклинание пока что оборачивалось не проклятием, а невыносимой скукой.

— Что оно делает? — спросил я.

Шуга не ответил.

Гнездо внезапно превратилось из черного в серебряное и начало опускаться обратно, так же плавно, как и поднялось. Красный диск цвета крови сверкал на его поверхности.

Мы отступили назад, так только оно коснулось почвы, и начало погружаться в нее, не замедляя скорости. Теперь, во всяком случае раздался звук, скрежещущееся недовольство камней, раздвигаемых в стороны. Гнездо погружалось неуволимо. Камни трещали под его напором.

И мгновение спустя оно исчезло. Скрежет камней стал отдаленным, затем затих окончательно.

Ошеломленный, я подошел к неровному краю дыры. Темнота скрывала ее дно, но там все еще слабо ощущалось отдаленное громыхающее движение.

Шуга встал рядом со мной.

— Великолепно, — произнес я. — Оно ушло, Шуга. Полностью, совершенно исчезло. Слово его вообще никогда и не существовало. И... — я глубоко вздохнул.

Шуга скромно хмыкнул. Потом нагнулся, чтобы поднять стеклянное приспособление, свалившееся с носа Пурпурного и безразлично сунул его в карман.

— Это пустяки, — произнес он.

— Но, Шуга... никаких побочных эффектов. Я бы не поверил, что ты на это способен! Почему ты нам не сказал, что именно это планируешь. Нам бы не пришлось покидать деревню.

— Лишняя безопасность не помещает, — пробормотал Шуга. Он, должно быть и сам был ошеломлен результатами собственной победы. — Видишь ли, я не уверен... почему действие заклинания приливов потянуло гнездо вниз, а не... Почему склонность Экке—Человека и... Ладно, все это было очень необычно... решение, можно сказать, получено опытным путем. Я...

Весь горный массив затрясся. От толчка я упал на живот и поглядел вниз. Двумястами футами ниже, на склоне холма изверглось черное яйцо, вопя в агонии. Оно рванулось вверх и к югу, безобразно вскрикивая — звук этот причинил нам ужасную боль. Мучительное верещание яйца — поднимающаяся и падающая нота — оставалось пронзительно громким, даже когда оно удалилось за горы. Какой-то великолепный побочный эффект обращал в порошок само вещество холма, измельчая его в мелкую каменную щебенку. Склон целиком стронулся с места, величественно заскользив вниз, увлекая нас с собой. Мы были бессильны что-либо предпринять, мы ехали верхом на грохочущей лавине, на камнепаде, вздымающем тучи пыли и песка. Черное гнездо превратилось в пятнышко — ярко-красную пронзительно вопящую точку, несущуюся к южному горизонту.

Скольжение горы понемногу, прекратилось. из каприза, или благодаря магии Шуги она не погребла нас. Мы оказались счастливыми, смогли удержаться на вершине затронутого участка и спуститься на нем ровно и без ушибов. Я обнаружил, что лежу на животе, погрузившись в жидкую грязь. Шуга лежал несколько ярдами дальше.

Я поднялся на колени. Черное гнездо стало точкой на горизонте. Оно поднималось и опускалось, взлетало вверх и опускалось опять... потом рванулось чуть ли не вертикально в небо, и я потерял его из виду.

Я спустился к Шуге, с каждым шагом вызывая крошечные лавинки. Помог ему подняться на ноги и спросил:

— Теперь все?

Шуга пытался и без результата отряхнуть свою накидку.

— Думаю, нет, — ответил он, пристально глядя на юг. — Там слишком много богов, которые еще не сказали своего слова.

Мы стояли по щиколотку в измеленной грязи. Двигаться приходилось осторожно, чтобы не вызвать нового сползания склона.

— И долго нам ждать, пока проклятие завершит свою работу? — спросил я.

Шуга пожал плечами.

— Даже не хочу гадать. Слишком многих богов мы призывали, Лэнт, я предлагаю тебе вернуться в деревню. Дети и жены ждут тебя.

— Я останусь с тобой, пока проклятие не совершится.

Шуга задумался и нахмурился.

— Лэнт, черное гнездо, скорее всего, вернется, чтобы напасть на того, кто его проклял. Я не имею права возвращаться в деревню, пока опасность не исчезнет. Но я не хочу, чтобы ты был рядом. Когда все это начнется...

Он положил руку мне на плечо.

— Спасибо, Лэнт, я ценю все, что ты сделал для меня. А теперь иди.

Я кивнул. Мне не хотелось его покидать, но я знал, что так надо.

Шуга не говорил "прощай", он говорил "до свидания". Пока он не был уверен, что черное гнездо уничтожено, он не имел права вернуться.

Я отвернулся и побрел вниз. Мне не хотелось, чтобы он видел на моих глазах слезы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Деревня была такой же, как я ее оставил. Молчаливой, опустевшей, несущей на себе следы приготовлений Шуги.

Мне посчастливилось найти на дороге один из своих велосипедов. Теперь я остановил его возле моего гнезда. Каким-то чудом домашнее дерево и оба велосипеда оказались неповрежденными.

Я поднялся в гнездо. Моя первая жена спала на полу, свернувшись клубком. От сотрясения она проснулась и протерла сонные глаза.

— Где остальные? — спросил я.

Она покачала головой.

— Они убежали, когда этим утром в деревню пришел Пурпурный.

— Пурпурный приходил в деревню? — спросил я в ужасе.

Она кивнула.

Я схватил женщину за плечи.

— Ты должна рассказать мне, что он делал! Он проклинал гнездо Шуги, не так ли?

— Нет, ничего подобного. Он только походил немного вокруг.

— А огненное устройство? Он использовал огненное устройство?

— Нет. Ему хотелось чего-то другого.

— Что ему нужно было, женщина?

— Не знаю правильно ли я его поняла. Но у него не было с собой говорящего устройства. Нам пришлось объясняться жестами.

— Ладно, чего он хотел?

— Думаю, он хотел сделать то, ради чего создаются семьи.

— И ты ему позволила...

Женщина опустила глаза.

— Я подумала, что может быть я помогу Шуге в дуэли, если ненормальный волшебник на какое-то время отвлечется...

— Но как ты могла! Он же не наш гость! Я тебя побью!

— Я сожалею, муж мой. Я думала, это поможет.

Женщина съежилась под моей занесенной рукой.

— Ведь ты не побил третью жену, когда она разговаривала с Пурпурным.

Она была права. Я опустил руку. Было бы несправедливо побить одну и не побить другую.

— Он устроен очень страшно, муж мой. Он почти что без волос, кроме как...

— Я не желаю об этом слушать, — запилел я. — Это все, что он сделал?

Женщина кивнула.

— А потом он покинул деревню?

Она опять кивнула.

— Он ничего не касался? Ничего не брал?

Она опять покачала головой.

Я вздохнул с облегчением.

— Благодарение богам, хоть тут пронесло. Ситуация могла оказаться очень опасной. К счастью, ты не сказала ничего лишнего.

Довольный, я опустился на пол. Только теперь я почувствовал, как устал.

— Накорми меня, — сказал я.

Она быстро подала еду, не произнеся ни слова. Если ей понадобится поупражнять свои челюсти, для этого всегда найдутся остатки моего ужина. Я успел съесть два куска, когда вдруг в небе послышался сверхъестественный свист.

То был звук несчастья, бедствия, паники. Я вывалился из гнезда и помчался по поляне. И там сквозь верхушки деревьев увидел... летающее гнездо! Оно вернулось в деревню! Оно больше не было серебряным. Теперь оно стало желтым. Оно пронеслось над головой, затем с пронзительным воем повернулось и полетело обратно.

У меня в голове мелькнули слова Шуги: "...черное гнездо, скорее всего вернется, чтобы напасть на того, кто его проклял..." Не могло ли гнездо спутать меня с Шугой? Я торчал на центральной поляне, слишком напряженный и испуганный, чтобы двигаться.

Гнездо резко остановилось в нескольких ядрах от верхушек деревьев, словно наткнулось на мягкую стену. Дверь, оторванная полностью, отсутствовала. Проем казался черным, а не сверкающе оранжевым, как должен был бы светиться раскаленный металл. Гнездо угрожающе повернулось. Я представил себе глаза, притаившиеся в темноте за входом.

Я ждал, когда они найдут меня.

Гнездо повернулось еще раз, уже быстрее. И неожиданно завращалось с невероятной скоростью. Все его детали смывались и исчезали. поверхность казалась оранжевой жидкостью. Я услышал, как оно жужжит, поднимаясь, и закрыл глаза. Между деревьями пронесся ветер.

Гнездо вращалось, увлекая за собой воздух. Сильные вихри с пронзительным свистом закрутились по деревне, этот звук отличался от агонизирующего крика гнезда, но пугал не меньше. Зарождался чудовищный смерч, и гнездо было его центром. Я вцепился в ствол ближайшего домашнего дерева.

Не Макс—Вотц напал ли на этого чужака? Или это нападение на деревню? Ветер ревел среди деревьев, срывал ветки, листья, гнезда, пытался отодрать меня от ствола, в который я намертво вцепился. Я обхватил корень руками и ногами, спрятал лицо. Листья, кора, сломанные ветки сыпались и сыпались на меня. Сыпались и сыпались...

Немного погодя, я сообразил, что звук стал слабее. Я поднял голову. Ветер утих. Ни на одном дереве в деревне не осталось листьев. Все гнезда были сброшены на землю, многие раскололись от удара, другие откатились в сторону с места падения. Огромное гнездо Пурпурного все еще вращаясь, двинулось на юг, к реке.

Оно оказалось над ее новым руслом, над несистово мчащейся водой, когда начало падать. Филфо-мар, яростный и неумолимый, тащил гнездо вниз, намереваясь разрушить.

Я должен был видеть это. Я побежал за гнездом, не думая о возможной опасности. Я должен был удостовериться, что гнездо Пурпурного уничтожено полностью!

Гнездо яростно вращалось, словно намереваясь вырваться из пут речного бога. Когда оно коснулось воды, огромное облако пара взметнулось вверх. В то же мгновение вода и тогкие берега реки вздыбились единой стеной воды и земли. Небо почернело, Луна скрылась. Чернота широкой волной растекалась по сторонам. Я попытался бежать. Крик сам собой вырвался из моего горла, когда нахлынувшая волна понесла меня назад в деревню. Грязь и ил забили рот и нос.

Неожиданно что-то с чудовищной силой ударило мне в спину, и я обнаружил, что вишу, зажатый между двумя ветками дерева. Вода стекала вниз крупными каплями, грязь — липкими комками.

Вода начала спадать, затем мутной грязевой волной повернула назад в реку, оставив за собой мешанину водорослей и обломков.

Шуга ошибся. Гнездо вернулось не для того, чтобы атаковать его, даже сейчас я видел, что в деревне ничего не уцелело, только несколько почерневших, лишенных листьев, домашних деревьев.

Я спустился с веток. Спина насадно болела и я начал опасаться, не сломано ли ребро. Пересиливая боль, я захромал к реке. Если мне суждено умереть, я должен сначала узнать судьбу своего врага.

Черная грязь хлопала под ногами при каждом шаге. Грязная слизь стекала с деревьев. Слово весь мир сделался необитаемым, захлестнутым дождем из земли и воды.

Идти было трудно. В вязком болоте то и дело попадались острые обломки и черепки. В рассеянном свете семи Лун я начал пересекать старое русло реки. Грязь и скользкие камни задерживали меня. Возможно ими я спасал свою жизнь. Я забыл, что еще один бог не сказал своего слова!

Я выругался, потеряв равновесие на скользкой поверхности. Впереди было видно гнездо. Вращаясь, оно высверлило под собой дискообразную площадку. Когда я взобрался на вал, его окружающий, то увидел, что гнездо

опять почернело и лежит в мелкой серебристой воде. Вращение его прекратилось. И наконец, наконец—то оно уже не было нацелено вверх!

Оно лежало на боку. Вода захлестывала впадину вокруг него, а оттуда, в дверной проем. Ослепительный свет вспыхивал в отверстиях, бросая блики на поверхность воды.

Боковой наклон яйца был, несомненно, работой Тонкой линии — бога инженеров. Не исключено, что в последние свои мгновения Пурпурный поверил так в магию Шуги. Я начинал прикидывать, как подобраться поближе, чтобы хоть краешком глаза увидеть тело свихнувшегося волшебника. Ничего живого внутри гнезда уцелеть не могло.

Я не проделал еще и четверти пути вниз, когда вспышки и сполохи внутри гнезда участились. Свет не был там устойчиво желтым, который раньше освещал кабину. Там сыпались зловещие шипящие вспышки цвета молнии. Я настороженно остановился. До ушей доносились потрескивающие звуки и шипение воды, превращающейся в пар. Я начал карабкаться по склону назад.

Голубоватые вспышки позади меня становились все ярче. Потом из зияющего провала ударила густая струя черного дыма.

Наконец—то я добрался до периметра грязевого вала и укрылся за ним. Осторожно приподнял голову. Гнездо, казалось, медлило, словно раздумывало, что предпринять дальше.

И — надумало!

Оно прыгнуло вверх из выемки. Поднялось по крутой дуге, сверкая белым пламенем, помедлило в верхней точке и рухнуло вниз. Оно упало как раз посреди деревни и тут же подпрыгнуло, оставив позади несколько горящих деревьев. Горячий ветер ударил мне в лицо. Гнездо подпрыгнуло снова.

Оно перемещалось прыжками и путало сверкающим паром. При каждом ударе из него вырывались огромные искры, и земля вспыхивала, но только на мгновение. Деревня стояла на слишком топком месте, чтобы поддерживать огонь.

Гнездо продолжало прыгать. Оно покинуло деревню, отмечая свой путь новыми очагами пламени, и по прямой линии двинулось к горам на западе, где ждал Шуга.

Оно прыгнуло на холмы, заскакало по нему словно шарик. Я мог его видеть — сверкающее белое пятно, беспорядочно перемещавшееся по склону горы. Наконец оно исчезло по ту сторону гребня. Ветер следовал за ним, потрескивая от присутствия того бога, который еще не сказал своего слова, затем он тоже пропал на западе. Что-то вроде тишины снизошло на землю. Остались лишь звуки воды, стекающие с веток деревьев в деревне.

Я встал и посмотрел туда, где в центре деревни все еще поднимался столб черного дыма. Смахивая грязь, налипшую на одежду, я подумал, осталась ли в живых моя первая жена? Я бы очень сожалел о ней. Она была хорошей женщиной, послушной и сильной, почти как выюжное животное.

И тут мне пришло в голову, какой из богов еще не сказал своего слова. Я присел. Стояла мертвая тишина. Только хлопала грязь и шипела вода, пробиваясь между слипшихся камней — только эти звуки наполняли ночь. Ветер совсем прекратился. Последняя Луна спускалась на западе. Вскоре темнота охватила всю землю. Вокруг стало небезопасно.

Мог ли именно в этом ошибиться Шута? Он, кроме всего, был непредсказуемым богом и славился своей склонностью к чванству, а также был известен тем, что терпел неудачу именно тогда, когда меньше всего ожидал. Может быть экспериментальная природа заклинания Шуги оказалась недостаточной, чтобы расшевелить его...

Позади меня восток стал вместо черного темно-голубым. Я поднялся, проклиная жесткую и холодную тяжесть моей одежды. И тут же обжигающая глаза ослепительная вспышка заполнила мир...

Глаза мои от боли зажмурились. Но мысленно я все еще продолжал видеть огромный огненный шар, похожий на шары Шуги, но увеличенный до размеров горы. Потом я заставил глаза раскрыться и увидел громадную, вздымающуюся массу пламени — раскаленный яростный гриб-поганку — пылающий дым, поднимающийся из-за гор, скрывающий небо и все кругом...

Меня опрокинуло на спину, поволокло по грязи, словно от удара гигантским молотом, изготовленным из воздуха. А звук! О, этот звук! Мои уши, казалось, лопнут от боли — таким он был громким и непереносимым.

Если я считал, что голос Макс-Вотца, пришедший в деревню, был громким, то в сравнении с этим звуком он казался шепотом. Словно сам Суало спустился вниз и хлопнул своими могучими ручищами.

Но звук продолжался, превратившись в перекатывающийся гул, громяющий над холмами. Он ворчал и грохотал над миром. Отдалялся и снова накатывался непрерывной волной. Я был уверен, что еще очень долго буду слышать его, даже после того, как он исчезнет. Но этот неистовый гудящий рев не смолкал. А с неба начали сыпаться небольшие камни.

Элкин сказал свое слово!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я нашел свою жену, скорчившуюся на ветках, под вырванным с корнем деревом.

— С тобой все в порядке? — спросил я, помогая ей подняться на ноги. Она кивнула.

— Хорошо. Тогда найди какую-нибудь тряпку и перетяни мне ребра. Мне больно.

— Да, мой муж.

И она покорно начала стаскивать свою юбку.

Я узнал ее — юбка была одной из ее самых любимых. Я остановил руку женщины.

— Не надо рвать. Найди что-нибудь другое. У тебя не осталось в этом мире ничего другого. Храни ее в целости.

Женщина взглянула на меня, глаза наполнились слезами благодарности.

— Да, мой муж...

Она замолчала. Я понял, что она хочет сказать что-то еще, но боится.

— Продолжай, — приказал я.

Она, забыв о грязи, повалилась на колени и возбужденно схватила меня за руки.

— О, муж мой, я так боялась за тебя! Мое сердце наполнилось такой радостью при виде тебя, что я не могу ее скрыть. Я жизни без тебя не мыслю!

Она целовала мои руки, прижимаясь головой к моему телу. Я погладил мех на ее голове, хотя тот и был перепачкан. Но это не имело сейчас особого значения. Мы оба промокли насквозь и изрядно вывозились в грязи.

— Все хорошо, — сказал я.

— О, говори, говори со мной! Скажи, что опасности больше нет, что в мире все снова стало хорошо.

— Встань, женщина, — сказал я.

Она тут же встала.

— Я все потерял. Наше гнездо разбито, а дерево повалено. Я не знаю, где мои дети, куда разбежались другие жены. У меня ничего не осталось. Лишь та одежда, что на теле. И все же я не бедный человек...

— Нет? — она глядела на меня. Коричневые ее глаза расширились от удивления.

— У меня осталась женщина... хорошая жена. — Я посмотрел в ее глаза, раскрытые и светящиеся любовью. — Женщина с крепкой спиной и

желанием работать. Я знаю это. А теперь иди и найди что-нибудь для повязки. Ребро болит.

— О, да, мой муж, да!

Она осторожно зашлепала по грязи, покрывающей землю. Я медленно сел. Отдохнуть бы, поспать...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Прежде чем оставить деревню, мы как следует пошарили по ней. Не осталось ли что-нибудь ценное неуничтоженным. Но мало чего нашли. Я надеялся отыскать свой велосипед, но его раздавило упавшим деревом. Больно было видеть прекрасно изготовленную машину раздробленной, вмятой в болотистую землю. И я в самом деле оказался прав, когда говорил, что у нас больше ничего не осталось, кроме той одежды, что была на теле.

Мы постояли среди развалин деревни, печально оглядывая последствия катастрофы.

— Что будем делать, муж мой?

— Пойдем отсюда, — сказал я. — Здесь нам нечего делать.

Я повернулся и поглядел на далекие голубые луга.

— Пойдем туда, — махнул я рукой, — на юг. Может остальным пришло в голову то же решение.

Женщина кивнула, соглашаясь, кряхтя взвалила на спину тюк, и мы двинулись в дорогу.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда мы заметили на западе коричневую фигурку на велосипеде, старающуюся нас догнать. Было в ней что-то знакомое... Нет, невероятно...

Но так оно и оказалось.

— Шуга! — закричал я. — Ты жив!

Он терпеливо посмотрел на меня и слез с велосипеда.

— Конечно я жив, Лэнт. А ты как думаешь? — он помолчал, разглядывая высохшую грязь, облепившую нашу одежду.

— Что с вами приключилось?

— Мы были в деревне. И видели агонию гнезда Пурпурного. Но умирать оно отправилось в горы, и я подумал, что...

— Чепуха, Лэнт. Дуэль выиграл я. Погибает только проигравший. Я видел, как черное гнездо вернулось. Оно напало на деревню, вместо того, чтобы отправиться за мной в горы. А раз оно решило уничтожить деревню, у меня не было причин задерживаться на холмах. К тому же я нашел другой велосипед.

— Скорее всего гнездо проскочило мимо тебя.

Шуга кивнул.

— Я видел, как оно приближается, разворотив деревню. Оно нацеливалось на горы. Но меня там уже не было.

— Шуга, это прекрасно!

Шуга скромно пожал плечами, стряхивая комочки налипшей грязи с рукава накидки.

— Ничего особенного. Так я и планировал.

Говорить больше было не о чем.

Шуга вновь взгромоздился на велосипед. Его чувство собственного достоинства было удовлетворено, репутация победителя — возвеличена.

Он покатил дальше на юг.

Я почувствовал, что горжусь знакомством с ним. Да, иметь такого друга, это вам не что-нибудь!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Голубые сумерки кончились, и успел начаться красный рассвет, прежде чем мы нашли место для отдыха. Мы остановились на каменистом плато, возвышающемся над грядой округлых холмов, за которыми смутно просматривались силуэты домашних деревьев деревни. Море, похожее на пустыню, осталось позади.

Не было необходимости давать приказ делать привал. Мы инстинктивно знали, что проделали за день достаточный отрезок пути. Женщины побросали свои тяжелые тюки и поклажу и устало опустились на землю. Дети немедленно погрузились в глубокий сон. Мужчины сидели, массируя натруженные ноги.

Видок у нас был жалкий и потрепанный. Даже самые сильные выглядели неважно. Многие расстались с большей частью своего меха, и все — со своей упитанностью.

Мой мех тоже сваялся в колтун, таким он и останется, пока не выпадет. Открытые гноящиеся раны не были редкостью и большинство наших заболеваний не поддавались лечению Шуги.

Моя вторая жена, одна из женщин, лишившихся шерсти, разложила передо мной скромную пищу. При других бы обстоятельствах я устроил скандал из-за низкого качества еды и побил бы ее за то, что еды так мало, но при нашем теперешнем положении это был настоящий пир, состоящий из настоящего дефицита. Женщины, должно быть, утробили много часов, выискивая эти плоды и орехи. И все-таки это было не то, к чему я привык. Я принудил себя есть, преодолевая отвращение.

Пока я сидел, перемалывая зубами жесткие волокна, ко мне кто-то подошел. Я узнал почти полностью облысевшего Пилга, когда-то нашего деревенского крикуна, а теперь бедного бездомного бродягу, как и мы все. Был он худой и бледный, и ребра безбожно выступали под кожей.

— А, Лэнт! — воскликнул он с преувеличенной радостью. — Надеюсь, я не помешал тебе?

Он помешал, и он знал это. Поначалу я притворился, что не слышу его и сосредоточился на особо жестком корне.

Он встал прямо напротив меня. Я закрыл глаза.

— Лэнт, — произнес он, — путешествие, кажется, заканчивается. Твоя душа этому не рада?

Я приоткрыл один глаз. Пилг пожирал глазами мою обеденную чашку.

— Нет, — ответил я, — не рада.

Пилг не смутился.

— Лэнт, тебе надо глядеть на жизнь с радостной точки зрения.

— А она есть?

— Конечно. Ты только подумай, как тебе повезло. У тебя сохранилось четверо детей, две жены, и все волосы, да и первая жена ожидает ребенка. Намного больше, чем у меня.

Тут он был прав. Пилг потерял свою единственную жену и всех отпрысков, кроме одного, да и та — девчонка — ничего хорошего.

Но я потерял гораздо больше, чем спас. Так что чувствовать себя лучше было не с чего.

— Мы потеряли всю нашу деревню, — напомнил я и выплонул горький кусочек прямо под ноги Пилгу. Он неуверенно посмотрел на него, но гордость пересилила голод. Раз ему не предложили, есть он не будет.

А предлагать я и не собирался. Я трижды кормил его за три последних дня. И у меня не было намерения еще больше приваживать Пилга к своей семье.

— Но мы быстро добьемся уважения в новой деревне, — возбужденно заговорил Пилг. — Конечно же, репутацию Шуги как волшебника здесь уже все должны знать. Разумеется, они будут его чествовать. Значит и нас тоже.

— Они больше всего будут желать, чтобы мы оказались в каком-нибудь другом месте. Посмотри назад. Посмотри откуда мы пришли. Сплошные болота. А за ними — вода. Океан поднимается почти так же быстро, как мы от него уходим. Вот-вот наступит светлый период, Пилг. Это тяжелое время для любой деревни. Конечно, сейчас они снимают урожай, но пищи окажется ровно столько, чтобы как-то самим продержаться болотный

сезон. С нами им поделиться будет нечем. Нет, особого счастья они не почувствуют, если мы решим к ним присоединиться.

Мое упоминание о еде заставило Пилга пустить слюни, которые потекли по подбородку, но правила приличия удержали его. Он вновь покосился на выплонутый кусочек корня, валяющийся возле ноги.

— Но, Лэнт... взгляди на рельеф этой местности. Деревня, к которой мы подходим, расположена на склоне возвышенности, дальше идет обширная долина. У них в запасе, по меньшей мере, дней двадцать—тридцать, прежде чем вода начнет им серьезно угрожать.

— Разумется, — согласился я, проглатывая кусок, который жевал.

— Может быть им потребуется наше мастерство, и мы сумеем заработать себе на пищу?

— И какое свое умение ты им предложишь? — хмыкнул я. — Распускать слухи!

Пилг, казалось, обиделся. А я сразу же почувствовал себя виноватым — было жестоко говорить так. Пилг действительно пострадал больше всего, издеваться над его бедами было несправедливо.

— Зачем так грубо, Лэнт, — сказал он. — Если ты хочешь, чтобы я ушел, я уйду.

— Нет, — возразил я, удивляясь самому себе. Я же хотел, чтобы он ушел. — Не уходи, по крайней мере, пока не поешь чего-нибудь.

Проклятье! Снова он меня спровоцировал! Я ведь поклялся, что не предложу ему еды, но он изводил меня до тех пор, пока я не обидел его и тогда, чтобы загладить обиду, мне пришлось доказывать, что он нисколько меня не раздражает.

Я подумал, не начать ли мне питаться тайком, чтобы только избавиться от Пилга. Но в одном он был прав. Может быть нам в самом деле удастся обменять наше мастерство на пищу. Не исключено, что умение резьбы по кости не очень распространено здесь, далеко к югу от тех мест, где мы раньше жили.

Но тут очень много зависело от местного волшебника. Согласится ли Шута принести клятву перемирия на время болотного сезона? Потерпит ли местный волшебник хотя бы присутствие Шуги, принимая во внимание размеры его репутации. Будет ли он чувствовать себя в безопасности, когда такой могучий волшебник надумает стать его соседом? А если этот колдун не обладает знаниями и мастерством Шуги, то снизойдет ли Шута до того, чтобы обращаться с ним, как с равным? Да и вообще, отыщется ли такой волшебник, способный превзойти величие Шуги, столь драматично им продемонстрированное.

Правда, Шуга может предложить местному волшебнику поединок за право повелевать магией этого района. Если он, по несчастливой случайности, проиграет, то нам придется двинуться дальше, но уже без колдуна. Если же выиграет, что более вероятно, то навлечет на нас множество бед, ведь не зря говорится, что волшебник должен понравиться десяти поколениям прежде чем его примет племя.

Я страшился предстоящей встречи с жителями деревни и особенно с их Гильдией Советников. Если посчастливится, то у нас найдется время передохнуть перед ней, но скорее всего, такой возможности не будет. Как только они узнают о нашем появлении на склонах их горы, они тут же направят к нам своих представителей.

От нашей Гильдии почти никого не осталось, жалкая кучка людей — я, Хинк Ткач, Пилг Крикун, Кемд Три Обруча и еще один-два человека. Ренд Большой Глоток утонул в одном из своих чанов. Тэвид Пастух потерялся вместе с большей частью стада, а среди уцелевших пастухов не нашлось никого достаточно старого и опытного, чтобы заменить его в Гильдии. Другие не выдержали длинного перехода на юг.

И все же Гильдия должна была встретиться и, если повезет, мы выработаем определенное соглашение, которое нам позволит задержаться здесь, пока не схлынет вода.

А потом нам придется или подыскивать новый район, или просить разрешение остаться. И опять же, очень многое здесь будет зависеть от волшебника.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Позже, с приближением красного заката, наша жалкая горстка Советников побрела по склону к деревне на обязательную встречу с ее жителями.

Большую часть дня мы провели купаясь в холодном ручье, бегущем через пастбище, потом позволили женщинам промассажировать нас и умастить кожу благовониями и жирами. Мы специально сберегли растирания ради такого случая. А так, если бы постоянно не думать о возможности такой встречи, то давным давно их бы съели. Мы сменили походную одежду. Не стоило показывать себя такими бедными, какими мы были на самом деле, поэтому пришлось оставить нагишом чуть ли не все племя, чтобы обеспечить достаточно опрятной одеждой Советников, отправляющихся на это чрезвычайно важное свидание.

Шуга, погруженный в свои мысли, остался.

Позже Кемд Три Обруча обратил наше внимание на прекрасное качество деревьев в этой области. Нам попадались тонкие и крепкие побеги бамбука, трубчатые волокнистые растения, которые можно было использовать и для строительства, и в пищу, и в качестве закваски для браги, высокие изящные березы с корой, покрытой серыми и голубыми пятнами, искристая осина, белая сосна, крепкий красный ведьмин дуб, густой темный кустарник и даже дикие домашние деревья, остановившиеся в росте, искривленные из-за отсутствия благословения волшебника и надлежащего ухода. В изобилии встречались ручьи. Мы брели по толстому коврику похрустывающих опавших листьев.

Да, это был богатый лес. Лес, за которым ухаживали, но еще не поняли до конца скрытых в нем возможностей. Прежде чем мы проделали половину дороги, стало очевидно, что район великолепно годился для жилья. Лучшего и не надо. Фру, самый старый из пастухов, издал возглас удивления при виде прекрасного пастбища. Джек, немного разбавившийся в умении делать брагу, выражал восхищение качеством бамбука. Хилк Ткач задумчиво похмыкивал при виде волокнистых растений, мимо которых проходил. Если бы нам позволили остаться здесь, мы бы несомненно были счастливы.

Я раздумывал над тем, что вокруг непочатый край работы. Много больше, чем когда-либо надеялась сделать одна деревня. Если в этом году у них щедрый урожай, то может оказаться хорошим и настроение. Мы рассчитывали, что сможем предложить нашу помощь в обмен на пищу или право использовать часть этой земли.

Их деревня находилась сразу же за поросшим лесом склоном, на гребне самого низкого из гряды холмов. Была она больше, чем наша когда-то, но не намного. Но самое важное — большая часть домашних деревьев оказались неиспользованными, а те, что были заняты, располагались на значительном расстоянии друг от друга. В нашей деревне имелась просторная, хорошо утрамбованная рыночная площадь. Здесь же все покрывал ковер черной травы, коегде прорезаемый грязными тропинками. Было ясно, что они не торговали в том количестве, к которому мы привыкли.

Когда мы подошли ближе, то увидели советников, собравшихся на поляне, почти на краю деревни. Мы подняли руки и сделали пальцами жест плодородия. Они повторили его в ответ.

Высокий мужчина, покрытый редким коричнево-красным мехом, выступил вперед.

— Я, Гортин — Глава деревни. Это мои Советники.

Он по очереди представил их. Советников оказалось больше тридцати — торговцы, ткачи, рыбаки, пастухи, различные мастера.

С плохо скрываемой радостью я не нашел среди них мастера резьбы по кости. Неужели в деревне не было ни одного представителя моей профессии?

Если так — то я мог быть уверен, что у меня здесь окажется много работы. Или — эта мысль ужасала, они не считают мастера резьбы по кости достаточно важным, чтобы пригласить его в Гильдию Советников.

Я отметил эту мысль. Мастер резьбы по кости так же необходим, как и любой другой.

Гортин кончил представлять последнего из Советников и повернулся к нам.

— Кто у вас главный?

Вопрос был трудным. Мы еще не выбрали никого из Советников новым главой. А старого Главу Франца похоронили всего два дня назад и память о нем в наших сердцах еще не остыла. Начались нерешительные колебания и перешептывания, пока, наконец, Пилг не вытолкнул меня вперед.

— Иди, Лэнт! Ты, Главный. Ты дольше всех побыл в Советниках.

— Не могу, — прошептал я, — я никогда не был Главой. У меня даже символа Главы нет, мы похоронили его с Францем.

— Мы сделаем новый. Шуга его освятит. А сейчас мы нуждаемся в Главе.

Кое-кто согласно закивал.

— Но они могут меня убить, если решат, что я слишком дерзкий Глава, — прошептал я.

Многие кивнули в знак подтверждения.

Хинк проговорил:

— Ты с этим справишься, Лэнт.

А Пилг добавил:

— Это высокая честь — умереть за нашу деревню. Я тебе завидую.

После чего он вытолкнул меня вперед и заявил:

— Это Лэнт, наш Глава, он слишком скромн, чтобы самому сказать об этом.

Я проглотил комок. Мужчина должен принимать и исполнять свой долг. Но я дрожал. И не мог избавиться от ощущения, что сейчас, в любой момент, появится старый Франц и вздует меня за дерзость. Или, что Гортин каким-то образом распознает во мне самозванца и откажет в уважении, необходимом для исполнения моего нелегкого дела.

Но он просто кивнул мне и спросил:

— Почему вы путешествуете?

— Мы переселяемся, — объяснил я. — Мы — эмигранты, ищущие новое пристанище.

— Вы выбрали неправильное направление, — сказал Гортин. — Эти места неподходящие для жилья.

— Вы-то здесь живете, — возразил я.

— Да, но мы этому не радуемся. Я вам завидую... вашему стремлению к странствиям... и желаю вам счастья в пути...

— Мне кажется, вам бы очень хотелось видеть нас уходящими, друг Гортин?

— Совсем нет, друг Лэнт... просто мне не очень хочется, чтобы вы оставались. Земля тут бедная. Вам совсем не понравится, когда вы здесь застрянете на время Болотного Сезона.

— Болотного Сезона?

— Да, когда дни становятся жаркими, Глава Лэнт, а моря поднимаются высоко. И так большую часть года наша земля связана с материком.

— Ваша земля... связана с материком?

— Правильно, двигайтесь по перешейку, дальше. Это очень удобно — на перешейке никто не живет. Скверное время года может застать любого, так что проход открыт для всех.

— Но только не в Болотный Сезон, — закончил за него я.

— Да, — Гортин криво улыбнулся. — На этот сезон мы оказываемся на острове. Погому-то так важно, чтобы вы поторопились. Вы же не хотите, чтобы вас отрезало здесь?

— И большой остров?

— Небольшой. Четыре деревни и немного земли между ними. И Холмы Юдиона. Это там, где сейчас расположились ваши люди. — Он подумал и добавил: — Никто не живет на холмах. В основном из-за того, что там ничего не растет. Мы перебираемся туда на время Болотного Сезона, но потому лишь, что остальную сушу океан затапливает. А все остальное время это место пустует.

— Остров... — повторил я. Мысль начала принимать форму. — Да, ты прав, нам надо поторопиться.

Я махнул Советникам.

— Идемте, не стоит тратить время на разговоры. Гортин дал нам прекрасный совет и надо поспешить, чтобы воспользоваться им.

Я поглядел на Гортина, сделал жест плодородия, запахнулся в накидку и покинул поляну. Мои Советники потянулись следом.

Мы снова вошли в лес. Хинк и все остальные спешили со всех ног.

— Скорее, Лэнт, скорее, — подгоняли они. Я брел сзади, иногда останавливаясь, чтобы полюбоваться видом особенно живописной группы деревьев.

— Лэнт, — не успокаивался Пилг. — Да поторопись же ты!

— Пилг, не гони так, — пробормотал я. — Куда спешить?

Его глаза расширились.

— Ты же сам слышал. На время сезона здесь будет остров.

Другие тоже остановились и собрались вокруг.

— Надо торопиться, Лэнт!

— Зачем? — спросил я.

— Затем, что если мы не поторопимся, то окажемся тут в ловушке.

— Завяжем мы тут и не сможем идти дальше, — растолковывал Хинк.

— И тогда они не смогут отказать нам в убежище, не так ли? — ответил я.

Советники задумались.

Я продолжал:

— Конечно, мы должны поспешить отсюда убраться, как и рекомендовал Горти. Но если мы поторопимся, но недостаточно быстро, то у нас не окажется выбора. И нам придется остаться.

— Хм, — протянул Пилг, он начал улавливать мою мысль.

— Ну-ну, — произнес Хинк, он уже понял.

— Взгляните вокруг, — продолжал я. — Лес ужасный, верно. А вспомните, что видели по дороге?

Советники задумчиво закивали. Еще бы, они помнили, что видели.

— Никуда не годное место для деревни, согласны?

Они огляделись.

— Да, место никуда не годится, — согласился Кемд, — мне придется плести вдвое большие по размеру гнезда, чем прежние, так что работы окажется непочатый край. Да и что станет делать мужчина с таким большим гнездом?

— Ты прав, — согласился Джарк. — Ты только посмотри на этот бамбук, такой густой и крепкий. Я подумал о пиве, которое я мог бы из него сделать. Нет, не пойдет на пользу мужчине такое замечательное сладкое пиво!

Хинк опустился на колени, ощупывая волокнистые растения.

— Хм-м, — протянул он, — ничего хорошего не принесет человеку, такая прекрасная одежда. Она его испортит, не подготовит к трудностям жизни.

— Стоит ли привыкать питаться регулярно, — добавил Пилг. — Мы растолстеем, станем ленивыми.

И мы все дружно вздохнули.

— Да, кошмарное это место, чтобы здесь селиться, — подвел я итог, растягиваясь под уютным деревом. — Идите сюда, нам надо поскорее решить, как мы будем двигаться дальше.

Хинк пристроился под соседним деревом.

— Хорошо, Лэнт, — сказал он, — но поспешность к добру не ведет, давай слегка прикинем, каким путем нам отсюда уйти легче всего.

— А-а, — вздохнул Пилг, нашедший себе лужайку с мягкой луговой травкой. — Но уйти нам надо до того, как здесь нас отрежет море.

— Ты прав, — согласился Джарк с уютной постели из мха. — Мы не должны задерживаться здесь слишком долго.

— Не должны, — поддержал его Кемд. — Но думаю сумерки будут темными.

— Да, конечно, никто и не думает, что мы можем отправиться в дорогу на ночь глядя, — вмешался я.

— В таком случае, зачем женщинам снимать палатки? — спросил Пилг.

— Это просто замечательно, следует выспаться перед путешествием, — добавил еще кто-то.

Я зевнул.

— Что ж, звучит заманчиво. Кажется, я уже начинаю задремывать.

— Завтра мы должны рано встать, — напомнил Джарк.

— Ага. Думаю в полдень или чуть позже будет нормально, — пробормотал я.

— О-о, — простонал Хинк, — ведь предстоит еще так много сделать. Например завтрак и потом... полдник...

— Ах, — вздохнул Пилг. — У женщин просто не окажется времени снять палатки до полдника.

— Но и после этого у них не окажется времени, — пробормотал я сонно. — Им же предстоит запастись пищей для путешествия, прежде чем мы отправимся в дорогу.

— Это может занять весь день...

— Или даже два... а то и три...

Новые надежды... и зевки. Кто-то сонно пробормотал:

— Надеюсь, не окажется проблемой познакомить Шугу с местным волшебником.

— Не знаю. Надо что-то придумать. Спроси Пилга, как он считает?

— Пилг спит.

— Тогда спроси Хинка.

— Он тоже спит.

- А Джарк?
- Давным-давно.
- Вот незадача. А Кемд?
- Само собой.
- Тогда почему вы мне спать не даете, — проворчал я. — Трудная это работа, быть Главой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

И действительно — ужасное событие нас не избегло. Мы торопились как могли, но море поднялось и отрезало нас на острове. На это потребовалось одиннадцать дней.

Нам надо было всего несколько часов, чтобы преодолеть перешеек все время сужающуюся полосу суши — но нам как-то не удалось организовать женщин. Суматоха в лагере царила ужасная. Шесть дней подряд мы снимали палатки. Но потом оказывалось, что было слишком поздно и их приходилось ставить обратно, чтобы лечь спать. Красное Солнце стояло высоко в небе, значит, пришла ночь.

Гортин и его Советники пришли подбодриться нас на следующий день. Они кричали, озирались по сторонам и без конца требовали, чтобы мы быстрее торопились.

— Но мы и так торопимся изо всех сил. Но вы же видите, наши женщины настолько глупы, что не могут удержать в голове самое большое два приказа сразу.

— Удивительно, что вы так далеко ушли, — пробормотал Гортин.

— Да, конечно, — согласился я и побежал дальше.

Теперь Гортин приходил каждый день, разбирался в наших задержках. Наконец, когда мы тронулись в путь, Гортин и его Советники были просто счастливы проводить нас в качестве проводников.

На то, чтобы пересечь остров, у нас ушло пять дней. Мы подошли к перешейку как раз вовремя, чтобы увидеть, как над ним сомкнулось море. Гортин то ли вздохнул, то ли застонал от огорчения. Я тоже горестно издохнул.

Глава Гортин посмотрел на меня.

— Лэнт, если бы я не знал наверняка, что вы хотите уйти, я бы подумал, что твои люди хотят здесь остаться.

Он помотал головой.

— Но я не могу в это поверить. Я еще не встречал племя более глупое и суетливое, чем твое.

Я был вынужден согласиться с ним.

Гортин сказал:

— Ладно, давай возвращаться. Очевидно, вам придется побыть с нами весь Болотный Сезон.

Я кивнул.

Потом, будто нехотя, отдал приказание:

— Эй, вы, поворачивайте назад! Поворачивайте! Слишком поздно идти через перешеек. Нам придется вернуться назад, на нашу прежнюю стоянку.

Мы снова разбили лагерь на Холмах Юдиона еще до наступления сумерек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Настало время представить друг другу наших волшебников.

Я был очень доволен собой.

Глава Лэнт. Глава одной из лучших деревень в мире. Глава деревни Шуги Великолепного! Я светился от гордости.

Шуга — в пурпурно-красной накидке, способной менять цвета, как Солнце меняет расположение на небе — производил сильное впечатление. На шее, на шнурке он нес линзы ненормального волшебника, трофей и символ, доказывающий, что он — именно тот, кто и есть.

Нараспев, высоким голосом, он поведал им о своем искусстве и о том, как он нанес поражение своему самому опытному врагу, Пурпурному безумному волшебнику, который заявлял, что пришел с другой стороны неба.

При этих словах слушатели зашевелились. Очевидно, слава Шуги опередила нас. Шуга рассказывал, как он уничтожил гору Зуб Критика, как призвал гром и обратил в пустыню местность на многие мили вокруг.

В виде доказательства, он высоко поднял квадратные линзы Пурпурного. И он еще несколько не приукрашивал историю. Правда, она сама по себе была достаточно впечатляющей.

Когда он закончил, начал я. Я рассказал, что нам пришлось уйти из своей деревни из-за побочных эффектов заклинания Шуги и двигаться на юг почти четверть сезона. Наше путешествие началось при голубом Солнце. Мы проделали многие сотни миль по дну отступающего океана. Мы шли, и Солнца отступали друг от друга на небе все дальше и дальше. Красный Варн и Голубой Оуэлс все дальше и дальше растягивали дни между собой, пока темнота не пропала совсем.

Я рассказал, как из-за множества опасностей и потерь мы пересекли великую грязевую пустыню. Приближался светлый сезон, моря должны были вернуться на эту землю, последний этап нашего путешествия.

превратился в беспорядочное бегство от подкрадывающейся воды. Много раз мы просыпались и обнаруживали океан, плещущийся у наших палаток.

Я не стал говорить, что именно там мы потеряли Франса. Однажды ночью он захлебнулся в своей палатке. Им совсем ни к чему было знать, что я совсем недавно стал Главой деревни.

Сейчас Варн и Оуэлс были на противоположных сторонах неба. Световое время началось. Как океан подползал к этим холмам, так и я неторопливо повествовал, как мы добрались сюда, к подножию южных гор, ища убежища и места, чтобы построить новую деревню.

Гортин улыбнулся.

— Ваши рассказы очень впечатляющие, особенно у твоего волшебника. Коль его магия хоть наполовину так же хороша, как его рассказы, то он бросает вызов самим богам.

— У вас такой же хороший волшебник? — спокойно спросил я.

— Лучше, — ответил на это Гортин. — Его заклинания не вызывают побочных эффектов, которые уничтожают целые деревни.

— Заклинания нашего волшебника так сильны, что и при меньших побочных эффектах оставляют вокруг себя пустыню.

— Какое счастье, что он уменьшает побочные эффекты, — улыбка Гортина поддразнивала нас.

Было очевидно, что он не верит в силу Шуги. Но я надеялся, что Шуте не придется это демонстрировать.

— Наш волшебник, — продолжал Гортин, — пришел к нам совсем неожиданно. Он убил старого волшебника одним ударом, но ничего не повредил. За исключением, конечно, старого волшебника.

Позади Гортина зашуршали кусты, словно кто-то торопливо шел к нам. Гортин отступил в сторону со словами:

— Знайте же, наш волшебник — это Пурпурный Неубиваемый!

Я подумал, что мое сердце остановилось. Шуга стоял дрожащий и немой, не в силах пошевелиться. Человек, выступивший вперед, действительно был Пурпурный в целости и сохранности, тот самый Пурпурный, которого Шуга, как мы надеялись, убил в яростной битве, во время последнего заклинания.

Другие жители нашей деревни отпрянули от Шуги, словно надеясь избежать неизбежного удара молнии Пурпурного.

Внутренне я тоже был готов отпрянуть. Я хотел убежать, умереть. Видимо мое последнее желание будет удовлетворено и скоро.

Пурпурный внимательно оглядел нас. На нем был костюм небесноголубого цвета, сшитого из одного куска, он облегал его как вторая кожа. Несколько предметов свисало с широкого пояса, стянувшего обширную талию.

Капюшон откинут назад. Взгляд его был косящим и неуверенным, глаза слезились и бегали, перескакивая с одного на другого. Наконец, ищущий этот взгляд остановился на... о, боже! На мне...

Пурпурный энергично шагнул вперед, схватил меня за плечи, глядя в лицо.

— Лэнт, ты ли это?

Его слова звучали странно, но произносились им самим. Очевидно, его говорящее устройство было уничтожено, и ему пришлось научиться объясняться по-человечески.

Он выпустил меня раньше, чем я потерял сознание и осмотрелся вокруг.

— А Шута? Шута здесь?

И тут он увидел низенького волшебника. Шута стоял на месте и дрожал.

— Чему бывать, того не миновать, — пробормотал он, — лишь бы это было безболезненно.

— Шута, — произнес свихнувшийся волшебник, пройдя мимо меня с вытянутыми руками. — Шута, я хочу кое о чем спросить тебя.

Шута издал поистине нечеловеческий крик, прыгнул вперед и вцепился в Пурпурного.

Они оба покатались по земле, большой волшебник и маленький. Шута издавал некрасивые хныкающие звуки. Пурпурный задыхался.

Потребовалось девять человек, чтобы растащить их. Наши самые молодые и проворные советники уволокли лягающегося и визжащего Шуту. Крики его доносились до нас из-за леса, пока не прервались всплеском в реке.

Пока Пурпурный отряхивался, Шута вернулся, сопровождаемый с одной стороны Дирком-пастухом, а с другой — Орком, моим старшим сыном. Он встал между нами, сердито поглядывая на собравшихся.

Сочувствующие, заботливые советники обступили Пурпурного. Они похлопывали его по плечам, словно взволнованную женщину. Гортин не скрывал замешательства. Он посмотрел на меня и сказал:

— Кажется наши волшебники уже знакомы друг с другом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я перевел взгляд на Пурпурного. Годова кружилась. Я чувствовал, что пропал. Мой рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной умирать на берег. Как эта напасть нас отыскала?

— Ты мертв! — заявил я волшебнику. — Как ты мог... какого бога...

Тут я замолчал, поскольку вопрос был неразумным. Пурпурный не верил в богов, он говорил об этом множество раз. Я не мог спокойно

смотреть на него, на его тело с противным брюхом, на его выпирающую плоть, на бледную безволосую кожу, на доскутья неестественного прямого черного меха. Он был воплощением уродства в моих глазах. Он был угрозой моей душе и рассудку.

Гортин усмехнулся, довольный таким сюжетом. Я указал на Пурпурного и с трудом проговорил:

— Откуда?

— Это — подарок богов, — ответил Гортин. — Мы много лет прожили с волшебником, которым не все были довольны. — Он сумрачно нахмурился. — Дером был прекрасный, сильный волшебник, но некоторые становились несчастными из-за его заклинаний.

— Дером! — пробормотал Шуга. — Мы учились вместе.

Я кивнул. История была знакомой. Иногда волшебники начинали злоупотреблять своей властью. И тогда уважение к ним падало. Потому что от этого страдали жители.

— Это случилось во время последнего соединения, — продолжал Гортин. — Чудо! В эту ночь разразилась страшная буря. Поднялся сильный ветер, огненный шар Элкина пронесся по небу и повернул обратно. А затем на краю деревни послышался треск. Когда мы выбрались из гнезд, то обнаружили вот этого волшебника, который упал на старый дом Дерома и раздавил его всмятку. Действительно, странный волшебник!

— Он упал с неба!

Гортин кивнул. Другие Советники принялись объяснять, перебивая друг друга:

— Он пришел с неба!

— Хотя на нем не было и царапинки!

— Словно огромная падающая звезда...

— Никто не пострадал.

— Даже Дером. Он был убит мгновенно.

— Было много песен и плясок...

— Ти-хо! — проревел Гортин.

Стало тихо. Гортин продолжал:

— Мы отдали Пурпурному малиновые сандалии Дерома и его накидку и тут же сделали его волшебником. А что нам еще оставалось делать? От него вообще никакого толку. Он даже по-человечески не говорил. Нам пришлось похоронить Дерома без освящения.

— Но как может человек упасть с неба и не быть убитым?

— Пурпурный — не просто человек, — заявил Гортин, словно этого объяснения было достаточно.

— Он — демон, — прорычал Шуга.

Такого объяснения было более чем достаточно.

— Это благодаря моему защитному костюму, — вмешался Пурпурный.

Он выступил вперед и с силой ударил себя по животу. Его брюхо было большим и рыхлым, потому от удара он должен был бы сморщиться от боли. Но этого не произошло. Мне на мгновение показалось, что Пурпурный стал жестким, как камень.

— Мой защитный костюм, — повторил он. — В нормальных условиях он гнется как обычная одежда. Но при резком ударе становится единым несокрушимым монолитом. Лэнт, помнишь, как в вашей деревне мальчишка кинул в меня копье?

— Помню. Тебя даже не поцарапало.

— Этот костюм словно жесткая кожа. Вместе с капюшоном он прикрывает меня всего, кроме глаз и рта. Он и спас мне жизнь.

— Я не понял, что мое летающее яйцо движется, — продолжал Пурпурный. — Вы замазали густой серой грязью все кнопки и циферблаты, так что я не мог видеть как работают мои... — он запнулся, подбирая подходящее слово, — мои устройства для заклинания.

Он принялся объяснять жителям своей деревни:

— Они каким-то образом умудрились проникнуть в мое летающее гнездо. Я вам о нем уже рассказывал — и натворили в нем ужас что.

Повернувшись в нашу сторону, он добавил:

— Я был в ярости, Лэнт. И хотел перебить всю вашу банду.

Я содрогнулся. Он и сейчас может осуществить свое желание. Действительно, чего он ждет?

— Потом я понял, — продолжал он, — что все это вы сделали изза невежества. Возможно вы подумали, что яйцо живое и опасное. Вероятно это и послужило причиной первого нападения Шуги на меня. Я теперь хочу знать... для чего вы перепачкали и переломали все инструменты в моем летающем гнезде?

К несчастью я не понял, как тяжело вы повредили его. В любом летающем гнезде предусмотрено заклинание, которое компенсирует резкие движения. Оно же компенсирует отсутствие земли под ногами. Короче я не знал, что лечу. Вы же замазали серой краской все экраны, так же как и индикаторы.

Когда я открыл дверь, чтобы отправиться на ваши поиски, ветер от движения гнезда подхватил меня и швырнул наружу. Когда я понял, что падаю, то надвинул капюшон и свернулся клубком. Мой защитный костюм спас меня, сохранив форму. Как вода в сосуде, она не изменит свою форму, если ты резко надавишь на него.

— Я бы предпочел, чтобы этот сосуд разбился, — проворчал Шуга.

— От падения я потерял сознание, — продолжал Пурпурный, — но не сломал ни одной косточки. Правда, падая вниз, я ничего не запомнил на местности. И до сих пор не знаю, где нахожусь... А мое летающее гнездо не отвечает на сигналы. Уже несколько месяцев не отвечает. Я боюсь, что оказался вне зоны его приема...

— Совершенно верно, — сказал я. — Заклинание Шуги его полностью уничтожило. Оно находилось под горой, называвшейся Зуб Критика, когда по нему ударил молот Элкина.

— Элкина?

— Бог грома, маленький, но могущественный.

— Ах, да. Я о нем слышал. Так, говоришь, он ударил в мое яйцо?

— Ударил — огромнейшей вспышкой и звуком, таким громким, что содрогнулась земля и раскололось небо. И после этого я не мог ничего видеть и слышать.

Пурпурный издал странный сдавленный звук.

— Скажи мне, Лэнт, теперь земля там светится по ночам странным голубым светом?

— В старой деревне — да. И все деревья и трава — умерли. Многие жители и животные — тоже. Взгляни, у Пилга и Анга вылезла вся шерсть, а Пилг покрылся язвами.

Пурпурный прищурился и подошел поближе. Пилг, настоящий храбрец, не сбежал от неожиданного и лихорадочного осмотра.

Лица обоих побледнели.

— И правда, — прошептал Пурпурный. — Получается, я потерпел крушение. Это язвы, — тут он воспользовался словом из своего демонского языка, — от радиации. Язвы от радиации! — воскликнул он. — Вы взорвали мое гнездо. — Пурпурный продолжал что-то непонятно и возбужденно бормотать, озираясь по сторонам. — Вы, волосатые недочеловеки, сокрушили мою летающую машину. Я остался здесь навечно. Будьте вы прокляты, все вы...

Мы отпрянули от него подальше, даже жители его деревни. Слишком уж он увлекся проклятиями. Но Гортин и еще несколько Советников шагнули вперед и принялись утешать Пурпурного.

— Ничего, ничего, — бормотали они, похлопывая его по спине, но с видимой опаской.

— Оставьте меня в покое! — завопил Пурпурный, вырываясь из удерживающих его рук. Он наткнулся на Пилга, который продолжал стоять впереди всех, выставив лысую, воспаленную грудь.

— Ты сможешь меня вылечить? — спросил Пилг дрожащим голосом.

Пурпурный заколебался, глядя на перекошенное болезнью тело, точно увидел его впервые, потом заглянул в глаза Пилгу, шагнул вперед и обнял его за плечи.

— О, мой друг, мой бедный друг, дорогой друг...

Он выпустил дрожащего Пилга и повернулся к остальным.

— Мои друзья, вы все...

Мы дружно подались назад. В обеих деревнях не нашлось человека, хотевшего стать другом бродячего свихнувшегося волшебника.

— Друзья мои, теперь я нуждаюсь в вас больше чем когда-либо. Я потерял самый сильный источник своего могущества. Мое летающее яйцо уничтожено. И все те чудеса, которые я обещал для вас сотворить, когда его найду... теперь я не могу осуществить...

Тут Шуга немного распрямылся.

— А сделал это я, — напомнил он.

В его голосе прозвучали нотки гордости. И он был единственным, кто улыбался.

— А сделал это ты, — сказал Пурпурный таким тоном, что двое Советников тут же двинулись вперед, готовясь схватить его за руки.

Гортин перевел взгляд с меня на Пурпурного, потом на Шугу. Он, должно быть, лихорадочно размышлял. Он полагал, что их волшебник лучше нашего. Но Пурпурный только что сам признался, что дуэльные заклинания Шуги принесли тому довольно значительный ущерб. Очевидно, оба волшебника обладали властью, с которой придется считаться.

Но как они ненавидят друг друга! Это не предвещало ничего хорошего любой деревне. Гортин отвел меня в сторону.

— Думаю, самое время прекратить собрание.

— Пока наши волшебники не сделали это за нас, — согласился я.

— Забирайте своего в свой лагерь, а мы загоним своего в его гнездо. А с тобой нам надо встретиться позднее, наедине, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Чтобы наши обе деревни выжили, нам придется немало поработать.

Я кивнул.

Долго ли сможет Шуга держать себя в руках?

Нам следовало как можно быстрее убраться с территории Пурпурного. Я немедленно замахал руками на своих Советников.

— Пошли, пошли!

Все, чего я желал — это увеличить расстояние между свихнувшимся волшебником и Шугой.

Мы торопились вернуться на свой склон. Все наши мысли были сосредоточены на одном — мы в ловушке на острове, рядом с двумя

раздраженными колдунами... О, Элкин, что мы такого сделали, что заслужили такую участь! Неужели мы настолько разгневали богов?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

На то, чтобы дурную новость узнали все, много времени не потребовалось. Волна страха прокатилась по лагерю и была очень видима. Женщины принялись выть, сильные мужчины дрожать, дети недоуменно орать. Собаки лаять.

Многие начали распутывать веревки палаток, снимая их. Хотя и измученные люди были готовы продолжить свой путь — настолько был велик их страх перед Пурпурным.

Невероятно — несколько вот этих жалких семей совсем недавно были богатой и сильной деревней. Но такими мы были до появления Пурпурного. Мы видели, как наша деревня выжигается дотла, видели смерть наших друзей и соседей, видели как гибла наша собственность и все это в результате вражды Шуги и ненормального волшебника.

А дуэль еще не кончилась. Пурпурный все еще жив, он последовал за нами, он готовился уничтожить нас. Его принесло сюда за одну ночь. И он четверть сезона поджидал нашего появления.

Шуга был неприступен. То, что Пурпурный был до сих пор жив, видимо, само за себя говорило о его неудаче. Он осуществил свое самое великое заклинание — а ненормальный волшебник даже не держал на него за это зла!

Шуга раздраженно вырвался из рук двоих сопровождающих его советников и потопал напрямик через поле, уже подмоченное морем. Толпа двинулась за ним по краю, как овцы вдоль лужи грязной воды. Встревоженные матери загоняли детей в безопасное место.

По всему лагерю уже снимали палатки. Люди готовились спасаться бегством. Они не знали куда идти, но лучше умереть в пути — так был велик их страх перед Пурпурным волшебником.

Тут и там рыдающие женщины упаковывали свои тюки. Дети цеплялись за их юбки. Многие мужчины, когда я проходил мимо, набрасывали на своих жен дополнительные путы — кто знает, на что способна женщина в истерике.

Несколько членов Гильдии Советников стояли кучкой и спорили. Увидев меня, они замолчали.

— А, Лэнт, мы только что обсуждали, что лучше: двинуться дальше на юг или, возможно, на запад, чтобы...

— Что за глупости ты болтаешь, Пилг?

— В путь, в путь!.. Не можем мы здесь остаться, черт возьми, верно?
— Мы не в силах отсюда уйти. Если только ты не научился ходить по воде.

— Это не единственное место на острове, Лэнт, — произнес Хинк. — Ты слышал, что говорил Гортин?

— Ты это тоже слышал, — резко прервал я его. — Остров невелик. Четыре деревни и холмы Юдиона.

Хинк пожал плечами.

— Если нам придется бежать на холмы, то пусть так и будет. Мы сможем выбраться отсюда ночью.

— Тогда все деревни острова будут настроены против нас.

— У нас нет выбора. Шуга собирается начинать дуэль.

— Это Шуга сказал?

— Ха! Нет необходимости говорить с Шугой, чтобы понять, что он замысливает дуэль. Он поклялся убить Пурпурного, помнишь?

— А теперь послушай, — сказал я. — И не торопись с глупыми выводами. Вот что мы сделаем. Первое: никакой дуэли сейчас не будет. Второе: я собираюсь прогуляться в нижнюю деревню и кое-что предпринять. Я хочу переговорить с Гортином наедине и попытаться реализовать наши первоначальные планы: обменять наше мастерство на пищу и землю. Это единственная возможность для нас выжить.

— Ха! — фыркнул Хинк. — Ты считаешь, что сможешь удержать Шугу от продолжения дуэли?

— Теперь я — Глава, — перебил я его, — это дает мне власть.

— Минутку, Лэнт, — улыбнулся Хинк, — мы позволили тебе быть Главой, но только на переговорах с жителями нижней деревни. У нас нет намерения позволять тебе, всего лишь мастеру по кости, принимать на себя все остальные права и привилегии Главы.

Послышались приглушенные согласные голоса остальных.

— Конечно, ты прав, Хинк. И в тот раз я не хотел быть Главой. Но вы настаивали, и твой голос был одним из самых громких. Теперь же, раз вы признали меня Главой в переговорах с другими людьми, то вам придется признать и тот факт, что я представляю вас в переговорах с богами.

— Хм!

— Хорошо, подумай сам! Очевидно боги нас испытывают. Эта куча напастей, которая на нас навалилась — всего лишь проверка нашей веры и послушания. Боги желают убедиться, продолжаем ли мы верить в них, несмотря на все несчастья, продолжаем ли мы молить их о милости — или вместо этого мы отрекаемся от них в своем отчаянии.

— А что здесь общего с тем, что будет тебе позволено или нет отдавать приказы? — спросил младший сводный брат Хинка, Меньшой Хинк. Отец у них, конечно, был один, но матери разные.

Я с самым сердитым видом уставился на него.

— Но это же должно быть очевидно даже для таких лягушачьих мозгов, как у тебя! Если ты отрицаешь старые обычаи и традиции — ты отрицаешь самих богов. Вся наша жизнь основана на капризах богов, которым мы служим. Только волшебник может контролировать богов — и только Глава деревни может контролировать деревенского волшебника. Шуга вырезал свое согласие на символе Главы, поэтому только владелец этого символа имеет над ним власть.

— Но у тебя нет символа, — заметил Хинк.

— Правильно, — воскликнул Большой Хинк. — Мы тебе ничего не должны. — Остальные послушно начали поворачиваться. — Мы можем выбрать и другого Главу. Шуга с такой же легкостью сделает символ и для него.

— Подождите! — крикнул я. Соображать приходилось мгновенно. — Кое о чем вы забыли!

Что-то в моем голосе заставило их остановиться!

— Вы забыли о Гортине, Главе нижней деревни. Он не знает, с каких пор я являюсь Главой — он думает, что я такой же опытный, как и он. Но если вы представите в качестве Главы другого человека, он сразу догадается, насколько этот человек неопытен — и будет удивляться, что мы выбрали нового Главу в такой критический момент. Все деревни на острове получают перед нами преимущество, зная, что имеют дело с начинающим Главой.

Советники что-то забормотали, потом отошли в сторону и принялись горячо обсуждать вопрос.

— Лучше совсем без Главы, чем...

— Но эта нижняя деревня...

— Не нужен нам еще один неподходящий Глава...

— Но мы уже поручили...

— И еще одно, — окликнул я их, — Шуга.

Они замолчали и повернулись в мою сторону.

— Как вы думаете, как он будет реагировать, когда вы придете к нему и заявите, что его лучший друг больше не Глава? Найдется среди вас такой, кто считает, что сможет успокоить разбушевавшегося волшебника?

Такого не оказалось. Советники осторожно переглянулись. Наконец, Хинк закивал, соглашаясь, и остальные закивали вместе с ним.

— Ладно, Лэнт, ты победил. В следующий раз мы будем осмотрительнее, когда придется кого-то вытаскивать вперед.

— И, определенно, язык у него не будет таким шустрым, — пробормотал Младший Хипк.

— Будем надеяться, что он сможет использовать его против Гортина. — пробормотал Спеорг.

— Не беспокойся, — заявил Большой Хипк, — если не сможет, мы же его за это и вздернем.

— Я более озабочен, чтобы ты потренировал его на Шуге, — сказал Пилг. — И поскорее. Как раз в эту минуту Шуга, возможно, готовится к дуэли.

— Чепуха! — отрезал я. — Не будет он сейчас планировать дуэль. Сейчас светлый сезон, Лун нет.

— О, Лэнт, ты достаточно хорошо знаешь времена года, — но не думаю, что ты так хорошо знаешь Шугу!

— Я мастер по кости, — произнес я с достоинством. — Я должен иметь достаточное представление о магии, чтобы изготавливать настоящие инструменты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Шуга находился в одиночестве возле своего укрытия. Я обнаружил его пристально разглядывающим небо и что-то бормочущим себе под нос.

— Козлиная почка... лягушачья икра... муравьиные перья... ну почему все несчастья случаются во время светлого сезона?

— Шуга, — поинтересовался я, — в чем дело?

— В небе, идиот, в небе!

— Я не идиот. Я теперь Глава.

— Можно быть Главой и оставаться идиотом. — резко ответил он. Его глаза покраснели и слезились от длительного разглядывания небес. — Если бы не только это проклятое богами небо!

— С небом что-то случилось!

— Я не вижу Лун. — Шуга встал и всплеснул руками. — Элкип! Как я узнаю, какая сейчас конфигурация! Ведь я не могу видеть Луны! Красный день, голубой день, снова красный день... а темноты нет совсем... Я смотрел...

Во мне начало подниматься недоброе подозрение.

— Шуга, что ты замышляешь?

— Пытаюсь спланировать дуэль... Да защитят нас боги, Лэнт, но я не могу хотя бы спланировать оборону, пока не узнаю конфигурацию Лун.

— Это скверно, — согласился я. Один Вирн знает, как я мог сдержаться и не позволить своему голосу не задрожать. — Но быть может это и хорошо.

— Хорошо?! — Шуга резко повернулся в мою сторону. — Что здесь может быть хорошего? Как я смогу спланировать дуэль, если все предзнаменования скрыты?

— Может быть это знак, — осторожно проговорил я. — Знак, что не стоит объявлять дуэль.

— Не стоит объявлять дуэль?.. Да ты с ума сошел, Лэнт! Глава! — произнес он, не скрывая иронии. — Один ты знаешь как истолковывать предзнаменования.

— Я и не собираюсь толковать предзнаменования, — твердо заявил я. — Я хочу сказать, что тебе не всегда следует полагаться на свою магию, как на самое легкое решение. Вероятно, тебе иногда бы не мешало и подумать о более рациональном образе действий, а не торопиться накладывать заклинания со своими опасными побочными эффектами. Не забывай, что бы ты не сделал, от побочных эффектов ничто не спасет.

— Ты собираешься учить меня магии?

Шуга пристально глядел на меня сузившимися глазами.

— Я? Никогда! Я — твой самый верный сторонник!.. Но ты должен признать, Шуга, что ты порой берешься за свою магию в ситуациях, когда немного дипломатии принесет больше пользы. Ты слишком поспешно разбрасываешься заклинаниями, не успев выяснить, как они действуют.

— А как мне еще узнать, как они действуют? — упрямо спросил Шуга.

Я решил проигнорировать вопрос.

— Ты должен признать, Шуга, что словесное мое мастерство выше твоего словесного мастерства.

— Да, — согласился он. — Ты им чаще, чем я, пользуешься. Поэтому у тебя лучше и получается.

— Тогда пусть все останется так, как и есть, если ты не знаешь, как расположены Луны, если ты не можешь использовать никаких зависимых от Лун заклинаний, то тебе придется положиться на меня, как на Главу, чтобы я постарался избежать ситуации, при которой потребуется твоя магия.

— Слишком поздно, Лэнт. Мы уже оказались в ситуации, в которой настолько требуется моя магия, что другого выхода нет. Я обязан защитить нас от Пурпурного. А он, несомненно, постарается убить и меня... и тебя... и всех остальных жителей деревни, лишь бы только вернуть их себе. — И он помахал в воздухе трофеем, который подобрал во время уничтожения черного яйца: кварцевыми линзами Пурпурного. Их черная костяная оправа заблестела в голубом свете.

— Чепуха! — резко возразил я, сам удивляясь собственной дерзости. Я уже начал ощущать себя Главой. — Очевидно ты хуже меня знаешь Пурпурного. Я не припомню, чтобы он хоть раз применил против тебя насилие или попытался применить заклинание. Пурпурный даже не ответил ни на одну из твоих атак.

— Тем более надо быть осторожным. Мы сейчас в его деревне, и когда он ответит, то Луны посыплются, Лэнт.

— Еще одна чепуха! Пурпурный больше говорит, чем делает

— Моя магия необходима, чтобы защитить нас, Лэнт!

— Огромное спасибо, что ты намерен нас защищать, но это не значит, что ты должен нападать на Пурпурного немедленно...

— Нападение — самая хорошая форма защиты.

— И Луны будут падать с неба нам на головы? Почему ты не хочешь подождать и выяснить, что он замышляет? Ты забыл, что у тебя есть над ним власть, Шуга, — его лизы. Он захочет их вернуть. Ради них он на все пойдет, только бы заполучить их обратно. Возможно, он даже согласится произнести клятву перемирия.

— Перемирия! — проревел Шуга. — Перемирия! Ну, Лэнт, у тебя рассудок помутился. Между волшебниками перемирия не бывает. Пора бы и знать!

— А у тебя характер осла, — раздраженно ответил я. — Если бы не я, ты бы давно себя утробил, пытаясь швыряться огромными шарами в Эджина.

Это на мгновение остановило его. Шуга немо уставился на меня. Потом сказал на удивление спокойно:

— Лэнт, ты меня удивляешь. Я и не предполагал, что ты такой агрессивный.

— Путешествие было долгим и трудным, Шуга. Я устал. И больше всего устал от скверного характера волшебника. А теперь попытайся хоть раз воспользоваться своим разумом... Или, если его у тебя нет, позволь мне воспользоваться своим, вместо твоего.

— Что ты предлагаешь? — выдохнул он.

— Ждать — и ничего более. Ждать. Принести клятву перемирия, если потребуется. Слишком рано сейчас для дуэли с Пурпурным, слишком рано. Если ты затеешь с ним сражение на его земле, то ты заранее обречен на проигрыш. Подожди, пока ты не окажешься в равных, по крайней мере условиях.

Шуга ничего не ответил. Он задумчиво разглядывал свои ногти и чесал короткий мех, который начал уже отрастать.

— Ну?.. — спросил я

Шуга молчал, продолжая почесываться.

— И еще об одном ты забыл, Шуга. Пурпурный всегда заявлял, что его магия не зависит ни от богов, ни от конфигурации Лун. А ты всегда считал, что он лжет. Но, допустим, он говорит правду — тогда непрекращающийся солнечный свет не помешает.

Шуга не ответил, но, по крайней мере, перестал чесаться.

— Ну? Ты согласен подождать или ничего не предпринимать, пока не посоветуешься со мной?

Он поглядел на меня.

— Я поставлю тебя в известность, прежде чем начну что-либо предпринимать в отношении Пурпурного. А до этого ничего такого делать не буду.

— Прекрасно.

Когда я его покидал, он начал понемногу раскладывать по местам свои кодовские приспособления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Разрешив эту проблему, я вернулся к Хинку и прочим, сказав им, что мы можем не бояться немедленной дуэли. Шуга с места не сдвинется, предварительно не посоветовавшись со мной. Еще я сказал, что мы останемся здесь.

Опять последовало ворчание, но им пришлось с этим смириться — если не перед моей властью Главы, то перед властью наступившего моря. Ясное дело, они и не ожидали, что я так быстро договорюсь с Шуткой, так что им ничего другого и не оставалось, как утвердить меня в должности. Словно сами боги помогали мне!

Когда они разошлись по своим палаткам, я вызвал своих сыновей Вилвила и Орбе.

Вилвил поинтересовался:

— Почему тебе так хочется остаться здесь? Все в этом районе обещает неприятности. То, что Пурпурный до сих пор жив, не сулит нам ничего хорошего.

— Ну, думаю, что с этой ситуацией можно справиться. А преимущества от проживания здесь намного пересиливают любые страхи.

— Преимущества? — недоверчиво переспросил Орбе. Он был утрюмее Вилва.

— Конечно... Но вы, строители велосипедов... Вы должны были уже отметить качественные и подходящие образцы деревьев в округе

Прекрасный стройный бамбук, сосна, искристая осина, дуб. И еще волокнистые растения, прямые и однородные. С таким материалом в руках любой может построить замечательный велосипед. Да с таким материалом кто угодно сможет построить что угодно. Разве вы не заметили, что в нижней деревне нет ни велосипедов, ни велосипедных мастерских? Заказы у вас будут всегда.

Витвил энергично закивал.

— Орбе, наш отец прав. Работы здесь непочатый край.

— Ты правильно думаешь, Витвил. Начни с контакта с соседними деревнями. Узнай для меня ближайшие залежи кости. Любой. У них здесь нет хорошего мастера резьбы по кости.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Теперь я направился в нижнюю деревню на встречу с Гортином.

На этот раз нас будет только двое без надоедливых Советников, от которых одна помеха. Надо будет побыстрее покончить с формальными приветствиями и перейти сразу к сути дела. Конечно, выбора тут быть не могло. Жителям всей деревни придется тут задержаться на время Болотного сезона.

Нам с Гортином придется прийти к какому-то соглашению, на основе которого две деревни смогут дотянуть до следующего совпадения.

Честно говоря, я беспокоился. Мне впервые приходилось быть Главой деревни и принимать решение за всех. Одно дело внушать уважение к себе одному из твоих соплеменников и для его пользы, совсем другое — попытаться это же сделать с совсем незнакомым человеком.

Я нес на себе символ счастья, вместо нового символа Главы, который Шуга даже не начал для меня изготавливать. Он никак не мог найти один из самых важных ингредиентов — камень весом маленького ребенка. На самом деле мы даже не выбрали еще ребенка, чей вес послужит эталоном для символа.

Без соответствующего символа Главы я чувствовал себя неуверенно и опасался, что не смогу все проделать как надо.

Символ, символ. — бормотал я. — Разве благо моей деревни не может заменить символ?

И я заковылял вниз по склону, полный решимости и без символа сделать все наилучшим образом.

Позади меня раздался крик. Я остановился. Моя первая жена сбегала с холма, юбка развевалась, груди подпрыгивали, пути заставляли передвигаться коротенькими шажками.

— Лэнт, о, храбрый Лэнт, подожди! Ты забыл свой амулет искусного торговца.

— Я ни в чем не нуждаюсь, женщина. Я иду на переговоры. Со мной символ хорошо подвешенного языка и символ счастья. Зачем мне еще символ торговца?

Она удрученно покорилаась.

— Я сожалею, мой отважный муж. Ты прав. Я только хотела сделать что-нибудь, чтобы тебе помочь... я хотела дать тебе что-нибудь такое, что бы помогло твоим переговорам, но все, что смогла придумать, это амулет торговца. И я решила может он сможет тебе помочь... хоть немного, как-нибудь...

— Как же он сможет мне помочь? — с иронией спросил я. — Я иду туда не в качестве торговца, а как Глава.

— Ты прав, мой мудрый муж, — она принялась ласкать и целовать мои ноги. — Я не знаю чем занимается Глава, но я подумала, что это что-то вроде торговца, потому что я... я сожалею, что отняла у тебя время. Пойду и отстегаю себя.

Она выглядела такой подавленной и несчастной: волосы местами выпали и утратили былую горделивую ухоженность, фигура из-за беременности стала грузной. Я почувствовал прилив жалости.

— Ладно, женщина, погоди. Давай амулет. Он не повредит. Он и не может помочь, конечно, но я его возьму, раз ты считаешь, что это так важно.

Пустые, разумеется, слова, которые мне нетрудно было произнести, но как же благотворно они на нее подействовали. Она благодарно улыбнулась и почтительно бросилась к моим ногам.

— Ладно, ладно, хватит целовать. Ты хочешь, чтобы вторая жена подумала, что я уделяю тебе намного больше внимания?

Я взял амулет, приказал ей встать и отослал обратно в лагерь.

Затем продолжил свой путь н нижней деревне. Широкая река обегала холм и текла к морю. Большие черные домашние деревья вытянулись вдоль ее берегов. Там было много лягушачьих прудов и садков, а у самого берега террасами шли мелкие лужи, пригодные для выращивания риса.

На одной стороне, достаточно далеко за деревней виднелось уединенное дерево настолько неправильной формы, что ни один человек не стал бы там жить. Ясно, что там находилось гнездо Пурпурного.

Но не оно было моей целью. Еще рано. Сперва надо поговорить с Гортином.

Когда я вошел непосредственно в деревню, за мной увязался хвост любопытных жителей и детей. Некоторые из отпрысков начали было

дразнить меня, но взрослые останавливали их. Я невозмутимо шел между темными стволами, а все тапчили за мной. Скрипела черная трава под ногами.

Я не мог не восхищаться размерами деревьев и искусным плетением гнезд, висящих на них. Все говорило о процветании. Требуется множество забот, чтобы дерево выросло достаточно большим, чтобы выдержать дом. То, что в деревне было их так много, говорило о богатстве обитателей.

Поляна Главы представляла собой тенистый закуток, обсаженный буком и желтой осинкой. За этот круг не позволялось заходить ни женщинам, ни детям, ни другим обитателям деревни.

Мой ранг позволял мне находиться там, но из дипломатических соображений я вежливо предоставил Главе возможность официально пригласить меня. Он выдвинулся вперед и разрешил мне войти, но все же сперва разогнал уже довольно значительную по размерам толпу зевак. Появление наших людей, скорее всего, явилось самым волнующим событием за последнее время.

Гортин и я устроились на поляне и обменялись ритуальными приветствиями. Мы пожевали корень рабы и поговорили о богах и погоде. Мы обменялись каждый двумя слогами наших торжественных имен скорее из необходимости намечавшегося взаимного доверия, чем в знак уважения.

После этого мы обменялись биографиями. Я не особенно вдавался в подробности, рассказывая о себе — просто сообщил, что был единогласно избран Главой жителей моей деревни из-за присущих мне храбрости и мужества. На Гортина это произвело соответствующее впечатление.

Он рассказал, как стал Главой деревни, как неоднократно боролся за эту честь и как терпел поражения, как в его деревне один за другим правило несколько ужасных вождей, но одного убили за дерзость, другого опозорили, а третьего сместили — только когда кроткие деревенские жители поняли, что Гортин больше всех подходит на это место и выбрали его.

Это была впечатляющая история, клянусь. Я верил ему не больше, чем он мне, но искусство Гортина как Главы произвело на меня впечатление.

— Не секрет, — заявил он потом, — что ваше племя нуждается в месте, где можно было бы остановиться на совсем.

Я кивнул.

— Ты прав, это не секрет. Каждый может устать от странствий.

— Мне трудно в это поверить. Расстаться с впечатлениями, приключениями...

— Да, — согласился я. — Нам нравилось сидеть и говорить о них. Мы оказались смелыми людьми и не побоялись тягот такого переселения. Но позади нас таились опасности, которые помогли нам быть храбрыми.

И я тут же сменил тему.

— У вас здесь богатый район.

— Ну уж нет! — запротестовал Гортин. — Если разобраться, так мы совсем нищие. Совсем-совсем бедные. И большую часть неплодородного сезона голодаем.

— Значит вы неправильно возделываете землю, — заметил я. — Наши люди смогли бы здесь вырастить достаточно пищи, чтобы прокормить обе деревни.

— Ну-ну, ты сильно преувеличиваешь. Мы обеспокоены, как бы себя прокормить. Места для хорошего урожая не хватает. Мы еле выбрали участок, чтобы посадить скромную рощицу домашних деревьев.

— Но по твоей деревне этого не скажешь. У вас деревьев даже больше, чем надо. Многие пустуют. Да еще домашние деревья выше по склону, которые вообще не используются. Там нашлось бы место и для нас, не так ли?

— Это наша запасная территория. Она понадобится позже, когда поднимется вода.

— И все же этот район достаточно обширен. И домашних деревьев целая поляна.

— Совсем немного, — покачал головой Гортин. — Нам самим едва хватает. Да и состояние у них плохое.

— Чепуха. Напи за несколько дней смогут привести их в норму, а неделю спустя повесить достаточно гнезд на каждом.

— Думаю, в это трудно поверить.

— Можем продемонстрировать. Я уже вижу, что среди вас нет тех умельцев, которые имеются у нас, иначе бы вы жили несравненно лучше.

— Мы живем как умеем.

— Среди вас имеется приличный мастер по кости?

— Работа по кости культивируется на севере. У нас она не в почете.

— Жалко мне вас — многое теряете из того, что сделало бы вашу жизнь легче. Мы владеем многими профессиями, о которых вы и понятия не имеете.

— Допустим, мы можем дать вам продемонстрировать ваши многочисленные дарования. Что вы потребуете взамен?

— Право поселиться. Ну, скажем, на том участке, за лесом.

Гортин медленно покачал головой.

— Эта земля непригодна для жилья. Она неприспособлена для жизни.

— Она не подходит для вас, ты хочешь сказать. Но мы не торгуем урожаем, как вы. Нам нет необходимости жить возле рек и каждый год переселяться, когда поднимается вода. Мы — народ гордый. Мы живем за счет овец, коз, пастбищ. Мы не ходим голодными во время неплодородного сезона.

— Хм, Лэнт, я может и сомневаюсь во многих твоих словах — ваша одежда груба, по крайней мере плохо сшита. А качество отделки шкур не указывает на то мастерство, которым вы, якобы, обладаете. Высокообразованным людям нет необходимости облачаться в шкуры.

— Для твоей деревни это справедливо, — признал я, — но только потому, что вы — ткачи. А мы — нет. Мы ремесленники. Есть у вас, к примеру, мастер по велосипедам?

— Велосипедам?

— Ага, нет. Это — машина с колесами, которая может перенести своего наездника на огромное расстояние за один день.

— Полагаю, вы используете собак либо свиней, чтобы тянуть повозку, наподобие восточных варваров.

— О, Гортин, ты лишь продемонстрировал свое невежество. Для велосипеда вовсе не требуются животные, он движется одной магией.

— Одной магией? — Гортин не скрывал недоверия.

— Совершенно верно, — ответил я не без нотки превосходства в голосе. Если эти люди не знают даже велосипедов, они, несомненно, отстают в развитии. — Человек садится прямо на велосипед, молится и нажимает на педали. — Чем сильнее он молится, тем быстрее едет. Конечно, тебе приходится много молиться, поднимаясь на холм, но зато в машине запасается столько магии, что тебе почти не приходится молиться на всем пути вниз.

— Хотел бы я посмотреть на одно из этих сказочных устройств.

— У Шути один сохранился. Уцелел со времени битвы с Пурпурным.

Он был мой, но я не осмелился попросить Шуту вернуть его обратно. Это было бы оскорблением. Но это не имеет значения. Мои сыновья смогут изготовить и другие.

— И для меня?

— Вполне возможно.

— И только у меня одного будет такое устройство, верно?

— Ты здесь Глава, — ответил я. — Если ты почувствуешь, что магия велосипеда слишком опасна для жителей твоей деревни, твое слово будет законом.

Глаза его хитренько прищурились.

— Думаешь, я смогу с ним управиться?

Я неохотно кивнул. Было ясно, чего добивается Гортин. Быть единственным владельцем велосипеда, значит сильно укрепить свое влияние. Я не хотел бы допустить этого, а также значительного сокращения рынка сбыта для продукции моих сыновей. Но если это было все, что я мог предложить ему взамен права остаться, то выбора у меня не осталось. За Гортином все еще остается право потребовать, чтобы мы ушли, когда Болотный сезон кончится. Я вздохнул и еще раз кивнул.

Гортин просиял.

— Тогда решено, Лэнт. Ты и твои деревня дадите мне велосипед, за который мы вам позволим продемонстрировать якобы ваше высокое умение делать дела, а также расширить и привести в порядок нашу запасную землю.

— О, Гортин, друг мой, — ответил я. — Манеры вежливы, но условия соглашения изложены неправильно. Мы даем на время велосипед лично тебе. А взамен ты благодаришь вашей запасной землей нас. Мы же в знак нашей доброй воли обещаем научить твоих людей всем умениям, которые необходимы, чтобы прожить в неплодородный сезон.

— О, Лэнт, мой верный друг, мой товарищ на всю жизнь. Это ты неверно изложил соглашение. Ты забыл о подаренных десяти баранах, которые ты предложил для великого пира в честь этого.

— О, Гортин, мой преданный брат, мой великодушный наперсник, я о них не забыл, — на самом деле я просто о них не думал. — Такой пир устраивается в честь тех богов, которые совершали небывалые чудеса.

— Лэнт, спутник моих детских лет, неужели я не заслужил такой чести?

— Ах, Гортин, мы не просто товарищи, мы вскормлены одной грудью. Я ни в чем не могу отказать тебе. Только попроси — и это твое. И я тебе предлагаю из-за безграничного влечения к тебе моего сердца шесть овец, которых твои люди могли бы пасти, как своих собственных.

— Но, Лэнт, прославленный мой Советник, мои люди не пастухи. Животные погибнут.

— Гортин, Гортин, мудрость твоя не преувеличение. Конечно же, мы не можем доверить овец неопытным пастухам. Ты выделишь троих молодых мужчин, чтобы те присматривали за ними. Мы будем держать твоих овец вместе с нашими и учить твоих людей пастушьему мастерству. А Шуга просветит их насчет нужных заклинаний.

— У меня нет лишних людей.

— Тогда — мальчишек. Мальчишки любят животных. Наши пастухи научат любых твоих трех мальчишек как правильно ухаживать за овцами и не пасти их долго на одном месте.

— В костях овец много магии. Не оттуда ли так много могущества у твоего волшебника? Не от овец ли?

— Я не знаю источника могущества Шуты, — ответил я. — Но ты прав, в овцах много магии.

→ Тогда какую гарантию мы будем иметь, что вы не имеете намерения использовать эту магию против нас?

— Твоя деревня тоже не лишена могущества. Какую гарантию мы будем иметь, что вы не обратитесь против нас своей магией?

— У тебя есть свой волшебник, — возразил Гортин.

— У тебя есть тоже, — напомнил я.

— Да, это так, — согласился он.

На какое-то время наступило молчание.

— Надо решать, что с ними делать, пока они сами не решили, — сказал я. — Вражда между ними не предвещает ничего хорошего ни одной из деревень.

— Да, — кивнул он. — Обе деревни могут погибнуть.

— И большая часть окружающей местности тоже, — добавил я.

Гортин испуганно посмотрел на меня.

— Я уже говорил с Шугой, — заговорил я быстро. — Я знаю, что теперь он не замысливает нападение на Пурпурного. Правда, не обошлось без уговоров. Но я убедил Шуту, что для нас это достаточно важно, а для того, чтобы нам здесь поселиться, ему необходимо принести клятву перемирия с Пурпурным. Важно конечно, что он, да и все мы хотели бы получить какие-то гарантии от Пурпурного.

— Хорошо, — согласился Гортин, — но говорить за Пурпурного я не могу. Никто не может говорить за Пурпурного. Это право прежде всего самого Пурпурного. Честно говоря, мне совершенно не нравится, если по соседству окажутся два враждующих между собой волшебника. Даже наличие одного такого волшебника, как этот, мне не нравится. Говоря между нами, между мной и Пурпурным любви мало. Мы с Деромом были хорошими друзьями. Сила Дерома поддерживала меня, как Главу, но с тех пор, как его сменил Пурпурный, он ничего для меня не сделал.

— Хм-м, — задумчиво протянул я. — Разве не говорится, что там, где появилось двое волшебников, очень скоро остается один.

Гортин кивнул.

— В нашем районе не так уж много магии. Для одного волшебника ее достаточно, но для двоих... И один из них неизбежно должен умереть.

— Я знаю Шуту. Он давно думает об этом.

— И я тоже. Даже если наши волшебники принесут клятву перемирия, положение все равно останется очень непрочным. Долго это не продлится.

Я кивнул. Тут он, конечно, был прав.

— Но, может быть, это даст нам возможность продержаться некоторое время, до тех пор, пока океан не уйдет.

А тогда что? Тебе нужно постоянное место для деревни. Мне нужен постоянный волшебник.

— Пурпурный намерен вас покинуть?

— Он говорит об этом с самого начала. С того самого дня, когда свалился на нас с неба. Пока что волею обстоятельств он был вынужден оставаться — как и вы. Но если подвернется случай, многие в нашей деревне только были бы рады ускорить его уход.

— Можно подумать, ты был бы доволен, если бы Пурпурного не стало?

— Конечно. Мне не следовало говорить об этом, — согласился Гортин. — Глава деревни не должен вмешиваться в дела своего волшебника. Но, если между нашими двумя волшебниками все же состоится дуэль, я не буду особенно разочарован, если Пурпурный ее проиграет.

— Но ты говорил, что не хочешь дуэли?

— Конечно же, не хочу.. Я, если совершенно честно, Лэнт, предпочел бы, чтобы он ушел совсем, по собственной воле. И по возможности без эксцессов. Но, если понадобится, я не буду против насильственного его выдворения.

— Я тебя понимаю, — сказал я.

Пурпурный не помогал Гортину, как это должен был делать любой волшебник. Гортину хотелось, чтобы тот ушел. Лучше совсем без волшебника, чем плохой волшебник. Это было мне понятно.

— Знаешь, Гортин, если найдется какой-нибудь способ выжить Пурпурного из деревни, то мы тебе в этом поможем.

— И замените его Шугой?

— Ну... — осторожно произнес я. — Тебе бы этого хотелось?

Мне, например, вовсе не улыбалось отдать Шугу в другую деревню.

— Определенно нет, — ответил он.

— Ну и прекрасно. Тогда Шуга останется у нас.

— Но, Лэнт, — напомнил Гортин. — Я, конечно же хочу избавиться от Пурпурного. Но не ценой разорения этой земли. Мне вовсе не улыбается становиться переселенцем, вроде тебя.

— Хм-м, — пробормотал я задумчиво. — Это делает проблему значительно более сложной. Но давай все по порядку. Для начала обезопасим себя от наших волшебников клятвой перемирия. Это даст Шуге возможность освоиться с местными заклинаниями.

— Это будет не сложно, — согласился Гортин. — Большая часть магических устройств погибла тогда же, когда умер Дером. Уцелело немного, а Пурпурный ни одного из них не восстановил.

— Шуга сможет это сделать, — энергично заявил я. — Он знает все сто одиннадцать деревенских заклинаний.

— Это хорошо. Нам может быть от них большая польза. Ты, например, заметил, что многие деревья пустуют. Часть наших жителей убежала после появления Пурпурного. Они боятся жить в деревне с ненормальным волшебником.

— Я их понимаю, — сказал я.

— Конечно, конечно, деревенский Глава всегда сочувствует людским бедам.

— Тогда ты должен считаться одним из лучших.

— И ты тоже, Лэнт. Ты подлинный светоч веры.

— О, Гортин, я лишь тень на фоне твоей яркости.

— Ах, зачем сравнивать одно Солнце с другим.

— Нет, конечно, нет. Здесь и не может быть сравнения. Одно яркое, но маленькое, другое — огромное, но тусклое. Хотя оба освещают мир одинаково хорошо.

— Оба нужны и оба прекрасны, — подытожил Гортин.

— Как и мы, — добавил я.

— Конечно, конечно. Это настоящее счастье, что мы почти во всем друг с другом согласны, Лэнт. Будет нетрудно составить договор, одинаково справедливый для обеих наших деревень.

— Как же это может быть трудно, когда каждый из нас больше думает о других, чем о себе!

— О, Лэнт, какой же ты все же словесный искусник, какой мастер! Но вот насчет тех овец — шестерых будет достаточно...

— Их более чем достаточно, мой Гортин. Если ты планируешь прислать только трех мальчиков...

На том мы и договорились.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Мы сделали передышку и почти до самого голубого рассвета жевали корень рабы. Предстояло много чего обсудить и много корня сжевать. Когда мы расправились с тем, что было у нас, то уже немного накачались. Корень оказался что надо. Хороший корень. Джек смог бы приготовить из него отличное пиво.

— Пурпурный, — заявил Гортин. — У него должен быть корень рабы. Пурпурный его жует, когда у него плохое настроение. А в последнее время у него всегда плохое настроение.

— Вот и хорошо. Давай его навестим. А раз мы уж там будем, заодно сообщим о нашем договоре.

— Опять ты о делах, Лэнт! Я просто поражен твоим трудолюбием.

Мы нашли Пурпурного ухаживающим за своим небольшим огородиком трав и растений. Корень рабы оказался не единственным сближающим средством. Нашлись и другие. О некоторых я знал — о большей же части не имел понятия. Джек будет обрадован этими новостями.

— Эгей, Пурпурный! — окликнули мы его.

Он скосил глаза в нашу сторону.

— Кажется — мой старый друг, Лэнт, — произнес он.

Друг... Я содрогнулся. Скрипнул зубами и сказал:

— Да, это я, Лэнт. Мы с Гортином пришли поговорить с тобой.

Я постарался проговорить это со всей возможной строгостью.

— А-а... — Пурпурный заколебался. Казалось, что-то смущает его. — Как ты живешь, Лэнт? Как твоя семья, твои жены?

Ну и странные вопросы. Чего ради он интересуется моими женами? Но что поделаешь, Пурпурный всегда отличался странностями.

— С моими женами все хорошо, — ответил я. — Моя первая жена вскоре ожидает ребенка. Шуга сказал, что это будет дочь. Но поскольку она уже принесла мне двоих сыновей, я не могу быть на нее за это в претензии.

— Ожидает ребенка?

Пурпурный словно был напуган этим. Он принялся что-то лихорадочно подсчитывать на пальцах.

— Получается почти девять... — он поглядел на меня. — И через сколько ожидает?

— Через три руки дней.

Он снова углубился в подсчеты.

— Три раза по пятью пять... семьдесят пять. Голубых дней, конечно. Теперь посмотрим, что получится, если перевести их в обычные... Ага, через четыре с половиной месяца... Уф! А я было подумал...

— Что подумал?

— Не имеет значения. Я просто радуюсь, что у вас не случается таких вещей, как период недомогания в тринадцать с половиной месяцев...

Он опять нес какую-то чушь — беременности больше двухсот пятидесяти голубых дней не бывает. Сколько это будет месяцев я и понятия не имел, хотя он применял этот термин примерно в том же значении, что и руку дней. Вероятно, это был его способ подсчета числа дней. Пурпурный

упоминал еще раньше, что его дни — "стандартные дни", как он их называл — наполовину длиннее чем наши.

Наши дни, ясное дело, измеряются прохождением голубого светила, вне зависимости от положения красного. Гортин рассказал мне, как растёрлся Пурпурный, он не мог поверить, что уже середина ночи, а все потому, что красное Солнце все еще стояло высоко в небе. Странное дело — почему периоды света и темноты должны соответствовать периодам дня и ночи? Такое бывает только во время соединения.

В любом случае я не мог понять его озабоченности в связи с предстоящим рождением ребенка. Я спросил:

— Пурпурный, почему ты так беспокоишься?

— Хм... Хм...

— Не потому ли, что ты сделал кое-что с моей женой в день последнего соединения?

Пурпурный побледнел.

— Я... Лэнт, прости меня...

— Простить тебя? Почему я должен тебя прощать?

Пурпурный испуганно подался назад, выставив руку, словно защищаясь от меня.

Я сказал:

— Шуга рассеял возле твоего гнезда пыль желания. Ты бы не смог вообще совладать с собой.

— Ты думаешь... ты хочешь сказать... я это сделал из-за заклинания?

— Разумеется, это было заклинание. Оно явилось частью дуэли.

Теперь он вроде бы успокоился. На его лицо вернулась краска.

— Тогда я напрасно беспокоился. Мне вообще не стоит волноваться из-за ребенка.

— А почему тебе следует беспокоиться? Шуга знает, когда ребенок был зачат и когда он будет рожден.

Пурпурный кивнул.

— Да, Шуга, вероятно, хорошо разбирается в таких вещах.

— Да, — подтвердил я. — Ребенок — твоя дочь, все правильно.

Он опять побледнел. На этот раз я подумал, что он упадет в обморок. Кровь прилиwała и отлиwała от его головы, так что он еле стоял.

Я продолжал:

— Когда мы поняли, что ребенок твой, я чуть было не убил свою жену...

— О, нет, Лэнт, нет... потому что я...

Я посмотрел на него с недоумением.

— Пурпурный, я же тебе сказал, что ты и не мог бы с собой справиться. А она — только женщина. Женщина не умеет отказывать в ласке. Нет, мы должны были побить ее потому, что она вынашивает ребенка демона, но Шуга запретил. Ребенок должен быть выношен и рожден, как и любой другой. Только тогда мы сможем определить, добрым демоном он является или злым. Шуга считает, что девочка будет обладать большой магией и если так, то он полагает, что сможет контролировать ее.

Гортин фыркнул.

— Ну и ну, значит так, словно Шуга собрался соперничать с легендой о бедном ребенке и демоне. Демон потребовал исполнения трех желаний...

Я пожал плечами.

— Меня это мало касается. Если ребенок — демон, Шуга обязан мне уплатить за право его уничтожения или контроля. Если нет — то я, по крайней мере, получу свадебную цену. Почему это женщинам позволено рожать без разбора? Еще один сын — это всегда гордость и сила! Дочка — в лучшем случае — цена выпивки. Любой, согласно обычаю, может предложить жену, гостю. А теперь, когда наши деревни собрались жить вместе и мирно, рождение ребенка вообще не будет иметь никакого значения. Будем же считать, что я предоставил тебе привилегию гостя, чтобы укрепить добрые отношения между деревнями. То, что она дочь волшебника, прибавит ей цену, когда я ее продам на седьмой год-день. Но девчонка — это девчонка, и не стоит тратить воздух на обсуждения.

— М-м, да-а, — пробормотал Пурпурный. Видно было, что он чем-то смущен. — Еще один вопрос. У всех ваших женщин срок беременности такой длинный?

— Что значит такой длинный? Двести пятьдесят дней самый правильный срок беременности.

— Двести пятьдесят... — Пурпурный опять принялся подсчитывать.

— Тринадцать с половиной месяцев, — сказал он. — Ого!

И он продолжал бормотать про себя.

— Ладно, я догадываюсь, что это необходимо... Вероятно четыре с половиной месяца нужны потому, что здесь такие нестабильные условия. Это позволит нарождающемуся младенцу дополнительно окрепнуть и быть более подготовленным к злему негостеприимному миру. Да, да... Теперь понятно почему...

Мы с Гортином переглянулись. Я сказал:

— Вижу, он до сих пор городит чепуху сам с собой.

— Не так часто, как ты думаешь, — возразил Гортин. — Теперь он редко пользуется демонским языком.

— Что ж, это хорошо. Можно ли считать человека цивилизованным, если он не говорит на цивилизованном языке?

Я обратился к Пурпурному.

— Но мы пришли поговорить с тобой на более важную тему.

— Верно, — вмешался Гортин. — У тебя есть созревший корень рабы?

Я снова убедился, что этот Глава не из тех, кто даром тратит слова. Он сразу переходит к делу.

Пурпурный поскреб свой безволосый подбородок, кажущийся серым из-за множества крохотных черных точек. Еще одна странность. Потом он произнес:

— Думаю, могу немного поделиться.

Он пошарил по своим грядкам, затем решил по-другому и исчез в своем гнезде.

Он вернулся почти сразу же с корзиной клубней.

— Вот уже очищенные. Берите сколько надо.

Гортин взял и повесил корзину на руку.

— Спасибо, Пурпурный. Этого будет в самый раз.

Пурпурный посмотрел немного косо, но спорить не стал. Я удивился про себя: что это за волшебник, если с ним обращаются немногим лучше, чем с торговцем зерном. Не наделен ли Гортин своего рода властью над Пурпурным? Нет, это представляется невозможным... Или быть может Гортин уверен, что Пурпурный не использует против него свою силу? Но откуда эта уверенность?

Возможно, — промелькнуло у меня в голове, — Пурпурному позволено здесь оставаться по одной-единственной причине: его невозможно убить. А если бы могли — с ним за одну минуту разделались бы.

Ничего странного, что Гортин с такой охотой принял предложение отделаться от Пурпурного. Волшебник он был хуже, чем неумейка — он был опасным глупцом. И они пытались с ним бороться, точно так же, как и мы четверть цикла назад.

Неудивительно, что Гортин так невежливо с ним обходится. Он надеялся оттолкнуть Пурпурного своей грубостью.

— С Шугой он так бы обращаться не посмел, — подумал я. — Шуга проклял бы его сразу же, и глазом не моргнул.

Гортин протянул мне корень рабы, и я принялся нетерпеливо жевать его, смакуя его горькую густую горечь. О, корень оказался замечательным! Его острый запах заполнил поляну и пропитал воздух. Мне в моей одежде теперь несколько дней не избавиться от этого запаха.

Мы уже направлялись назад к деревне, когда я вспомнил. Я схватил Гортина за руку и потянул его в обратную сторону.

— Эй, Пурпурный, — окликнул я.

Он посмотрел на меня.

— Да? Что-еще, Лэнт?

— Я чуть не забыл тебе сказать. Наше племя получило разрешение поселиться в этом районе. Но мы не сможем этого сделать, если вы с Шугой затеете дуэль.

Пурпурный выглядел озадаченным.

— У меня нет намерения начинать дуэль с Шугой.

— Это точно?

— Конечно. Дуэли никогда ничего не решали.

Я покосился на Гортина.

— Теперь ты видишь, почему мы нашли его сумасшедшим.

Гортин хмыкнул.

— Думаешь, ты указал нам на то, чего мы сами не заметили?

Я опять обратился к Пурпурному.

— Очень рад это слышать. Шуга тоже будет доволен.

Пурпурный задумчиво кивнул. Потом спросил:

— Лэнт, мне показалось, что я видел свои приспособления для глаз, висевшие у Шуги на шнурке на шее, когда он приходил на поляну.

— Это трофей дуэли, — объяснил я. — Хотя... при известных условиях...

— Я бы принес клятву мира, Лэнт, в обмен на это устройство. Оно мне необходимо для того, чтобы видеть.

— Ну-ну, — протянул я. — Я не знаю. Шуга считает этот трофей очень ценным.

— Не будет линз, Лэнт, не будет и клятвы о мире.

— Ладно, я передам ему твои условия, и думаю, он будет удовлетворен.

— А я еще более, — произнес Пурпурный.

Великолепно! Дельце оказалось легче, чем я думал. Я был очень рад. От волнения я даже протянул Пурпурному кусок корня рабю, чтобы скрепить сделку.

— Это очень разумное предложение.

Пурпурный с полным ртом согласно закивал.

— И я так думаю, — заявил Гортин. — Тебе стоило бы запросить больше.

Я нахмурился.

— Но, здесь, фактически, ничего больше нет, что мне могло бы понадобиться, — ответил Пурпурный. — За исключением разве что...

— За исключением чего?

— Нет, ничего. Вы не сможете мне помочь.

— Но если бы мы по крайней мере знали, мы могли бы хоть что-то предположить...

Он посмотрел на нас как на детей.

— Не говорите глупостей, — попросил он. Вы никак не можете помочь мне вернуться домой.

— А-а!

Мы с Гортином переглянулись. Надо же, он хочет того же, что и мы оба. Я и Гортин чуть не пихали друг друга от страстного желания ответить.

— Мы сделаем все, чтобы помочь тебе, Пурпурный! Все, что в наших силах! И мы хотим того же, что и ты — чтобы ты смог вернуться домой и как можно скорее!

Пурпурный вздохнул.

— Это очень великодушно с вашей стороны, но боюсь, такой возможности нет. Мое летающее яйцо уничтожено. Я не могу подняться в небо. — Он снова вздохнул и потрогал одно из своих устройств на поясе.

— У меня есть средство вызвать большое яйцо, но отсюда сигнал не дойдет.

— Большое яйцо? — я чуть не подавился корнем.

— Да. Яйцо, которое Шута... погубил, это только маленькая повозка для детального исследования мира. А моя большая повозка осталась на небе.

Я нервно посмотрел вверх.

Пурпурный засмеялся.

— Нет, не нужно бояться, Лэнт. Оно не спустится, пока я его не позову. Но я оказался слишком далеко на югу, чтобы это сделать. Если бы нашелся, какой-нибудь способ, чтобы я смог вернуться на север...

— Ты хочешь сказать, что тогда бы ты покинул нас? — удивился Гортин.

Пурпурный понял его неправильно.

— О, Гортин, друг мой, я знаю, что тебе будет больно, но, пожалуйста, постарайся меня понять, — я очень хочу вернуться домой на небо, чудесное небо, хочу беседовать там, обсуждать свои дела с такими же братьями-колдунами.

Гортин изобразил на лице горе.

Пурпурный продолжал:

— Но, увы, пути туда нет. Я не могу отправиться туда пешком, потому что там уже все покрыло море. И не могу отправиться туда на лодке. Мне говорили, что ваше море полно водоворотов и неведомых опасных рифов. Так что мне не выбраться отсюда ни по суше, ни по морю. Я — на острове.

Пурпурный еще раз вздохнул и опустил плечи на землю.

Я вздохнул вместе с ним.

— Вот если бы дорога по воздуху... но по воздуху ничего не летает, кроме птиц и яиц...

— Если бы ты захотел научить Шугу своему летающему заклинанию, — укорил я его, — то сейчас, возможно, не оказался бы в таком незавидном положении.

— Летающее заклинание! — простонал Пурпурный. Его лицо приняло странное выражение.

Гортин посмотрел на меня удивленно — на Пурпурного — опять на меня, потом снова перевел взгляд на Пурпурного.

— О чем вы это?

Сумасшедший волшебник растерянно беседовал сам с собой:

— Нет.. нет... абсурдная идея... Ничего не получится... да, вот если бы... — и он продолжал на своем демонском языке, мотал головой, словно пытаясь отогнать пришедшую мысль. Но мысль не уходила — и этот страшный свет в его глазах не исчезал. Он яростно спорил сам с собой, пользуясь словами, неизвестными людям.

Неожиданно Пурпурный вскочил на ноги.

— Да, но ведь можно попытаться! — воскликнул он. — И должно получиться. Это единственный путь!

Он рванулся но мне, я отскочил назад, но успел ухватить меня за штанину.

— Лэнт, Шуга еще не расхотел летать?

— Разве небо перестало быть голубым и красным? — спросил я в ответ.

— Так и Шуга все еще хочет летать.

Пурпурный остался доволен.

— О, да... да... до чего же чудесная идея...

Он принялся скакать вокруг своего домашнего дерева.

— Иди, иди... Расскажи ему, расскажи... я собрался домой... и собрался лететь!

— Расскажи ему, — не понял я. — Что ему рассказать?

— Скажи Шуге, что я собираюсь построить летающую машину... нет, мы собираемся построить летающую машину... А потом я собираюсь полететь на север, за зимой!

Тут он истерически рассмеялся.

Гортин и я обменялись взглядами и печально покачали головами. Я и не знал, кого мне больше жаль — Пурпурного, который сошел с ума, или Гортина, который был Главой его деревни.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Выслушав новости, Шуга не рассердился, но не высказал особого удовлетворения. Он был просто удивлен.

— Значит, теперь он надумал построить летающую машину? Раньше он не мог мне рассказать, как это делается. Из-за этого и вышла наша дуэль. А теперь видите, захотел.

Он покачал головой.

— Не нравится мне это, Лэнт. Сильно не нравится.

— Но, Шуга, неужели ты не видишь, что это значит? Выходит — ты победил, ведь ты боролся с ним только потому, что он не захотел тебе объяснить, как летать. Ты, правда, не убедил его, но поставил в положение, когда он должен тебе все показать, или же он сам не сможет вернуться домой.

Шуга оставался спокойным.

— Ну и что? Почему я должен ему помогать строить летающую машину? Он на ней улетит, а летающего заклинания у меня так и не будет.

— Но ведь он не заберет ее с собой, — напомнил я. — Он только слетает в северную страну.

— Он живет в северной стране? Я думал, что он живет по ту сторону неба.

— Нет, он должен сперва добраться до северной страны, а уже оттуда попасть на другую сторону неба.

— Лэнт, ты что-то путаешь. Северная страна — это не другая сторона неба. Она к ней даже ничуть не ближе. Я это знаю. Мы с Деромом там учились.

— Но он должен добраться туда, чтобы вызвать большое яйцо.

— Большое яйцо? Ты хочешь сказать, что у него есть еще одно яйцо?

— Очевидно, есть... По крайней мере, он так говорит.

— Хм! — пробурчал Шуга. Он в это не поверил.

— Он показал мне волшебное устройство. Оно прикрепляется к его поясу. Это талисман для вызова. Но он не мог его использовать, потому что его большое яйцо находится не по эту сторону неба. Оно — на северном небе. Поэтому он и должен отправиться в северную страну, чтобы им воспользоваться. А для этого ему нужна летающая машина.

— Хм, — произнес Шуга. — А что будет с машиной потом?

— Когда потом?

— После того, как она станет не нужна ему?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, он оставит ее в северной стране. Ведь после того, как он вызовет вниз большое яйцо, она ему станет больше не нужна.

— Хм, — пробурчал Шуга.

— Ты, вероятно, сможешь забрать ее себе, — предположил я.

— Ха! Ты не подумал, Лэнт! Если я захочу ее забрать, мне придется отправиться на север, или полететь туда вместе с Пурпурным. Нет, эта идея мне сразу не понравилась.

— Но если он будет строить летающую машину, ему, несомненно, понадобится помощь. Ты, Вилвил и Орбе можете ему помочь. Если вы сможете построить одну летающую машину для него, то, ясное дело, сможете и еще одну — для себя.

— Хм! — пробормотал Шуга в очередной раз. Глаза его загорелись, как только он прикинул возможности. Действительно, его лицо приняло то же самое особое выражение, что появилось и у Пурпурного, когда он думал о летающей машине.

— Значит договорились? — спросил я.

Шуга потрогал линзы, висящие на пшурке на шее.

— Для того, чтобы работать вместе, надо сначала заключить перемирие, так?

Я кивнул.

— А это значит — отдать ему мой трофей, так?

Я снова кивнул.

— М-м-м, — протянул он, продолжая вертеть линзы.

— Но летающая машина, Шуга! — мягко напомнил я. — Подумай об этом. Летающая машина!

— М-м-м, — ответил он.

— А когда Пурпурный уедет, в этом районе не останется ни одного волшебника, — прошептал я, — который мог бы сравниться с тобой... определенно. Тебе не будет равных — ты сможешь стать волшебником обеих деревень.

— М-м-м, — ответил Шуга.

— И еще подумай, — вкрадчиво продолжал я. — Всего этого ты достигнешь без дуэли.

— Нет, Лэнт, на это я не могу пойти.

— Но почему?

— Мне нельзя без дуэли. Если я хочу заработать здесь авторитет, то я должен продемонстрировать, что я могучее чем Пурпурный. Я обязан победить его на дуэли.

— Ну ладно, ну...

Я в глубине души уже перестал мечтать о мирном исходе.

Шуга непоколебимо мотнул головой.

— Я сожалею, Лэнт, но ты сам знаешь — это неизбежно. Если в одном районе оказываются два волшебника, то дуэль между ними не только необходимость, но и соблюдение приличий.

— Ну, Шуга, — быстро вмешался я. — Ты уже превзошел его в дуэли.

— Нет, я только поставил его в невыгодное положение, уничтожив его гнездо. Сама дуэль еще предстоит.

— Но ты обещал, что не станешь вызывать его на дуэль прямо сейчас...

— Нет, не так. Я обещал, что не стану вызывать его на дуэль, не переговорив сначала с тобой. Нет, о дуэли я сейчас с тобой и говорю.

Я почувствовал себя подавленным.

— Но летающая машина...

— Дуэль, — стоял на своем Шуга.

— Но... но... — беспомощно бормотал я, хотя и понимал, что все напрасно. Если Шуга что-то взял себе в голову, его упрямство не перешибить.

— Ладно, Шуга, я знаю, когда надо уступить. Раз такое дело, я пойду и предупрежу жителей деревни.

— Сделай это, Лэнт, но скажи, чтобы не слишком тревожились.

— Почему? — спросил я с горечью. — Ты планируешь уменьшить побочные эффекты?

— Нет, — ответил он. — Но ведь нет причин, чтобы дуэль состоялась прямо сегодня. Я просто собирался позволить ему показать мне, как строится летающая машина.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Значит ты согласен сотрудничать с Пурпурным?

— Конечно нет. Я просто собираюсь осторожно позволить ему показать мне как строится летающая машина — если, конечно, он это умеет, — ответил Шуга.

Я расслабился.

— А потом, — добавил он, — когда дело будет сделано — я его убью.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Голубое Солнце находилось на одной стороне неба — красное — на другой. Мир купался в красном и голубом свете. Тени тянулись в двух направлениях. Мы ждали на лугу под горой. Все были спокойны.

Предстояла первая встреча двух волшебников. Окажутся ли они способны жить в мире?

Пурпурный, полненький, с брюшком, уже ковылял по склону в сопровождении Гортина и его советников. Бросаящаяся в глаза фигура Пурпурного, из-за своего странного наряда остановилась, и Пурпурный подозрительно глядел на холм.

Я поглядел туда же. Шуга величественно шествовал к нам, внушительный, несмотря на свой маленький рост.

Затем Шуга заметил Пурпурного и остановился. Оба волшебника разглядывали друг друга. Один, стоя на холме, другой — внизу.

На какое-то мгновение все было спокойно и тихо. Я затаил дыхание и начал молиться. Затем Шуга сделал один шаг вперед, другой. Пурпурный поступил так же. Я громко и с облегчением вздохнул. Оба волшебника сближались осторожно. Остановились напротив друг друга, один за моей спиной, другой за спиной Гортина. Мы оказались между двумя колдунами. Являясь Главами обеих деревень, мы решили стать именно так, чтобы суметь остановить волшебников, если они вздумают напасть друг на друга. Если же не сумеем... Что ж, тогда мне об этом не придется беспокоиться.

Шуга и Пурпурный настороженно разглядывали друг друга.

— Клятва... — подсказал я.

— Он первый, — одновременно выпалили оба, указывая друг на друга.

— Оба вместе! — выкрикнули Гортин и я.

Шуга и Пурпурный нехотя сошлись, прогнали друг другу правые руки, затем коснулись левыми руками. Теперь ни один не мог извлечь колдовские приспособления, не позволив проигвнику сделать то же самое. Поверх соединившихся рук они впились глазами друг в друга.

Я посмотрел на Гортина и кивнул. Он кивнул в ответ. Мы одновременно повернулись, каждый к своему волшебнику, срезали прядь его волос, два кусочка ногтя, взяли по капле крови и немного слизи из носа.

Волшебники наблюдали, как мы смешивали эти компоненты в помещенную между ними чашу, затем делим содержимое на две половины, затем раскладываем это по мешочкам: один для Шуги, другой для Пурпурного.

— Вот так, теперь ни один из вас не сможет проклясть другого, не повредив себе. Любая неприятность, случившаяся с одним, неизбежно повлечет за собой такую же неприятность и для другого. Так что вам лучше следить за благополучием друг друга.

Волшебники продолжали хмуриться.

— Повторяйте за мной, — сказал я. — Повторяйте в унисон, чтобы ваши клятвы звучали, как одна: я... назовите свое полное имя, включая секретные слоги... торжественно клянусь...

— Торжественно клянусь...

— Любить, почитать, лелеять...

— Любить, почитать, лелеять...

— Моего брата-волшебника, как себя самого...

— Моего брата-волшебника, как себя самого...

Я повернулся к Шуге.

— Согласен ли ты, Шуга, выполнять условия клятвы?

Его глаза полыхали от ярости.

Немного погодя я повторил:

— Согласен ли ты, Шуга, выполнять условия этой клятвы?

Он пробормотал что-то.

— Громче, — потребовал я и лягнул его по ноге.

— Да, — резко ответил Шуга.

Гортин нагнулся и надел кольцо на третий палец левой руки Шуги.

Я повернулся к Пурпурному.

— Согласен ли ты, Пурпурный, выполнять условия этой клятвы?

Он проворчал:

— Согласен.

— Прекрасно, — и я надел кольцо на его палец. — Пока вы на этом острове, кольцо на пальце будет напоминать об обязательствах перед твоим братом-волшебником. Постарайтесь выполнять их хорошо. Теперь властью, данной мне, как Главе верхней деревни, властью, которую признал каждый из вас самих, удостоверяя ее фактом своего присутствия здесь, и властью, которую мне доверил Гортин, позволив провести эту церемонию, я объявляю обоих волшебников заключившими перемирие.

После этого они одновременно отпустили руки друг друга и отпрыгнули в сторону, сердито поблескивая глазами. Я нахмурился и ждал. Но не послышалось ни взрывов, ни шипения. Я открыл глаза.

Они все еще стояли на прежних местах, поглядывая друг на друга.

— Благоприятный знак, — пробормотал Гортин. — Они не пытаются разделаться друг с другом.

— М-м, — ответил я.

Пурпурный напрягся и сделал шаг вперед.

— Мое устройство для глаз, — сказал он и протянул руку вперед.

Шуга снял шнурок с линзами и неохотно отдал.

Пурпурный принял их бережно и с благоговением. Подрагивающими руками протер их мягкой трипочкой и водрузил на нос. Потом поднял на нас глаза.

— Лэнт, Шуга, Гортин... до чего же здорово вас видеть! Я хочу сказать по-настоящему вас видеть!

Он непроизвольно шагнул вперед и вцепился в правую руку Шуты.
— Шута, благодарю тебя. Я благодарю тебя за заботу о них! — Он улыбался — он на самом деле так думал.

Шута не мог справиться с удивлением.

Он пробормотал:

— Пожалуйста, — даже не сознавая своих слов. — Теперь мы можем строить летающую машину?

— Да, — засмеялся Пурпурный, — теперь мы сможем построить машину!

Гортин и я переглянулись. Начало было положено. Лишь бы только они отказались от попыток убить друг друга.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я начинал понимать, что подразумевал старый Фрар, когда любил приговаривать:

— Мужчина не может стать Главой, пока не проведет стадо коз через джунгли.

И, действительно, я начал подозревать, что пасти коз занятие более легкое.

Например, оказалось, что это именно я должен организовать строительство летающей лодки. И назначил Орбе и Вилвила своими официальными помощниками и проинструктировал их, чтобы они никогда не оставляли Шуту и Пурпурного вместе одних — ни на какое время, ни под каким предлогом. Мальчишки уныло закивали. Они прекрасно все понимали, но все-таки согласились — им очень хотелось построить летающую лодку. Вот если бы и другие мужчины деревни согласились признать мое старшинство! Я с горечью улыбнулся при этой мысли.

Вот если бы все моря были из пива, то мы все время бы ходили пьяные... С таким же успехом я мог пожелать, чтобы с неба свалилась Луна и разом покончила со всеми проблемами. Ну, а если море превратится в пиво, я всегда мог бы найти надувной пузырь и ухватиться за него...

Хинк и прочие решили остаться, затем они все же задумали переселение. Потом опять решили остаться — после чего обнаружили, что остаться, значит расчищать верхний склон, привести в порядок домашние деревья, построить к тому же гнезда, да и вообще сделать участок пригодным для жилья — и им сразу же захотелось отправиться куда-нибудь подальше. Они готовы были заниматься чем угодно, но только не работать.

Если говорить честно, то лес тут был запущенный, деревья увивали дикие красные лианы, подходы к ним заросли колючим черным кустарником. Повсюду висели иссохшие обломанные ветки и гнезда

жалящих пчел. Серая паутина оплела все вокруг, а однажды мы наткнулись на дупло с коршуном-вампиром.

По всей округе деревья казались ухоженными и выглядели приятно, но здесь, именно в этом месте, где мы предполагали поселиться, словно сконцентрировалась вся дикость леса.

Правда, может быть мы всего этого не замечали, пока не принялись за работу. Все страдали от укусов и уколов. Женщины постоянно выглядели изможденными. Мы мужчины, питались плохо — порой хуже, чем во времена переселения, а жили в запущенном хаосе. То, что работа предстоит тяжелая — секретом не было. Даже женщины принимались порой роптать.

Дети же то помогали, то мешали — в зависимости от капризов, но в целом это было прекрасное время.

Шуга появлялся каждое утро и благословив начало рабочего дня, исчезал в своем гнезде и спал до полудня.

Пастухи между тем нашли несколько прекрасных пастбищ для овец. Я был обрадован сначала рабочей силой, присланной из нижней деревни. Один из парней оказался находкой — работу делал за двоих. В результате у нас появилось четверо новичков-пастухов, способных вытаскивать репейники и расчесывать овцам шерсть. Это, конечно, высвободило несколько опытных мужчин для работы вместе с нами в лесу. Но они этого совсем не оценили.

И все же постепенно жизнь в лесу становилась более удобной, чем жизнь в скитаниях и бродяжничестве.

Когда у нас появилось достаточное количество домашних деревьев и гнезд, Хинк начал опять поговаривать о ткачестве и решил проверить пригодность здешних волокнистых деревьев и растений. Джерка изо дня в день видели экспериментирующего с разными видами экзотических корней и трав на предмет пригодности их для варки пива. Анд, по причине отсутствия лягушек, изменил своему призванию и наставил рыболовных прутьев вдоль потока...

А я...

Теперь, когда я устроил дела двух деревень и двух волшебников, я почувствовал себя готовым вернуться к профессии мастера резьбы по кости.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дром Медный Кузнец был торговцем металлом и членом Гильдии Советников нижней деревни. Этакий широкоплечий здоровяк, хмурый и неразговорчивый. Голова его поросла жесткими коричневыми волосами.

Мне показалось, что мои изделия он рассматривает с неодобрением. Я не мог понять его враждебности. В самом начале нашего путешествия я набрал на месте нашей деревни только самые ценные куски окаменевшей кости. Потом во время странствий я увеличил свой запас, натываясь на скелеты, сухие от старости и твердые, как камень. На Дрома это должно было произвести впечатление, но не произвело.

— В чем дело? — спросил я прямо. — Боишься конкуренции?

— Ха! — грубовато ответил он. — Кость не может соперничать с металлом. Она недостаточно прочна. Медный молоток не сломается там, где костяной разлетится вдребезги.

— У кости есть другие области применения. Я могу вырезать церемониальные чаши и ритуальные орнаменты.

— Верно, — согласился кузнец. — Но почему бы тебе не обсудить этот вопрос с Белисом-горшечником, у него наверняка найдется, что сказать по этому поводу.

Белис-горшечник. Что такое горшечник? Я узнал это, наблюдая за его работой. Он доставал глину со дна реки и придавал ей форму чаши. Когда глина подсыхала, то становилась твердой, как кость, хотя и намного более хрупкой.

Белис проделывал это с большим искусством. Он обжигал глиняные изделия на солнцепеке до тех пор, пока они не переставали течь — теперь они могли использоваться для переноски воды или пищи. Белис также изучил способы укреплять чаши огнем, раскрашивать их и украшать. Из глины можно было изготавливать и другие предметы. Белис считался в районе одним из лучших мастеров в своей области. Действительно, он мог делать из глины то, чего я не мог изготовить из кости.

— Но, — предположил я, — не можешь же ты делать принадлежности для ритуалов и празднеств? Боги, без сомнения, будут оскорблены использованием чаши или украшений без души. Только кость обладает душой.

Белис, коренастый мужчина, высокий и сутулый, посмотрел на меня мудрыми глазами.

— Мой отец использовал глиняные чаши для освящения всех своих детей и моя семья использует глиняные чаши для всех нужд. Если бы нашлись боги, которые сочли бы это за оскорбление, мы давно бы от них это услышали.

— Может быть твоя согнутая фигура и является свидетельством этого, — подумал я. Но у меня не было желания ссориться с ним. Поэтому я только напомнил:

— Но глина не имеет души.

— Тем более ее нужно использовать. Ты можешь делать с ней, что захочешь, не испрашивая на то разрешения у силы, в ней заключенной.

Как и торговцы костью в моем районе, Белис понимал, по крайней мере, самую элементарную магию в достаточной степени, чтобы обсуждать ее требования с волшебником.

— Твоя профессия устарела, Глава Лэнг. Скоро ты поймешь, что здесь небольшой спрос на кость.

— Ну, насчет спроса я могу не волноваться, — ответил я. — Шута не так легко отвыкает от старых обычаев. Он всегда будет нуждаться в моем ремесле.

— Да, — сказал Белис. — Видишь вон ту кучу чашек и горшков? Видишь вот этот — все это для Шуги. Сделать глиняную чашу несравненно легче, чем вырезать ее из кости. К тому же Шута может сразу использовать их. В них не таится скрытых влияний, которые сперва требуется нейтрализовать.

Я почувствовал себя преданным. Конечно же, Белис был прав. Для волшебника, по крайней мере, преимущество глины над костью было огромным. И для обычного человека — тоже. Ему не придется возносить молитву сострадания, если он ненароком разобьет чашку. Он просто выбросит черепки вот и все.

Я уже инстинктивно понял — спроса на кость здесь не предвидится. И, вероятно, его здесь никогда не было. Лучшей костью является кость окаменевшая, но здесь кость не могла окаменеть. Слишком влажный климат. Мне следовало догадаться раньше.

Теперь я мог понять, почему Хинку и прочим приспичило двигаться дальше. Хинк был ткачом. Но здесь ткачи были несравненно лучше. Джерк был специалистом по пиву, но здесь имелось такое количество сбраживающих растений, что любой мог сварить себе пиво сам или пожевать корень рабы. Я же был мастером по кости, но костяных изделий здесь никто не использовал.

Но, хотя мы и передумали здесь оставаться и собирались идти дальше, сделать этого мы не могли, пока моря не спадут, а до этого было еще очень далеко. И я сомневаюсь, что тогда кому-нибудь захочется пуститься в путешествие, учитывая тот факт, что уже сейчас многие заявляли, что довольны своими новыми домами.

Гортин говорил мне, что на время сухого сезона этот остров становится полуостровом, частью огромного южного континента. Его массив можно было видеть по ту сторону вздувшегося пролива, примерно в двадцати милях. Но за пределами нашего мира.

Нечего странного, что я не встретил здесь торговцев костью — они вымерли с голоду. Когда местные жители хотели подчеркнуть тщетность

или бесполезность чьих-либо усилий, они говорили: "Шел бы ты лучше по кости вырезать!"

В хорошее же время я это обнаружил, — подумал я с горечью.

Ладно, раз я оказался без профессии, то придется сосредоточиться на управлении своей деревней. Я прикидывал, не осмелиться ли мне предложить своим людям выплачивать мне незначительную долю за выполнение обязанностей Главы. Я слышал о деревнях, в которых Глава берет дань с каждого взрослого мужчины. Но я чувствовал, что мое племя начнет активно возражать. Мой авторитет был еще слишком слаб, чтобы рискнуть подвергнуться такому испытанию.

Значит, меня будут содержать Вилвил и Орбе. Ничего другого не оставалось. Но увы — сыновья работают сейчас в нижней деревне на Шугу и Пурпурного. Значит, за их содержание несут сейчас ответственность колдуны. Хм... если они займутся о сыновьях, то с таким же успехом могут позаботиться и об остальной моей семье, включая меня. К тому же волшебника содержит деревня, если они будут содержать и меня, то тем самым будут выплачивать свою долю даже не зная об этом. Гортину можно сказать, что я решил на время отказаться от своей профессии, пока все дела, связанные с Пурпурным и Шугой не будут завершены. Мое дипломатическое мастерство необходимо, чтобы обеспечить их совместную работу и ускорить окончательный отъезд Пурпурного.

Гортин должен согласиться с этим. И я отправился поставить его в известность о своем решении.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я застал шугу и Пурпурного спорящих возле шкуры для письма, покрытой непонятными рисунками. Вилвил сидел на камне, плача от бессилия. Орбе похлопывал его по спине. Источник волнения был налицо. Пурпурный пытался убедить Шугу, что линии на рисунке соответствуют летающей машине. Шуга не мог этого понять. Я тоже.

— Послушай, дурья башка, — втолковывал он. — Шкуры животных не летают. Чтобы шкуры животных, по крайней мере, двигались, в них должно быть животное.

— Шкура не должна летать, — вопил Пурпурный. — Она нужна для того, чтобы нарисовать на ней линии летающей машины.

— О-о! Значит, летают линии?

— Нет, эти линии не летают. Они изображают летающую машину. Это... они... — Он запнулся, подбирая нужное слово. — Они — копия.

— Чепуха, — отрезал Шуга. — Будь это копия, она сама была бы летающей машиной. Как же она может быть копией и не быть летающей машиной?

— Это не работающая копия, — настаивал Пурпурный.

— Не глупи. Твои слова противоречат сами себе. Это все равно, что сказать — неработающее заклинание.

Пурпурный забормотал что-то на своем демонском языке.

— Это — как кукла, Шуга. Это...

— Это я и имел в виду, — отрезал Шуга, — кукла означает личность, личность, воплощенную в кукле. Чего тут еще непонятного?

— Кукла — не личность! Кукла... это кукла! — резко ответил Пурпурный.

— А ты — лягушачья морда! — парировал Шуга.

— Ха! Чтобы овца помолилась тебе, опорожнив на тебя свой мочевой пузырь!

— А ты — сам этот пузырь!

И они закатали рукава, готовясь швыряться проклятиями. Я не раздумывая встал между ними. А если бы подумал, что делаю, то теперь двигался бы прямо в противоположном направлении.

— Прекратите-ка!.. Вы, оба!.. Хотите уничтожить еще одну деревню!

— Стоило бы сделать это, если это помогло бы убрать с моих глаз вон того пожирателя плесени!

— Тварь вроде тебя только и достойна жить, что в моих испражнениях.

— И что дальше? — поинтересовался я. — Мы можем подождать, пока спадет вода, а вам не терпится. Погубите весь остров, а сами куда денетесь?

Они заколебались.

Прежде чем их ярость могла разгореться с новой силой, я добавил:

— Кроме того, вы оба давали клятву перемирия. Так что ни вражды, ни дуэлей быть не должно. Со всеми разногласиями обращайтесь ко мне! Итак, в чем проблема?

Оба заговорили одновременно, как дети:

— Этот навозный жук даже не знает, как делать самые простые...

— Стоп! Прекратите! — я повернулся к Орбе.

— Ты понял, из-за чего весь этот сыр-бор разгорелся?

Он кивнул.

— Оба они пустоголовые.

Волшебники усталились на него, готовые разразиться новыми проклятиями, но на сей раз уже в его адрес. Но Орбе не испугался. Он невозмутимо продолжал:

— Мы с Вилвиллом поняли, чего хочет Пурпурный. Если он немного помолчит, то мы практически уже можем рискнуть приступить к

изготовлению рамы для машины. Но мы ничего не сможем сделать, если будем торчать здесь, пялиться на рисунки Пурпурного и пытаться что-либо втолковать Шуте.

— Но рисунки, — не сдавался Пурпурный. — Они необходимы вам для того, чтобы построить летающую машину.

— Прекрасно, — ответил Вилвил, — рисуй их на здоровье, когда мы кончим. Тогда машина будет у тебя в качестве образца, который можно срисовать.

— Но... так не годится! — завопил Пурпурный.

Я поглядел на Шуту. Линии казались черными на коричневом фоне. Даже со своим устройством для глаз, зрение Пурпурного оказалось не особенно хорошим.

— Я не вижу, почему они так важны, — заметил я.

— Но это... Понимаешь, мы вначале рисуем машину, а потом ее строим.

— Значит, это часть заклинания? — спросил я.

— Да, конечно, можно понимать и так.

— Ладно. Тогда почему ты не сказал этого раньше? — спросил Шуга.

— Я... я не знал.

Я посмотрел на обоих.

— Ясно. Будем считать происшедшее недоразумением, верно?

— Верно, — согласился Пурпурный, все еще выглядевший смущенным.

Шуга тоже кивнул.

— Прекрасно. Тогда вот что мы сделаем. Орбе и Вилвил начнут строить раму машины. Пурпурный пусть делает свои рисунки, а Шуга... Шуга тоже пусть чем-нибудь займется. А я останусь здесь и помогу вам все организовать.

Они все уставились на меня.

— Ты? Организовать?

— Кто-то должен распределить среди вас работу, обеспечить материалами.

Они поняли мудрость моего предложения и закивали.

— Кроме того, — добавил я. — Всегда надо, чтобы был кто-то вроде меня, чтобы разрешить все ваши разногласия. Значит так... Вилвил и ты, Орбур, можете начинать сооружать здесь свою раму и что там еще надо?

— Нет, отец. Мы думаем строить раму на Скале Юдиони.

— Почему там? Вам ведь придется поднимать туда все необходимые материалы.

— Зато это высокое место. Хорошее место для запуска летающей машины. И море не поднимается так высоко. Мы сможем работать на всем протяжении болотного сезона, если понадобится.

— Хм-м. Предложение дельное. Тогда ты и Орбе можете начинать строить раму на скале Юдиони, а Пурпурный останется здесь рисовать свои рисунки... А Шуга... Шуга пусть читает руны доброго счастья.

Шуга, казалось, был не особенно польщен своим поручением, как и Пурпурный. Они попытались возражать, но я не стал их слушать. Я подгонял Орбе и Вилвила, чтобы они поскорее начали перетаскивать свои инструменты на скалу.

— Теперь так, — заявил я Пурпурному. — Если я уже взялся за организацию этого проекта, то мне нужно знать, что я организовываю. Какие материалы нам еще потребуются?

Пурпурный начал:

— То, что мы строим, представляет собой гигантскую лодку, размером в пять, а может и шесть человеческих ростов длиной. Мы прикрепляем...

— Погоди, погоди! Лодка? Я полагал, что ты намерен лететь?

— Ну, да. Я все обдумал. Можно было бы использовать корзину, но если мне придется опуститься на воду, то пусть уж я лучше окажусь в лодке, чем в корзине.

— В этом есть смысл, — согласился я. Даже Шуга кивнул.

— Далее... как твоя лодка будет летать?

— Мы изготовим большие мешки, в которые запрем газ, который легче воздуха. Мы прикрепим их к лодке. Они поднимут ее, и лодка поплывет по воздуху.

Шуга призадумался.

— Газ, который легче воздуха? Он не похож на те пузыри с отвратительным запахом, которые поднимаются из болот?

— Ты пытался использовать болотный газ, чтобы построить летающую машину?

Шуга энергично закивал.

— Это гораздо разумнее, чем все, что я от тебя ожидал, Шуга... Ты более развит, чем я предполагал. Да, именно это мы и собираемся сделать. В принципе, это будет представлять собой... Мы не будем собирать газ из болот.

— Газ? — переспросил Шуга. — Ты используешь это слово...

— Да, газ, — ответил Пурпурный, возбужденно размахивая руками. — Воздух — это множество газов, смешанных вместе. Газ, который мы будем использовать, мы получим из воды. А теперь видите вот это? — Пурпурный показал на нарисованный на шкуре круг. — Это большой мешок. Мы наполним...

— Но это не большой мешок! — не выдержал Шуга, закричав с негодованием.

Но тут я оттащил Пурпурного в сторону и порекомендовал ему лучше не использовать рисунки, чтобы что-нибудь объяснять Шуге. Ему не нравятся заклинания в форме рисунков, потому что он их не понимает.

Пурпурный пожал плечами и вернулся на прежнее место.

— Ладно, Шуга, забудем о рисунках. Ты прав. Это не большой мешок — это рисунок. Но мы используем большие мешки, чтобы поднять в воздух лодку. Мы наполним их нутро газом легче воздуха.

Тут он повернулся ко мне.

— Вот что мне потребуется: первое — корпус лодки. Местные мастера не знают как строить такие большие лодки, как у вас на севере. Но Вилвил и Орбе в этом разберутся. Они смогут обучить местных строителей лодок. Второе: нам необходима ткань, хорошая ткань, из которой мы сошьем мешки. К счастью — ткачи здесь лучшие в районе. Третье: нам нужен газ, чтобы наполнить им мешки. Газ я беру на себя.

— Тогда все решено, — сказал я. — Мы легко сможем построить летающую машину.

— Вот и нет, — возразил Пурпурный. — К сожалению, твои сыновья до сих пор не могут подобрать подходящего материала для корпуса лодки.

— Да? Не понял, что ты только что сказал...

— Они знают как строить лодки из тяжелого дерева. И только, — объяснил Пурпурный, — а эта лодка должна быть легкой и вместе с тем — прочной. Она должна быть изготовлена из самого легкого дерева. Да и качество местной ткани все же непригодно для мешка. Она слишком грубая. Мы собираемся научить изготавливать ткачей более тонкий материал.

— А как насчет газа? — спросил Шуга. — Есть какая-нибудь причина, мешающая нам получить его?

Пурпурный покачал головой.

— Нет, это несложная задача — разделить воду. Я могу воспользоваться своей батареей или Френ Медный Кузнец построит мне искровое колесо.

— Разделить воду? Батарея? Искровое колесо?

— Вода — это два газа. Мы разделим их и один используем для наполнения мешков.

Шуга при этих словах замотал головой, но Пурпурный видимо знал, что говорит.

Осталось лишь подождать и посмотреть.

Я дал Шуге задание: получить образцы ткани у всех ткачей в районе. Он начал было протестовать, но я отвел его в сторону и растолковал всю важность получения волшебного материала нужного сорта. Но Шуга опять начал выражать недовольство и пришлось указать ему, что он может иметь преимущество лишь познакомившись с местными заклинаниями в

процессе их действия. Тут он понял важность своего задания и согласившись со мной, ушел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вилвил и Орбе уже начали размечать контуры будущей лодки колышками и бечевой. Она выглядела, как большая плоскодонная баржа.

— Нет, нет! — закричал Пурпурный, ознакомившись с их деятельностью.

— Она должна быть уже и у нее должен быть киль, как вот здесь показано.

— Убери свои рисунки, — сказал я, — мы в них не нуждаемся.

Потребовалось какое-то время, чтобы его успокоить, а потом ребята начали все сначала. Вилвил и Орбе безропотно передвинули колышки, сделав долгожданную лодку более узкой. Но при этом скептически пожали плечами и покачали головами.

— Лодка ведь перевернется. Как быть с уравниванием?

— Выдвигаю снасти. Мы поставим выдвижные снасти, — принялся объяснять Пурпурный. — У лодки будут узкие поплавки, вынесенные с обеих сторон.

— Но что заставит лодку держаться ровно, когда она будет висеть в воздухе?

— Киль, конечно, — тяжелая деревянная доска в днище корпуса.

— Но, если она будет тяжелой, не будет ли лодка много весить?

Пурпурный призадумался.

— Может вы и правы. Если так, мы сможем добавить еще один газовый мешок.

Сказать по правде, я мало что понимал в этой дискуссии. Для меня в ней было слишком много технических сложностей. Но Вилвил и Орбе как только понимали ход мыслей Пурпурного, тут же принимались возбужденно спорить.

И все трое вопили друг на друга... Вилвил и Орбе то и дело кивали, начинали жестиковать при каждой новой идее. Вскоре они начали рисовать чертежи на грязи для того, чтобы проще понимать друг друга. Пурпурный попытался снова обратиться к своим рисункам, но они были отвергнуты. Для постройки машины требовались рисунки именно на грязи. Кажется мои сыновья начинали понимать, что нужно строить и как именно это сделать. Иногда смысл работы ускользал от них, но Пурпурный охотно пускался в объяснения. Несколько раз мальчики предлагали другие варианты и иные способы, как прикреплять газовые пузыри к раме лодки.

— А почему бы не сплести один очень большой мешок, заменяющий все остальные? — спросил Орбе.

Пурпурный двумя руками растянул край своей накидки и резко рванул. Ткань не лопнула, но разошлась. Теперь она наплевала сито.

— Если у меня будет только один мешок и такое случится, — сказал он, — то я упаду в море, причем с большой высоты. Если же у меня будет много мешков и такое случится, я просто потеряю один из них.

Орбе возбужденно закивал:

— Да-да, я понял, понял!

И они опять вернулись к проблеме оснащения лодки большим числом газовых мешков.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Через два дня Шуга вернулся и принес с собой две охапки образцов ткани.

— Я побывал у каждого ткача на острове, — пропыхтел он. — Все хотят нам помочь. Вот образцы их самой лучшей ткани.

В тот же вечер состоялся совет всех ткачей верхней и нижней деревень с обязательным участием представителей от трех других деревень полуострова-острова. Мы впятером присутствовали тоже, обсуждая возможности применения каждого сорта ткани.

Единственно диссонирующую ноту вносил Хинк. Он потребовал объяснить, с какой стати тут присутствую я, простой мастер по кости. Я ответил ему, что нахожусь здесь в качестве Главы, а также как организатор проекта. Потерпев в этом неудачу, он прицепился к моим сыновьям.

— А они почему здесь? Я думал, что что будет совет ткачей и волшебников.

— Так и есть. Но они помогают строить летающую машину. Они имеют такие же права участвовать в этом совещании, как и ты, возможно даже больше.

Ворча, он сел.

Все образцы ткани Пурпурный подверг двум простым способам испытания. Для начала он просто с силой растягивал кусок, чтобы проверить насколько легко ткань расползается. Больше половины образцов этой проверки не выдержали. Пурпурный заявил ткачам, их изготовившим, что если они не могут делать ткань лучше, то им нет смысла тут оставаться. Некоторые ушли, только радуясь, что им не придется работать на ненормального волшебника.

Второе испытание оказалось таким же простым. Пурпурный сворачивал образец кулком и лил туда воду. Затем медленно считал с какой скоростью

вода проходит сквозь ткань. Было ясно, что он выявляет наиболее плотную ткань, которая бы держала воду дольше других.

— Если ткань не будет пропускать воду, — объяснял он, — ее можно сделать такой, что она не будет пропускать и воздух. Но если ни один образец не подойдет, нам придется искать дальше. Не исключено, что нам придется изготавливать ткань самим.

Мы проверили лучшую продукцию в районе, но Пурпурный каждый раз качал головой и печально говорил, что ткань слишком грубая. Ни один образец не держал воду дольше минуты. Естественно, ткачи опечетинились. Еще несколько человек ушло в раздражении.

Если бы перед ними не находились два величайших в мире волшебника, они, несомненно вызвали бы нас на битву не на жизнь, а на смерть еще до наступления голубого рассвета.

— Гм, — произнес старый седой Леста. — Почему ты хочешь носить воду в мешке из ткани? Почему бы тебе не воспользоваться горшком, как все нормальные люди?

— Для заклинания необходим мешок, ясно тебе, бородавка! — резко оборвал его Шуга.

Леста закипел от обиды, но ничего больше не сказал.

Пурпурный вообще не обращал внимания на эту перепалку. Он отложил в сторону последний образец свернутой в кулек ткани и сказал:

— Этого я и боялся. Все они слишком грубые для наших целей. А лучше вы сделать не можете?

— Это — наши самые лучшие ткани. А поскольку они самые лучшие из тех, которые мы делаем, то ты не найдешь нигде никого, кто бы мог изготовить такие же, не говоря уже о том, чтобы превзойти их.

Пурпурный расстегнул свой так называемый "защитный костюм" и стащил его с тела. Потом снял нижнюю рубашку, обнажив (о, защитите нас, боги!) бледную безволосую грудь. Я уже знал об этом от своей первой жены, но люди из других деревень перестали дышать от изумления. Вид толстенького брюшка Пурпурного довел их чуть ли не до шокового столбняка. Пурпурный тем не менее полностью игнорировал их реакцию. Он встряхнул рубашку и сунул ее в руки мужчине, который только что говорил.

— Вот материал получше, — заявил он.

Ткач осторожно взял ее, повертел в руках, поглядел на обе стороны, затем потер между пальцами.

— Вот вам доказательство того, что можно сделать ткань и получше, — сказал Пурпурный.

Другие ткачи подались вперед. Рубашка быстро пошла по кругу. Ее обнюхивали и проверяли на вкус, щупали и что-то бормотали. Ткачи не могли поверить, что такое качество возможно.

Наконец, она добралась до старого Лесты. Тот принялся разглядывать ее на свет. Потом рванул и опять поглядел на свет. Пропустил между пальцами, понюхал, хмыкнул и лизнул. Опять хмыкнул, свернул кульком и шагнул к центру поляны. Один из ткачей, поняв его намерения, подхватил глиняный кувшин и налил в кулек воду. Ткань воду держала.

Леста начал медленно считать, но только несколько капель просочилось наружу. С такой скоростью пришлось бы ждать целый день, пока кулек опустеет.

— Гм, — буркнул Леста и выплеснул воду на землю. — Ты прав, — сообщил он. — Ткань замечательная. Так почему бы тебе ее и не использовать?

— Потому что это все, что у меня есть, — ответил Пурпурный, забирая рубашку назад. Он начал отжимать из нее воду. — Я хочу, чтобы вы изготовили такую.

— А чего ради я должен стараться, — проворчал Леста. — Если тебе нужна такая ткань, иди туда, где ты взял этот кусок.

— Я и хочу это сделать! — взорвался Пурпурный. — Я хочу попасть домой. Я — один в этой незнакомой стране! Я домой хочу!

Я пожалел его. Но ничем не мог помочь. Мы тоже были одни на незнакомой земле. И хотя вина за это целиком лежала на Пурпурном, я пожалел его.

Пурпурный отвернулся от ткачей и принялся натягивать на себя все еще влажную рубашку. Было видно, что он смущен своей вспышкой. Я подождал, пока он не покроет свое противоестественное розовое тело. Потом повернулся к Лесте.

— Вы не можете делать такого качества ткань, верно?

Леста невнятно пробубнил что-то.

— Что?

— Нет, — ответил он. — Нет, не могу. И никто не может. Это демонская ткань.

— Но если вы узнаете, как такую ткань делать, — предложил я, — то станете величайшими ткачами в мире. Верно?

— Я и без того лучший ткач в мире! — закричал старик.

— Ага, — ответил я. — Но что с тобой будет, если умение делать такую ткань приобретет кто-то другой?

Леста замер.

— ...а ты не сможешь.

Он ничего не ответил. Посмотрел на меня, на Пурпурного, потом опять на меня. Но все же быстро овладел собой и сказал самонадеянно:

— Чепуха! Это сделать невозможно!

— Рубашка Пурпурного доказывает, что это вполне возможно. Если потребуется, Пурпурный может показать, как это делается. Если будет нужно, он обучит других ткачей этому мастерству.

Леста ошестинился. Начал было поворачиваться, чтобы уйти, но тут же отменил свое намерение. Открыл было рот, намереваясь что-то сказать и снова закрыл его. Глаза его сверкали.

— Это невозможно сделать! — повторил он. — Но если все же возможно, то я это сделаю. Если кто-то и сможет сделать, то этим человеком буду только я!

При этих словах Пурпурный повернулся к нам, застегивая свой защитный костюм.

— Вот и хорошо, Леста, — сказал он. — Я принимаю твоё предложение. Леста растерялся.

— И я помогу тебе его выполнить.

Леста понял, что отступать некуда. У него не оставалось теперь выбора. В любом другом случае он терял свое лицо и реноме главного ткача.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мы отправились на ревизию ткацких станков. Предложение Пурпурного научить лучшему качеству тканья было принято, но его намерение ознакомиться со станками встретило некоторое сопротивление.

— Но как я могу вас чему-то научить, если не знаю оборудования, на котором вы работаете.

Леста пожал плечами.

— Тебе придется учить нас здесь.

— Но я не могу, — возразил Пурпурный. — Я должен вначале увидеть станки.

— Тогда никакой новой ткани вам не будет. Я не могу показать вам станок.

— Хорошо. Я найду ткача, который согласится показать мне свой станок.

Тут старому Лесте пришлось смириться. И он повел нас на свою секретную поляну. Входить на нее позволялось только ткачам. То, что Леста решил нарушить древнюю традицию показывало, насколько важной он считает ткань Пурпурного.

Когда мы подошли ближе, то услышали звуки огромной скрипящей машины, содрогавшейся и протестующей. Звуки сменялись криками и командами. Все вместе образовывало стабильный ритм — крик и содрогание, команда и крик.

Мы вышли на поляну, и я впервые в жизни увидел ткацкие станки. Они представляли из себя тяжелые деревянные конструкции — гитачские движущиеся рамы, установленные под странными углами друг к другу. При каждой команде они качались взад-вперед. При этом ткань, казалось, сама появлялась между ними. На некоторых станках виднелась паутина нитей, на других куски неокрашенной материи.

Начальник группы увидел нас, и команда застыла у него в горле. Рамы замедлили свое движение и остановились. А мелькающие нити тоже застыли в неподвижности. Ученики и рабочие повернулись и уставились на нас.

— Нет, нет, — произнес Пурпурный, — распорядись, чтобы они продолжали работать.

Леста принялся отдавать команды. Ткачи недоуменно глядели на него. Ткани ткать? Когда здесь чужие?

Леста угрожающе зарычал, и я понял, почему он стал Главным ткачом. Подмастерья нервно вернулись на свои места. Начальник группы откашлялся и принялся отдавать команды дальше. Станки опять начали скрипеть.

Молодые мужчины блестели от пота, толкая тяжелые рамы взад и вперед, а мальчишки тем временем играли во что-то наподобие "кидай-лови", бросая клубок ткани между рамами.

Я никогда не видел ткачества прежде и был зачарован процессом.

Леста объяснил технологию:

— Берется два вертикальных ряда нитей, каждая на своей раме. Они независимы друг от друга, но подвешены таким образом, что могут меняться местами. Горизонтальные нити кладутся по одной, затем рамы меняются местами и процесс повторяется.

Пурпурный медленно кивал, точно это ему все было давно ясно. Возможно, так оно и было. Он осмотрел образец только что полученной ткани и спросил:

— Лучше этой ткани вы сделать не можете?

— В принципе я мог бы, но где я возьму зубья для станка, достаточно тонкие, чтобы натягивать нить, и где я возьму нить, чтобы ее можно было использовать с такими зубьями.

Пурпурный провел пальцем по материи.

— Откуда они берутся, ваши нити?

— От волокнистых растений. Иногда мы используем овечью шерсть. Если удастся ее выменять. Она обычно очень груба или ее очень мало.

— И лучшей нити у вас нет?

Леста покачал головой.

Пурпурный пробормотал что-то на своем языке.

— Даже основной производственный комплекс слишком примитивен...

Никто ничего не понял, но ткачи обзвизались. Тон Пурпурного был ясен

— волшебник недоволен их работой. Возможно даже проклинает ее.

Пурпурный посмотрел на них.

— И другого способа изготавливать ткань не знаете, не так ли?

— Если бы он был, мы бы им пользовались, — небрежно ответил Леста.

Пурпурный повернулся ко мне и Шуте.

— Знает ли кто-нибудь из вас о таком дереве, которое дает липкий сок?

Мы покачали головами.

— Есть одно сладкое растение, — припомнил Шута. — У него липкие выделения.

— Да? — оживился Пурпурный.

— Дети любят сосать их.

— Нет, — вздохнул волшебник. — Это мне ни к чему. Мне нужно клейкое вещество, которое застывает липкими комками.

Мы глядели друг на друга, и каждый желал, чтобы у него нашелся ответ.

— Ладно, — опять вздохнул Пурпурный. — Я знал, что придется нелегко. Поймите, мне нужен особого рода материал, который можно нагреть и расплавить в жидкость, и который высохнет потом пластинами или слоями.

Мы все снова покачали головами.

Пока Шута продолжал описывать свое загадочное липкое вещество, я придвинулся поближе к станкам, чтобы осмотреть их. Ткачи косились на меня с плохо скрываемой враждебностью, но я решил не обращать на это внимания.

Зубья станков были вырезаны из ветвей твердого дерева. Каждый — длиной с ладонь и вставлен в прорезь на верхушке рамы.

— Это лучшие зубья, которые у вас есть? — спросил я.

— Нет, у нас есть еще комплект более тонких, — дрожащим голосом ответил подмастерье, к которому я обратился. — Но мы почти никогда не используем их, потому что они хрупкие и быстро ломаются. Нам приходится работать очень медленно, когда мы ими пользуемся.

— Хм, — произнес я. — А почему бы вам не использовать зубья из кости?

— Из кости?

— Зубья из кости будут не только намного крепче, но их можно сделать и намного тоньше. На том же участке вы сможете разместить их в два-три раза больше.

Подмастерье пожал плечами.

— Я в этом ничего не понимаю.

Я еще раз осмотрел раму, даже взобрался для этого на платформу.

Я хотел рассмотреть прорези, чтобы понять, каким образом закреплены зубья. Да, их вполне можно было вырезать из кости. Я вытянул измерительную нить и начал завязывать на ней мерные узелки.

Только тут Леста увидел, чем я занимаюсь и отскочил от Пурпурного.

— Эй, ты там! Воруешь наши секреты?

— Нет, на что они мне! — запротестовал я. — Хочешь более тонкие зубья для своего станка? Ну так я смогу снабдить ими тебя через пару дней, а то и скорее.

Леста посмотрел на меня. Сзади подошли Пурпурный и Шуга.

— Как? — спросил ткач. — Разве более тонкие и крепкие зубья возможны?

— Я вырежу их из кости.

— Из кости! — ужаснулся старик. — Ты собираешься осквернить ткань душой животного?! Ткань происходит от деревьев, волокнистых деревьев, растений. Ты должен использовать зубья из дерева, но не зубья животных.

— Но я могу вырезать зубья в четыре-пять раз более тонкие, чем эти.

Услышав это, Пурпурный поднял голову.

— Можешь, Лэнт? Это же отлично! Получится почти такая ткань, как нужно.

— Ха! — сказал Леста. — Я могу сделать такую ткань хоть сейчас. Если захочу.

— Каким образом? — спросил я.

— Уплотнить ткань — вот и все.

— Уплотнить ткань? — переспросил Пурпурный.

Леста кивнул.

— Это простая операция. Мы используем то же количество нитей, но сдвигаем их внутрь, чтобы они занимали меньшую ширину. Видите вон тот станок?

Мы посмотрели в указанную сторону. На раме висел наполовину законченный кусок материи. Он был небольшой, меньше чем в половину станка, но от его краев нити тянулись к каждому зубу станка.

— Вот, — сказал Леста, — эта ткань уплотнена. Вот таким образом мы ее получаем!

Пурпурный подошел поближе, чтобы получше рассмотреть материю. Леста последовал за ним. Я спрыгнул с платформы и нагнал их.

Леста говорил:

— Конечно, если мы уплотним ткань, она не получится такой ширины, как...

— Ширина для меня не важна, — ответил Пурпурный. — Если понадобится, выткем больше ткани. Меня интересует только плотность.

Леста пожал плечами.

— Как угодно.

Пурпурный поглядел на него.

— Если Лэнт вырежет новые зубья из кости, ты сможешь уплотнить и эту ткань тоже?

— Конечно, можно уплотнить любую ткань, какую ты захочешь, — согласился Леста. Но кость на моих станках использоваться не будет.

— Но ведь это единственный способ...

— Костяных зубьев на моих станках не будет, — упрямо отрезал Леста.

Шуга, стоящий позади него, прошипел:

— А не хочешь ли ты, чтобы я на тебя костяную и термитную тлю напустил?

Старик побледнел и покосился на Шугу.

— Ты этого не сделаешь!

Волшебник принялся закатывать рукава.

— Хочешь, чтобы я попробовал...

— Но... — Леста беспомощно посмотрел на него. Ясное дело, он это го не хотел. Ткач сделал назад шаг, другой, третий и... наткнулся на Пурпурного. Леста отпрыгнул в сторону, посмотрел на нас, на свой станок и еще более нервно с трудом произнес:

— Хорошо, я полагаю, не следует отставать от последних достижений в этой области, верно?

— Мудрое решение, старина! — прогремел Пурпурный и хлопнул ткача по спине. — Я рад, что все решилось. Лэнт, немедленно начинай вырезать новые зубья.

Я был в восторге. Есть возможность избавиться от большинства подобранных по дороге скелетов. Какое счастье! На зубья уйдут все плоские кости, так что останется побеспокоиться только о ста двадцати восемью ребрах.

— Так, давай-ка подумаем. Некоторые куски, возможно, придется отшлифовать песком, чтобы получить плоские пластины. Затем прорезать щели. Для разрезания лучше всего использовать нить, чтобы щели

получились очень узкие. Хм, похоже на изготовление костяного гребня уйдет меньше времени, потому что делать глубокие щели необязательно. Можно использовать раму с нитями и прорезать все щели за один раз. Если я буду делать достаточно тщательно, то каждая секция окажется точно такой же, как остальные. Точно такая же, как и любая другая. Это была интересная мысль. Если она сломается, ее можно будет немедленно заменить, без малейшей задержки. Достаточно держать пару запасных секций под рукой. Мне это представлялось практичным. Хм-м...

Я прикинул, что зубья удалось бы сделать даже быстрее, если бы можно было найти какого-нибудь подмастерья. Но — увы! В обеих деревнях свободных рук не хватало. В избытке имелись только женщины, но от них никакого толку, если не сказать хуже.

Мы обговорили еще несколько деталей. Пока, наконец, Пурпурный не закинул руки за голову и не устался на небо.

— А-ах, — зевнул он, — продолжим на следующий день.

— Хорошая идея, — поддержал я. — Мои жены уже готовят пищу.. Я хотел бы получить ее до того, как наступит темнота.

Мы направились в верхнюю деревню. До промежутка между голубым рассветом и красным закатом оставалось еще довольно много времени. Шуга даже мог мельком видеть лужи.

— Думаю, мы все заслужили отдых, — сказал я.

— Я в этом уверен, — буркнул Шуга. — Но у меня на рассвете церемония освящения домашнего дерева.

— Почему бы тебе не прийти, — импульсивно предложил я Пурпурному.

— Тебя это развлечет.

— Могу и прийти, — ответил тот.

Когда мы вошли в деревню, то увидели Кемда Три Обруча, подготавливающего дикое дерево к церемонии.

Дикое домашнее дерево представляет собой толстый, но гибкий ствол с крупными ветвями, ствол должен быть обвязан и укреплен, прежде чем сможет держать дом. Нижние ветки необходимо наклонить к земле и обработать, чтобы они пустили корни. Верхние — связать попарно, чтобы образовалась рама для гнезда. Через несколько дней изготовитель гнезд может браться за свою работу.

По настоянию Вилвила и Орбе, Пурпурный отужинал вместе со мной и моей семьей. Обычно, я никогда даже близко не подпускал его к своему гнезду, но тут альтернативой был публичный отказ — а это могло оскорбить людей из нижней деревни.

Опасения мои были напрасными. Пурпурный, Орбе и Вилвил были настолько увлечены своим проектом, что ни о чем другом весь ужин и не говорили, и это тогда, когда у нас были свежие морские пивавки!

Вся троица только и спорила о способах постройки, о принципах, на которых машина должна работать. Я пытался вникнуть в их дискуссию по мере своих способностей, но большинство оказалось мне не по зубам... в конце концов я махнул на них рукой и переключил свое внимание на моих нервничающих жен, которых пришлось успокаивать. Все эти разговоры о летающих машинах и воздушных мешках пугали их до чрезвычайности. Они истерически вздрагивали в стороне и отказывались подходить, кроме как только после самого сурового приказа. В конце концов мне пришлось пригрозить побить их и не оставить остатков со стола.

Шуга тоже был приглашен к нам, но уклонился от этой чести. Вместо этого он все двадцать минут темноты провел на скале Юдиони, пытаясь рассмотреть Луны. Голубой рассвет был очень ярк. Показалась только одна из самых больших Лун, да и то на секунду между облаками. Шуга не смог даже определить, какая это была Луна. Ну и хорошо! Я знал, что он хочет от неба и был только рад, что ничего в нем не нашел!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Пурпурный никогда прежде не видел освящений. Теперь он стоял и наблюдал, как Шуга производил семнадцать благословений пивом, одолженным в нижней деревне. Шуга был на удивление спокоен. Я не видел его таким с последнего момента встречи с Пурпурным. Хорошо, что он выбросил из головы все свои сложности и неясности с летающей машиной. Освящение — один из самых простых обрядов, что даже появление Лун на него никак не влияет.

Шуга, в своей ярко раскрашенной накидке, тяжелом головном уборе, молитвенной шали, украшенной бусами, произносил необходимые слова. Пурпурный вежливо наблюдал.

Когда Шуга начал брызгать пивом на основание дерева, Пурпурный пробормотал что-то насчет обрядов оплодотворения. Снова его демонские слова.

Но, наконец, мы добрались до самой моей любимой части церемонии. Все женщины и дети скинули одежды, и начали танцевать вокруг освящаемого дерева, распевая и рисуя яркой краской полосы вокруг ствола.

Интерес Пурпурного немедленно подскочил.

— Что это за заклинание? — спросил он.

— Ты о чем? — Я не понял вопроса.

— Какая цель этого заклинания? Может они пытаются отпугнуть красные лианы, или термитную тлю, или...

— Нет, Пурпурный. Они делают это для веселья.

— Для веселья?

Лысое лицо Пурпурного порозовело. Он наблюдал еще немного, затем постепенно утратил интерес к церемонии. Пурпурный мрачно о чем-то размышлял. И только тогда, когда Шуга начал выпускать сок из дерева, его интерес возобновился. Когда Кемд Три Обруча начал стучать по всему дереву, а Шуга снова распевать, он поднял голову.

— А что теперь они делают?

— Выпускают сок из дерева, — насмешливо прокричал кто-то из детей.

Что это за волшебник, если он не знает даже такой простой церемонии обработки дерева?

Мы терпеливо наблюдали, как Шуга благословил кровь дерева и смазал ею связанные ветки. Более высокие ветки, связанные вместе, должны были вырасти в крепкую круглую раму гнезда.

Церемония была близка к завершению, когда неожиданно Пурпурный вмешался в нее. Он проскочил сквозь круг распевающих женщин и провел пальцем по струйке стекающей крови дерева. Пение мгновенно оборвалось. Мы стояли растерянные, не понимая, почему Пурпурный вздумал нарушать заклинание.

Разъяренный Шуга потянулся к мешочку на поясе.

Пурпурный же задумчиво произнес:

— Может быть нам удастся использовать этот сок?

Он повернулся к Шуге с протянутыми липкими пальцами. Шуга замер. Он колебался, скорее всего даже забыв про мешочек на поясе. Но, несомненно, вспомнил о клятве. Голос его был полон ярости, когда он зарычал:

— И только ради этого ты разорвал нежную паутину моей магии?

— Шуга, ты не прав, ты не понял! — Пурпурный потер ставшие липкими пальцы. — Может быть мне удастся использовать это вещество для воздушных мешков.

— Кровь домашнего дерева для тяжелой летающей машины?

— Конечно! — воскликнул Пурпурный. — А почему бы и нет?

Недовольный ропот окружающих должен был бы подсказать Пурпурному, почему нет, но он, конечно, не понял этого. Я быстро протиснулся сквозь толпу, взял Пурпурного за руку и поволок прочь. Он спотыкался, поспевая за мной, не переставая бормотать на своем демонском языке. За его спиной я подал знак Шуге начать церемонию снова, а сам пошел за Пурпурным, пытаясь уловить хоть искру смысла в его словах.

— Это похоже на естественную резину, Лэнг. Конечно, я должен ее проверить, но не исключена возможность, что это как раз то, что позволит мне удерживать газ в мешках.

— Забудь об этом, Пурпурный. Тебе не удастся использовать кровь домашнего дерева. Домашние деревья священны.

— Будь она проклята эта святость! Мне необходимы воздухонепроницаемые контейнеры. Да прекрати ты скакать вокруг меня!

— Тогда ты прекрати свои ужасные проклятия!

— Какие проклятия? — Пурпурный даже растерялся. — А-а, не обращай внимания.

И он снова принялся изучать сок на своих пальцах.

— Слушай, а тебе не удастся ли использовать что-нибудь другое, кроме сока домашнего дерева? Кровь младенцев, например... я уверен нам удастся...

— Нет! — он даже задохнулся. — Определенно нет. Никакой человеческой крови. Это не сможет помочь!

— Ты сказал, если ткань будет водонепроницаемая — то она будет и воздухонепроницаемой. А как насчет горшков? Не удастся ли тебе удерживать свой газ в больших глиняных горшках?

— Нет, нет, они слишком тяжелые... Мы должны попробовать сок домашнего дерева. Это единственный способ. Видишь ли, ткань, которая у нас есть, недостаточно плотна, но если нам удастся изготовить более плотную ткань и пропитать ее соком домашнего дерева, а затем высушить. То тогда, вполне возможно, все получится. Разумеется, нам придется перепробовать разные варианты...

— Да, да!... — бессвязно бормотал я. Должен же существовать какой-то выход из этого лабиринта. Пурпурный страстно желает улететь, но ни Шуга, ни жители деревни ни за какие коврижки не позволят осквернить кровь домашнего дерева. И дуэль! Она ведь пока только отложена.

И тут странная мысль пришла мне в голову. Я должен был бы, даже из-за моего обывательского отношения к магии, прогнать ее. Но Пурпурный был таким необычным существом...

Я сказал:

— Есть шанс! Ты только не смейся, Пурпурный, но может быть ты сможешь использовать сок диких домашних деревьев для своего летающего заклинания?

— Да, конечно! А почему бы и нет?!

— Как? — я не в силах был поверить. — Ты хочешь сказать, что сможешь?

— Конечно! — на лице Пурпурного появилось странное выражение. — Конечно. Сок есть сок.

— Но ты же знаешь, он...

Пурпурный не слушал.

— Лэнт, мне необходимо это проверить. Мне нужно дикое домашнее дерево, несколько горшков, немного ткани и...

— Видишь Вилвила и Орбе. Они могут достать все, что потребуется. А как выглядит дикое домашнее дерево, ты ведь знаешь, да?

— Конечно. Корни и ветви не должны быть согнуты.

И он ушел.

Ответ, конечно, был правильным, но я не переставал удивляться. Да, необычности в Пурпурном хвагало!

"ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ".

Книга вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К тому времени, когда я закончил первый комплект зубьев для станка, Пурпурный с Шугой завершили первую серию экспериментов с соком дикого домашнего дерева. Пурпурный знал, что ему надо, а Шуга знал, как этого добиться. Нагретый сок обрабатывается определенными волшебными веществами и превращается в вонючую, пачкающую жижу. Ткань погружается в эту жижу и превращается в воздухонепроницаемую. Но ее изоляционные свойства оказывались нестойкими и нестабильными, что вовсе не устраивало Пурпурного, и волшебники продолжали эксперименты.

В тот день, когда я начал вырезать третий комплект зубьев, Пурпурный объявил, что он нашел решение проблемы. Он знает как делать воздухонепроницаемую ткань. Вместо того, чтобы окунать готовую материю в жижу из сока, надо окунать в жижу нити, и только потом изготавливать из них ткань. Высохнув, нити оказывались блестящими и гладкими на ощупь. Материя, сотканная из таких нитей, могла быть еще раз обработана тем же раствором и высушена. Нити материи после вторичной обработки разбухали, слипались и получался единый прочный материал, непроницаемый ни для воздуха, ни для воды.

Пурпурный был в восторге. Если нить окажется достаточно тонкой, а мои костяные зубья оправдают ожидания, то нам определенно удастся соткать материю, достаточно легкую и достаточно плотную, чтобы использовать ее для летающей машины.

К тому времени, как я закончил третий комплект, Леста уже выткал для Пурпурного несколько кусков такой ткани. Она получилась гладкой и блестящей и просветы между нитями почти не наблюдались.

— Разве это не прекрасно, Лэнт! — воскликнул Пурпурный. Мне пришлось с этим согласиться. Старый Леста сиял от гордости. Пурпурный метался от одного к другому и требовал, чтобы все шупали материю.

— Когда все зубья для станка будут готовы, мы начнем изготавливать материю такого качества... — закончить фразу он не смог, настолько его переполняли эмоции.

Леста вел себя немного сдержаннее.

— Лэнт, — требовательно напомнил он, — мне необходимо побольше твоих зубьев. У меня должно быть их столько, сколько ты способен сделать. Мы собираемся ткать воздушную материю.

— Это будет грандиозно, — кричал Пурпурный. — спасибо тебе! Я использую все, что ты сможешь сделать.

Леста усталился на него.

— Ты считаешь, что я буду надрываться для тебя, мохнатая бородавка? На эту ткань будет спрос на мили вокруг. И нам необходимо к этому подготовиться. Когда спадет вода и откроются торговые пути, к нам несомненно придет процветание.

— А-а! — протянул Пурпурный. Лицо его становилось то красным, то синим и еще каким-то разноцветным одновременно. — Ты сперва должен соткать достаточно ткани, чтобы удовлетворить мои нужды и потребности.

— Чепуха, — продолжал Леста, — мы так не договаривались.

— Змеиный корень! Не договаривались! Я обещал показать тебе, как делать хорошую ткань, — ужасно рассвирепел Пурпурный. — Ты взамен должен сделать мне достаточно ткани для летающей машины!

— Как же, как же, — зарычал Леста. — Это долг волшебника постепенно улучшать образ жизни своего племени. Ты просто выполнил свою обязанность, Пурпурный. И к тому же первый раз за все время, — добавил он.

— Подождите минутку! — крикнул я. — Дайте мне во всем разобраться! Они оба устали на меня. — Это моя обязанность помогать волшебникам в случае необходимости. Сейчас как раз то положение, когда решение зависит от меня.

— Лэнт прав, — сказал Пурпурный, — давай, Лэнт, излагай! Леста прищурился. — Что ж послушаем, что ты скажешь, — проворчал он, — продолжай!

— Ну... — начал я, — для меня ситуация вполне очевидна. Пурпурный — волшебник, Леста — ткач. Пурпурный показал Лесте, как изготовить ткань такого качества, какая до сих пор была неизвестна людям. Теперь Пурпурный требует оплаты за свое умение, правильно?

Они оба кивнули.

— Тем не менее, Леста утверждает, что он ничего не должен Пурпурному. Пурпурный, дескать, выполнил свой долг деревенского

волшебника, который в том и состоит, чтобы поднимать жизненный уровень деревенских жителей. Тоже правильно.

Они опять кивнули.

— Ну, тогда все просто, — заявил я. — Совершенно очевидно, что прав... Леста!

— Как? — у Пурпурного отвисла челюсть от удивления. Леста просиял. — Ты прав, Лэнт, я согласен с твоим решением. Он бросил насмешливый взгляд на Пурпурного. — Подожди, Лэнт... — начал Пурпурный. — Ты его слышал? — резко перебил Леста. — И ты обещал согласиться с его решением.

— Нет, не обещал, — закричал Пурпурный, — я только сказал, что послушаю, что он скажет. Лэнт, что же ты делаешь?

— Да погодите же немного, — снова крикнул я. — Подождите! Они опять устались на меня. — Я еще не кончил говорить, — сказал я. Они притихли. — Леста прав, — повторил я. — Он ничего не должен Пурпурному. Тем не менее, — продолжал я неторопливо, — он должен мне...

— За что?

— За зубья для станка, — сказал я. — Ты используешь мои зубья. Я их вырезал и они принадлежат мне.

— Тебе? — переспросил Леста. — А на что они тебе?

— Ну я могу дать их напрокат разным ткачам, или сам стану ткачом...

— Мы поломаем твои зубья! — заорал он.

— И навлечем тем самым на себя гнев Шуги, не так ли? Так что ничего вы не сломасте. Вместо этого ты заплатишь мне справедливую цену за использование моих зубьев. Как заплатил бы любой другой ткач.

— Я тебе не любой ткач, — ошетинился Леста. — И я не собираюсь платить. Ты был обязан их сделать из чистой благодарности, за позволение переселиться на нашу территорию.

— У вас бедный район, — ответил я. — Он мне не нравится. Или верни мои зубья, или плати. А то мне еще надо переговорить с Хинком Ткачом.

— Э-э... постой, — засопел Леста. — Может нам еще удастся договориться...

— Уверен, что удастся. Прибыль твоя и так будет невообразимой. Ты не разоришься, если заплатишь справедливую цену. Ведь это же мой труд.

Глаза его сузились.

— И что представляет из себя эта, так называемая, справедливая цена? Пурпурный слушал наш разговор с открытым ртом. Я объяснил:

— Пурпурному — достаточное количество ткани, что бы он построил свою летающую машину, плюс пять процентов сверх того мне, для собственного пользования, включая торговлю.

— Грабитель! — выдохнул Леста. Я начал опасаться, что он задохнется и умрет прямо на месте.

— Я даю тебе возможность ткать лучше, чем ты когда-либо ткал. Так хочешь ты использовать мои зубья или не хочешь?

Он ел глазами тонкие пластинки, которые я держал в руках. Видно было, как он их хочет... и он прекрасно отдавал себе отчет, что я не постесняюсь обратиться с ними к любому другому ткачу.

Про нашу новую тонкую ткань знали уже все. Не нашлось бы ткача, который бы не ухватился за такой шанс.

— Гм! — выдавил Леста. — Я предлагаю тебе половину...

— Нет! Или все, или ничего!

— Ты просишь слишком много. Я не могу... Я повернулся и пошел прочь.

— Думаю, что найду Хинка у реки...

— Подожди! — завопил он. Я продолжал идти. — Подожди! — он догнал меня и ухватился за мою руку. — Хорошо, Лэнт, хорошо. Ты меня уговорил. Ты победил. Я сделаю ткань для Пурпурного и еще пять процентов сверх того для тебя.

Я остановился.

— Прекрасно. Но мне нужна гарантия.

— Как? — он уставился на меня. — Разве моего слова недостаточно?

— Нет, — ответил я. — Если бы этого спора не было — другое дело. А так я должен иметь гарантию. Два слога твоего секретного имени.

— Два слога?! — его рот беззвучно открывался. Потом он шумно сглотнул.

— Ты шутишь? Я пошел дальше. Он успел схватить меня за плечо. — Ладно, Лэнт, ладно. Он покорился. Оглянулся беспомощно и прошептал мне на ухо. Два слога. — Благодарю, — сказал я, — надеюсь ты меня не обманешь. А если на это отважишься, секретные слоги больше не будут секретными. И первым, кто о них узнает — Шута.

— Нет, нет, Лэнт, ты можешь ничего не бояться.

— Я в этом и не сомневаюсь. Благодарю, Леста. Я рад, что мы пришли к такому приятному, соглашению. Жду через пару дней первую партию ткани.

— Да, Лэнт, конечно, Лэнт. А?...

— Что?

— А зубья, которые ты держишь?

— Ах, да,— я протянул ему зубья. Следующим ко мне подошел Пурпурный. — Спасибо, Лэнт.

— За что? Я просто выполнил свои обязанности. — Да? Хорошо, благодарю тебя за это. Я пожал плечами.

— Ничего странного. Я не меньше тебя хочу видеть, как ты улетишь на своей машине. Думаю, он меня неправильно понял и сказал:

— О, ты прав, будет на что посмотреть!

— Ага! — согласился я. — Жду с нетерпением!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вилвил и Орбе ворчали:

— Мы сделали четыре велосипеда, отец, с тех пор, как сюда пришли и теперь не можем ни пользоваться ими, ни продать из-за твоего договора с Гортином.

Я вздохнул.

— Гортин достаточно скоро устанет от своей новой игрушки. Кроме того, у вас и так много времени уходит на летающую машину.

— Да,— раздраженно буркнул Вилвил. — Гортин такой тупица. что не может даже научиться ездить на велосипеде. Мы с Орбе уже семь раз пытались его научить.

Орбе покачал головой.

— Он продолжает сталкиваться с деревьями.

— Совсем не умеет управлять. — пояснил Вилвил. — Кроме того, летающая машина не сможет нас прокормить. Наши велосипеды необходимо продать. Нам нужны пища, одежда, инструменты. Если нам не будет позволено заниматься своим ремеслом, мы будем голодать.

Орбе снова качнул головой и опустил на камень.

— От умения летать никогда и никому выгоды не было.

— Ладно, — сказал я, — посмотрим, что можно сделать. Собирайте свои велосипеды, я же придумаю способ ими торговать. К тому же, — добавил я, — не думаю, что соглашение с Гортином запрещает их продавать в нашей деревне.

Они не скрывали сомнения, но по моему настоянию вернулись к работе. Теперь по утрам они возились с летающей машиной, а днем с велосипедами, хотя в дальнейшем они все больше и больше времени проводили возле летающей машины.

Пурпурный решил, что корпус снаружи и внутри нужно обтянуть новой тканью. Это сделало бы его более водонепроницаемым. Парни пришли в восторг от этого предложения. Дело в том, что они наткнулись на

множество трудностей с базальтовым деревом. Это было самое легкое дерево, которое им удалось разыскать, но с ним было очень трудно работать из-за чрезвычайной хрупкости. При испытании на воде оно начинало намокать и пропускать воду. Но машина должна быть способной опускаться на воду. Предложение Пурпурного использовать покрытие из новой материи решало проблему, и парни охотно вернулись к работе над корпусом новой лодки.

Но для них необходима была ткань, а ее производство все еще оставалось главной нашей проблемой.

— Нам не хватает нитей, — заявил Леста. — Нам не хватает людей, чтобы прясть, нам не хватает людей, чтобы ткать.

— Не понимаю, — признался Пурпурный, — у тебя хватало прядильщиков для старых тканей. Но почему же теперь не хватает для новых?

— Потому что водонепроницаемая ткань не просто ткется. Надо напрясть нитей, окунуть их, высушить. Теперь только на пряжу требуется в три раза больше людей, чем раньше. Затем, когда ткань готова, ее надо пропитать заново. Вот тебе еще одна операция. А где я возьму для тебя еще людей. На то, чтобы соткать кусок новой ткани, времени требуется вдвое больше, чем на любую другую работу, и кусок этот в четыре раза меньше прежнего, потому что ты хочешь, чтобы он был уплотнен.

— Конечно, если ее не уплотнять, ткань будет пропускать воздух и воду, — сказал Пурпурный.

— Прекрасно, — ответил Леста, — ты хочешь воздушную ткань, ты ее получишь! Только придется подождать восемьсот лет!

— Чепуха! — возмутился Пурпурный. — Должен, должен же быть способ...

— Его нет... — Леста был непреклонен. — Требуется почти пять дней, чтобы напрясть достаточное количество нитей для одного куска ткани.

— Хорошо, тогда используй большее число прядильщиков.

— А где я их возьму? Я не могу просить своих ткачей унизиться до этого. Да и даже в обеих деревнях не найдется достаточное число мальчишек, чтобы нанять их в качестве подмастерьев.

— А почему бы не пригласить прядильщиков из других деревень острова?

— Да? И подарить им секрет воздушной ткани?

— Им не обязательно знать о последнем шаге, о пропитке ткани, — предложил я.

— Хм. Ты прав... Но они не согласятся.

— Почему?

— А что их ткачи будут делать без них?

— Найми и этих ткачей, чтобы помогали.

— А как мы их прокормим? У нас бедная деревня. Мы задумались над этим вопросом. В сезон самой высокой воды большая часть пищи поставлялась морем. Если у Анга, ставшего морским фермером, будет достаточно сетей, он, вероятно, сможет наловить достаточно морских пиявок и пресмыкающихся, чтобы прокормить ту армию ткачей, которую намерен собрать Пурпурный. Конечно, Анду потребуется некоторое время и помощь, но я думаю, несколько юношей для него можно найти.

Мы обсудим это вечером, на специальном собрании обеих наших Гильдий Советников. Мы собрались на поляне нижней деревни. Пришло много специалистов разных ремесел и все время к нам присоединялись новые.

Почти каждый из выступающих начинал свою речь словами:

— Мы не можем это сделать... Например Анд: — Мы не сможем это сделать, у меня не хватит сетей. — Сплети новые. — Я не могу это сделать, потребуется слишком много времени, чтобы наплести достаточно сетей, чтобы их хватило для прокорма стольких людей.

— Возможно, ткачи Лесты не откажутся помочь?

— Ерунда, мы не можем этого сделать. Мои люди не знают, как плести сети.

— Но ведь это форма ткачества, верно?

— Да, но...

— Никаких "но" не может быть! Если следующие пять дней мы потратим только на сети для Анга, то к этому времени придут новые ткачи и мы сможем регулярно их кормить. И у нас к тому же будет достаточное количество нитей для новой ткани, чтобы обучить их ткачеству по новой технологии.

— Мы не сможем это сделать, — снова вмешался Леста.

— Почему?

— Я подсчитал. Волокнистых растений и деревьев у нас достаточно. Пока у нас есть дикие домашние деревья — будет сок. Насчет этого можно не беспокоиться. Но у нас все еще недостаточное соответствие между числом прядильщиков и числом ткачей. Вся наша проблема в том, что даже сейчас мы не производим достаточное количество нитей, чтобы загрузить всех ткачей... Если мы пригласим новых прядильщиков и ткачей, то просто увеличим в несколько раз ту же проблему. Просто будет в пять раз больше ткачей, простаивающих в ожидании нитей. Так что мы не сможем этого сделать.

— Ерунда, — заявил Пурпурный. — Проблема в том, что у нас не хватает людей для прядения, вог и все.

— Вот и все! — возмутился Леста. — А разве этого не достаточно. Если мы не сможем найти людей в нашей собственной деревне, то почему ты считаешь, что мы сможем найти их в другой?

— Я тоже сделал некоторые расчеты, — сказал Пурпурный. Он достал шкуру, подозрительно похожую на ту, на которой он делает свои рисунки, но к счастью не стал ничего показывать, а просто ею помахал в воздухе.

— Так вот, если взять наше теперешнее количество ткачей и станков, при скорости производства — один кусок воздушной ткани в два дня, то понадобится почти двенадцать лет, чтобы изготовить только то количество воздушной ткани, что мне нужно.

Слова эти вызвали шум и оживленные переговоры среди Советников.

— Ткань действительно прекрасная, но кому она нужна, если ее придется так долго ткать?

Пурпурный игнорировал недовольство.

— Далее: если мы привлечем к работе всех ткачей и прядильщиков острова, это увеличит скорость изготовления в пять раз и тогда понадобится два с половиной года...

— О, — забормотал Леста, — я не уверен, смогу ли вынести Пурпурного хотя бы год, не говоря уже о двух с половиной...

Гортин зашипел на него, но Пурпурный игнорировал и этот выпад. Он продолжал: — А теперь поглядим на эту проблему с другой стороны: дело не в том, что так много времени требуется на один кусок, а в том, что этих кусков производится слишком мало. Если бы у нас было больше станков и больше людей, чтобы на них работать, то уровень производства резко повысился бы.

— Конечно. — кивнул Леста, — а если бы я был птицей и умел летать, то вообще не понадобилась бы воздушная ткань.

Это вызвало смех у собравшихся мужчин и недовольные взгляды волшебников. Шуга плюнул в сторону Лесты. Спона, упав на землю, зашипела. Пурпурный замахал на ткача своей шкурой.

— Я подсчитал все самым тщательным образом. Если суммировать всех ткачей из всех деревень, всех прядильщиков и даже всех новичков, то их окажется более чем достаточно...

— Бред! Чуть!

— Более чем достаточно, — повторил Пурпурный, — если всех их посадить ткать.

— А кто будет для них прясть нить? Или ночью появятся лесные духи и возьмутся за эту работу?

Снова смех. Пурпурный оказался самым терпеливым человеком, которого я когда-либо видел. Он откашлялся и уверенно сказал:

— Вовсе нет. А вообще—то я удивляюсь, что вы не спрашиваете, где они будут ткать всю эту ткань?

— Без нити это не имеет значения.

— Давайте по порядку. Если каждый мужчина, каждый член касты ткачей станет полноправным мастером, если у нас окажется достаточное количество станков для всех них, и если каждый человек отработает на станках полный день — то мы сможем изготовить столько кусков воздушной ткани сколько нам нужно за четыре... ну, задолго до того, как жена Лэнта родит ребенка.

— Меньше чем за две руки дней, — добавил я в пояснение. Лэста начал рисовать в пыли. — Пурпурный — ты кретин. Нам понадобится сто семьдесят пять станков. В нашей деревне их всего шесть. Еще несколько в других деревнях. И где тогда ты предлагаешь достать остальные? Хочешь превратить нас из ткачей в строителей станков? Так нам потребуется минимум пять лет, чтобы их построить.

— Неверно, — возражал Пурпурный. — к тому же ты преувеличиваешь. Первое: сто семьдесят пять станков нам не понадобятся. Нам нужно всего шестьдесят... — Он подождал, пока стихнет взрыв смехов, — нам понадобится всего шестьдесят станков, но мы будем использовать их весь день и всю ночь.

Послышались голоса:

— Использовать все время? А спать когда?

— Да нет же! — закричал Пурпурный. — Послушайте: вы работаете только в течение голубого времени, правильно? Когда голубое солнце садится, вы прекращаете работу. А почему бы вам не работать и в течение красного дня?

Опять послышались приглушенные недовольные голоса. Пурпурный привычно не обратил на них внимания.

— Обратите внимание — свет ночью такой же яркий, как и днем. Одна группа ткачей работает ночью, другая — днем. Можем назвать их сменами. И нам, таким образом, понадобится в три раза меньше станков. Каждый человек будет отрабатывать полную смену, но не все они будут трудиться во время голубого дня. Одна смена будет работать утром, другая — вечером, третья — во время красного утра, четвертая уже до красного заката. Примем продолжительность каждой смены по девять часов...

И тут на него обрушилась лавина голосов. Ткачи вскочили на ноги, сердито потрясая кулаками.

— Заставить нас осквернить ткацкие заклинания!

— Бога оскорбляешь!

— Ты навлечешь на нас гнев Элкина!

— Да погодите же вы! Помолчите! — Мы с Гортином пытались призвать к порядку разбушевавшийся народ, но все было напрасно. Пурпурный продолжал что-то говорить, но в общем шуме его голоса не было слышно.

В конце концов Шуга невозмутимо швырнул в центр круга огненный шар. Он зашипел, разбрызгивая искры и заставил разъяренных ткачей замолчать. Еще огрызаясь, они начали умолкать. Но громкие протесты сменились шепотом.

Гортин заявил твердо.

— Мы согласились выслушать предложения Пурпурного и по-деловому обсудить их. Он — волшебник. Думаю, ни у кого нет сомнения в его власти, и нет необходимости еще раз ее демонстрировать. Если он считает, что в его словах нет оскорбления богов, то он, очевидно, знает, что говорит.

— А если у кого возникнут сомнения, то здесь присутствует Шуга, можете на эту тему проконсультироваться у него, — добавил я.

Гортин повернулся к волшебнику.

— Ты зришь какую-нибудь опасность? Шуга неторопливо покачал головой.

— Ну, я не слишком силен в ткацких заклинаниях, — сказал он. — Но то, что я знаю о ткачестве, предполагает, что время суток не имеет никакого существенного значения. Тем не менее, если понадобится, я могу, конечно, составить усовершенствованное заклинание, которое устраним опасность.

Это, вроде бы, успокоило большую часть ткачей. Они опять опустили на свои места.

— Но, все-таки, — напомнил Шуга. — Пурпурный говорил про шестьдесят станков.

— Да не понадобится нам их много строить, — сказал Пурпурный. — Шесть станков уже есть. В каждой из других деревень по столько же. Лэнт мне говорил, что Хинк и некоторые другие ткачи верхней деревни тоже уже поставили свои станки. Значит, тридцать один станок уже есть. Если же все ткачи, повторяю, все ткачи истратят только одну руку дней на строительство, у нас будет недостающее количество станков.

Глаза Лесты сузились. Он не доверял этим расчетам, но не собирался и оспаривать их, пока сам не проверит.

— А как быть с зубьями для станков? — спросил он. Все посмотрели на меня. Я не был готов к этому вопросу и ответил: — Ну, потребуется время, чтобы их вырезать... почти четыре дня на один полный комплект.

— Ха! Вот... сами видите! — закричал Леста, — Лэнту понадобится почти сорок дней, чтобы изготовить зубья для всех станков! А мы все это время что будем делать?

— Знаешь Леста, ты — кретин, — сказал я. Он вспыхнул и вскочил на ноги. Я тоже поднялся. — Если мы найдем дополнительных ткачей и строителей станков, то мы, определенно, сможем найти и дополнительно резчиков по кости...

— На острове нет других резчиков, ты — заплесневевшая башка...

— Тогда я кого-нибудь обучу. Любой подмастерье способен научиться ткать, с тем же успехом может научиться и работать по кости...

— Я не позволю самому нерадивому из моих подмастерьев так низко пасть! — резко заявил Леста и сел, мрачно улыбаясь.

— Ну, а как иначе ты сделаешь воздушную ткань? — поинтересовался я. Его натянутая ухмылка тут же пропала.

Поспешно вмешался Пурпурный. — Если мы пришьем Лэнту десять мальчиков, по два от каждой деревни, то зубья для станков будут готовы в десять раз быстрее.

— Э-э! — перебил я. Пурпурный поглядел на меня недоуменно. — А где я возьму столько кости?

Леста фыркнул.

— Сухой кости у меня хватит станков на двадцать, или около того. А почему ты должен использовать именно сухую кость?

— Потому, что она самая твердая.

— А сырую кость мы можем использовать?

— Но зубья будут гнуться или быстро ломаться, ведь сухая кость гораздо тверже сырой.

— Но работать они будут?

— Будут, — согласился я. — Они будут работать, только менять их придется гораздо чаще.

— Насколько часто? — поинтересовался Леста. Я пожал плечами. — Не знаю. У меня не было случая проверить. —

Ладно, тогда скажи, как долго прослужит комплект зубьев из сырой кости?

— Я даже и сказать не могу. Это совершенно новая для меня область знаний. Я могу только предполагать. Четыре руки дней, может быть чуть больше, может быть чуть меньше, но приблизительно так.

Леста с отвращением поджал верхнюю губу. Очевидно, он не считал срок достаточным.

Но Пурпурный сказал:

— Это замечательно. Лэнт, Просто замечательно! — он взглянул на шкуру со своими расчетами, — даже по три руки дней на комплект будет замечательно.

— Хорошо, — согласился я, горя желанием, взяться за обучение подмастерьев.

— Тогда все решено, не так ли? — спросил Гортин.

— Нет, не все, — сказал Леста. Все посмотрели на него. — Остался еще один вопрос, на который никто не ответил — откуда возьмется нить?

— Ах, да, — спохватился Пурпурный, — нить? Я думал, теперь этот вопрос для всех очевиден.

Но это было не так. Мы недоуменно пялились на него. Пурпурный сказал: — Существует большой и нетронутый источник рабочей силы прямо здесь, среди вас. Мы удивленно поглядели друг на друга. О ком это он говорит? — Я имею в виду женщин.

— Женщин? — дружно сорвался крик ужаса из более чем сотни глоток. Всякая сдержанность исчезла. Мужчины повскакивали на ноги, потрясали кулаками, ругались отплеываясь. Даже полдюжины огненных шаров Шуги не смогли их успокоить. Буйство продолжалось до тех пор, пока Шуга не пригрозил призвать на помощь самого Элкина. Только тогда они начали остывать.

— Дайте же мне объяснить, — не успокаивался Пурпурный. — Дайте же мне объяснить!

И прежде чем кто-нибудь успел перебить его, он продолжал:

— Послушайте! В самом прядении нет ничего священного, даже старый Леста согласится с этим. И вы используете подмастерьев по одной единственной причине — мы не сможем дать им станков, чтобы они на них ткали. Хорошо, но теперь, когда станков будет хватать на всех, прясть им больше не потребуется. Весь успех нашего плана кроется в том, что прясть станут женщины... зато подмастерья смогут стать ткачами, а теперешние ткачи — начальниками групп.

Тут же послышались неистовые крики радости. По крайней мере, одна часть плана Пурпурного начала приобретать популярность.

— Но женщины! — не мог успокоиться старый Леста. — Женщины! Женщины настолько тупы, что не могут одновременно грызть сладкие орешки и идти по лесу.

— Чепуха, — заявил другой мужчина. — Ты все еще живешь понятиями своей молодости, Леста. Разумные люди, а здесь собрались только разумные, понимают, что женщина — нечто большее, чем просто выючное животное. Они ведь родили нас, не так ли?

— Ха! — фыркнул Леста. — Мальчонку потянуло к титьке. На него зашикали. Говорящий, — я не знал его, тем временем продолжал. — Теперь новые времена, Леста. Теперь мы знаем больше, чем раньше, во времена твоей молодости. Мы не обращаемся со своими женщинами так же скверно, как во времена молодости наших предков, потому мы можем лучше их использовать. Когда ты последний раз видел погонщика с кнутом и его стадо бедных женщин? Женщины больше, чем просто выючные животные и с ними нельзя обращаться теми же способами, что были приняты раньше. Женщины — домашние животные, способные выполнять многие простые обязанности. Могу поспорить, что здесь не найдется ни одного мужчины, который бы не позволил своей женщине собирать для него пищу... И я знаю, что некоторые больше не надевают на женщин путы или цепи...

— Глупцы, — резко бросил старый ткач, — они еще пожалеют об этом. Некоторые из стариков повеселели, но не все.

— Подождите немного, — сказал я и шагнул в центр. Все посмотрели на меня. — Я хочу вам кое-что предложить. Здесь нет ни одного человека, который бы захотел ткать воздушную ткань. Или я не прав?

Все согласно закивали.

— Пурпурный доказал нам, что вполне возможно, да, вполне возможно, за один сезон изготовить столько ткани, что нам и не снилось. И это будет новая воздушная ткань! Большинство его предположений мы приняли с минимумом шума и споров. Он доказал нам, что его идеи практичны. Они, необычны, нельзя отрицать этого факта, зато рациональны. А скорый отъезд Пурпурного зависит от нашей деловитости.

— Так что ты предлагаешь? — спросил кто-то.

— Есть один способ проверить практичность последней идеи. У меня две жены. Я позволю одной из них научиться прясть. Если она с этим справится, то тем самым докажет, что идея практична. Если же нет — значит идея глупа.

— Лэнт говорит разумно, — закричал тот же мужчина, который только что препирался с Шугой. — Я выделю двух своих жен для эксперимента.

— И я тоже даю одну, — подхватил кто-то еще. И тут воздух наполнился обещаниями прислать женщин — каждый молодой мастер был полон желания превзойти другого, доказать, что у него жены толковые.

Пурпурный восхищенно сиял от такого поворота событий. Он ходил от мужчины к мужчине, пожимал руки и благодарил.

Старый Леста поднял руку.

— А что вы, восторженные молодые глупцы, будете делать, когда на вас обрушится гнев Элкина, а?

— А что нам бояться Элкина, — пробормотал кто-то, но надо заметить не слишком громко.

Я сказал:

— Если мы увидим, что женщины осквернили ткань — мы убьем их. — Действительно, что еще может утихомирить разгневанного бога, но такова цена эксперимента.

Раздались дружные крики согласия. Когда они стихли, в центр вышел Шуга. — О ерунде вы спорите, — сказал он, — самое простое дело составить заклинание, позволяющее женщине работать. И не оскорблять при этом богов. Женщины настолько тупы, что просто не могут не обижать богов. Поэтому существует универсальное заклинание, искупающее их невежество.

Таким образом, женщина будучи один раз освященной, фактически, уже не имеет возможности сделать ничего плохого. Так что богов мы можем не беспокоиться. Здесь вопрос в том — достаточно ли женщина умна, чтобы научиться прясть. Но и на него мы скоро получим ответ. А пока нет смысла особенно распространяться на эту тему.

Разумеется он был прав. Мы одобрили его выступление и закрыли собрание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующее голубое утро был проведен эксперимент по изучению возможности научить доселе не участвующих ни в какой разумной деятельности женщин прядению. Предложено было семнадцать жен, явилось четырнадцать, подгоняемых своими неожиданно занервничавшими и обеспокоенными мужьями. В холодном утреннем свете эта идея уже не представлялась им такой привлекательной.

Даже я начал жалеть о своем предложении. Первую жену я привести не смог, поскольку та была беременна. Оставалась вторая — тоненькая, нескладная, со светлым мехом. Мне вовсе не улыбалось потерять ее ради эксперимента. Но выбора не было — честь обязывала!

Нетрудно было понять, почему ворчат другие мужчины. Если только одна жена собирает пищу, еда становится скудной и однообразной. А в моем случае дело обстояло еще хуже. А бить женщину, вынашивающую ребенка — плохая примета. Ладно, если дела будут идти совсем скверно, я всегда могу присоединиться к холостякам, которых обслуживают незамужние женщины. Выход не из лучших, но по крайней мере, мой желудок будет полон.

Мы, нервничая, ждали на склоне холма. Топтались и переговаривались. Настроение женщин было разным — от страха до восторга. Все они,

несомненно, были взволнованы, или же подавлены перспективой новой работы. Мало кто из них понимал, что именно от них требуется, но любые изменения в том образе жизни, что они вели, могли быть только к лучшему.

Пурпурный явился в сопровождении Лесты и нескольких других его ткачей. Да, эти люди действительно могли научить прясть. помощники тут же начали собирать прядильные устройства.

Урок начался с демонстрации того, что представляет собой прядение в целом.

— Вы будете делать нить, понятно? Нить — это очень важно. Мы будем из нити делать ткань.

Женщины немой и беззвучно затрясли головами.

— Я покажу вам, как это делать, — сказал Леста. Он сел на низенький стульчик перед прядильным устройством и начал прясть, подробно объясняя каждую процедуру. Леста оказался хорошим учителем. Пока я смотрел, то почувствовал, что тоже могу научиться этому ремеслу.

Но женщины — они видели все совершенно по-другому.

— Посмотри! — бормотали они. — Он сидит! Он сидит! Он работает и в то же время сидит!

Моя жена потянула меня за руку.

— О, мой муж! Муж мой, неужели и я смогу сидеть тоже и работать?

— Тихо, женщина, тихо! Будь внимательна! Но теперь разом начали перебивать все женщины, возбужденно шепча друг другу:

— Он сидит! Он сидит во время работы! В конце концов старый Леста не выдержал. Он перестал прясть и прыгнул с табурета.

— Да, проклятье на вас, я сижу! И вы, глупые создания, тоже будете сидеть! Если конечно, сможете научиться работать!

Женщины немедленно замолчали. Леста осмотрел группу.

— Ну, кто хочет попробовать первой?

— Я! Я! В страстном желании они все устремились вперед. — Я первая! — Я! Каждая хотела попробовать — на что это похоже — сидеть и в то же время работать. Леста выбрал одну и усадил ее на стул. Женщина истерично захихикала. Леста вложил ей в руку инструменты и пряди расчесанного волокнистого растения, приказал ей делать то, что только что делал он. То что она видела...

О боги! Она прядла! Она спряла волокно в нить! Ткачи задохнулись от ужаса — такое оказалось возможным! Мужчины застыли в шоке — неужто женщина может быть настолько умной? Я тоже затаил дыхание, но потому лишь, что никогда такого прежде не видел. Женщины оцепенели — она сидит и в то же время работает! И при этом сидит!

А Пурпурный? Пурпурный подпрыгивал от восторга. — Получилось! — вопил он. — Получилось! Она работает! Она работает! А женщина, между тем, продолжала прясть. Конечно, нить была неровной и непригодной. Она была неопытной и не совсем понимала, что именно она делает. Но даже теперь стало очевидно — прясть женщина может! И Пурпурный сможет построить свою летающую лодку. При должном опыте и тренировке — и при внимательном присмотре — все женщины в самом скором будущем смогут прясть нить такую же тонкую и ровную, как самые искусные из прядильщиков.

День тем временем продолжался. И вскоре неведомое раньше сделалось явным — женщины даже более искусные прядильщицы, чем мальчишки-подмастерья. Подмастерье хитер, он знает, что скоро станет ткачом, и его сердце не лежит к пряже. Он уделяет своей работе мало внимания, потому, что она скучна. Мальчишки — всегда мальчишки. Для женщины же, с другой стороны, прядение — задача огромной сложности. Ей приходится использовать обе руки и одну ногу одновременно для трех различных, но согласованных движений. Тут требовалась вся их сосредоточенность — это было для них как вызов. К тому же они знали, что если не справятся, то будут побиты. Женщина должна постоянно сосредотачиваться на том, что она делает, значит она будет со временем внимательнее следить за нитью. К концу дня многие из них, включая и мою жену, уже пряли нить достаточно тонкую, чтобы ее можно было использовать для воздушной ткани.

Пурпурный все уже успел подсчитать. В двух наших деревнях было почти шестьсот незамужних женщин. Если не считать сбора пищи и уборки, то работы у них почти не было. Но теперь все эти свободные руки могли принести нам огромную пользу. Мы доверили им дело — прясть! И если их окажется недостаточно, чтобы снабдить Пурпурного нитью, мы можем разрешить работать даже женам.

Эксперимент, определенно, увенчался успехом. Пурпурный был не из тех, кто зря станет тратить время. Он быстро определил новые задачи для учеников ткачей и подмастерьев. Парни охотно взялись за дело, когда поняли, в чем дело. Пурпурный создал новую профессию — надзиратель над женщинами. Ребята должны были следить за работой женщин. Они были в восторге, когда сообразили, что будут сами отдавать приказы, вместо того, чтобы получать их.

Всех незамужних женщин предстояло разбить на три отряда — прясть, собирать волокнистые растения, расчесывать их для прядения. Но и эти отряды были разделены на три группы поменьше — от тридцати до пятидесяти человек в каждом.

Даже старый Леста был потрясен.

— Никогда не видел прежде такого количества рабочей силы, — признался он. — Я бы ни за что не поверил, что такое возможно. — Тут он понял, что невольно сделал комплимент Пурпурному и добавил:

— Но, конечно, ничего не получится. Но пока все получалось. Другую группу, на этот раз мужчин-ткачей, Пурпурный отправил в лес собирать сок дикого домашнего дерева. Им были выданы огромные горшки, изготовленные Белисом Горшечником. Если горшок запечатать, кровь дикого домашнего дерева сохраняется до тех пор, пока она не понадобится для использования. Нам все требовалось в большом количестве. Мы уже отправили гонцов в другие деревни с образцами воздушной ткани, приглашая к себе ткачей и женщин. Если Леста счел впечатляющей армию из шестисот женщин, то ли ему еще предстоит увидеть!

Как только нить была спрядена, бригада подмастерьев окунала ее в ванну с кипящим соком дикого домашнего дерева, а оттуда ее медленно, очень медленно наворачивали на высоко поднятую катушку, так чтобы у нити было время высохнуть в воздухе. Скоро стало ясно, что этим методом Пурпурный недоволен. Если нитей, пока они были мокрые, кто-то случайно касался, то на них оставались пятна грязи, достаточно большие и различимые даже глазом. Пурпурный сердился и утверждал, что в этом месте возле грязи из ткани будет просачиваться газ и его машина упадет в море.

Тут еще мальчишки начали жаловаться на жару от кипящих ванн с соком. Время года тоже способствовало духоте. Было решено перенести ванны и прядильные колеса наверх, на скалу Юдион. Мальчишки были довольны, потому что там было прохладно от ветра, а женщины, казалось, не обращали внимания на лишние полчаса ходьбы по склону. Но, что более важное, был улучшен процесс пропитки и сушки. Теперь нити пропитывались, затем большой петлей спускались со скалы, вокруг шкива и опять поднимались наверх, где и наматывались на катушку. Ветер поддерживал ее на весу; а мальчишки тащили ее из ванны так быстро, как только успевали наматывать на катушку. Нить получалась чистой и сухой и даже более эластичной, чем прежде.

Как-то я стоял на выступе вместе с Пурпурным. Работая шла гладко, минимум задержки. Вдоль края скалы разместилось почти двести женщин с прядильными устройствами. Примерно пятьдесят мальчишек следили за ваннами с кровью домашнего дерева. Мимо нас тянулись петли только что изготовленной нити. Еще двадцать подмастерьев наматывали их на катушки. Вилвил и Орбе построили несколько больших механизмов, вращающих катушки. Каждый состоял из держателя для катушки, системы

шкивов и двух рукоятей. На каждом было занято по четыре мальчишки, по двое на рукоять. Нить оно наворачивало быстрее, чем это могли сделать десять подмастерьев, работая поодиночке. Внизу, в деревне действовало уже около десятка станков, каждый из которых изготовлял три куска воздушной ткани каждые пять дней. Но такого количества все еще было недостаточно — потому-то мы сюда и пришли.

Начинали прибывать ткачи из других деревень, желая познакомиться с нашим новым секретом. Многие были шокированы, увидев, что у нас прядут женщины, а на станках костяные зубья, но все же многие оставались и начинали учиться, а потом и работать. Новые станки вступали в строй каждый день.

Пурпурный и я стояли и смотрели вниз. Море начало подбираться к нижней деревне. Несколько домашних деревьев уже стояли покинутыми.

— Как высоко поднимается вода? — спросил я. — Не придется ли переносить станки?

— Надеюсь, нет, — ответил Пурпурный. — Посмотри. Видишь вон ту линию деревьев? Гортин говорит, что она проходит как раз там, до какого уровня вода добралась в прошлом году. Я рад, что тут в океане пресная вода, Лэнт. Там, откуда я пришел, вода в океане — соленая.

Я глядел на голубую воду и вспоминал, что совсем недавно здесь была высохшая пустыня.

— Интересно, откуда эта вода берется? Пурпурный ответил, думая о чем-то своем: — Когда вы проходите между двух солнц, тают ледяные шапки на полюсах. Я с удивлением поглядел на него. Он до сих пор продолжал нередко нести тарабарщину. Вероятно, он никогда не избавится от этой привычки. И тут я внезапно сообразил, до чего привычным для меня стало присутствие Пурпурного. Я больше не думал о его странных манерах, как о странных. Просто они были другими. Я перестал думать о нем, как о чем-то чужом и необычном. И только когда он начинал плести что-нибудь невразумительное, как сейчас, я вспоминал, что он не нашего племени. Действительно, я даже начал привыкать к виду его голого, безволосого лица. Хотя... я посмотрел еще раз и воскликнул:

— Пурпурный, ты что ошибся в заклинаниях?

— С чего ты взял?

— Твой подбородок, Пурпурный! У тебя начали расти волосы на подбородке и по щекам.

Его рука потянулась к лицу. Он потрогал подбородок и расхохотался гулким утробным смехом. Я здесь ничего смешного не видел. Среди нас было много таких — Пилг, например, кто начисто лишился волос с головы

до пят из-за неправильного заклинания. Все еще посмеиваясь, Пурпурный достал какое-то устройство, размером с кулак и сказал:

— Видишь, Лэнт?

— Конечно.

— Это — волшебная бритва. Она приводится в действие особого рода магией, называемой электричеством. — Именно так он ее назвал. — Сила бритвы будет мне нужна, чтобы получить газ легче воздуха. Поэтому я и решил удалять волосы с лица очень редко. А теперь думаю и вообще не удалять.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Ты хочешь сказать, что можешь сам выращивать волосы? Он кивнул. — И удалять их когда захочешь? Он снова кивнул. Странно, очень странно, поглядел еще раз. Потом спросил: — Пурпурный, если ты решил не удалять волосы с лица, то почему ты не делаешь этого полностью?

— Как? — переспросил он. Затем поняв, что я имею в виду и остальные голые части его тела, расхохотался еще сильнее.

Но до меня все равно не доходило, что в этом смешного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день Пурпурный решил попытаться разделить воду на газы. Посмотреть на это зрелище пришли многие с обеих деревень.

Волшебник взял у кузнеца два куска медной проволоки, опустил в большой горшок так, чтобы концы каждого куска погружались в воду, закрепил провода на концах горшка деревянными зажимами. Мы молча наблюдали, как Пурпурный снял с пояса очередное волшебное приспособление. Оно было плоским с округлым и напоминало то, которое применялось в световом устройстве, подаренном Пурпурным Шуте несколько месяцев назад, только побольше. Пурпурный называл его батареей. Он объяснил, что именно в нем скрыта магия, называемая электричеством. Подсоединенное к его защитному костюму, оно давало силу другим волшебным устройствам. Пурпурный просто указал на них, но ничего не стал объяснять. Единственными механизмами, которые не были зависимы от батарей были излучатель света, у которого имелась своя крошечная батарея и счетчик радиации, который, как сказал Пурпурный, не нуждается в электричестве совсем.

Батарея была тяжеленькой, значительно более тяжелой, чем можно было предположить по ее размерам. На одном ее конце виднелось два блестящих металлических нароста. Пурпурный прикрутил к этим наростам свободные концы медного провода, каждый к своему.

— Теперь, — заявил он, — все, что мне остается сделать — это включить батарею. А вот эта крупная шкала показывает, сколько энергии у меня осталось. Когда я включу батарею, заклинание начнет действовать, и вода разделится на газы.

Так он и сделал. Мы ждали. Я услышал шипение и заглянул в горшок. Крошечные пузырь образовались на поверхности проводов, отрывались и поднимались на поверхность.

— Ага. — сказал Пурпурный. Он повернулся и повернул выпуклость. Вода начала пузыриться сильнее. Пурпурный горделиво рассмеялся.

— Водород и кислород, — сказал он, — от одного провода идет кислород, а от другого — водород. Он легче воздуха. Нам нужно будет улавливать водород. Он и поднимает воздушные мешки.

— О! — проговорил я и закивал головой, будто бы все понял. Но я ничего не понял, но сделал вид, что мне все понятно. Я постоял еще немного из вежливости, а затем вернулся к своей прерванной работе.

Теперь у меня было семь подмастерьев и хотя они были вполне способны выполнять работу и без меня, я все же — из чувства ответственности — проверил их при каждой возможности.

Сейчас мы использовали сырую кость. Огромная ее гряда лежала на солнцепеке, конечно, она не станет такой твердой, как окаменевшая кость, но все же ее можно будет пустить в дело.

Подмастерья хорошо справлялись и без меня. Пурпурный предложил, чтобы они работали в новом порядке. Один разрезал кость на плоские сегменты, другой шлифовал эти сегменты песком, подгоняя под размер пазов ткацкого станка, третий вырезал углубления для крепления пластины к раме, четвертый и пятый прорезали щели в пластине, а шестой тем временем полировал готовые комплекты зубьев. Седьмой следил за инструментами шести и держал их острыми.

Таким образом они могли сделать больше зубьев для станков, как если бы работали поодиночке.

Пурпурный называл это "разделением труда". Каждую работу можно разбить на несколько простых операций. А поскольку одному человеку приходилось осваивать только одну операцию, то это упрощало и убыстряло весь производственный процесс. Никто не обязан знать все.

Кроме Пурпурного, конечно, но на то он и волшебник. Теперь он внедрял свои методы по всей деревне. Появились новые правила как ткачам прясть нить, ткать ткань, строить станки, делать прядильные машины. Пурпурный учил людей своей магии изготовления вещей.

Он сказал мне, что весь район стал поточной линией для изготовления летающей машины. В будущем, мы сможем строить и другие летающие машины, если захотим.

Все, что мы должны сделать — это поддерживать работу поточной линии. И мы сможем построить столько машин, сколько захотим. Это была ошеломляющая мысль.

Когда с ней ознакомился Шуга, глаза его заблестели. Не было секрета, чего он хочет. Зловещие огоньки плясали в его глазах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У Пурпурного странная манера разговора — даже более странная, чем его методы изготовления вещей. Но, если мы с ним соглашались, его методы оправдывались. Он снова и снова доказывал нам это.

Например, он придумал способ уберечь Гортина при столкновениях с деревьями во время езды на велосипеде. Он предложил Вилвилу и Орбе добавить к велосипеду пару маленьких деревянных колес — по одному с обеих сторон заднего колеса. Они удерживали машину от падения на бок. Гортин был так благодарен, получив, наконец, возможность ездить на велосипеде, что позволил моим сыновьям продать и остальные машины в нижнюю деревню. Но при условии, что у них не будет "колес Гортина". Он хотел быть единственным владельцем непадающего велосипеда. Орбе и Вилвил были довольны таким поворотом событий.

Они уже придумали свою собственную поточную линию для велосипедов — с четырьмя подмастерьями они могли бы выпускать по два велосипеда каждые пять дней.

Сыновья были полны желания опробовать ее как только кончат дела по работе над летающей машиной. В настоящий же момент у них было столько заданий от Пурпурного, что они едва-едва справлялись.

Например ему потребовались держатели мешков — огромные деревянные рамы, которые удерживали бы мешки над пузырящимися горшками с водой. Таким образом он собирался ловить газ, который поднимался от горшков с водородным проводом.

Он попросил Белиса Горшечника изготовить для этого горшки специальной формы, и тот уже заканчивал первый из них. В дополнение к отверстию сверху, через которое должна была заливаться вода, у него были два горлышка с разных сторон. Одно из них — узкое и изящное было расположено таким образом, чтобы водород поднимался именно через него. Другой газ должен был уходить прочь через другое горлышко, широкое и короткое. Воздушный мешок — совершенно пустой, предстояло

подвесить на раму над горлышком, а его отверстие прикрепить к соответствующему горлышку. Когда к проводам будет подсоединена батарея, то, как надеялся Пурпурный, воздушный мешок начнет наполняться водородом. Но не один мешок еще не был спит. Пока только было построено две рамы, чтобы держать их, и вылеплен один горшок.

Белис Горшечник начал выходить из повиновения. Сперва он обрадовался заказу Пурпурного на большое количество горшков, но не пришел в восторг от его предложения использовать женский труд. Он возражал против сбора ими глины, против того, чтобы они вращали его круг, приглаживали его уже готовые изделия, очищали инструменты — против всего! Никаких женщин, — уперся он. Женщины предназначены для выведения потомства — это все, для чего они существуют. Пурпурный сказал, что уже доказано, что женщины способны на простую работу, как пряжа и собирательство. Белис затряс головой.

— Прядение не требует особого ума, не то, что изготовление горшков.

— Хм, примерно то же говорил и Леста. Только он говорил, что изготовление горшков не требует большого ума.

— Леста — старая мохнатая бородавка. А здесь, возле моих горшков, женщинам не бывать...

— Это твое последнее слово, Белис?

— Последнее.

— Я надеялся, все-таки, что ты согласишься. Ну да ладно. Я уже послал за горшечниками из других деревень. Они согласны попробовать работать с женщинами. Я предвидел, что ты...

— Подожди! — заволновался Белис. — Может быть все-таки возможность есть. Но надо попробовать...

Другими словами, теперь все хотели работать с Пурпурным. Даже если при этом приходилось менять свою привычную манеру поведения. И еще одно: как мы все больше и больше узнавали о Пурпурном, так и он, как это стало видно из его поведения при заключении сделок — кое-что узнавал о нас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вскоре Шуга закончил кульминацию и освещение всех домашних деревьев в районе, за исключением диких деревьев, которые он оставил Пурпурному для его воздушной ткани. Два дня он бродил по деревне, придумывая чем бы заняться и тут и там развлекая себя небольшими заклинаниями для решения мелких проблем. В конце концов он пожаловался мне:

— Все находят себе занятие возле летающей машины — только не я! Тут не нужны заклинания, которыми я мог бы направлять работу. Все пользуются заклинаниями Пурпурного.

— Чепуха, Шуга! Хватит заклинаний и для тебя.

— Назови хотя бы одно.

— Ну... ты можешь использовать свое умение в подготовительных работах для летающей машины. С воздушными мешками, например.

— А что с ней еще делать, с воздушной тканью? Они ее соткали, они ее окунали, она держит воздух.

— Но она должна быть благословлена, Шуга, разве не так? Я хочу сказать, что это должно быть похоже на поимку Воск—Нотца — Бога Ветра. Тут ведь тоже должны быть своего рода улучшающие заклинания.

Шуга призадумался.

— Верно, ты прав, Лэнт. Я должен исследовать этот вопрос. Боги определенно должны быть привлечены к летающей машине.

Я последовал за ним на рабочий участок ткачей: обширное пастбище как раз под скалой. Там располагалось более сорока гигантских ткацких станков. Шум стоял чудовищный — каждый станок скрипел, содрогался, громко протестовал. Погоняющие выкрики начальников бригад накладывались друг на друга. Я удивился, как это разные ткачи различают, кто и что командует. Мы зажали уши руками, пробираясь между рядами машин — на тяжелой раме каждого вырастал крошечный кусок воздушной ткани. С некоторым неудовольствием я отметил, что поле испорчено множеством собравшихся здесь людей — черная трава превратилась в грязь. Тяжелая пыль повисла в воздухе. Это было плохо для ткани. Хотя каждый кусок ткани тщательно протирался перед пропиткой, все равно не годилось держать ее в такой грязи.

Без малейшего сомнения, нам надо было разнести станки подальше друг от друга.

Старого Лесту мы нашли на краю поляны, наблюдавшего за сборкой трех новых станков.

Шуга оторвал его от работы и оттащил его подальше от станков.

— Я должен поговорить с тобой, — начал он.

— О чем? Видишь же — я очень занят. — Говоря с нами, Леста не переставал вертеться на месте и рычать на суетящихся подмастерьев.

— Ладно, — сказал Шуга. — Я произвел некоторые вычисления...

— О! Нет! Больше никаких вычислений!

— Они касаются воздушной ткани. Мы не можем ткать ее, не обижая Воск—Нотца — Бога Ветра. Но мы можем ткать ее, если будем читать заклинания примирения над каждым куском ткани и над каждым станком...

— Я не могу себе это позволить, — застонал Леста. — Здесь и без того столько магии, что у меня начали вылезать волосы.

— Мы рискуем нарваться на удар смерча.

— Это было бы неплохо, — ответил раздраженно старый ткач. — У меня, по крайней мере, выдалось хоть немного спокойного времени. Вон, взгляни. Видишь эти станки? На каждом из них работают разные ткачи и каждый из них поклоняется своему богу. Тут и Таккер — бог названия, и Каф — бог драконов, и Эйн — бог причин. Тут собралось больше богов, чем мне приходилось в жизни слышать! И каждый из этих ткачей требует, чтобы его ткань была выткана в особой манере, посвящена его любимому богу!

— Но... но, — в замешательстве забормотал я. — У Пурпурного будет припадок...

— Это точно, — согласился Леста. — Ткань должна быть изготовлена строго по образцу. Она должна быть по возможности наиболее плотной. Она не должна быть ни атласной тканью, ни саржей, ни какой-нибудь ерундистикой — она должна быть просто воздушной тканью! Так нет же... Видишь людей, вон там? Они укладываются, чтобы вернуться в свою деревню. Они, надо же, не желают ткать ничего, кроме сатина. Они боятся обидеть Моханторга — бога-человека, бога... понятия не имею чего он там бог! И таким вот образом мы каждый день теряем, по крайней мере, пятерых ткачей.

Леста повернулся к нам.

— Вы понимаете что происходит? Они крадут секрет нашей воздушной ткани! Они приходят, работают с неделю, а затем выдумывают какой-нибудь предлог, чтобы сбежать назад, в свою деревню. Я не в силах удержать здесь рабочих. — Он застонал и присел на бревно. — А-ах! Лучше бы я никогда не слышал о воздушной ткани!

— Дела! — согласился я. — Тебе, Шуга, действительно надо принять меры...

— Конечно, конечно, — выкрикнул Шуга. — Ни одному из ткачей не позволялось приблизиться к станку, не открыв по крайней мере, двух слогов своего секретного имени в качестве гарантии. Но ничего из этого не получилось. Они заявили, что клятва перед богом во много раз крепче и важнее, чем клятва человека человеку, и они правы.

— Хм, — произнес Шуга. — Кажется, я могу кое в чем помочь. Леста поднял голову. — Это просто, — продолжал волшебник. — Мы должны посвятить свою ткань Воск-Нотцу. Всякий, кто надумает ткать ее без моего благословения, или ткать в других видах и местах, будет рисковать навлечь на себя его гнев.

— А как насчет тех, кто хочет уйти? — спросил Леста с надеждой. Шута покачал головой.

— Это не страшно. Мы можем связать их более крепкой клятвой...

— Более крепкой клятвой, чем клятва богу?

— Определенно! Как насчет клятвы о безволосии?

— Это как?

— Очень просто — если они нарушат клятву, все их волосы вылезут.

— О! — произнес Леста, он немного подумал над этим и просветлел.

— Давайте попробуем, — согласился он. — Хуже от этого уже не будет. Когда я уходил, они рутались из-за гонора Шуге за изгнание всех остальных богов из ткани.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я решил навестить Пурпурного в его гнезде. Он был очень доволен ходом работ. Удовлетворенная ухмылка проглядывала сквозь черную щетину, покрывшую его подбородок. И он игриво похлопал свой животик. Некоторыми повадками он напоминал мне здешнего черного кабана. Я рассказал ему об уходе ткачей. Он задумчиво кивал, когда я сообщил ему о намерении Шуги.

— Да, — согласился Пурпурный, — это очень умно. Но я не беспокоюсь о тех, кто ушел. Они вскоре вернуться.

— Но почему? Пурпурный объяснил с невинным видом:

— Потому что у нас почти все прядильные установки на острове. Где они возьмут достаточно нитей для своих станков? Он посмеялся, довольный своей хитростью. — Они будут счастливы, если сумеют сделать хотя бы кусок воздушной ткани.

— Да, ты прав, — сказал я, хотя совершенно ничего не понял.

— И еще одно... У нас единственные на острова костяные зубья. Они не смогут изготовить такую тонкую ткань, как наша. Они вернуться.

Он похлопал меня по плечу.

— Идем, мне надо подняться на скалу и посмотреть, как движется работа.

— Я немного пройду с тобой, — сказал я. — Есть еще ряд вопросов, которые нам надо решить.

Я рассказал о шуме и грязи, созданных скоплением станков в одном месте, вблизи друг от друга.

— Это скверно, — согласился он. — И для материй и для людей. — Мы должны раздвинуть их. Возможно, некоторые придется перенести в

другое место. Мы должны любой ценой защитить ткань от грязи. Я сам организую это.

— Я уже сказал Лесте, — сообщил я. — Он не возражает. По крайней мере, не больше, чем обычно.

— Хорошо. Мы запыхались, поднимаясь по склону в верхнюю деревню. Я сказал: — Еще одна проблема, Пурпурный.

Некоторые начали поговаривать о плате за работу. Они боятся, что у тебя не хватит заклинаний, чтобы рассчитаться с ними за их труд. Честно говоря, даже я недоумеваю, Пурпурный. Каким образом ты намерен выполнить свои обещания.

— Угу, — согласился Пурпурный. — Надо им дать какие-нибудь символы или еще что-то в этом духе.

— Волшебные символы? Он задумчиво кивнул.

— Да, можно назвать их так.

— И что они будут делать?

— Ну, каждый символ будет обещанием, Лэнт, обещанием будущего заклинания. Каждый может хранить его или обменять, или реализовать попозже, когда у меня будет времени побольше.

Я обдумывал это предложение.

— Так их понадобится очень много, верно?

— Да. Я прикидываю, может попросить Белиса Горшечника...

— Нет, подожди! У меня идея получше! Мой мозг напряженно работал. Мои подмастерья уже хорошо освоили работу по кости. Они наделали комплектов зубьев больше чем достаточно, чтобы удовлетворить потребности всех существующих станков и даже тех, что будут построены в ближайшие пять дней. Мне не нравилось, что они болтаются без дела, а у меня все еще оставалось сто двадцать восемь ребер от скелета, подобранных по дороге.

Я сказал:

— Почему бы тебе не разрешить нарезать мне их из кости? Кость имеет душу, а глина нет. К тому же моим подмастерьям как раз нечего делать.

Пурпурный неторопливо кивнул:

— Хорошая идея, Лэнт. Мы сможем выдавать по волшебному символу за каждый день работы.

— Нет, не пойдет, — возразил я. — По одному за каждые пять дней работы. Так делает Шуга и от этого его заклинания делаются еще ценнее. Отработал руку дней — заработал заклинание.

Он пожал плечами.

— Хорошо, Лэнт. Начинай вырезать. Я был в восторге. Он пошел выше на скалу, а я тут же поспешил в верхнюю деревню загонять моих

подмастерьев за работу. Мы разрежем каждое ребро на тысячу — если не больше — узеньких долек и закрасим полученные крутяшки давленнным соком черных ягод. После немногих экспериментов я выяснил, что мы можем использовать те же режущие нити, которые применяли при изготовлении зубьев. Нити были натянуты на жесткую раму. Убрав одну сторону рамы мы могли отрезать по несколько долек сразу от конца каждого ребра. Позже мы сообразили, что рамка еще большего размера, с увеличенным числом нитей сможет нарезать за один раз еще больше долек. В самом деле не было причины, чтобы нить была закреплена именно в жесткой рамке, для такого вида работ. Я сразу же представил, по меньшей мере, шесть способов отрезания костяных ломтиков. Один из самых эффективных состоял в том, чтобы набросить нить на ребро и тянуть ее взад-вперед.

Таким образом кость разрезалась сразу, с нескольких сторон. Пока мы обсуждали этот способ, рядом остановились Вилвил и Орбе. Они направлялись на скату и каждый нес связку прочных бамбуковых стволов. Я рассказал им о своем проекте, и они задумчиво закивали.

— Пожалуй, мы сможем построить тебе устройство для срезания еще большего числа ломтиков за один раз. Мы приделаем рукоятки, шкивы и работать на нем будут двое подмастерьев. Думается, с его помощью возможно будет протягивать пятьдесят нитей одновременно.

— Отлично, отлично, — потирал я руки. — И как скоро я его получу?

— Как только нам предоставится возможность его сделать. Сперва мы должны закончить раму летающей машины. Сосна слишком тяжела, мы собираемся вновь попробовать бамбук.

— А это значит, что раму придется строить заново, — вздохнул Орбе. Они взвалили свой груз на плечи и потащили его наверх.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Было уже далеко за полночь, и я окончательно выбился из сил. Красное солнце близилось к закату. Я устал, все тело немилосердно болело, но в то же время я удовлетворенно улыбался из-за проделанной работы.

Пока я тащился по покрытому черной травой склону к своему дому, то думал об удовольствиях, ожидавших меня там: горячая вода, да возможен и кусочек пицци получше, массаж, нежный и согревающий. Можно было позволить женщинам умастить мой мех душистыми маслами, слишком давно я не позволял себе такой роскоши. И, возможно, если я буду в настроении — то, ради чего и создаются семьи, и, разумеется, со второй женой. Первая с каждым днем становится все грузнее и полнее. Возможно,

также теплое расчесывание, — мечтал я. Я уже ощущал прикосновение гребней. Я ускорил шаг. Дерево моего гнезда гостеприимно замаячило впереди.

Жен своих я застал посреди жуткой ссоры. Первая жена — старшая, сидела в слезах, вторая жена свирепо глядела на первую.

— Ума у тебя! — заорал я на нес. — Ты не должна нервировать мою первую жену — она родила мне двоих сыновей, а ты пока не родила никого!

Женщина озлобленно сверкала глазами.

— Иди подай мне кнут, — приказал я. Вторая жена ответила:

— Ты можешь исхлестать меня, мой хозяин, но ты не можешь изменить того, что есть. Что есть — то есть. За такое неуважение она должна поплатиться. Мужчине, который не может управляться с женой, лучше вообще не делать такого шага, как жениться. Я шагнул к своей первой жене, обняв руками ее раздавленную фигуру.

— В чем дело, моя первая жена? Она произнесла сквозь слезы:

— Эта... эта женщина... она... Моя вторая жена надменно перебила ее:

— Я тебе больше не "эта женщина", я — Катэ!

— Катэ? Что такое Катэ?

— Катэ — это мое имя. У меня теперь есть имя. Мне его дал Пурпурный.

— Что?! Ты осмелилась занять имя? Ни у одной женщины нет имени!

— А у меня есть! Мне его дал Пурпурный.

— Он не имел права!

— Имел — он волшебник. Не так ли? Он пришел сегодня на скалу, где мы пряли, и он разговаривал с нами. Он спросил, как нас зовут? Когда мы сказали ему, что у нас нет имен, он предложил дать их нам. И он благословил их к тому же! Теперь мы имеем освященные имена!

Ну вот, этот глупец навлечет гибель на всех нас! Нет ничего опаснее женщины, ставшей надменной. Мы не должны были позволять им учиться прясть. А теперь он им дал еще и имена! Имена — надо же придумать! Уж не считает ли он женщин равных мужчинам и в других отношениях? А я даже спросить его об этом побоюсь. Ведь он может ответить — да!

И такого дожидаться от волшебника! Надо сразу же сообщить об этом Шуге! Других мужчин тоже необходимо поставить в известность.

А Пурпурного необходимо наказать. Если женщина получит имя, ее можно проклясть благодаря магии, таящейся в имени. Мужчина достаточно силен, чтобы нести на себе такую ответственность и сумеет избежать этого проклятия. Но женщина — как может женщина хотя бы понять опасность? Они будут в таком восторге от полученных имен, что помчатся трубить об этом первому же встречному. Все это пронеслось у меня в голове мгновенно.

Моя первая жена поглядела на меня со слезами на глазах.

— Дай мне имя, муж мой. Я тоже хочу быть кем-то. Я выскочил наружу. Деревня бурлила от смятения. Небо было красным, затянутым дымкой, мужчины собирались кучками и выкрикивали разную чушь. Как будто они посмеют напасть на волшебника!

Пилг Крикун взобрался на высокий пенё домашнего дерева и вопил перед остальными:

— Процессию с факелами... снимем богохульство! У Пилга даже жены теперь не было. На что же он теперь жалуется? Нет, все зашло слишком далеко — здесь требуется разумный голос. Я взобрался на пень позади Пилга и оттолкнул его в сторону. Пилг закачался, размахивая руками. Я набрал побольше воздуха в легкие и загремел:

— Слушайте меня, жители... Но вокруг было все слишком шумно и суматошно. Несоизданно собравшиеся пошли прочь. Появились горящие факелы, багряное пламя освещало черные безумные головы. Я прыгнул с пня и протолкался сквозь толпу.

Ну куда пропал Шуга, он так нужен! И мне, мне одному предстояло остановить их, когда они двинутся к реке, в направлении гнезда Пурпурного...

Я пытался пробиться к самому началу толпы, так чтобы меня могли видеть.

— Послушайте меня! Послушайте вашего Главу! Но тут толпа из нижней деревни ворвалась в нашу — и больше уже ничего нельзя было сделать. Ни человеческий голос, ни голос демона не услышали бы в таком реве.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Толпа превратилась в разъяренный поток людей, замысляющих убийство. Я все еще пытался пробиться вперед, надеясь свернуть их в сторону, как-то отвлечь...

А затем мы вывалились на берег реки, и Пурпурный был там. Он стоял на коленях позади объемистого горшка Белиса, крепко прижимая к груди мешок — надутый мешок, размером с небольшую женщину. И тут толпа повалила к нему, он удивленно повернулся и выпустил ношу.

Мешок поплыл вверх. Жители словно наткнулись на бегу на каменную стену. Они резко остановились, затем застонали, словно в агонии. Мешок Пурпурного медленно поднимался вверх, в темно-красное небо. Мешок, сшитый из воздушной ткани, казался непрочным, блестящим, ярким и отражал свет факелов. Он кружился, пританцовывал пока поднимался...

— Лэнт! — закричал Пурпурный. — Что случилось? Почему они здесь? Я оторвал глаза от мешка с газом.

— Пурпурный... зачем ты дал женщинам имена?

— А почему бы и нет? — он казался смущенным. — Не могу же я все время обращаться с каждой из них: "Эй ты!" Не так ли? Где-то за моей спиной раздались стоны. Но я не считал нужным поворачиваться. Пурпурный продолжал: — Мне было трудно поддерживать порядок, Лэнт. Их здесь слишком много. Я хочу сказать, что трудно запомнить, что женщину зовут "жена Трона", но она оскорблялась, если я забывал уточнить: "вторая жена Трона".

— Третья! — вспомнил я.

— Третья! Вот видишь! Мне это мешало. Поэтому я дал некоторым из них имена: Катэ, Анна, Джуди, Урсула, Карен, Марианна, Лен, Соня... Это намного все облегчает.

— Облегчает?! Я оглянулся. Большинство собравшихся, видимо, осталось. Они только сдвинулись теснее и выше поднялись факелы. Другие тоже не убежали, они просто отступили в темноту, пока Пурпурный и я разговаривали. Я еще раз посмотрел в небо, но летучий мешок уже исчез.

— Облегчает? — повторил я. — Они пришли сюда, чтобы тебя сжечь, Пурпурный.

— Гм, — произнес он, но вроде бы не поверил. — А где мой баллон? Он был здесь минуту назад... я его держал...

— Ты имеешь в виду тот мешок, что поднялся в небо? Лицо его загорелось.

— Он поднялся? Неужели все получилось? Я с трудом сглотнул и произнес:

— Это действительно получилось. — Он взволнованно уставился вверх, потом снова на меня.

— А-а... ты сказал, сжечь меня? Я снова кивнул. Но это, вроде, ничуть его не беспокоило. Он все еще продолжал коситься на небо. Совсем свихнулся со своим баллоном.

— За что? — поинтересовался он. — За то, что я дал женщинам имена?

— Пурпурный — ты волшебник. Ты должен был знать, что делаешь. Я хочу сказать, что ты дал им имена при всех, так что все слышали и любая женщина, которая придет, теперь знает имя любой другой прядущей женщины, верно?

— Конечно. Ну и что? Я застонал. — А то, что они используют магию друг против друга. Магия — слишком большая сила, чтобы давать ее в руки глупцам и женщинам. Они станут слишком высокого мнения о себе.

Пурпурный, сперва ты дал им профессию, теперь ты дал им и имена. Того и гляди, они начнут думать, что они не хуже мужчин.

— Тебя это так беспокоит? — понимающе спросил он. — Ладно. Лэнт, чего ты от меня хочешь? Чтобы я забрал имена назад?

— А ты можешь?

— Конечно. Я сделаю это для тебя. Я запомню вместо этого имени их мужей и их номера, лишь бы был мир.

Я не мог поверить, что он так легко, так небрежно от этого откажется. Так же небрежно, как он дал им имена... Я нерешительно повторил.

— Конечно, — засмеялся Пурпурный. — Или я по твоему Плут? Он гулко захохотал, показывая зубы. Деревенские тихо застонали и придвинулись поближе друг к другу. Пурпурный опять наклонился к своему горшку с водой и начал возиться с проводами. Я наблюдал за тем, как он прикрепил еще один кусок ткани к горлышку сосуда.

— Еще один воздушный мешок?

— Что? Ах, да... Другой баллон. — Он разгладил ткань руками. — Сегодня мы сделали первые мешки...

Мешок начал медленно приподниматься. Пурпурный держал его так, чтобы он надувался ровнее.

— Наблюдай, — сказал он. — Он надувается водородом. Наблюдай! Я шагнул поближе, удивляясь самому себе. Позади меня небольшая кучка мужчин, тех, кто еще остался — тоже придвинулась вперед. Мешок сделался упругим и пухлым почти по всей длине. Мы глядели на него, а он остановился все круглее. Мне казалось, что я прямо слышу, как пузыри выплывают из воды, проходят по горлышку и раздувают мешок. Пурпурный пристально следил за ним. Наконец, он снял мешок с горлышка, завязал и отпустил.

Мешок поплыл прямо на толпу.

— Получилось! Получилось! — крикнул Пурпурный. Он даже приплясывал от восторга.

Мы подались назад, когда эта штуковина подобралась поближе. Пилг оказался к мешку ближе всех. Он выставил свой факел перед собой, как бы обороняясь им. Мешок не обращал внимания на угрозу, подплывал все ближе и ближе. И вдруг...

Возник шар пламени! Яркая оранжевая вспышка жара и пламени. Ослепительный свет!

Я не знал, что потом было. Большинство из нас каким-то образом добрались домой. Но Форд Копальщик взбежал прямо на утес. А Пилга Крикуна вообще никто не смог отыскать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Но неприятности так просто не кончились. Когда Пурпурный сообщил женщинам, что они больше не будут носить имена, поднялся такой плач и вой, что кто-то мог подумать, что все мужчины деревни одновременно колотят своих жен. И действительно, многие начали бить своих жен ради того лишь, чтобы все это прекратить, но рукоприкладство только усугубило неистовство женщин. Что ж, скоро стало ясно, что мы имеем дело со стихийным мятежом. Выглядело это совсем просто — женщины отказывались работать, готовить пищу и даже делать то, ради чего создаются семьи. До тех пор, пока мы не позволим им снова носить имена.

— Нет! — заявил я своим женам. — Старые обычаи лучше. Если я позволю вам иметь имена, то боги разгневаются.

— Лэнт, возлюбленный наш хозяин и преданный муж...

— Не уговаривайте, — заявил я. — Никаких имен не будет!

— А тогда не будет того, ради чего создаются семьи, — сказали они и захихикали.

Я посмотрел на своих жен. Первую — я купил еще не избавившись от юношеского меха. Она прожила со мной много лет, родила двух замечательных сыновей и одну дочь. Она была преданна и хорошо знала мои привычки. Теперь она уже не была такой гладенькой и лоснящейся, как некогда, но я все же не намеревался пока отсылать ее к группе старых женщин. Нет, она удивительно хорошо подходила для выполнения своих обязанностей, связанных с ведением домашнего хозяйства. Вторая — гладенькая и изящная. Совсем молоденькая и в женах всего три цикла. Она рожала мне только дочерей, была испорченной и крикливой. И я неожиданно почувствовал, что жалею о потере третьей жены, самой скромной и самой сладкой жены. Она мало говорила, даже тогда, когда другие задирали ее, но она же была самой нежной. Она родила мне одного сына, но и она и сын погибли при разрушении старой деревни. Я уже подумывал о возможности взять новую жену — третью. Но тогда мне придется прогнать этих двух, если они собираются и дальше быть такими непокорными. К тому же в округе полно женщин. Они будут прыгать от счастья, выйти замуж за такого мужчину, как я.

Да, но большинство привлекательных женщин были уже замужем. Остались только самые капризные и крикливые — и даже наиболее миловидные из них не были особенно симпатичными. К тому же если многие начнут рассуждать как я, то на женщин возникнет такой спрос, что кое-что останется вообще без женщин. Мысль поменять своих жен на чьих-то других, мне тоже приходила в голову, но кому же захочется

получить жен с дурными привычками? Нет, мне следует держаться этих женщин...

Но то — ради чего создаются семьи? Можно, конечно, попытаться взять их силой. Но они, наверно, начнут строить такие гримасы и делать такие ужасные выражения лица, что никакого удовольствия не получишь. Нет, следует быть хозяином в своем доме. Если они не покорятся моим желаниям, то следует их прогнать и найти новых жен. Само собой, можно подобрать кого-нибудь в деревне. В конце концов, разве я не Глава...

Но большинство бунтовщиц как раз и относились к группе незамужних женщин. Именно из них получились лучшие прядильщицы — и как раз они-то и вопили больше других, требуя имен. Но наверняка, наверняка же найдется хотя бы одна, а то и две, которые променяют желание иметь имена на честь вести мое хозяйство и воспитывать моих детей. Наверняка найдется хотя бы одна, любящая делать то, ради чего создаются семьи...

Я ошибся. Слишком многим мужчинам пришла в голову та ее мысль — слишком многие мужчины воспылали вдруг страстным желанием. А женщины воспылали желанием иметь имена.

Мы созвали еще одно экстренное собрание. Поднялся Хинк и сказал: — Я предлагаю, чтобы мы как следует поколотили своих жен. Пусть знают, что мы не разрешим им никаких имен и не позволим бунтовать... Раздался хор одобрения. Ясное дело, идея всем понравилась. Но тут мужчина из нижней деревни покачал головой и возразил:

— Не выйдет, Хинк. Мы уже наказывали своих жен, но они все равно не работают. Им захотелось имен и никакими колотушками из них этого не выбить.

— Но это не разумно!

— Женщины так не думают!

— Но мы-то способны! Вот и думайте. Побои только усиливают их недовольство.

Мы задумались... И наконец пришли к соглашению, что можно достичь компромисса за счет значимости.

Решение предложил Пурпурный. Женщины могли получить имена, но имена используемые только для идентификации. Это будут неосвященные имена, лишенные религиозного значения. Просто слова, которые произносят, чтобы знать о какой женщине идет разговор. Другими словами, на женские имена не будет распространено влияние богов!

Шуга разворчался по поводу этого решения — что-то о непонимании основ современной магии. Он сказал:

— По своему определению имена являются частью предмета, который именуют. Вы не можете разделять их. Цветок — это цветок и только цветок.

— Чепуха, Шуга, — цветок и под другими именами остается цветком.

— Вот и нет, Лэнт — он только потому цветок, что мы назвали его заранее цветком. Если он не будет цветком, он станет чем-то еще. Он станет всем, чем ты его назовешь!

— Но пахнуть он будет? Мы отклонились от темы. — Сожалею, Шуга, но имена назад не возьмешь. Все, что мы сможем сделать, это снять с них благословение. Сделай женщин защищенными от проклятий. Пусть их имена останутся бессмысленными наборами звуков.

— Только и всего, Лэнт! Но все слова наделены смыслом, знаем мы его или нет. Не может быть слов, которые были бы одновременно определенными символами предметов, именно каковыми они и являются. Когда Пурпурный говорит, что мы должны снять благословение с имен, то он говорит глупость. С имен благословение снять невозможно.

— Гм, — произнес я. — Но Пурпурный думает по-другому.

— Пурпурный думает по-другому? А кто здесь волшебник? Я или Пурпурный?

— Пурпурный, — коротко ответил я. Шуга уставился на меня. — Ну, это ведь его территория. Шуга зарычал и начал рыться в своей сумке с волшебными амулетами. Я сказал: — Шуга, ты такой же искусный, как и он — наверняка должен быть какой-то способ. Волшебник нахмурился.

— Хм, да, — сказал он, подумав. — Пожалуй, я просто благословлю каждую женщину одним и тем же именем. Следовательно, ни одна из них не посмеет проклясть другую, потому что в таком случае она проклянет и себя саму.

— Шуга, ты великолепен!

— Ага, — скромно согласился он. — Я такой. На следующий день он пошел и назвал всех — Мисс. Были отменены Катэ, Анна, Урсула, Джуди, Соня... Теперь здесь остались одни Миссы. Мисс Фроуна, Мисс Гортина, Мисс Лэнта.

Решение проблем было полным. Мужчины были счастливы, женщины были счастливы... Все Мисс были счастливы и, что самое замечательное, они снова начали прясть, работать и делать то, ради чего создаются семьи.

Пурпурный мог звать их как хочет. Это не имело значения. Освященными их именами было имя Мисс. И это было единственное имя, которое обладало какой-то силой. Мужчины в деревне вздохнули с облегчением. Теперь-то они могли вернуться к нормальному образу жизни — к делам, связанным с летающей машиной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Для того, чтобы не нарушать производство воздушной ткани, станки переносились только по три штуки в день. Новые станки собирались на других склонах и не в одном месте. Когда Лесте сказали, что он должен разнести подальше уже готовые и работающие устройства, он застонал от огорчения — мысль о перетаскивании всех сорока пяти станков наводила страх. Но Пурпурный быстро доказал, что нужно передвинуть только двадцать два — если убрать каждый второй станок из ряда, то между ними окажется достаточно места для работы. Покачав головой Леста отправился отдавать приказания.

Половина новой ткани предназначалась для машины Пурпурного. Остальная делилась на процентной основе: каждому ткачу в размерах, определяемых его положением и работой, которую он выполнял.

Пурпурный расплачивался за свою ткань волшебными символами. Я или мои помощники, нарезали их ему в соответствии с потребностью. Первая партия была вручена Лесте для распространения между его рабочими в той же пропорции, что и ткань. Сперва ни Леста, ни ткачи не поняли их назначения, но когда мы растолковали, что каждый символ, это обеспечение будущего заклинания, они закивали и быстренько разобрали их. Через несколько дней они уже всюю обменивались ими между собой вместо расплаты за различные услуги. Другие играли на них в кости — обычная игра, за исключением того, что они обменивались символами в зависимости от выпадения костей. Шуга решил, что это оскверняет богов — так обращаться с магией. Игроки были строго предупреждены, а их символы конфискованы. Еще одного мужчину поймали на торговле своими женами для того, что создает семью — за символы. Мы конфисковали его жен.

Из-за того, что поточное производство оказалось настолько эффективным, мы на двадцать процентов превзошли прежнюю совместную продукцию всех четырех деревень. Конечно, доля Пурпурного составила половину этого количества. Но мало кто из ткачей обижался на это — без Пурпурного воздушной ткани не было бы вообще. И они знали, что получают за нее много больше, чем за старые сорта ткани.

Одно время Пурпурный подумывал о конфискации всей ткани на строительство воздушной машины, но позволил отговорить себя от этой затеи.

Если ткачи почувствуют, что работают только на Пурпурного, то станут нерадивы и беспечны. Если же они будут знать, что также работают на себя,

то с каждым кусочком ткани будут обращаться как со своим собственным — каковой она и в самом деле может оказаться после распределения.

Распределение производилось каждую вторую руку дней. Большинство мужчин получало достаточное количество ткани и для собственных нужд, и на продажу. Младшим ткачам, подмастерьям и ученикам, труд которых считался незначительным вкладом в производство даже одного куска ткани, их доля выплачивалась волшебными символами. Накопивший три штуки мог обменять их на один кусок ткани.

То, что ткань очень ценная — секретом не было. Вскоре возможность носить накидку, из воздушной ткани стало знаком высокого положения, и материал пользовался большим спросом. Некоторые мужчины — главные ткачи в своих деревнях, стали одевать в воздушную ткань даже своих жен, чтобы подчеркнуть этим собственную значимость. Но мы достаточно быстро положили этому конец. Не из-за того, что они не имели право демонстрировать свое богатство. Для этой цели они не должны были использовать своих жен. Женщины оказались достаточно горды, что уже доказала история с их именами.

Мы вовсе не хотели, чтобы они жаловались, будто Мисс такая — то носит воздушную ткань, так почему и другие не могут носить ее тоже? Мы быстренько подавили эту тенденцию. Тогда наказанные ткачи стали наряжаться в эту ткань сами, напяливая ее на себя столько, сколько могли. Но через несколько дней и это прекратилось. Все еще продолжался болотный сезон — сезон пота.

Случился еще один инцидент. У нас произошла кража. Оба виновника были младшими ткачами — почти мальчишки — и обоим не давали покоя огромные запасы воздушной ткани Пурпурного. Они были родом из другой деревни острова и не вполне понимали важность проекта летающей машины. Сюда они пришли только ради работы и чудесной новой ткани. Она притягивала их необыкновенно. Но являясь подмастерьями, плату они получали не материей, а только волшебными символами и горько страдали из-за этого.

Большинство ткачей не нуждалась в воздухо непроницаемой ткани и брали ее такой, какой она выходила из ткацкой машины. После окунания в кровь домашнего дерева нити остановились очень гладкими. Ткань обладала изумительной ровностью. Создавалось впечатление накрахмаленности. Для Пурпурного ткань откладывалась в сторону для последней обработки. Ее предстояло окунать снова, на этот раз в склеивающий раствор. Как раз эта груда подготовленной ткани и соблазнила мальчишек. Их поймали, конечно. Хотя это произошло далеко

за полночь и большинство людей спало. Красное солнце стояло на западе еще достаточно высоко.

Пурпурный, привычки спать у которого не были похожи на наши, приветствовал их, в чем фактически грубо ошибался, потому что их руки были заняты украденной тканью. Мальчишки тоже допустили ошибку, побежав к ткацким полям. Пурпурный со всех ног ринулся за ними, вопя:

— Стойте, воры! Стойте! Ночные ткачи не знали этого слова. Но они увидели двух бегущих парней и кричащего, гонящегося за ними волшебника. Они поняли, что здесь что-то не так, перехватили беглецов и держали их до прихода волшебника.

На голубом рассвете мы собрали совет: на который были допущены волшебники, главные ткачи и пять Глав деревень, включая Гортина и меня.

— Не знаю, как они надеялись отделаться, — доверительно спросил у меня Пурпурный. — Какое у вас наказание за... — он казалось, подбирал нужное слово... — за такое преступление?

— А каким должно быть наказание? У нас раньше такого не случалось. Я даже не знаю, что мы можем решить.

Пурпурный выглядел удивленным. Он словно бы хотел что-то сказать, но тут началось слушание дела. Я говорил мало. Решать предстояло не мне, а Главе той деревни, откуда родом мальчишки. Парни стояли и дрожали. Они были примерно того же возраста, что мои Орбе и Вилвил.

Главы спорили все утро. Не было прецедента, не было примера для решения. В конце концов именно Шуга решил вопрос. Он сердито вышел в центр круга.

— Эти юнцы совершили кражу, — заявил он, воспользовавшись словом Пурпурного. — Пурпурный говорит, что есть такой поступок там, откуда он прибыл. Лично я рассматриваю это как проявление глупости — брать что-либо у волшебника крайне опасно.

Его слова встретили приглушенное одобрительное бормотание. Шуга продолжал: — Очевидно, раз взятая

собственность принадлежит волшебнику, то это вопрос не для Глав. Это вопрос волшебников. И на этот раз Главы горячо заспорили. Шуга задел их за живое. —

Эти двое воришек хотели взять воздушную ткань, — сказал Шуга, направляясь к юнцам. Они отпрянули от него назад. — Поэтому я предлагаю, чтобы наказание равнялось поступку... Я говорю — мы дадим им воздушную ткань.

С этими словами он развернул огромные свертки, которые мальчишки стащили у Пурпурного. Получились длинные полосы, первые полотнища сшитые для воздушной машины.

— Заверните их в ткань, — скомандовал Шуга.

— Э-э, подождите немного... — начал Пурпурный. Шуга не обратил на него внимания. Главные ткачи подтащили мальчишек и заставили их лечь на землю, прямо на воздушную ткань.

— Заворачивайте, — приказал Шуга. — Плотно! Плотно их заворачивайте! Ткачи так и сделали.

— Но... Шуга, — запротестовал Пурпурный. — Они же ведь задохнутся.

— Не знаю такого слова, — отрезал Шуга, не отрывая взгляда от дергающихся под массой ткани тел.

— Это означает, что они будут лишены кислорода. Шуга бросил на него взгляд. Он может быть и вспомнил это слово, но что из того? Кислород — это газ, который Пурпурный отбрасывал, добывая из воды водород.

— Прекрасно, — ответил Шуга, — пусть задохнутся.

— Не надо так говорить, — попросил Пурпурный. Он стал совсем бледным. Шуга с гримасой отвернулся и пошел прочь. Пурпурный издал горлом странный звук. Я думал, он пойдет за Шуткой, но он не пошел. Теперь мальчишки были завернуты в ткань полностью. Они напоминали гигантские жалающие лучинки, длинные, коричневые и бесформенные.

— Мы оставим их здесь до следующего подъема голубого солнца, — постановил Шуга. — Оставьте человека проследить, чтобы никто не подходил сюда.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда мальчишек развернули, они были мертвы и даже окоченели. Даже Шуга был потрясен.

— Никак не ожидал... — он медленно покачал головой. — Так вот что означает задохнуться! — Он потрогал тела. — Должно быть очень сильное заклинание. Посмотрите, на них не видно никаких следов?

Мы посмотрели. Лица их стали темными и холодными. Языки высунулись, глаза изумленно таращились. Но на них не было ни единой царапины.

Когда мы рассказали об этом Пурпурному, он болезненно застонал — но так, как будто ожидал этого исхода.

Он спустился на поляну, чтобы осмотреть все самому.

— Я не должен был этого допустить, — бормотал он по дороге. — Надо было его остановить.

Увидев их застывшие тела, он отшатнулся, опустился на бревно, закрыл лицо руками и зарыдал. Даже Вилвил и Орбе отодвинулись от него. Затем появились отцы мальчиков. Их вызвали с другой стороны острова, и они

потратили почти день на дорогу. Когда они поняли, что случилось, то тоже начали рыдать. Они шли принять участие в наказании, а не в траурной церемонии. Да и сам я чувствовал себя странно, опустошенно, как-то с неприятным чувством потери. Гортин свернул украденную ткань, обращаясь с ней с повышенной почтительностью, и протянул Пурпурному. Тот поднял голову, поглядел на сверток и, подавшись назад, покачал головой.

— Убери ее, убери! В конце концов мы похоронили в ней мальчишек.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Потом я отыскал Пурпурного одного. Он урюмо сидел на раме незаконченной воздушной машины. Он посмотрел на меня.

— Я же говорил, что они задохнутся. Им не хватит кислорода.

— Проклятье твоему ненужному газу! Им не хватило воздуха, Пурпурный. Твоя воздушная ткань не пропускает воздух, так же как и газ.

— Да, конечно, — озадаченно согласился Пурпурный.

— Так ты знал! Ты знал! — дико закричал я. — Ты знал, что они умрут? Если бы ты заставил Шугу слушать... или сказал бы мне! Мальчишки не сделали ничего особенного.

— Прекрати, — простонал он.

— Ты позволил им умереть, Пурпурный. Из-за такой малости?!

— Но это в обычае многих диких племен, — сказал он. Запнулся и глянул на меня.

— Дикие племена, — повторил я. — Ты думаешь... Ты считаешь нас дикими?

— Нет...нет...Лэнт... Я... — забубнил он. — Я думал, что... Я никогда не видел как у вас наказывают. И не знал, какой будет ваша кара. Я считал, что Шуга понимает, что делает. Я... я... Мне очень горько, Лэнт... Я не знал... — Он закрыл лицо.

А я неожиданно успокоился. У Пурпурного не было никакого опыта общения с нами. Нам следовало признавать его таким, какой он есть, так как и он воспринимал нас такими, какими мы были.

Я спросил:

— Там, откуда ты пришел, за воровство убивают? Он покачал головой.

— Это ни к чему. Если кто-нибудь совершает тяжкое преступление, то наши... наши советники могут так воздействовать на виновного... на его душу... что он никогда не сможет больше совершить подобное преступление.

Я был поражен.

— Это мощное заклинание.

— И сильная угроза, — сказал Пурпурный. — Убийца после такого наказания не сможет защитить ни себя, ни свою собственность, ни даже своего ребенка. Перестроенный вор не сможет без разрешения воспользоваться даже водой, если даже горит дом. Но Лэнт, я не понимаю — неужели воровство у вас такая редкость? Мальчики взяли вещь, которая им не принадлежит. Они ее не заработали, не изготовили, не выменяли. Разве это привычное для вас поведение?

— Мы о таком не слышали, Пурпурный. Это у нас впервые.

— Но... — он казалось, подбирая слова. — Как ты называешь, когда один берет хлеб у другого?

— Голод. Пурпурный заволновался. — Хорошо, а что ты будешь делать, если кто-то возьмет твои костяные изделия?

— Без платы? Пойду и отберу их назад. Ему их не спрятать. Ни один мастер по кости не работает точно так же, как я. Даже мне никогда не сделать двух одинаковых предметов... кроме зубьев для станков, пожалуй...

— Тогда необработанная кость — у тебя большие запасы необработанной сырой кости. Что если кто-то ее заберет?

— А зачем? Зачем она ему нужна? Ее может использовать только другой резчик. Я бы их всех знал. Пошел бы и отобрал назад.

— Но это абсурдно, Лэнт. Наверняка можно найти что-то такое, что вор может украсть. Секреты! — радостно воскликнул Пурпурный. — Леста трясется над своими ткацкими станками, как мать над ребенком.

— Но если кто-то украдет у него секреты, у Лесты они все равно останутся. Он все равно сможет изготавливать свою ткань, хотя это уже смогут делать и другие ткачи. Никто не сможет украсть пищи больше, чем сможет съесть, прежде чем она испортится. Никто не сможет украсть дом или что-то еще такое тяжелое, чего он не способен поднять. Никто не сможет украсть инструменты — инструменты нужны только специалисту, другому человеку придется прежде овладеть профессией. Никто не может украсть положение в обществе или репутацию...

— Но...

— Никто не сможет украсть что-то такое, что легко узнать. Фактически единственная вещь, которую можно украсть, это вещь, выглядевшая точно также, как огромное множество точно таких же вещей. — Пока я говорил, мой мозг напряженно работал. И я начал понимать недоумение Пурпурного. Вещи, которые выглядят точно так же как и другие вещи. Ткань или волшебные символы, или зерно... Пурпурный был поражен.

— Да. Ты прав!

— Ткань и волшебные символы. Да, до твоего появления никто не мог украсть достаточно ткани, чтобы это окупало риск. А кто-нибудь мог

украсть услуги волшебника? Сама эта мысль была нелепицей, пока не пришел ты, Пурпурный.

Пурпурный ошеломленно произнес:

— Я изобрел новое преступление!

— Поздравляю, — ответил я и покинул его.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поиски волокнистых растений и диких домашних деревьев распространились даже до дальних холмов. Четыре бригады каждое голубое утро покидали деревню и отправлялись на поиски сырья. И они частенько даже не возвращались и после того, как солнце исчезало за горизонтом. Но слишком часто они стали возвращаться с корзинами, наполненными наполовину. Волокнистые растения не представляли особой проблемы. Они росли быстро. Торговцы урожаем уже начали эксперименты, пытаясь выращивать их для ткачей. Успели проклонуться молодые побеги и казалось, что мы разводим волокнистые растения уже давным-давно.

Проблемой был сок домашних растений, который уже фактически задерживал нас. Мы оказались под угрозой остаться без домашних деревьев. Шута освятил все деревья в населенном районе — кроме трех. Но и эти деревья почти высохли. Пурпурный боялся совсем истощить их из опасения совсем убить. Деревья уже начали сбрасывать листья. Дикие деревья еще оставались конечно, но препятствием к их использованию были те невероятные усилия, которые требовались, чтобы доставить огромные глиняные сосуды с дальних холмов. Требовалось восемь мужчин, чтобы нести одну такую здоровенную и тяжелую емкость. Белис изготавливал их из дубовых стволов, обернутых воздушной тканью. Он также изготавливал емкости еще больших размеров, чтобы использовать их в качестве ванн. Они были сложены из тяжелого обожженного кирпича и производили превосходные впечатление.

Но у нас не хватало крови домашних деревьев, чтобы их наполнить. А груды необработанной ткани продолжали между тем расти. Нам хватало сока только на пропитку нитей. Но не на вторичное пропитывание.

На скале между тем каркас лодки обретал форму. Первый его вариант получился слишком тяжелым и был демонтирован. От него мальчики оставили только доску для киля. Вместо сосны они использовали бамбуковые стволы, связанные вместе и хитро сплетенные. В этом им помогал Шута, хотя мы и редко его видели. В остальных случаях он был слишком занят благословением ткацкого производства и другими заклинаниями.

Второй каркас лодки получился почти полностью бамбуковым. Но все-таки — это был только каркас. Мальчишки отказались от своего намерения сделать покрытие из дерева. Они решили использовать воздушную ткань. Получалось, что из нее можно из готовить корпус целиком, если сложить ее в несколько слоев и натянуть на бамбуковый остов. Там, где это было возможным, дерево заменялось на воздушную ткань. Позже, нанеся на нее кровь домашнего дерева в несколько слоев, ее предстояло улучшить, сделав водонепроницаемой.

Как только мои сыновья додумались до этого, так сразу же отыскивали множество способов, как сделать лодку максимально легкой. Вместо деревянных досок для сидения применялась все та же ткань, натянутая на простую раму.

Мальчишки были в восторге от своей работы. Лодка будет воздухонепроницаемой, лодка будет крепкой и, что самое главное, она будет настолько легкой, что Пурпурному можно будет не волноваться насчет веса припасов. Единственная часть лодки, которую пришлось все же изготовить из древесины, оказался палубный настил, идущий под днищем.

Я размышлял, а нельзя ли воздушную ткань приспособить еще для чего-либо. Например, не удастся ли применить ее для постройки гнезда, вместо того, чтобы оплетать стены волокнистыми растениями и лианами. Ведь можно просто обтянуть ее воздушной тканью. Это было бы и легче и быстрее. Дом получался бы более приличным и к тому же защищенным от дождя.

Хм... или быть может удастся натянуть большой кусок ткани на жесткую раму и использовать ее для укрытия стада от дождя... или, скажем, перегородить ручей. Ткань, очевидно, потребует многослойная, но не видно причины, почему бы это не могло получиться.

Хм... Можно было бы завести большое количество воды в прудах, огороженных воздушной тканью. В землю она просачиваться не будет. А если закрыть тканью воздушную поверхность, то даже жадный Макс-Вотц не сможет ее украсть.

Я был готов поспорить, что для этого материала найдется множество применений, о которых мы просто не думали. Не исключено, что я продешевил с Лестой. Ничего, можно пересмотреть условия нашей сделки, после того, как будет закончена летающая машина Пурпурного.

Законченный каркас очень напоминал своими очертаниями лодку, но он был настолько легким, что его пришлось привязывать к скале, чтобы его не сбросил вниз ветер. Один человек мог сдвинуть его с места, а двое волочили его безо всякого труда. Килем служила отдельная сосновая доска,

которую оставили от первой конструкции. Чтобы сделать киль более эффективным, его подвесили на нескольких хитроумных распорках из бамбука. После того, чтобы предохранить киль от поломки, а каркас лодки держать ровнее, мои мальчики построили для корпуса подставку. Теперь же они к подпоркам, которые должны были поддерживать выносные снасти, добавили перекладыны.

— Зачем перекладыны? — спросил я.

— А затем, — объяснил с довольной улыбкой Вилвил, — чтобы можно было добраться из лодки до воздушных толкателей.

— Воздушный толкатель? Я не стал расспрашивать, что это такое. Я все узнаю в свое время, подумал я. Мальчики продолжали работать с выносными снастями. Скоро они начнут обтягивать каркас тканью. И тогда, единственным, что нас будет задерживать, это воздушные мешки.

Дальше все зависело от решающих трех обстоятельств:

Во-первых, мы нуждались в большом количестве ткани. А для этого требовались волокнистые растения и кровь домашнего дерева.

Во-вторых, кровь домашнего дерева нам требовалась для того, чтобы повторно обрабатывать ткань, которая была уже готова.

И в-третьих, необходим был другой способ разделять воду. Затея Пурпурного умерла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О батарее я узнал, когда пошел поговорить насчет крови домашнего дерева. Пурпурный сидел на бревне возле своего дома и вертел в руках плоскую округлую коробочку. По его виду можно было подумать, что он разглядывает собственную смерть. Я, ничего не говоря, присел рядом и ждал.

— Она умерла, — сказал Пурпурный чуть погодя.

— Как? — спросил я. — Ты морил ее голодом? Он показал вверх. Над его домом покачивались семь мешков воздушной ткани, размером с человека. Они тянулись прямо вверх, удерживаемые веревками.

— Я экспериментировал, Лэнт... я запасал газ впрок. — Он махнул рукой на деревню. — Я не хочу, чтобы люди боялись воздушного корабля...

Группа подростков промчалась мимо, и каждый волочил за собой привязанный за ниточку блестящий воздушный шарик. Мешки были размером с человеческую голову, может чуть больше.

— Лишние лоскутья обработанный воздушной ткани, — пояснил Пурпурный. — Недостаточно плотные для моей лодки. Вот я и подумал,

а если ребяташки смогут увидеть.. ну, если взрослые смогут увидеть, что даже дети смогут управлять заклинаниями...

Я понял. Пурпурный запомнил наш ужас в ночь мятежа. Он решил извлечь из этого урок, продемонстрировав нам, что это более простое заклинание, чем мы думали.

Теперь он горевал над своей батареей и печально поглаживал ее.

— И нет способа каким бы ты сделал новую батарею?

— Да ты не понимаешь о чем спрашиваешь! — воскликнул Пурпурный.

— Вся моя цивилизация основана на том роде силы, что была заключена в батарее. Я... я не волшебник в той области, у меня нет должной выучки. Я лишь ученик чародея в понимании того, как дикие люди могут жить вместе.

Я решил не обижаться на оскорбление. Поскольку было ясно, что Пурпурный не в себе. Я заставил его сесть и не позволял произнести ни слова, пока он не выпил чашку пива.

Лицо его скривилось.

— Я был идиотом, — признался он. — Ведь целых восемь месяцев я тратил электричество, чтобы бриться, когда оно мне дозарезу нужно для того, чтобы добраться домой.

— А на что эти мешки? — Я указал на домашнее дерево.

— Этих недостаточно. К тому же, когда мы закончим каркас лодки, они снова окажутся пустыми. Газ просачивается, Лэнт...

Я протянул ему еще кружку пива.

— Но ты наверняка сможешь сделать источник силы другого рода, чтобы разделить воду.

— Нет, у нас нет инструментов, чтобы сделать инструменты, с помощью которых можно сделать этот прибор.

— И больше нет ничего, что привело бы в действие летающее заклинание?

— Горячий воздух. Горячий воздух легче холодного. Поэтому дым и поднимается. Все проклятье в том, что горячий воздух быстро становится холодным. Мы опустимся в море и там и останемся. Скорее всего, нам не удастся проникнуть далеко на север на мешках из горячего воздуха.

Я опустил на бревно рядом с ним и влил в себя немного пива.

— Но ведь наверняка должен быть какой-то способ, Пурпурный. Не так давно ты думал, что летающая лодка невозможна. Нельзя ли что-нибудь придумать с твоей батареей? Ведь был же когда-то первый источник электричества. Как он был сделан?

Пурпурный поглядел на меня затуманенным взглядом.

— Увы, Лэнт... Но его глаза внезапно сузились. — Подожди минутку... что-то я делал в школе... как-то было... вращающийся мотор, изготовленный из бумажных скрепок, медного провода, батареи и... Но...

— Но у тебя нет бумажных скрепок?

— Ну, это не проблема. Бумажные скрепки требовались только для зажима.

— Но твоя батарея умерла...

— Дело не в том. Тогда я использовал батарею, чтобы заставить двигаться вращающуюся секцию.

Он возбужденно обхватил меня, и мы опрокинулись с бревна, а он даже не заметил этого.

— Это будет работать точно также, но наоборот! Я могу перевернуть заклинание и заставить вращающуюся секцию заряжать мою батарею.

Я успел подхватить кувшин с пивом, прежде чем пролилось слишком много. И сделал основательный глоток.

— Ты хочешь сказать, что сумеешь восстановить ее силу?

— Да! Да! Пурпурный начал было приплясывать, но вдруг остановился, выхватил у меня кувшин с пивом и отпил.

— Я могу сделать столько электричества, сколько мне нужно, Лэнт... Я могу это сделать даже для тебя...

— Ну, мне это ни к чему, Пурпурный.

— Но это великая магия! Она сможет тебе помочь! Вот увидишь! А мне понадобится всего немножко взять с собой... О, моя доброта. Вам придется поворачивать вращающуюся секцию руками, не так ли? Ладно, можно воспользоваться рукояткой... и зубчатыми колесами. Но может быть... мы сможем сделать передачу, и...

Он неожиданно замолчал.

— Нет, не получится.

— Как? В чем дело?

— Лэнт, это было так давно. А штука, которую я сделал была такая маленькая. Я не уверен, что смогу сделать это еще раз, и не знаю, сможет ли она давать достаточно электричества.

Я налил ему еще немного пива и снова усадил на бревно.

— Но ты собираешься попробовать, верно?

— Конечно, — ответил Пурпурный. — Я должен... о, я смутно помню... — он поерзал на бревне рядом со мной. — Сделать воздушный корабль не так легко, как я думал.

Кивком я подтвердил его мысль.

— Прошло уже девять рук дней, как мы начали. Я думал, что займет совсем немного времени. А конца еще не видно.

— Ага, — согласился он. Я сделал еще глоток, потом сказал: — Знаешь, у меня для тебя плохие новости. — Да?

Какие? — Воздушной ткани больше не будет. Мы истощили все дикие домашние деревья. Ткачи могут изготавливать ткань, конечно, но если не пропитывать нити, ничего хорошего не будет.

— Чудесно, — произнес он, хотя его тон давал понять, что думает он как раз наоборот. — Правда, это почти не имеет значения, поскольку мы не сможем сделать газ.

Я налил еще пива.

— Конечно, — сказал он, — у меня уже хватает воздушной ткани для небольшого летучего корабля... который мог бы нести меня одного. — Он немного помолчал, икнул и продолжал: — Если придется делать летающее заклинание с горячим воздухом, то я его сделаю. Только для того, чтобы Шута не мог назвать меня лжецом. Я обещал.

Он допил свою чашу и молча протянул мне, я наполнил ее.

— Я бы продал все свои надежды на полет за кварту хорошего шотландского пива прямо сейчас. Ладно, если мы не можем больше брать сок от диких домашних деревьев, давай брать его от прирученных домашних деревьев.

— Освященных домашних деревьев, — поправил я его. — Но осквернить домашнее дерево! Если ты попытаешься это сделать, то тебя уж наверняка сожгут. Вмешиваться насчет жен — это одно, а насчет домашних деревьев — совсем другое.

— Мы не можем брать сок от освященных домашних деревьев, — повторил Пурпурный. Я встревожился. Лицо его покраснело. — Но мы можем сперва снять благословение.

— Чепуха!

— Почему? Шута снял благословение ткацких богов других деревень. Шута снял благословение с женских имен. Почему я не могу снять благословение с чего-нибудь?

Он был прав.

— А почему не можешь? — спросил я.

— Потому что я не знаю заклинания, снимающие благословение, — ответил Пурпурный.

— Никто не знает, — возразил я. — Заклинаний, снимающих благословение с домашних деревьев просто нет. В них никто и никогда не нуждался.

— А я возьму и придумаю. Разве я не волшебник?

— Конечно, — ответил я.

— Лучший волшебник во всем этом спиральном рукаве и еще в двух соседних.

Он опять понес тарабарщину. Что ему сейчас требовалось, так это еще одна чашка пива. И мне тоже. Мы потащились в верхнюю деревню и вскарабкались в мое гнездо.

Я достал непочатый кувшин. Пурпурный сделал первый глоток. Где-то по дороге он потерял свою чашку и потому пил теперь прямо из горлышка.

— Как же ты собираешься снимать благословение с домашних деревьев, — спросил я.

Пурпурный оторвался от кувшина, поглядел на меня с упреком и пошатнулся.

— Пойдем и посмотрим! Довольно неловко он выбрался из гнезда, и мы торопливо потопали через всю деревню к одному из самых больших домашних деревьев — гнезду Хинка Младшего.

Пурпурный еще глотнул пива и задумчиво уставился на дерево.

— Какому богу это дерево посвящено? — поинтересовался он.

— Хм, дерево это... Хинка Младшего... Думаю, оно посвящено Поуму — Богу плодородия. У Хинка четырнадцать детей и все, кроме одного — девочки.

— Ну-ну, — произнес Пурпурный. — Тогда мне следует снимать благословение зельем бесплодия, верно? Пиво, будучи алкогольным напитком, является средством очищающим. Да, в этом случае пивом можно пользоваться, чтобы что-то сделать бесплодным. Пиво должно входить в снимающее благословение заклинание. И, дай-ка подумать, надо еще использовать лепестки колочего растения, которое расцветает только раз в пятьдесят лет и еще...

Он продолжал что-то в том же духе. Я отпил пива и пошел вместе с ним обратно к его гнезду. Пурпурный исчез в нем, еще что-то бормоча. Из двери гнезда посыпался град предметов и волшебных устройств.

— Мусор! — прогремел голос Пурпурного. — Все это мусор... проклятье, не могу найти лепестки колочего растения... Можно его заменить?

— А это не опасно?

— Ты хочешь ждать пятьдесят лет?

— Нет.

— Я тоже. Заменяем. Немного погода, он сам вывалился из гнезда, неловко приземлился на вершину внушительной кучи волшебных предметов, и начал заталкивать их в большой короб.

— Мне ясно, Лэнт, что это дело надо еще исследовать. Давай вернемся в деревню и взглянем лишний раз на деревья.

Мы еще раз обозрели дерево Хинка. Красное солнце стояло на западе. У нас осталось возможно час времени до голубого рассвета.

— Это ночное или дневное заклинание? — спросил я.

— Не знаю. Давай сделаем его утренним заклинанием. Пятичасовое утреннее заклинание.

Он еще отпил пива. Кувшин был почти пуст. Пурпурный икнул и вытащил глиняную чашу. Он начал мешать в ней зелье, потом неожиданно изменил намерение и выплеснул содержимое на землю. Начал мешать другое, но тоже вылил — оно зашипело в луже первого. В конце концов он принялся ссыпать вместе порошки, понюхал смесь и поморщился.

— Фу! Почти-почти. Это подойдет. Все, что теперь требуется, это... Он неожиданно выпрямился и объявил:

— Меня приперло.

Пурпурный подобрал накидку и огляделся в поисках кустов. Их здесь не оказалось. Пурпурный взглянул на чашу перед собой и пожал плечами.

— А почему бы и нет? В чашу полилась горячая струя.

— Пурпурный! — закричал я. — Это просто гениально... испорченная вода сделает заклинание вдвое сильнее... испорченная вода волшебника! Клянусь! Пурпурный скромно одернул накидку. —

Ничего особенного, Лэнт. Это вышло естественно. — И потянулся за пивом, объясняя: — Позже мне еще понадобится. Он отпил, потом вернул пузырь мне. После чего осторожно поднял чашу с волшебным зельем.

— Теперь осталось сделать только одно. Я опустил кувшин и спросил:

— Что же?

— Как что? Испытать заклинание, конечно! И он тотчас начал петь и приплясывать вокруг дерева Хинка. На втором круге он почти запутался в своей накидке, но, к счастью, распутался раньше, чем упал со своей чашей. Он быстро скинул накидку, снова поднял чашу и начал приплясывать вокруг дерева и петь.

— Вот мы идем вокруг колочего растения, колочего растения... вот мы идем вокруг колочего растения в пять часов утра...

Я подумывал, стоит ли ему говорить, что он снимает благословение не с колочего растения, а с домашнего дерева, когда Хинк неожиданно высунул голову из гнезда и заорал:

— Это что еще за шум? Он сморщил нос. — И что это за ужасный запах?

— Ничего особенного, — ответил Пурпурный и снова двинулся по кругу.

— Иди спи дальше, Хинк. Мы просто снимаем благословение с твоего домашнего дерева.

— Вы это что? — Хинк ошетинился и раздраженно выбрался наружу.

— Успокойся, Хинк, — попросил я. — А пока выпей пива. Я тебе все объясню.

Хинк выпил. И мы выпили. И мы рассказали ему, что у нас мало крови домашнего дерева, и как отчаянно нуждается в ней Пурпурный, чтобы покончить со своей летающей машиной и покинуть этот мир, и что он оказывает Пурпурному великую честь. Мы объяснили ему, что все это на день-два, а потом Шуга будет рад освятить его дерево заново.

К тому времени, как мы кончили объяснять, Хинк был почти такой же пьяный, как и мы. Он только согласно кивал головой, когда Пурпурный снова схватил свою чашу и начал петь и плясать вокруг его дерева, брызгая на него зельем.

Мы немножко понаблюдали и не смогли удержаться от смеха. Пурпурный закричал:

— Хватит торчать и хохотать, помогите мне! Мы переглянулись и пожали плечами. Хинк сбросил накидку, в которую только что завернулся и присоединился к Пурпурному. Немного подождав, чтобы прикончить пиво, я сказал то же самое.

Когда мы кончили снимать благословение с дерева Хинка, то обнаружили, что зелья еще осталось много. Поэтому мы направились к дереву Анда Рыбака и Сетевладельца. Анд тут же высунулся из своего гнезда и закричал:

— Празднество? Подождите, и я с вами! Он почти мгновенно вылетел из гнезда, на ходу сбрасывая одежду, но Пурпурный вдруг перестал петь.

— Нет, ничего не получится. Мы без пива.

— Получится, получится! — закричал Анд. Он исчез в гнезде и тут же вернулся с полным кувшином. — Вот! Нельзя же прерывать праздник.

Когда мы переплясали вокруг его дерева пять раз. Анд вдруг повернулся ко мне и спросил:

— Кстати, Лэнт, а что мы празднуем? Я ему объяснил. — О! — только и выговорил он. — Раз этого хочет волшебник — значит все в порядке. Мы снова продолжали танцевать. Шум разбудил кое-кого из соседей и они присоединились к нам, конечно же с пивом. Мы сняли с их деревьев благословение и уже совсем было направились к моему гнезду, как вдруг зелье кончилось.

— Пурпурный, это несправедливо. Ты снял благословение почти со всех деревьев, ты должен снять его и с моего.

Мы наготовили еще зелья. На этот раз испорченной воды хватало у нас всех. Время было как раз перед восходом солнца. Мы могли видеть, как из-за горизонта появляется его бело-голубой диск, большинство мужчин

деревни уже проснулись и жаждали присоединиться к очереди выливающей испорченную воду в горшки для зелья — теперь их было уже несколько.

Вновь прибывающих мы отсылали назад за пузырями с пивом. Как только один кувшин пустел, другой, полный, появлялся. Казалось ниоткуда.

Новоприбывшие несли и несли их. Жены нервозно выглядывали из гнезда. А мы уже были готовы продолжить пляски и пение. Мы танцевали и пели вокруг каждого дерева, которое нам попадалось, пока солнце не вспыхнуло на горизонте. Мы пели и танцевали при резком голубом свете, пока солнце не скрылось за облаками. И вдруг оказались среди яростной бури.

— Ура! Заклинание получилось! Мы поскакали вниз со склона и стали плясать вокруг дерева Пурпурного с семью огромными воздушными мешками, повисшими над нами.

— Боги рассердились! Боги рассердились! — пели мы. — Идет дождь! Все боги зарычали!

Гром и молния раскололи небо. Теплые капли дождя приятно падали на наш обнаженный мех...

А затем... Треск... яркий проблеск... наши волосы поднялись... послышался чудовищный кккккк—ммм—прр! И шар оранжевого пламени окутал мешки Пурпурного, дерево и все остальное.

На мгновение я замер в оцепенении. Не зашли ли мы слишком далеко? Не собирается ли Элкин уничтожить и эту деревню? Но затем все кончилось. Воцарилась тишина. Только спокойный плеск водяных капель.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Когда я проснулся, уже сияло малиновое солнце. Надо мной стоял Шуга и тоже сиял.

— Шуга, — пробормотал я и застонал. Звук моего голоса ранил мое левое ухо.

— Лэнт, — проговорил он. Звук его голоса ранил мое правое ухо.

— Шуга, — сказал я.

— Надеюсь ты помнишь смысл своего танца сегодняшним утром?

— Не моего танца, не моего! — Я приподнялся на одной руке. — Это танец Пурпурного. Он снял благословение с некоторых домашних деревьев, чтобы можно было использовать их кровь.

— Он... что?

— Шуга, — пролепетал я. — Не кричи так. Он сделал это ненадолго. Ты можешь освятить их заново.

— Я могу что...?

— Ты можешь освятить их заново, как только мы возьмем немного их крови.

— Когда? — воскликнул он. Я поморщился.

— Мне надо благословлять ткань, мне надо благословлять раму летающей лодки, мне надо благословлять нити, а теперь еще и гнезда. Где я возьму время?

— Ты найдешь его Шуга. Мы сняли благословение не с такого уж большого числа деревьев.

— А с какого?

— М-м, их немного.

— Так сколько это "немного"?

— Гм, дай прикинуть... Это были деревья Огна, Хинка, Вифа, Тетта, Гордина и... м-м... м...

— Продолжай, дырявая башка! Вспоминай!

— Я вспомню, Шуга, я вспомню. Не подгоняй меня... Я помню, мы сняли благословение с моего дерева, и, кажется, с дерева Пурпурного... но я думаю, нам не следует беспокоиться насчет дерева Пурпурного. После того, как мы сняли с него благословение, там почти ничего не осталось. И я думаю, с дерева Снарга, хотя нет... или, может быть...

— Лэнт, ты... если ты не вспомнишь, мне придется переосвящать каждое дерево в деревне!

— М-м, я уверен, Шуга, я вспомню. Дай мне только время.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Шуга собирался освящать заново каждое дерево в деревне. Но мы не могли пойти на это. Это означало, что со всей остальной работой придется подождать, пока он не найдет время благословить ее.

И мы решили просто раздать хозяевам деревьев волшебные символы, с тем, чтобы потом Шуга смог их отработать. Подобно символам Пурпурного они обещали заклинания в будущем, с которым Шуга мог бы расплатиться позднее.

— Гм-м, — произнес он, поглядывая на деревню. Было ясно, что идея ему не понравилась. — Ладно, но все-таки мне хотелось бы знать... Намерен ли ты признаться, как вы с Пурпурным накладывали заклинания?

— Ну, все это так смутно... Я помню мы пели, танцевали и было очень весело. Пурпурный пел что-то вроде: "идет дождь, он льет, все боги зарычали..."

— Могу представить...

- Ах, да, он еще пел: "вот мы идем вокруг колючего растения..."
- Он превратил колючее растение в домашнее дерево или наоборот?
- Только символически, Шута...
- Только символически? — Шута застонал.
- Конечно, только символически. Каким образом можно превращать домашние деревья в колючие растения?
- Ладно, — он вздохнул, — займемся делами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Сбор сока уже начался, когда я направился в нижнюю деревню. Белису Горшечнику предстояло потрудиться, чтобы нам было в чем хранить кровь домашнего дерева — мы не собирались истощать их еще раз.

Когда я рассказал ему в чем дело, тот пришел в восторг. Это означало большой заказ, и он принялся подпрыгивать и напевать:

— О, отлично, отлично... О, волшебные символы... Я пожал плечами и покинул его. Голова все еще болела. Я пошел к реке, надо было переговорить с Пурпурным. Но я не мог найти даже того места, где он работал. Вокруг почерневшего ствола его домашнего дерева уже плескались буруны. Половина нижней деревни уже ушла под воду. Река далеко вышла из берегов. Семьи из нижней деревни уже начали перебираться на холм, чтобы занять домашние деревья, которые мы для них заранее приготовили. Но я и не представлял, что вода может прибывать с такой скоростью. Ведь прошло совсем немного времени с тех пор как я был здесь.

Пурпурного я отыскал у Френа Кузнеца. Оба были поглощены работой с деревом и металлом. Я не мог вникать в то, чем они занимаются, но казалось, невероятным, чтобы Френ, личность самая приземленная, стал работать над волшебным устройством. Когда я намекнул про это, Френ только зарычал. Пурпурный ответил:

— Я нуждаюсь в его искусстве, Лэнт. Он — единственный человек, который может сделать то, что мне нужно. У нас есть медный провод, теперь надо найти способ, как его изолировать.

— Изолировать? Пурпурный, я бы просил тебя говорить, как человек.

— Это означает, поймать магию в провод, таким образом она не сможет сделать короткое замыкание. Я могу закрутить его спиралью, но если нитки сомкнутся... Я думаю, может покрыть его слоем сока?

— Теперь у нас много крови домашнего дерева, Пурпурный. В верхней деревне уже работают бригады сборщиков. С деревьев, с которых мы сняли благословение...

— Помню, я помню! — Пурпурный коснулся своей головы. — О, голова у меня, ты не поверишь...

Я вполне верил, но перешел к более насущным делам. Я сказал:

— Твое дерево было уничтожено ночью, Пурпурный.

— Это не имеет значения. Найдется другое...

— Но твоя батарея... Он подбросил ее вверх и сказал:

— В безопасности. Я всегда ношу ее с собой.

— Ты придумал способ восстановить ее силу?

— Как раз над этим я сейчас работаю. — Он указал на устройство на верстаке Френа. — Это только модель. Но когда у Френа будет больше медного провода, мы построим настоящую установку. Мы должны еще обмотать настоящую установку, вот эти две железные стойки, медным проводом. А потом мы вставим между ними длинный цилиндр из железа, так, чтобы он мог вращаться между двумя стойками. Нам придется и его тоже обмотать проводом, намотать столько, сколько влезет. Затем нам придется протянуть провод, длиной с полмили...

— Полмили? Это плата за обучение работе по металлу?

— В твоей старой деревне может так и было, — фыркнул Френ. — Здесь металла намного больше.

— Кроме того, мы не можем рисковать, устанавливая слишком близко источник электричества, — объяснил Пурпурный. — От потока искр от него могут взорваться водородные мешки.

— Взорваться?

— Вспыхнуть, — ответил Пурпурный. — Загореться.

— Ты хочешь сказать, что вчера на твоём домашнем дереве...

— Вот именно! — ответил Пурпурный, повернувшись к Френу.

— Кстати, ты нам будешь нужен здесь, — сказал Френ, обращаясь ко мне. — Поможешь переплавлять эту медь в провод. Умеешь работать с воздушными мехами?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На скале Юдион женщины все еще пряли нить — приятная пасторальная сцена. Огромные серебряные петли мерцали над обрывом, шевелились на ветру.

Я пришел к сыновьям, которые как раз кончали мастерить выносные снасти для лодки. Каждый день они добавляли к мачтам и снастям все новые и новые детали. Все, что им теперь требовалось, так это воздушные мешки.

Женщины, конечно, не знали о мешках Пурпурного. Они просто видели большую узкую лодку с плавником на днище и двумя поплавами, пристроенными по бокам. Естественно, женщины судачили между собой. Ненароком одна из моих жен поведала мне о самом последнем и самом недепом слухе: мол странная машина Пурпурного собирается взлететь со скалы, махая крыльями. Пурпурный только ждет, пока Орбе и Вилвил покроют снасти тканью и перьями.

Мы пытались пресечь слухи, указывая самым крикливым женщинам на воздушные мешки, которые Пурпурный наделал для детей. Мы говорили, что именно они поднимут воздушную лодку. Но толку все равно было мало. Большинство маленьких воздушных шаров через несколько дней стали вялыми, они спускались на землю. Теперь я понимал, что имел в виду Пурпурный, когда говорил, что его батарея нуждается в подзарядке, в своем долгом путешествии ему придется все время добавлять водород в баллоны.

Вилвил наносил очередной слой крови домашнего дерева на обтянутый тканью бок. Орбе как раз кончил крепить велосипедную раму в лодке и тянул ремни к странной конструкции из лопастей. Велосипед на летающей лодке?

— Что это? — спросил я.

— Это толкатель воздуха, — ответил Вилвил.

— Делатель ветра, — добавил Орбе.

— Что он делает?

— Он делает ветер, — сказал Орбе. — Хочешь покажу? У нас есть другой, прикрепленный справа.

Он начал перебираться через лодку на другую сторону.

— Эй, — воскликнул Вилвил, — поосторожнее!

— Не ворчи, — бросил Орбе и продолжал карабкаться.

— А это безопасно забираться на них? — спросил я.

— Вполне, — ответил Орбе сверху. — Они для того и придуманы. Тот кто будет приводить в действие воздушные толкатели, должен пробраться сюда, чтобы сесть на велосипедную раму.

— Ну-ну! — воскликнул я. Орбе протиснулся на сидение, объясняя:

— В воздухе здесь не на чем будет стоять, кроме как на выносных снастях. Мы с Вилвилем практикуемся перебираться на лодке сюда и обратно. Я кивнул. — Да, в этом есть смысл. —

Встань позади машины с лопастями, но не слишком близко. Я так и сделал. Вилвил прекратил мазать, чтобы тоже посмотреть. Орбе начал вращать педали, воздушный толкатель начал вращаться. В мое лицо подул ветер. Сильнее и сильнее. Это был крошечный ураган, и шел он от Орбе, от этого устройства с лопастями! Я отшатнулся назад, прикрыв глаза рукой.

Мои сыновья засмеялись. Орбе оставил в покое велосипедные педали. Вращение замедлилось, а с ним стих и ветер.

— Видишь? — сказал Орбе. — Оно делает ветер. Когда мы поднимемся в воздух, то опустим толкатели на ремнях вниз. Они будут висеть на высоте человека ниже корпуса лодки. Мы сядем на велосипеды и начнем крутить педали. Шкивы начнут вращать валы, а лопасти делать ветер. Ветер начнет толкать воздушную лодку, и она двинется вперед.

— Ага, — сказал я, — но почему здесь два толкателя?

— Два нужны для того, чтобы управлять лодкой.

— Но это значит, что еще кому-то придется полететь с Пурпурным?

— Двоим, — поправил Вилвил. — Один человек не сможет привести лодку назад. Ведь Пурпурный останется там...

— Но... но... кто... неужели найдется такой глупец, чтобы...

— Отец, — сказал Орбе. — Ты совсем не слышишь, что мы тебе говорим. Это мы собираемся лететь с Пурпурным.

Меня будто ударило.

— Вы... что?

— Кто-то должен. А кто знает летающую машину лучше нас?

— Но... но... Орбе слез с велосипедной рамы. Потом с подставки для лодки и подошел ко мне. Нежно опустил руки на плечи и стал осторожно подталкивать в сторону спуска с холма.

— Иди домой, отец, и подумай над этим. Ты увидишь, что это самый мудрый выбор. Кто-то должен видеть, что Пурпурный улетел. Кто-то должен в этом удостовериться.

И я пошел. Они были правы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я побрел вниз с холма в деревню. Повсюду были разложены разнообразные конструкции воздушной лодки. Огромные полосы сверкающей ткани были разложены на неиспользуемом склоне. Грим Портной сшивал их вместе, чтобы сделать первый огромный мешок Пурпурному. Эта ткань была уже обработана кровью домашнего дерева и проверена на воздухопроницаемость. Когда мешок будет сшит, его швы обработают еще раз.

Ткань была легкой и воздушной, и порывы ветра образовывали складки на ее поверхности, несмотря на грузы, которыми она была придавлена.

Я и не представлял, что мы зашли так далеко. Мне казалось, что потребуется много рук дней, прежде чем у нас окажется достаточно ткани. Очевидно предсказания Пурпурного оказались правильными.

Можно было подумать, что потребуется много времени, прежде чем появятся хоть какие-то результаты, но когда это произойдет, нам кажется, что это было только вчера.

И теперь воздушная лодка, совершенно неожиданно, оказалась почти готова. Первый из мешков заканчивали шить, а Пурпурный строил большой делатель газа.

Когда я подошел поближе, то заметил Шугу, который работал вместе с Гримом. В руке он держал... экземпляр рисунка Пурпурного. Казалось, Шуга руководит чем-то. Я подошел поближе, начиная понимать, что Шуга или сверяется с рисунком, или...

Нет, вскоре все стало ясно. Он руководил переносом образца на ткань. Зная, что в надутом виде мешок должен был принять сферическую форму, Шуга хотел сделать соответствующие волшебные метки на ткани. Поэтому он использовал самое лучшее летающее заклинание из ему известных — заклинание Пурпурного. В конце концов разве не представляли его рисунки воздушный корабль? Шуга затребовал себе двух подмастерьев, и те наносили линии на широкие полотнища.

Я продолжал свой путь в деревню и там столкнулся с группой недовольных жителей. Они раскидывали палатки под своими деревьями.

— Не собираюсь я жить на колючем растении, — бормотал Триммел.
— Я категорически отказываюсь.

Другие одобрительно бормотали. Я попытался их успокоить. Это было самое лучшее, что я мог сделать в этой ситуации.

— Как ваш Глава... — начал я.

— Ты тоже плясал!

— Ну, Главе необходимо находиться в хороших отношениях с волшебником, — ответил я. — Пурпурный пригласил меня танцевать. Мне нельзя было отказаться.

— Ладно, -- пробурчал СвERG, — что ты теперь собираешься делать?

— И делать ничего не собираюсь. Это забота Шуги. Он обещал снова освятить все ваши домашние деревья. Как только представится такая возможность.

— Как только ему представится возможность? А если это случится через много-много дней?

— Не волнуйтесь, — ответил я. — Он поручил раздать вам готубые волшебные символы.

Они еще поворчали, конечно, но особенно не возражали. Волшебные символы были теперь в обороте в обеих деревнях.

Кто-то спросил:

— Ну, где символы?

— Мои подмастерья их делают, — ответил я и поспешил на свою рабочую поляну и быстренько замазал несколько костяных плашек голубой краской. После чего приказал своим подмастерьям покрасить столько же голубых символов Шуги, сколько было красных символов Пурпурного. В будущем они все нам потребуются.

Я вернулся в деревню и начал распространять символы. Тут началось новое ворчание и еще более сильное — из-за бригад сборщиков сока. Некоторые жители говорили, что волшебник не имеет права брать кровь их домашнего дерева, даже если теперь они и считались колючими растениями. Я заплатил им символами Пурпурного, и они успокоились.

Вскоре все разбрелись по своим гнездам спать. А я пошел дальше к поляне ткачей. Ткачи роптали, потому что Шуга не явился сегодня для утреннего благословения. Вместо благословения пришлось раздать им пригоршню голубых символов.

— Это волшебные символы. Волшебные символы Шуги. Они имеют ту же цену, что и символы Пурпурного. Только отвечает за них Шуга.

Ткачи осторожно рассматривали голубые плашки. Им не особенно нравились и пурпурные, но они были вынуждены принимать их. Теперь же им предлагались еще одни символы, и они нравились им еще меньше.

Но я все-таки уговорил их.

— Шуга их оплатит, как только у него выдастся время. Это только обещание заклинания. Как только он покончит с другими делами, он придет и освятит ткань. Идите и работайте.

Они, недовольно поворчав, разошлись по своим станкам. Теперь они получали плату и пурпурными и голубыми плашками. Я поглядел, остались ли в карманах символы, нашел несколько штук пурпурного и голубого цвета и отправился обратно в деревню. То и дело встречались люди, которых я ранее пропустил и выражали нежелание жить в колпачих растениях. Каждому я давал по два символа. По голубому — на заклинание, благословляющее дерево, и по пурпурному — за использование крови домашнего дерева.

Решив эти проблемы, я почувствовал, что отработал свою плату в качестве Главы и двинулся вниз по склону, чтобы навестить Анда Сетевязальщика.

— Анд, не найдется ли у тебя рыбы мне на обед? Рыбак достал замечательную плоскую и уже вычищенную рыбку.

— Я могу обменять ее на что-нибудь, — ответил он.

— На костяную утварь?

— Нет, — он покачал головой.

— Кость здесь гниет.

— Гм, как насчет воздушной ткани?

— Нет, у меня уже много такой ткани.

Я сунул руку в накидку и нащупал последний голубой символ.

— А на волшебное заклинание?

— Ты не волшебник.

— Нет, но Шуга — волшебник. Я дам тебе его символ, который является обещанием заклинания.

— Хм-м, — протянул Анд, осторожно его разглядывая. — Я бы лучше получил один от Пурпурного.

— Могу дать. К счастью у меня еще сохранилось несколько символов Пурпурного. Я отдал один из них Анду за рыбу. Он протянул мне рыбу и голубой символ.

— Вот разница между ценностью этой рыбы и ценностью символа.

— Откуда у тебя голубой символ? — поинтересовался я. Я лишь несколько часов назад начал распространять их. Но Анду не давал ни одного.

— Три голубых символа я выменял на рыбу. Потом мне предложили в обмен ткань, но ее оказалось недостаточно, поэтому мне доплатили несколькими символами, сказали, что позже я могу обменять их назад.

— Ага! Что-то в этом меня беспокоило. Пока моя жена готовила рыбу на обед, я понял что это было. Люди обменивались символами, будто они и были самими заклинаниями. Но ведь они являлись только обещаниями заклинаний. И опять же, обещание — это символ действия, а символ — это то же самое, что и само действие.

Они обмениваются магией. И тут мне пришло в голову, что "обещаний", можно наделать слишком много, и в деревне скопится невероятное количество магии. Тут требовался своего рода контроль. Ну да ладно, это проблема Шуги, а не моя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Три дня спустя Грим закончил первый воздушный мешок и взялся за второй. Шуга, Пурпурный, Орбе и Вилвил уже осторожно укладывали первый мешок под огромной наполняющей установкой, которую мои сыновья построили много рук дней назад.

Три другие наполнительные установки ждали по соседству своей очереди, пока что пустые.

— Только четыре мешка? — спросил я.

— Нет, — ответил Пурпурный. — Я рассчитываю на большее количество. Но подставки нам, вероятно, понадобятся только четыре. Мы

можем сразу наполнить только под одной из них мешок, а остальные будут поджидать пустыми. Мы будем наполнять мешки по очереди.

— Ага, — сказал я. — А что это за каналы внизу?

— Для воды, вместо водяных горшков мы решили попытаться использовать каналы. Видишь эти трубы по бокам? Там мы поместим делающие водород провода. Горловину мешка прикрепим там же. А делающие кислород провода мы опустим по другую сторону канала. Кислород нам не нужен.

— Используя канал, — пояснил Орбе, — мы сможем произвести намного больше электричества.

— Нет, — поправил его Пурпурный. — Мы сможем намного эффективнее его использовать. Баллоны будут наполняться быстро. Мы сможем наполнять сразу четыре баллона или один баллон вчетверо быстрее. Все зависит от того, как мы распределим провода и трубы. — Пурпурный указал на странного вида мешок с набором больших труб. — Мы сможем подсоединить его к нескольким подающим газ трубам и направить весь водород в один баллон.

— Похоже, вы проделали большую работу, — признал я. — Все, что нам теперь понадобится — так это электричество.

При последних моих словах Пурпурный поморщился.

— Как ваши с Френом успехи в изготовлении волшебного источника? — поинтересовался я.

— Да, проклятье, меня это беспокоит. — Пурпурный вздохнул. — Френ сделал все правильно, но я неверно намотал провод. А затем еще понадобится время придумать коммутатор...

— Что?

— Переменный ток, отец, — сказал Орбе. — Мы не можем его использовать.

— Мы должны превратить его в постоянный ток, — добавил Вилвил.

— Ладно, ладно, считайте, что я ничего не спрашивал.

— Пустяки, — сказал Пурпурный, — как бы там не было, но сейчас он работает. Он дает не так много электричества, как мне бы хотелось, но Френ уже строит более мощные машины, и они, к счастью, будут готовы раньше, чем воздушные мешки. Хочешь взглянуть на них?

Он не дал мне возможности отказаться и потащил вверх по склону, где недавно пришедший подмастерье сидел на велосипедной раме и неистово крутил педали, но никуда не ехал.

— Что он делает? — спросил я.

— Взгляни, — ответил Пурпурный, — разве не видишь? Он делает электричество.

Я посмотрел. Но увидел только сложное устройство из рукоятей, ремней-и шкивов, заставляющих вращаться металлический стержень так быстро, как это только возможно. От вертушки два провода бежали к батарее Пурпурного.

— Он восстанавливает ее силу? — спросил я.

— Ну да... только ему никогда не восстановить ее всю, — ответил Пурпурный. — Но он может наделать достаточно электричества, чтобы оно не кончилось до конца путешествия.

Мы двинулись дальше по склону. Френа, с полудюжиной других мужчин, мы нашли работающими над какими-то огромными рамками из железа и меди. В жизни не видел столько металла сразу.

— Откуда ты столько набрал?

— Мы практически ограбили всех кузнецов на острове, — хмыкнул в ответ Пурпурный. — Они очевидно, не очень-то счастливы от этого. Вон и Френ, он редко бывает доволен чем-то.

— Велосипедные рамы скоро будут готовы? — пробурчал Френ. Пурпурный застонал.

— Вот проклятье... я чувствовал, что забыл что-то. — Он поглядел на меня. — Твоим сыновьям приходилось строить множество велосипедов — и все без колес. Для того, чтобы привести в движение мой воздушный корабль, чтобы делать электричество для моих батарей. А теперь их придется построить еще больше. Так много, как только возможно, чтобы привести в действие эти вращающиеся устройства.

— И сколько же их потребуется?

— По крайней мере, по десять на каждую вертушку. Чем больше мы их сделаем, тем быстрее сможем вращать.

— И сколько вертушек ты намерен построить?

— По крайней мере, четыре. Но мы не станем ждать, как они все будут готовы. Как только будет готова очередная, мы будем подключать ее для восстановления силы в батарее.

— Но, Пурпурный, ты просишь сорок велосипедных рам без колес. Это очень много. Потребуется время, чтобы изготовить столько машин.

— Я знаю, знаю. Лучше пойдем обратно и поговорим с мальчишками. Мы можем организовать еще одну поточную линию. На этот раз для велосипедов.

Пока мы шли вниз, я заметил, что на велосипеде теперь новый подмастерье.

— Это очень утомительная работа, — объяснил Пурпурный.

— Ну так пойдем, — сказал я. — Я сам покатаюсь на велосипеде...

— Это не велосипед, — поправил меня Пурпурный. — Это генератор. Попробуй повернуть ручку вон на той стороне.

Я взялся за рукоятку обеими руками и подождал, пока подмастерье слезет с велосипеда. Тот тяжело дышал. С первого взгляда не было похоже на то, что эту рукоятку трудно поворачивать. Я навалился на нее. Рукоятка вращалась легко, пока я крутил ее медленно, но чем быстрее я вращал ее, тем сильнее она сопротивлялась. Невидимая сила толкала ее обратно. Я почувствовал, что мой мех встает дыбом. Опустив рукоятку я медленно отошел.

— Ну вот... теперь видишь для чего нам понадобился сильный мальчишка на велосипеде? Ноги сильнее чем руки. Но даже они так сильно устают. Можешь представить себе, как тяжело будет заставить вращаться большую машину.

Я кивнул.

— Тебе понадобится больше, чем десять велосипедов на машину.

— Верно, — согласился Пурпурный. Мы объяснили задачу моим сыновьям, и они понимающе закивали. — Мы можем завербовать всех свободных мужчин в деревне, чтобы они помогали делать поточные линии для велосипедов.

— Попробуй, — согласился Пурпурный и добавил, обращаясь ко мне: — Тебе придется наделать еще волшебных символов, верно?

Я кивнул. Вилвил и Орбе, казалось, не были подавлены, как я ожидал, тем количеством велосипедов, которые им предстояло сделать. Очевидно, они уже говорили с Пурпурным о своей поточной линии. А это давало им возможность испытать ее намного раньше.

Пурпурный принялся объяснять им детали:

— Конечно, хотелось бы наполнить все мешки сразу... Но получится, что летающую машину мы закончим раньше, чем вступят в строй генераторы. Пожалуй поэтому, как только они будут готовы, мы заставим запасать их для нас энергию. Мои батареи смогут вместить в себя все электричество, что эти машины смогут произвести. Большую ее часть мы используем в помощь генераторам, когда окажется возможным наполнять мешки.

— А ты не рискуешь снова сделать их мертвыми? — обеспокоенно спросил я.

— Это практически невозможно. На батарее стоит указатель энергии. Он всегда скажет, сколько силы осталось у меня в запасе. Я рассчитал, сколько энергии нам понадобится, чтобы путешествие на север было безопасным. Пока эта энергия будет в батарее, можно ни о чем не

беспокоиться. Я могу регулировать расход энергии, Лэнт... чтобы в день отлета наполнить мешки как можно скорее.

Я понимающе кивнул. Правда, из того, что он говорил, я понял не очень много. Но чувствовал, что Пурпурный нуждается в поддержке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вода продолжала подниматься. С каждым днем буруны плескались о холм все выше и выше. Большинству людей из нижней деревни пришлось перебраться выше по склону. А прилив все длился и длился. Только вершины домашних деревьев отмечали тот участок, на котором находилась раньше нижняя деревня. Порой отрывалось гнездо и было видно, как его уносит прочь. Верхняя деревня оказалась чуть ли не переполненной, но умудрились разместить всех.

Вилвил и Орбе легко смогли отыскать несколько человек для своей поточной линии. Это давало возможность людям хоть чем-то заняться в ожидании спада воды. Нашлись и такие, кому захотелось обзавестись дополнительными волшебными символами.

К тому времени, когда были готовы первые двенадцать велосипедных рам, Френ успел закончить первый волчок-генератор, как он называл его. Мальчики в тот же день подсоединили к нему велосипеды. Шуга подобрал двенадцать крепких парней для первого испытания. Они нервничали, стояли в стороне и тихонько переговаривались. Их ничуть не привлекала перспектива изготавливать электричество.

Пурпурный проверил провода, бегущие через холм, к заполненной водой канаве. Когда он был готов, то подал сигнал Шуге, взмахнув рукой. Шуга приказал мужчинам взобраться на велосипеды. По следующей команде они начали крутить педали. Генератор завращался. Сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее. Он делал электричество.

Я оставил генератор и подошел в канаве. Медленно с одного ее конца, но устойчиво поднимались пузырьки кислорода. На другом Пурпурный как раз прилаживал глиняную воронку над погруженным в воду проводом. К горлышку он прикрепил небольшой воздушный мешок. Через несколько минут мешок оказался полон. Пурпурный завязал его и отпустил. Мешок медленно поплыл вверх.

На этот раз паники не было — одно удивление. Мы все больше и больше привыкали к этому заклинанию. И в самом деле — теперь оно стало совсем почти обычным.

Пурпурный был в восторге. Он дал Шуте сигнал перестать крутить педали. Затем поднялся на холм и подсоединил свою батарею к проводам от генератора.

— Порядок, Шута, — сказал он. — Скажи им, чтобы крутили дальше. Шута прорывал приказ и двенадцать парней снова начали прилежно крутить педали. Было странно видеть их, так упорно налегающих на педали и никуда недвигающихся. Но это было только начало. Пурпурный хотел, чтобы в будущем целая армия здоровяков неистово крутила еще большее число педалей на холме.

Вилвил и Орбе были довольны успехом. То, что двенадцать велосипедных рам было изготовлено так быстро свидетельствовало об эффективности их поточной линии.

— Я подсчитал, что у нас будет, по крайней мере, пятьдесят велосипедов, прежде чем кончится следующая пара рук дней, — сказал Орбе.

Мы поднимались на скалу, где нас поджидала воздушная лодка. Вилвил возразил:

— Думаю, поточная линия даст только часть этого количества. Не забывай, сколько людей сейчас у нас работают.

Когда мы поднялись на скалу, мальчики показали мне, что еще надо сделать для лодки. Некоторые выносные конструкции для "веревки", которые будут удерживать баллоны, не были еще закреплены. А Вилвил хотел добавить, по крайней мере, еще один слой сока на борта.

Мне она представлялась и так достаточно прочной, но когда выяснилось, что на ней полетят мои сыновья, а они чувствуют, что надо сделать еще плотнее, то пусть делают все, что считают нужным.

Орбе сказал, что отрегулировал воздушные толкатели так хорошо, как только мог. Но он хочет еще немного поэкспериментировать с "повышающими" передачами. Он хотел попытаться поставить маленькие колеса на вращающиеся валы, а большие колеса на велосипедную раму. Соединительные шкивы должны были заставить лопасти вращаться еще быстрее.

Вилвил вздохнул и начал разогревать укрепляющий раствор сока.

— Как хорошо, что большинство подготовительных работ закончено. Мы могли бы завершить летающую лодку на месяц раньше, если бы не все эти велосипедные рамы, подставки и машины с рукоятками.

— Да, — согласился я, — но лодка никогда бы не полетела, если бы сперва не была сделана другая работа. Нам нужны и воздухонепроницаемая ткань, и генераторы, и машины с ручками для изготовления зубьев для ткацких станков, и...

— Именно это и говорил Пурпурный. Ты должен сделать инструменты, с помощью которых необходимо сделать другие инструменты, для других инструментов, — откликнулся сверху Орбе. — Именно этим мы и занимаемся. Ты не можешь просто построить летающую лодку, вначале необходимо построить поточные линии, которые будут изготавливать части, из которых ты уже потом сможешь собрать необходимую тебе летающую машину.

— Представляю себе поточную линию для черного яйца Пурпурного, — сказал Вилвил.

Я попытался, но не смог. Затем я увидел фигуру, бредущую по холму. Это был Шуга. Он шел проверить работу на летающей машине.

— Опять, — простонал Орбе. — Теперь он таскается сюда почти каждый день. Задаёт глупые вопросы и выводит нас из себя...

— Он просто пытается понять заклинание, — примирительно сказал я.

— Он никогда не поймет заклинание, — сказал Орбе. — Он...

— Осторожнее, — предупредил я. — Кем бы он не был, но слышит он феноменально.

Тут подошел Шуга и удовлетворенно зацокал языком от хода работ.

— А когда вы навесите паруса? — спросил он.

— Паруса? Мы не собираемся вешать никаких парусов, Шуга. Они нам не нужны.

— Чепуха, — отрезал волшебник, пристально разглядывая Орбе, который висел на снасти. — Сколько раз тебе объяснять, без парусов ветер не станет тебя толкать.

Орбе начал спускаться. Я мог видеть, как он вздыхает украдкой. Орбе сбросил с лодки веревку, потом соскользнул по ней вниз и подошел к Шуге.

— Пурпурный нам это не раз объяснял. Нам не понадобятся паруса. Вместо них у нас установлены толкатели ветра.

Шуга нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Но, Орбе, если у тебя есть делатель ветра, то ты несомненно, планируешь использовать паруса. Делатели ветра будут делать ветер, а тот — толкать паруса, вот лодка и будет двигаться.

— Нет, Шуга, делатели ветра толкают воздух назад, а лодка будет двигаться вперед, без парусов.

— Что же они будут толкать, без парусов? Лодка совсем не будет двигаться по воздуху.

— Лодка будет двигаться.

— Лодка не будет двигаться!

— Пурпурный сказал, что будет!

— А я говорю, что не будет!

— Ты споришь с волшебником?

— Да! Мы с Вилвилем уже испытали двигатель ветра. Мы крутили педали так быстро, как только могли, и лодка, казалось, двигалась вперед, словно пыталась прыгнуть в воздух.

— Она может подняться в воздух, — согласился Шуга, — но не двинется ни на дюйм без парусов.

— Но...

— И не пытайся меня переубедить, Орбе. Я уже заказал паруса Лесте. Тебе с Вилвилем лучше придумать для них мачты.

— Мачты? — переспросил Орбе, — а где мы их поставим, эти мачты? Он указал на лодку. Она мягко покачивалась на подставке, две ее выносные снасти поплавками распростерлись далеко в стороны. Тяжелый киль выдвинулся вниз на держателях из бамбука. Вверху виднелись бамбуковые, кажущиеся хрупкими снасти, пустые ждущие воздушных мешков. Лодка казалась странно незавершенной. Я попытался представить ее законченной и парящей в воздухе, но не смог.

Шуга тоже разглядывал ее. Он задумчиво обошел ее, обогнув Вилвила, продолжающего невозмутимо намазывать корпус. Потом забрался на подставку и заглянул внутрь. Орбе и я последовали за ним. Шуга взобрался в лодку и постучал по полу.

— А это что?

— Это слоеное дерево. Мы использовали три тонкие планки, чтобы придать полу жесткость.

— Он слишком тонкий. Мачты на нем, должно быть, установить не удастся.

— Как раз я...

— Придется повесить их к выносным снастям.

— Где? Позади воздушных толкателей совсем не остается места. Места действительно не было. На каждом поплавке была установлена велосипедная рама. Сами толкатели свисали вниз на высоту человеческого роста и были сдвинуты назад, чтобы сделанный ими ветер не мешал крутить педали.

— Ты должен установить их впереди, — сказал Шуга. — Если ты это сделаешь, места окажется достаточно. Установи мачты и паруса перед делателями ветра, а затем крути педали наоборот. Ветер станет дуть в паруса. Ты будешь сидеть лицом вперед в направлении движения.

— Но крутить педали наоборот очень неудобно!

— Тогда переставьте наоборот колесную передачу, — резко бросил Шуга.

— Почему это я постоянно должен думать за тебя?

— Не надо нам никаких парусов! — закричал на него Орбе.

— Все, на что ты полагаешься — это на слова Пурпурного, — голос Шуги неожиданно стал уговаривающим. — Установи теперь мачты и подними паруса, прежде чем ты улетишь. Тогда ты будешь ко всему готов. Если паруса не понадобятся, ты всегда сможешь их убрать...

— Ладно... — нерешительно пробормотал Орбе и покосился на Вилвила. Но Вилвил демонстративно не обращал ни на кого внимания, продолжая методично наносить раствор на борт лодки.

— Это не повредит, — заметил я примирительно.

— Вот! — сказал Шуга, — даже ваш собственный отец думает так же.

— Да, но...

— Никаких "но". Паруса будут готовы через семь дней. Довольный тем, что выиграл битву, Шуга начал выбираться из лодки. Спрыгнув на землю, он с силой постучал по крепкому корпусу, обтянутому уплотненной тканью.

— Хорошая конструкция, — бросил он. — Пошли, Лэнт, — ухватив меня за руку, он потащил меня в деревню. — А теперь нам следует заняться приобретением волшебных символов. Со всей очевидностью, Лэнт, я могу сказать, что голубые символы ценятся жителями деревни неправильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Они обменивают четыре шуги на одного пурпурного. Как раз сегодня утром Хинк Младший демонстративно заявил мне, что это мол потому, что я лишь на четверть такой великий волшебник, как Пурпурный — это мне заявил Хинк Безволосый.

— О! — протянул я.

— А теперь скажи мне честно, Лэнт, можешь ли ты согласиться с такой постановкой вопроса...

— Ну... — начал я.

— Не бойся, Лэнт, ты можешь говорить мне всю правду.

— Как хочешь, Шуга... хорошо известно, что ты делаешь намного больше работы, чем Пурпурный. Ты накладываешь большую часть заклинаний в деревне, а Пурпурный вряд ли вообще это делает. Не потому ли магия Пурпурного становится намного более редкой и потому более ценной. Люди знают, что они всегда могут оплатить свои символы, а магия Пурпурного гораздо более редкая и поэтому представляется людям более дорогостоящей.

— М-м, — пробурчал Шуга.

— Ну, ты же сам заявил, чтобы я говорил только правду.

— Я не думал, что ты будешь настолько правдивым. Шуга ворчал всю дорогу до деревни. Он определенно обиделся. Но помочь ему было нечем.

Уже все деревенские называли символы Шуты четвертинками. Привычка зафиксировалась в языке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

У Орбе возникли какие-то сложности с его передачами. Он разобрал всю велосипедную раму и вновь собрал ее из деталей. Когда же он снова собрал ее, то скорость вращения воздушных толкателей увеличилась настолько, что лодку пришлось привязывать, когда он испытывал передачу. Каждому делателю ветра он подсоединил три пквива в уменьшающемся порядке.

Пурпурный назвал это "повышающей передачей". Человек крутящий педали поворачивал большое колесо. Шкив от него был связан ремнем с очень маленьким колесиком, которое в результате вращалось очень быстро. На одном валу с этим маленьким размещалось еще одно большое колесо, от него шкив шел к оси толкателя.

Орбе изменил также порядок следования передачи, чтобы изменять направления вращения толкателей. Теперь они отбрасывали ветер вперед, в направлении мачт.

Пурпурный, пришедший проверить ход работ удовлетворенно кивнул. Затем глаза его нагнулись на мачты, выпирающие вниз из каждого борта, и он удивленно спросил:

— А это для чего?

— Для паруса, — объяснил Орбе.

— Паруса? Вам что — опять об этом говорить!

— Нет, но Шуга...

— Шуга?! Я должен был это предвидеть. Шуге хочется парусов, так?

— Как видишь. Когда они будут поставлены, то ветер от толкателей начнет толкать в них и нам не придется ждать бриза.

Тут ему пришлось остановиться, потому что Пурпурный не в силах сдержаться от смеха, припал к корпусу лодки, а лицо его становилось все более и более красным.

— Ты думаешь — не получится, — печально спросил Орбе.

— Да, да. Так я и думаю. Но попытайся, какой от этого может быть вред? Это единственный способ, если мы хотим как-то убедить Шугу. Пусть сам увидит, что паруса ни к чему. А пока сделаем так, как он хочет.

Он собрался уходить, потом повернулся:

— Только сделай так, чтобы мы могли убрать паруса, после того, как докажем их непригодность.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Внизу, на склоне Френ смонтировал уже два генератора. И более двадцати мужчин крутили на нем педали. Вся выработанная энергия шла в маленькую батарею Пурпурного.

Нетерпение Пурпурного росло с каждым днем. Он словно шмель порхал вокруг работающих, подгоняя и мстя им одновременно.

Грим Портной закончил для него шестнадцатый воздушный мешок. Каждый в наполненном виде должен был быть почти в шесть человеческих ростов высотой. Пурпурный подсчитал, что десять мешков способны нести лодку, но необходимо тринадцать, чтобы поднять все то, что он намеревался взять с собой — шестнадцать дадут гарантию на тот случай, если газ будет просачиваться быстрее, чем он рассчитывал. Он беспокоился насчет швов.

Грим сделал еще три дополнительных мешка, чтобы взять их в лодку на случай аварии. Если в одном из баллонов обнаружится дырка, которую невозможно будет залепить заплатой, или он окажется еще каким-либо образом поврежден, то у Пурпурного должны быть запасные, чтобы заменить его. Короче, мы не оставили места для случайностей. Когда Пурпурный улетит, мы должны быть уверены, что это навсегда. Сейчас он руководил закреплением подставок для наполнения мешков. Он вдруг понял, насколько они легки и не хотел, чтобы баллон унесло вместе с подставной. Вместе с Гримом он придумал систему упряжи и якорных канатов для баллонов. Когда баллон будет наполнен, шестеро мужчин надев утяжеляющие пояса, оттранспортируют его на скалу, где будут ждать Орбе и Вилвил. Такелажные веревки будут разложены на подставке в нужном порядке, веревки упряжи будут присоединены к ним. Затем и только затем, будут откреплены якорные канаты. Пурпурный не хотел рисковать потерей даже одного гигантского баллона.

На них было потрачено слишком много времени и усилий. Первоначально Пурпурный планировал использовать много маленьких баллонов, каждый высотой с человека, но затем произвел некоторые подсчеты и выяснил, что он сможет в больших баллонах удерживать большее количество газа и на них понадобится значительно меньше ткани. Он получит возможность улететь, а на их изготовление уйдет значительно меньше времени.

Пурпурный и Шуга создали новую профессию — воздушный человек. В нее входили различные группы работающих на генераторах, наполнительных рамках, водородных канавах, прикрепляющих воздушную лодку — все, кто необходим для того, чтобы она могла улететь.

Все больше и больше жителей приходили посмотреть и оказать посильную помощь. Работы в деревне теперь было мало, потому что подъем моря достиг максимума. Вся нижняя деревня оказалась под водой. Большинство людей жили теперь поблизости от рабочего места. Это было на руку Пурпурному, ему всегда требовались мужчины, чтобы крутить педали генераторов, а спрос на его волшебные символы был так велик, что недостатка в добровольцах не было.

Нетерпение Пурпурного с каждым днем становилось все сильнее и сильнее. Это было ясно видно. Единственно, что его пока удерживало, это производство электричества. Очевидно, его требовалось фантастическое количество, чтобы наделать достаточно водорода. Четвертый генератор был только начат, когда Пурпурный решил наполнять свои воздушные мешки. Он хотел выяснить, сколько времени уйдет на наполнение одного мешка и как долго он будет удерживать газ. Кроме того, легче подкачать уже наполненный мешок, чем иметь дело с пустым. И, в любом случае, потребуется несколько дней, чтобы наполнить все баллоны.

То, что ему страстно хотелось увидеть, как будет работать его летающая машина, секретом не было.

Сейчас на каждом генераторе работало до тридцати мужчин. Энергии в батарее накопилось более чем достаточно, чтобы наполнить все мешки. Пурпурный сказал, что воспользуется ей, если понадобится, но предпочел бы сохранить ее емкость для путешествия. Там она действительно может пригодиться.

Мы наблюдали, как он укладывает провода в канаве. Женщины уже начали наполнять ее водой. К счастью для них, ее не приходилось носить, особенно издалека. Всего полмили по склону, а склон был не особенно крутой. Затем произошла небольшая путаница с наполняющей бригадой, мальчишками, которые были набраны для того, чтобы наблюдать, как наполняются баллоны. Но Пурпурный распределил их обязанности, и они начали укладывать один из баллонов на подставку.

Шуга, Гортин и я обменялись взглядами.

— Знаешь, — признался Гортин, — я начинаю думать, что он и в самом деле собирается на это пойти...

— Я никогда не сомневался в этом, — ответил я. Шуга только заворчал.

— И вся эта уйма работы — подставки, станки, велосипеды, — сказал Гортин, — вся эта проклятая прорва работы только для того, чтобы построить летающую машину?

— Он предупреждал, что заклинание сложное, — ответил я. Шуга снова что-то проворчал. — Но вся эта работа необходима, — сказал я, — без нее он не смог бы уйти домой.

— Должно быть, ему очень хочется попасть домой, — произнес Гортин.
— Не так сильно, как мы этого хотим, — резко оборвал его Шуга. —
А чем скорее он это сделает, тем лучше. Я намерен пойти и помочь ему.
Пора грузить припасы и укладывать паруса.

И он потопал вниз по склону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Странная это была картина — четыре гигантские рамы, три закрыты тканью, а четвертая поддерживает мягко колышущуюся массу надуваемого воздушного мешка. Свободный конец, расположенный ниже канавы с водой, яростно пузырился. На другом конце от носика воронки тянется к гигантскому мешку соединительный рукав. Дальше по склону больше ста двадцати мужчин неистово крутят ногами велосипеды. Громко жужжат огромные вращающиеся генераторы. Их высокий протяжный вой слышен по всему холму, но мы уже перестали обращать на это внимание. Он стал частью нашей жизни.

Десять мешков были уже наполнены и перенесены на скалу. Вилвил и Орбе возбужденно сновали по всей летающей лодке, окончательно подгоняя оснастку.

С вершины холма мы могли наблюдать за всей этой впечатляющей картиной. И наконец воочию увидели то, что все это время представлял себе Пурпурный.

Еще не все баллоны стояли на месте, но уже с десятков шаров тянули вверх свои веревки, создавая впечатление скопления лун. Величественная картина, освещенная красным и голубым солнцем.

На наполнение этих баллонов ушло пять дней. Мешки, надутые первыми, уже начали опадать. Другие начали покрываться рябью при ветерке — верный признак того, что они уже не такие упругие, как вначале. Но Пурпурный учитывал определенный процент утечки за время, необходимое для наполнения всех шаров. Он намеревался использовать батарею, чтобы возместить недостаточность водорода в каждом из них перед самым отходом.

Но пока дела оборачивались чуть ли не праздником. Было много песен, приветственных воплей и было много выпито пива.

Мужчины, работающие на генераторах, разбились на бригады и устроили соревнование: каждая бригада старалась показать, что она больше других сможет выдержать полную скорость, каждая бригада старалась доказать, что она сильнее другой.

Пурпурный был в восторге. Он предложил по два дополнительных волшебных символа каждому мужчине из победившей бригады. Как только одно состязание кончалось, тут же начиналось другое. Свежие бригады сменяли уставших от кручения педалей на генераторах. Процедура смены всегда вызывала бурное веселье. Один спрыгивал с велосипеда, оставляя педали неистово вращающимися, другой запрыгивал на велосипед и должен был попасть ногами на педали. Тогда спрыгивал следующий и так далее. Как только бригада была целиком заменена, подавался сигнал, зрители начинали реветь, и новое состязание начиналось.

Пурпурный даже разрешил на определенное количество заработанной платы делать ставки и заключать пари, хотя мы с Шутой и высказывали опасение по этому поводу.

— А почему бы и нет? — сказал Пурпурный. — Это поднимает их заинтересованность.

Он оказался прав. Нередко одна бригада ставила большое количество волшебных символов против другой, так что порой за время своей работы теряли всю свою заработанную плату. Но это не имело значения...

Френ и его люди горели желанием поскорее закончить четвертый генератор. Они собирались организовать дополнительную бригаду велосипедистов и подзаработать плашек. Это будет серьезная бригада. Руки и ноги Френа за много лет занятия кузнечным делом стали большими и сильными: Я и сам был готов поставить на него.

Между тем вздымался уже одиннадцатый баллон. Десятый был только что снят с дополнительной рамы для перетранспортировки на скалу. Пурпурный лично руководил переноской, сопровождая ее многочисленными проклятиями и угрозами. Шестеро сильных мужчин замедленными прыжками двигались к вершине холма, почти лишенные веса из-за гигантского баллона. И тут неожиданный порыв ветра подхватил их, и они взлетели высоко в воздух и томительно медленно начали опускаться. Смеялись все, кроме Пурпурного. Под своей бородой он стал совсем белым, пока шел за ними. Но вот носильщики достигли скалы и мешок прикрепили к снастям. Сняты веревки для переносок, и баллон, резко устремляясь вверх, потянул такелаж, присоединяясь ко всем остальным.

Мешки казались голубыми шарами, с нанесенными на них белыми линиями, которые выглядели отсюда тоненькими черточками. Лодку волокло вверх с причала. Пурпурный то и дело взбирался на нее, подтягивал снасти и якорные канаты и спускался обратно. После чего удовлетворенный мчался снова на холм, крича:

— Еще два баллона, Лэнт! Еще два баллона, и я могу лететь!

— Я думал, тебе потребуется шестнадцать...

— Но ты взгляни, как они хорошо работают! Посмотри, как они натягивают тросы. А ведь это только десять баллонов. А посмотрел бы ты, как они подпрыгивают! Ты только представь, как они потянут нас вверх, когда я их еще подкачаю от батареи. Еще двух баллонов будет достаточно. Они компенсируют вес пассажиров и припасов. Мы сегодня же сможем испытать лодку.

И он снова заскакал по холму вниз наблюдать за наполнением одиннадцатого баллона. Я неторопливо побрел за ним следом. Я никак не мог привыкнуть к этой мысли. Пурпурный действительно улетает! Он действительно построил свою летающую повозку и действительно собирается улететь на ней. Скоро мы от него избавимся. Я покачал головой, наблюдая фантастическую деятельность подо мной. Нет, с уходом Пурпурного мир не станет таким, как был раньше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда это произошло, стоял яркий двойной день. Красный и голубой солнечный свет освещал небо. Воздушные мешки сверкали подобно лунам — одна сторона красная, другая голубая. Теперь на скале всегда стояла толпа. Пурпурный отрядил мужчин, чтобы они держали собравшихся подальше. Среди людей бродили торговцы, продавая за маленькие символы сладости и пряную пищу.

Вилвил и Орбе как раз укладывали последние припасы Пурпурного. Каждый сверток был упакован в воздушную ткань, чтобы защитить их от сырости и холода, которые, как заявил Пурпурный, встретятся им на верхнем небе. Он стоял внизу, прислонившись к туго натянутому канату, одному из тех, что притягивали лодку к земле. Затем Пурпурный перебрался наверх, на подставку, возле трех больших горшков с водой. Его батареи были присоединены к одному из них. Рукав из ткани свисал с одного из баллонов. Он был плотно привязан к одной из трубок горшка с водой, и пока мы наблюдали за ним, присоединенный к нему гигантский шар становился все более пухлым и упругим. Внезапно один из причальных канатов оборвался. Нос лодки резко взлетел вверх.

— О-о-о! — застонала толпа.

Пурпурный удивленно отпрыгнул назад и споткнулся об один из своих горшков. Орбе и Вилвил упали на дно. Они недоуменно выглядывали оттуда, вращая головами.

— Другой конец! Другой конец! — кричал Пурпурный, неистово жестикулируя. — Встаньте на другой конец!

Он указывал на нос лодки, нацеленный в небо. Орбе и Вилвил быстро начали карабкаться вверх. С каждым их движением нос лодки опускался. Осипшим голосом Пурпурный начал отдавать приказания, чтобы подстраховать лодку дополнительными канатами. Потом наклонился, подсоединяя свою батарею, и начал торопливо завязывать горлышко.

И тут появился Шуга, ведя за собой возбужденную ораву мужчин, которые волокли двенадцатый наполненный баллон. Он еще издали заметил, как лодка приподнялась, и всю дорогу кричал:

— Пурпурный, Пурпурный, не улетай без своего баллона.

Шум толпы усилился.

— Перестань, Шуга, — если он хочет лететь без него, пусть летит!

Вилвил перегнулся через борт, командуя мужчинами с баллоном.

— Нет, нет, это не тот канат... Не прикрепляйте там мешок!

Его не слышали.

— Вилвил, Орбе! — завопил я. — Вон из лодки!

Пурпурный кричал свое:

— Оставайтесь в лодке. Сидеть на месте. Он спрыгнул с лодки и помчался туда, где Шуга с носильщиками старались прикрепить баллон.

— Не туда, вы, болваны! Он принялся подталкивать их к противоположному борту.

— Вот сюда! К этому канату!

На мгновение я начал опасаться, что они упустят баллон, который, как и его собратья, рвался в небо. Спасибо богам за якорные тросы! Если мы потеряем баллон, то потеряем усилия многих драгоценных дней работы. Но якорные канаты предотвращали это. Мешки не могли вырваться из их хватки. Если какой-либо из баллонов и вырвется, то он просто подпрыгнет выше, пока мы не стащим его обратно вниз.

Под руководством Пурпурного мужчины подкрепили мешок к нужной веревке, не потеряв его. Шар рванулся вверх, его канат натянулся так же туго, как и все прочие. Лодка рванулась вверх и повисла, удерживаемая причальными тросами.

Возбужденный шум толпы возрос.

— Балласт! — закричал Пурпурный. — Несите мешки с песком!

— Я распоряджусь, — закричал Орбе и начал выбираться из лодки.

— Назад! — Пурпурный взлетел наверх и пихнул его обратно. Орбе с глухим стуком упал на палубный настил. — Сиди на месте! Нам нужен твой вес, чтобы удерживать лодку.

Шуга носился вокруг помоста, вопя на мужчин и стараясь привязать как можно больше причальных канатов. Цепочка мужчин потянулась по

склону — каждый нес по два балластных мешка. Они угрожающе раскачивались взад и вперед. Френ Кузнец четыре мешка.

Балластные мешки тоже были сшиты из воздушной ткани и наполнены песком. Пурпурный сообразил, что они понадобятся, только руку дней назад, и Гриму пришлось поторопиться, чтобы сшить их. На Френа была возложена обязанность проследить за тем, чтобы они были наполнены. Теперь носильщики прыгивали на помост и по сути дела швыряли мешки в Орбе и Вилвила. Орбе поскользнулся от удара и снова упал на дно лодки. Послышалось приглушенное проклятие.

Мешки готовы были раньше, но ждали до сегодняшнего утра. Пурпурный сказал, что они необходимы, чтобы обеспечить дополнительный вес, от которого можно будет избавиться, когда вытечет много газа.

Я подумал, а почему он не погрузил их в лодку, как только мешки были готовы? Ведь так определенно было бы легче.

— Больше мешков, больше! — кричал Пурпурный. Носильщики помчались за новой партией.

Вилвил и Орбе равномерно распределяли их. Пурпурный прыгнул в лодку помочь. Он подхватывал мешки, доставляемые носильщиками, и раскидывал их по помосту.

Я вспрыгнул на помост.

— Пурпурный, — заорал я, перекрывая шум толпы и уханье балластонасителей. — Это была великая честь... твое присутствие среди нас... теперь мы прощаемся с тобой... память о тебе никогда не исчезнет... желаем тебе счастливого пути!

— Заткнись, Лэнт! Ты, мохнатая бородавка! Я еще никуда не собираюсь. Это будет пробный полет. Вот почему понадобится только двенадцать баллонов. Для большого путешествия нам понадобятся все шестнадцать баллонов. А сейчас мы хотим проверить, как лодка управляется, чтобы в случае необходимости сделать нужные изменения.

— Не забудь паруса! Паруса! — кричал снизу подошедший Шуга. Его руки оттягивали груз материала, рядом стояли двое подмастерьев, тоже с ношей.

— Ага, — согласился Пурпурный. — Их мы тоже сможем использовать как... балласт. Шуга, что ты делаешь?

Шуга, взбравшийся в лодку, остановился.

— Как что делаю?

— Ты как будто собираешься лететь с нами?

— Правильно! Вы не можете отказать мне в праве первого полета. Эта честь...

— Честь! Шуга, это может оказаться очень опасно.

— Будет еще опаснее, если вы не возьмете парусов. Вы потеряете возможность двигаться по воздуху.

Подмастерье начал передавать ему через борт свою ношу. Пурпурный пожал плечами, затем подхватил у Френа последний мешок. Лодка, казалось, осела. Причальные веревки немного ослабли.

— Ладно, Шуга, — сказал Пурпурный, — ты можешь остаться. Я понял, что должен покатай тебя на своей летающей машине.

— На нашей летающей машине, — поправил его Шуга.

— Согласен, — вздохнул Пурпурный.

— Френ! — крикнул он. Кузнец посмотрел вверх. — Проследи, чтобы были накачаны оставшиеся четыре баллона. Они нам понадобятся. Я организую ту наземную бригаду, о которой вам говорил. Она тоже понадобится, когда мы прилетим.

Френ помахал рукой и усмехнулся.

— Не беспокойся, Пурпурный. Пурпурный помахал в ответ, потом взобрался еще выше по веревочной лестнице и начал проверять крепление баллонов.

— Вилвил, — громко прошептал я. — Будь осторожен. Не позволяй волшебникам поубивать друг друга.

— Отец, — ответил Орбе, широко раскрыв глаза, — лучше позаботься, чтобы волшебники не убили нас!

— Не волнуйся. Этого они не сделают. Мы им нужны, чтобы крутить педали велосипедов и вращать воздушные толкатели.

— Только будь осторожен, не упади.

— Мы не упадем. Мы привяжемся веревками.

— Желаю успеха с парусами. Вилвил застонал.

— Шугу не переубедить... Он уверен, что паруса нам нужны.

— А ты как думаешь? — спросил я.

Вилвил покачал головой.

— У первой летающей машины Пурпурного парусов не было. Я думаю, он знает, о чем говорит. И Орбе думает так же.

Нас прервал голос сверху. Пурпурный закончил свою проверку снастей и теперь кричал:

— Все в порядке. Отдать швартовы!

— Как? Что... Пурпурный, будь добр, говори как человек. А не на своем демонском языке.

Он завопил:

— Обрезай веревки, проклятье на вас! Я побледнел и схватил нож.

— Постарайтесь обрезать их все сразу, — не унимался Пурпурный.

Я начал рубить ближайший из причальных канатов. Шуга и Пурпурный дружно заорали на меня сверху. Как только я справился с канатом, эта сторона лодки резко пошла вверх, лодка круто наклонилась. Пурпурный и Шуга возбужденно заголосили:

— С другой стороны! Режь тебе говорят веревку с другой стороны!

Я помчался вокруг на другую сторону и обрезал еще одну веревку. После этого нос лодки оказался ниже, чем корма, поэтому пришлось бежать и обрезать еще одну веревку. А между тем они все вопили: Орбе, Вилвил, Шуга, Пурпурный, Френ и его бригада, собравшаяся толпа... Даже Леста. И вот остался один только канат — лодка бы была нацелена точно в небо. Я обрезал канат...

Лодка прыгнула вверх, раздался оглушительный вопль толпы. Я упал на спину на помост и стал наблюдать за их подъемом. Я был рад, что веревки кончились. Небо было ярко-голубым. Воздушная лодка изящно повисла в нем под оплетением воздушных виноградиян.

— Ох, — неслось из толпы. — Ах! Это было в первый раз, когда я увидел воздушную машину. По мере того, как она поднималась выше, я ощущал все увеличивающийся прилив радости. Как если бы я построил ее сам. Она нравилась мне намного больше, чем черное яйцо Пурпурного. И в конце концов, разве я не помогал ее строить? Белый парус распустился под одним из поплавков. Затем другой. Летящая машина продолжала подниматься все выше. Мне казалось, что я слышу голоса, плывущие ко мне из вышины:

— Нам не нужны твои дурацкие паруса!

— Нужны!

— Не нужны!... Но, возможно, это был только ветер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ветер утащил крохотное пятнышко корабля к горам из поля зрения. У нас ожидалось несколько спокойных дней для отдыха.

Леста с ткачами по-прежнему изготавливали материал. Женщины расслабились и стали прясть более медленно. Воздушная лодка была закончена, теперь не было настоятельной необходимости пропитывать воздушную ткань. Фактически, Леста подумывал вообще отказаться от пропитки соком нити и ткани, за исключением небольших партий, специально изготовленных для получения водонепроницаемой ткани.

Френ закончил четвертый генератор и присоединил к нему велосипеды. Теперь на каждом генераторе работало по сорок человек, но велосипедная поточная линия продолжала действовать. Никто не приказывал им прекратить работу. Наоборот, все больше и больше мужчины хотели

присоединиться к генераторным бригадам — и единственным способом это сделать было увеличение количества велосипедов. Четыре баллона были наполнены почти за один день. Теперь они висели над своими подставками. С четырьмя генераторами наполнить один баллон можно было очень быстро — и действительно они вздымались и распускались буквально на глазах. Кислород яростно бурлил на свободном конце канавы, пустоголовые молокососы истерически хихикали.

Мои подмастерья делали почти по три комплекта зубьев для станка за день. Этого как раз хватало, чтобы заменять сломавшиеся. Кроме того мы продолжали нарезать новые плашки для Пурпурного и Шути.

Кемд Три Обруча был сейчас занят более чем когда-либо. Многие из тех, кто пришел из соседних деревень, устали от жизни в палатках и хотели бы перебраться в нормальные гнезда. Из-за недостатка домашних деревьев Кемд начал плести по два, три гнезда там, где это было возможно. Иногда работа пропадала впустую, деревья оказывались под водой раньше, чем было построено гнездо.

Анд получил от Лесты три новые гигантские сети и теперь придумывал более современные способы, чтобы увеличивать свой улов. Один комплект сетей был поставлен через реку. Другой спускался с выступа скалы, до которого не добралось подступающее море. Третий комплект использовали самым хитроумным способом: Анд построил лодку, похожую на корпус летающей машины. Каждый день он и три его помощника гребли по воде, таща за собой сеть. Но им приходилось быть внимательными, однажды в сеть попало затонувшее домашнее дерево.

Короче, жизнь продолжалась в устойчивом, равномерном ритме. Не было только волшебников, чтобы освятить то, что в этом нуждалось, а оба ученика Шути оказались настолько беспомощными, что не могли справиться даже с самым примитивным благословением. Поэтому я был вынужден, по мере необходимости, распределять все новые и новые символы.

Конечно, за свою работу на других я немножко оставлял себе. Из каждых десяти плашек, мною изготовленных, две оставались у меня. Это была справедливая пропорция.

Разумеется, у меня и еще были источники дохода. Мы с Лестой пересмотрели наш договор за использование зубьев для станков. Я обещал снабжать его зубьями по мере необходимости. В обмен за это я получал семь процентов символами или натурой — то есть тканью.

Я начал подумывать о приобретении третьей жены. Видят боги — я создан для этого. У меня и раньше было три жены, и я никогда не смирялся со статусом понижения до двух жен. Именно, иметь всего двух женщин

Главе деревни не подобает. Тем не менее я решил подождать пока не вернется воздушный корабль.

Если первый корабль выдержит испытания, мы сможем построить и другие. И, возможно, сумеем использовать воздушные корабли для торговых экспедиций. Да, это значительно бы обогатило нас. Большие пространства воды перестанут быть преградой для путешествия, и мы больше не будем отрезаны от материка каждый болотный сезон.

Гортин, Леста, я и другие Советники энергично обсуждали эту идею. Леста, который стал теперь Главой новой и уважаемой Гильдии изготовителей ткани (бывшая каста ткачей), был один из самых ярких приверженцев новой идеи. Конечно, он больше всех заработает — ведь именно его тканью придется торговать. Но все-таки и среди остальных, противников нашлось мало.

Воздушная ткань значительно обогатила всю нашу деревню. Эти три дня мы провели отдыхая и строя возбужденные планы на будущее. Мы не знали, сколько будут отсутствовать наши путешественники. Пурпурный сказал, что они будут летать до тех пор, пока не установят, как лучше управлять и контролировать "Ястреб" — именно так он решил назвать свою лодку. Мне она ничуть не казалась похожей на ястреба, но это было заклинание Пурпурного, поэтому я ни о чем не спрашивал.

Без волшебников деревня выглядела на удивление спокойной. И я начал прикидывать, не такой ли она будет, когда Пурпурный улетит насовсем? Странное дело, я настолько привык к присутствию Пурпурного, что даже не мог представить деревню, существующую без него.

Еще один день я потратил на помощь Френу и его наземной бригаде. Они тренировались в причаливании "Ястреба", готовясь к его возвращению. Одна группа мужчин стояла на помосте и бросала вниз веревки, изображая из себя вернувшийся корабль. Наземная бригада располагалась внизу. Когда сбрасывали вниз веревки, они бросались на них, стараясь вцепиться в них как можно крепче, а затем должны были стащить нас с помоста. Это быстро превратилось в состязание. Мы сбрасывали канаты, но старались, чтобы они не так просто в них вцеплялись. Наземная же бригада любыми путями старалась стянуть нас с помоста. Но поскольку там подобрались самые сильные мужчины со всех деревень, они всегда побеждали.

Позже, тяжело дыша и весь мокрый, я подошел к Френу и спросил, считает ли он, что все эти действия действительно имеют смысл. В конце концов "Ястреб" совершит только одно приземление и больше мы его никогда не увидим.

Френ хмыкнул.

— Пурпурный платит мне и моим людям за то, чтобы "Ястреб" приземлился без помех. Нам это тоже выгодно. Если с лодкой что-нибудь случится, Пурпурный захочет построить новую, а на это уйдет еще три руки дней. Ты ведь хочешь, чтобы он улетел, не так ли?

Я не мог с этим спорить. А вскоре после этого начал распространяться слухок, что как только Пурпурный вернется, он начнет подготавливать лодку для путешествия на север и улетит, не оплатив свои волшебные символы.

Я постарался пресечь все эти глупые домыслы, но многие чувствовали себя неуверенно. Они подозревали, что если Пурпурный не расплатится заклинаниями за свои плашки, то они обесценятся.

Я заявил, что все это чепуха. Плашки — это символы магии и как таковые — магия сама по себе. Они также хороши, как настоящие благословения. Надо только держать волшебный символ возле того предмета, который желаешь благословлять.

Люди мне не верили. Вместо этого они спорили о "Ястребе", первым начал Френ, заявив, что это генераторы сделали газ, который поднял лодку в воздух. Бригады велосипедистов возражали, что без их усилий генераторы вообще не сделали бы ничего. Леста насмеялся над ними, утверждая, что все дело решила ткань. Чепуха, возмутились ткачи, ведь ткань сделана их руками. Да, согласились мои подмастерья, но могли ли они соткать ткань без наших зубьев. Грим заявил, что ничего бы не вышло без воздушных мешков, которые он сшил. Пропитчики нитей напоминали, что это именно они работали с кровью домашнего дерева. И даже женщины и то бормотали о нитках, которые они спряли. Но верх глупости был достигнут, когда носильщики балласта заявили, что это именно благодаря их песку "Ястреб" смог улететь.

Все это было бы смешно, если бы каждый не воспринимал это всерьез. Анд неплохо заработал, продавая сушеную рыбу — именно такую, — говорил он, — Пурпурный взял с собой в свой исторический полет. Рассуждали и насчет самого полета. Я все думал, воспользовались они парусами Шуги или нет. Вилвил и Орбе верили, что воздухотолкатели Пурпурного не нуждаются в парусах, но...

Был жаркий спокойный день, я купался в море, когда поднялся крик: — "Ястреб" возвращается! Воздушный корабль плывет!

Я не стал вытираться, набросил накидку и помчался на скалу. Другим пришла в голову та же мысль. Взявшаяся буквально ниоткуда огромная толпа устремилась на холм, выкрикивая приветствия. Только я обогнул гребень холма, как увидел его — изящную лодочку и огромные надутые

мешки, ярко блестящие на фоне неба. Я удивился, почему это "Ястреб" летит кормой вперед. А затем увидел, что парусов на нем не было.

Метод Пурпурного отталкиваться от воздуха удался! Вилвил и Орбе оказались правы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Как только "Ястреб" приблизился, я смог разглядеть своих сыновей, напряженно крутящих педали на делателях ветра. Они подталкивали лодку все ближе и ближе. Время от времени одному из них приходилось останавливаться, или даже начинать крутить педали в обратную сторону, от чего лодка несколько меняла свое положение. Пурпурный висел на снастях, он возился с завязками одного из мешков, должно быть выпускал газ рассчитанными порциями, чтобы ускорить снижение. Он кричал:

— Где моя наземная команда? Где моя наземная команда?

Лодка спускалась боком. На земле Френ и его люди уже носились вокруг помоста. Огромный кузнец орал приказы, а его люди старались занять места поудобнее.

— Порядок! — орал Френ. — Останавливайтесь прямо над нами и бросайте веревки, мы их поймем!

— Нет, нет! — кричал в ответ Пурпурный. — Вы слепые дураки! Вы должны разойтись и хватать веревки там, где они упадут, а затем тащить лодку на место приземления. Мы не можем маневрировать ею так точно!

Он свесился со снастей.

— Вилвил, Орбе, скиньте вниз причальные канаты! Френ зарычал на свою команду: — Разбежались, разбежались!

Они не могут подлететь точно к месту приземления! Приволочим их! Его здоровяки помчались по склону, настигая сброшенные с "Ястреба" веревки. Они весело раскачивались на ветру. Вилвил и Орбе крутили педали так быстро, как только могли, стараясь удержать машину на месте.

— Хватайте их! Хватайте веревки! — вопил Пурпурный на причальную команду. — Мы должны спуститься на помост, а не то сломаем киль!

Мужчины, мальчишки носились туда-сюда, стараясь поймать веревочные концы. Но постоянный ветер со скалы не позволял им этого сделать. Один мальчишка умудрился все же ухватиться за конец веревки и обнаружил себя поднятым в воздух. Он выпустил веревку и упал на землю. У мужчин были свои неприятности. Они хватались за канаты и их волокно по склону. И именно Френ спас дело, прыгнув на одного из этих мужчин. Четверо других прыгнуло на него, и "Ястреб" остановился. Веревки замедлили свое качание. Это дало возможность незамедлительно вцепиться в них тоже. Теперь дело

в один момент превратилось в спорт — жители деревни вместе с наземной командой гонялись за каждой свободной веревкой, пока, наконец, почти у каждой не оказалось по одному—два владельца, отдувающихся, но повисших на конце. Френ отпустил свой канат, за него уже держалось трое других мужчин, и зарычал на свою команду:

— Все в порядке, тащите ее наверх, на помост!

Возбужденно крича, мужчины потащили за собой "Ястреб" — как детишки маленькие воздушные мешки Пурпурного. Жители деревни радостно размахивали руками, приветствуя своих героев поднебесья.

Вилвил и Орбе не стали крутить педали и махали в ответ. Широкие глупые улыбки сияли на их лицах. Наземная команда как раз разворачивала лодку над помостом, когда один из них воскликнул:

— Погодите! Если Пурпурный улетит на своей лодке, наши символы ничего не будут стоить!

Остальные уставились на него.

— Ну что? Должны мы насчет этого что-то предпринять? Между тем Пурпурный голосил: — На помост! На помост!

Опускайте нос на помост! Наземная команда не обращала внимания на его вопли и продолжала спорить. Френ требовал, чтобы они подчинились приказам, но парии подобрались упорные и твердили свое. Наконец один из них поднял голову и закричал наверх.

— Мы собираемся бастовать, Пурпурный.

— Что? Что собираетесь?

— Наземная бригада собирается бастовать.

— Как?

— Мы требуем, чтобы ты гарантировал оплату своих волшебных символов.

— Конечно, конечно! Как-нибудь... И тут мы увидели, как над ограждением появилась голова Шуги. Он держал на руке шар зудящих колпачков и внимательно выбирал цель внизу. Трое из наземной команды хотели тотчас же отпустить веревки, но их вожак не позволил им сделать этого.

— Шуга, если ты бросишь шар, то мы вас отпустим, и вы никогда не вернетесь.

Я отпрянул назад, так как слишком хорошо знал Шугу. Так и есть — он швырнул шар. Тот ударился о землю и взорвался, крошечные черные точки испугали воздух, оседая на ближайших людях причальной команды. Сверху раздался грозный голос Шуги:

— Если хотите, чтобы вас вылечили, тащите нас вниз.

Одни пытались стереть черные родинки, другие отпустили веревки и катались по земле. "Ястреб" повело в сторону. Шуга прокричал:

— Через час вы будете умолять волшебника...

Мужчины отлично поняли и еще резвее похватили веревки и потащили лодку вниз. Шуга, очевидно, хотел кинуть еще несколько зудящих шаров, но Пурпурный слез со снастей и удержал его от этого шага. Вилвил и Орбе не нуждались больше в воздухоподкателях, подтянули их к поплавкам и перебрались в лодку. Они тоже принялись утихомиривать Шугу.

— Не надо больше зудящих шаров! Мы тащим! Мы тащим! — кричала снизу причальная команда. Шуга, Вилвил и Орбе исчезли за бортом судна. Послышались проклятия и приглушенный шум. Пурпурный, перегнувшись через борт, руководил приземлением:

— Все нормально... все нормально... Теперь осторожнее... Следите за килем... Тащите нас на помост. Килем не зацепите!

Ворча и ругаясь, мужчины подтянули лодку к помосту. Одни уже зацепили свои веревки за колья в земле. Лодка медленно опускалась. Киль скользнул в свой паз, и вздохнул с облегчением. Но тут неожиданный порыв ветра... послышался треск бамбука, киль был сломан. Пурпурный с руганью выпрыгнул из лодки. "Ястреб" подпрыгнул, но мужчины тут же снова опустили его. Другие подносили мешки с балластом и сноровисто швыряли их в лодку. Судно с глухим стуком ударилось о помост. Из него выбрались Орбе и Вилвил. Следом — Шуга. Оказалось, что даже мешков с песком недостаточно. Неожиданный порыв ветра подхватил деревянную лодку и потащил вниз по склону. Лодка подскакивала и скользила. Она была слишком тяжелой, чтобы лететь с таким грузом балласта, но слишком легкой чтобы противостоять порывам ветра, который стащил ее с холма и сбросил в воду.

Когда Пурпурный увидел, как "Ястреб" плывет по воде, он сказал:

— Я предполагал, что киль не так уж и нужен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Следующие несколько дней прошли в делах. Вода поднялась даже выше, чем обычно, уже стояла на середине холма верхней деревни. Палатки, которые так хорошо послужили нам во время странствий по пустыне, пришлось достать снова, чтоб пострадавшие семьи смогли перебраться на скалу. Туда же Френ и его причальная команда перенесли "Ястреб". Они справились с этим без труда, так как воздушные мешки компенсировали большую часть веса лодки.

После некоторых дополнительных усовершенствований и ремонта, произведенных Вилвилем и Орбе, к лодке были прикреплены последние четыре баллона. На этот раз в лодку было загружено больше чем надо балласта, и ее удерживали дополнительные притяжные канаты. Мы не распускали генераторные команды. Пурпурный прикрепил провода к своей батарее и теперь вся энергия четырех машин запасалась в этом крошечном устройстве.

Однажды я спросил о ней Пурпурного, и он объяснил мне, что батарея может удерживать почти бесконечное, с нашей точки зрения, количество энергии. В использовании ее были свои преимущества. Например, Пурпурный мог высвобождать энергию с той скоростью, какую выберет. Двумстам мужчинам понадобилось пять дней, чтобы наполнить газом все пять баллонов. И если Пурпурный запас все это накрученное педалями количество энергии в свое устройство, то он мог наполнить свои шары так быстро, как только мы успевали доливать воду и менять соединительные рукава. Поэтому не имело значения, если баллоны на скале начнут спадать. Пурпурный мог подкачать их прямо перед стартом.

Он планировал вылететь через две руки дней. К тому времени, у него будет достаточно энергии, чтобы подкачать баллоны. К тому же он не захотел наполнять баллоны сразу, потому что скопление водорода может оказаться опасным. Вдобавок ему представилась возможность более точно установить скорость утечки.

— Опасность? — спросил я, когда он упомянул об этом. — Какого рода опасность?

— Огонь, — ответил он. — Или искры. Именно поэтому мы не можем взять с собой велосипедный делатель электричества. Мало того, что он будет недостаточно производительным, даже если его будут крутить четыре человека, но он еще дает искры. И искры могут все уничтожить.

И он объяснил мне, что искра — это очень маленькая молния.

— Вспомни, как было взорвано мое домашнее дерево?

— Молния? Значит это молния сопротивлялась, когда я крутил рукоять генератора?

Я содрогнулся. Молния! Да, Пурпурный определенно великий волшебник! И он в очередной раз доказал это. Пока бригады велосипедистов проделывали свою работу на генераторах, пока Орбе и Вилвил обеспечивали будущее путешествие "Ястреба", Пурпурный взялся за лечение всех больных, каких только мог найти.

— Похоже, мне скоро не понадобится моя аптечка, — сказал он мне. — Я ее берег, так как нуждался в ней сам, а теперь могу извлечь из нее пользу.

Он вылечил Хинка Безволосого и Фарго Ткача, у обоих начали расти волосы. Другие мужчины расстались со своими язвами, от которых страдали много рук дней. Из крохотного цилиндрика, извлеченного из своей коробки, Пурпурный подул на них сырым воздухом и через несколько часов их тела начали выздоравливать. Он не останавливался на мужчинах. Даже женщин он лечил от безволосости. Он позаботился о младшем Гортине, у которого от рождения была маленькая и слабая рука.

— Ускоренная регенерация, — приговаривал Пурпурный, обследуя малыша, и заставил его проглотить две странные и полупрозрачные капсулы. Теперь кости мальчика стали мягче, а рука выпрямилась и стала расти. Пурпурный ежедневно приходил в верхнюю деревню и бродил среди палаток со своей черной коробкой. Когда Зен Продавец свалился с дерева и сломал спину, он успел к нему раньше, чем тот умер. Он обрызгал спину Зена чем-то, что проходило прямо через кожу и запретил ему двигаться до тех пор, пока не сможет шевелить кончиками пальцев. Зен так и остался лежать под деревом, которое его чуть не убило. А жена кормила его и меняла одеяла. Зен не умирал, а Пурпурный забрал у него все свои символы.

Люди теперь начали обменивать символы Пурпурного на символы Шуги в отношении один к десяти.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Как раз в эти дни моя первая жена родила дочь, как и предсказывал Шуга. Девочка была красной, уродливой и совершенно лысой — даже без тонкого мерцающего пушка первого лета.

Когда Шуга шлепком привел девочку в чувство, кожа ее поблескивала только остатками маточной жидкости. Он взял влажное полотенце, которое я держал для него наготове, и начал протирать глаза, рот и нос новорожденной.

Он нежно управился с ней, и на лице его было странное выражение.

— Есть причины удивляться, Шуга?

Шуга не отводил глаз от ребенка.

— Как я и боялся — она демонский ребенок. Но я никогда не видел такого другого ребенка демона, как этот, Лэнт.

— Добрая это ведьма или злая?

— Не знаю. — Шуга покачал головой. — Об этом еще слишком рано говорить.

Он переворачивал девочку в руках, продолжая обтирать полотенцем. Со своей родильной койки широко открытыми глазами смотрела на происходящее моя жена. Большинство женщин боится вынашивать ребенка

демона. Моя жена отнеслась к этому стоически — мне следовало как-то отблагодарить ее.

Шуга сказал:

— Насколько я понимаю, этого ребенка надо окружить заботой и защитой. Возможно с ним надо обращаться также, как с мальчиком...

Я с испугом уставился на него.

— Шуга... — начал я, но волшебник резко прервал меня.

— Лэнт, я не знаю. Это нечто такое, чего я никогда не слышал и никогда не видел. Мы можем только наблюдать и ждать. Если этот ребенок — добрый демон, тогда нам надо постараться ей угодить... Если же она — злой демон, то тогда, как мне думается, и вовсе ее сердить не стоит. Это в любом случае не повредит — проявить осторожность при выяснении обстоятельств.

Я мрачно кивнул. Демонские дочери встречались и прежде — с детьми обращались как с сыновьями, давали им имена и благословляли их, а в некоторых случаях, даже принимали в Гильдию Советников. Но были случаи, когда демонские дочери становились причиной уничтожения целых деревень. И то и другое было крайне редким. Случалось, скажем в среднем раз в сто лет. Никогда я и предположить не мог, что это произойдет при моей жизни, да еще причиной явится моя жена.

Пурпурный прибежал, как только услышал новость. Жители с благоговейным страхом расступились, как только увидели спешащую вниз по склону пухленькую фигуру, а потом потащились следом, возбужденно и деловито обсуждая происшедшее.

Пурпурный ворвался в мое гнездо и застыл, глядя на мою лысую, красную, демонскую дочь, потом расплылся всем своим полутолым лицом.

— Она красавица, правда? — спросил он. Мы с Шугой переглянулись. Возможно с точки зрения Пурпурного она и была таковой, но для нас в ней таился источник страха. Как же выглядят младенцы там, откуда явился Пурпурный? Если такого вот ребенка он считает красивым.

Пурпурный неуверенно подошел к Шуге.

— Можно я подержу ее? Шуга отступил, прикрывая ребенка рукой. Глаза его сердито поблескивали. Пурпурный выглядел растерянным и обиженным. Я коснулся его руки.

— Пурпурный, у нее вырастут волосы? Он покачал головой.

— Я думаю нет.

— Но тогда ты ее вылечишь?

— Я не могу.

— Извини, я не собираюсь тебя оскорблять, но ведь ты недавно уже проводил подобное лечение...

— Тонусы длительного воздействия, — фыркнул Шуга.

Пурпурный развел руками.

— Но ты не понял. Она не больная, Лэнт, она просто лысая, как я. Он снова шагнул к Шуге.

— Дай мне ее поддержать, пожалуйста. Он протянул руки. Но Шуга отказался передать ему ребенка. Он упрямо покачал головой.

— Но она моя! — заявил Пурпурный. — Я хочу сказать, я зачал ее...

— Ну и что? Ты думаешь, это даст тебе какие-то особые права? Это жена Лэнта родила ее. Это ребенок Лэнта.

Пурпурный посмотрел на Шугу, на меня. На его лице появилось выражение смутения.

— Я только хотел поддержать ее... чуть-чуть, Лэнт, пожалуйста.

Он выглядел таким жалким, что я уже готов был согласиться, но Шуга продолжал упрямо качать головой. Наконец Пурпурный склонил голову в знак печального и покорного согласия.

— Как хочешь... Но позволь, по крайней мере, укрепить ее здоровье...

Тут он использовал слово из своего демонского языка.

— Какого рода это заклинание? — потребовал объяснить Шуга.

— Это заклинание счастья, — ответил Пурпурный. — Счастья и защиты. Оно сделает ее сильной и более здоровой. У нее будет больше возможностей стать взрослой.

Я сперва подумал, что Шуга откажет. Я заметил, как подозрительно сузились его глаза, но все же, он тем не менее, сказал:

— Хорошо... Я... Но тут вмешался я.

— Шуга, вспомни, мы должны угодить ей...

— Хорошо, — наконец согласился Шуга, — можешь подойти...

Он позволил Пурпурному достать из медицинской коробки устройство и с его помощью ввести эссенцию под кожу. Больше он не просил поддержать девочку и когда уходил, шаги его были медленными и неровными. Больше в тот день мы его не видели.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В общем, большей части символов Пурпурного жители не купили — даже тогда, когда большая часть больных начала поступать к нему со всех концов острова. Те же, кто был здоров, предпочитали приберечь символы, частично из-за того, что позднее им самим могла понадобиться очень сильная магия, а частично потому, что символы и сами по себе были магией. И они могли принести удачу.

После излечения многие из пилигримов решили остаться. Заинтересованные нашей летающей лодкой и нашими генераторами электричества, они образовали постоянно присутствующую толпу любопытных. Они стали обмениваться волшебными символами, чтобы иметь возможность участвовать в пари на различные генераторные бригады. Другие приходили в надежде присоединиться к нашей все растущей Гильдии изготовителей ткани или влиться в нашу поточную линию изготовления велосипедов, или войти в генераторную бригаду, третьи прибывали торговать, а остальные приходили просто из любопытства. Они прослышали о нашей летающей машине и жаждали своими глазами и увидеть это чудо.

Наша объединенная Гильдия Советников разрослась до почти неуправляемого уровня. То и дело слышалось мрачное бормотание различных представителей, которые чувствовали себя ущемленно. Ясно, что наше управление нуждалось в некоторой реорганизации.

И наконец, настал день, когда Пурпурный заявил, что его батарея заряжена. Он собирается улететь перед следующим восходом голубого солнца. И на этот раз это будет окончательное прощание. Как только воздушная лодка оторвется от своей колыбели, он навсегда уйдет из нашей деревни и нашей жизни. Теперь Пурпурный почти все время проводил на скале, сверяясь со списком и в сотый раз пересчитывая припасы. Частенько его можно было застать проверяющим снасти или осматривающим воздушные мешки.

— Посмотри как лодка натягивает канаты, Лэнт. Разве это не красиво? Пищи у нас, по крайней мере, на четыре руки дней. Балласта весом в четыре-пять человек. Есть и несколько запасных мешков на случай, если какой-то разорвется. Я хочу сказать, что мы готовы, Лэнт. А ты?

— Гм, я бы сказал, что я тоже готов.

— Нет, я имею в виду, ты сам готов?

— Как?

— А разве ты не собираешься с нами?

— Я? — я внутренне сжался. — Но у меня нет намерения... Я необходим здесь. Дела требуют... Ведь я Глава!

— Но... Но... Твои сыновья сказали...

— Мои сыновья?!

— Да. Они мне внушили, что ты собираешься лететь с нами тоже. Мы все планировали и на тебя тоже.

— Я впервые об этом слышу.

— Значит ты не хочешь лететь?

— Конечно нет! Я не вижу причины, по которой мое присутствие было бы так необходимо на лодке.

— Ладно, я этого тоже не вижу, — согласился Пурпурный. — Но Вилвил и Орбе считают, что такая причина есть.

Я пожал плечами.

— Нет, Пурпурный, благодарю за предложение, но я отказываюсь от этой чести.

Я не стал говорить, что лучше останусь в деревне совсем без волшебника, чем в летающей о лодке с двумя сумасшедшими волшебниками на борту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Но в тот же день, только позже, в жаркие часы двойного солнечного света, когда большинство жителей деревни спят, Шуга отвел меня в сторону.

— Лэнт, ты видел, как он обесценил мою магию? — с горечью сказал он. — Ты должен лететь со мной. Ты мне будешь нужен, чтобы помочь в заклинаниях против него...

— Заклинание... О, нет, Шуга!

— Я буду свободен от этой клятвы, как только мы покинем эту местность. Но ты мне необходим как свидетель, что я его убил. Ты — Глава. Твое слово — закон!

— Шуга, разве тебе не достаточно остаться одному. Пурпурный улетает. Ты будешь здесь единственным волшебником. И разве это не самая большая деревня? Тут наверное живет тысяч пять человек, даже, пожалуй, больше. Никогда в истории не существовала деревня таких размеров. Чего ради ты должен рисковать, затевая новую жуткую дуэль?

Но тут Шуга зарычал на меня, и мне пришлось замолчать. А Шуга бросил меня и ушел. Он угрюмо ворчал всю дорогу, заставляя встречных жителей испуганно парашаться в стороны.

Потом, после захода голубого солнца, припили Орбе и Вилвил. Как только я увидел их, так сразу спросил:

— Что это за чепуху вы наговорили Пурпурному? Он сказал, что вы хотите, чтобы я летел с вами. Отправиться в это настоящее фантастическое путешествие?

Сыновья закивали.

— Отец, ты должен! Ты — единственный, кто сможет образумить Шугу. Ты наверняка знаешь, что он планирует начать дуэль едва мы окажемся вне этого района.

— Да, он упоминал об этом.

— Теперь ты тем более должен лететь с нами, чтобы остановить его. Мы никогда не вернемся, если ты не полетишь. Даже если нам удастся выжить и в этот раз. Он настаивает, чтобы мы снова подняли паруса. Он все еще не убежден. Отец, ты должен лететь, или мы никогда не доберемся домой.

— Я уверен, вы можете справиться и без меня, дети мои! В испытательном полете вы все делали правильно...

— Да, но то была только проверка. Шуга знал о летающей машине не больше, чем любой другой. А теперь, когда он побывал в воздухе, он убежден, что стал крупным специалистом в этой области. Ты наверняка слышал истории, в которых он рассказывает о своих подвигах? ⁹

Я кивнул.

— Вы все рассказываете истории. И ни одна из ваших историй не похожа на другую, жители ни одной из них не верят. Один этот факт должен удерживать Шугу от дуэли. А если к тому же, у него не будет надежного свидетеля...

— Отец, он не столько заинтересован в надежном свидетеле, сколько в убийстве. — Опасливо понизив голос, Орбе оглянулся, — ведь ты не знаешь, что он учинил во время испытательного полета.

— Да? — я покачал головой. — Я ничего не слышал.

— Потому что Вилвил и я молчали об этом. Мы не хотели давать даже намек, что между волшебниками на борту были неприятности.

Вилвил кивнул, молча подтверждая сказанное братом.

— Короче, после того как мы отлетели, они заспорили, нужны или не нужны паруса? Шуга так разъярился, что пытался бросить шар огня в Пурпурного...

— Шар? Он пытался бросить шар? Но... воздушная лодка... водород...

— Нам повезло, — сказал Орбе. — Пурпурный завопил, как только его увидел. Я подумал, что он выпрыгнет из лодки... Но Орбе быстро нашелся и опрокинул на Шугу горшок с водой. Затем еще один, — продолжал Вилвил. — А потом сорвал накидку. Мы заставили его выбросить все огнеделательные устройства. Пурпурный был бледен, как облако...

— Могу представить, — я подумал о почерневшем домашнем дереве. — Но это еще не все, — продолжал Вилвил, — позже он пытался столкнуть Пурпурного вниз. Пурпурный взбирался на снасти — знаешь, отец, для человека вроде него он замечательно храбрый. Он карабкается по веревкам, будто не испытывает ни малейшего страха падения.

— Однажды он сорвался, — сказал Орбе, — хотя и с нескольких футов, но к счастью в лодку.

— Ладно, мы все уже начали привыкать к лодке, — возразил Вилвил. — А ведь раньше на воздушной лодке никто никогда не бывал. И некому было нас научить как действовать...

— Кроме Шути, — сказал Вилвил. Он умоляюще посмотрел на меня. — Отец, Шуга убеждены что он знает капризы Макс-Вотца — бога ветров. Но почему-то его магия не действует в верхнем небе? Его паруса не работают, а огненные Шары едва не убили нас всех.

— Дети мои, вы пережили этот полет, не так ли?

Они нехотя кивнули.

— Хорошо, тогда я верю что вы сможете пережить и второй. После того, что вы тут мне наговорили, я теперь еще больше уверен, что ни за что в жизни не заберусь в эту поганую лодку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я вернулся в гнездо усталый и раздраженный. И раздражал меня не какой-то определенный человек, а толпа. Сейчас здесь жили почти все семьи из пяти деревень. Некогда голая скала превратилась теперь в лабиринт палаток, приткнувшихся друг к другу чуть ли не вплотную. Узкие проходы кишели малышкой, женщинами и незнакомцами. Остальную часть острова поглотило море. Единственно свободным местом оставалась скала Юдиони, пространство вокруг помоста и широкая подсобная площадь, откуда все пути обрывались теперь в море. Сохранение этих участков в свободном и пригодном для работы состоянии делало остальное пространство холма еще более перенаселенным. Мое дерево, как и еще немногие другие, частично возвышались над водой, и мы могли пользоваться гнездом, избежав таким образом кутерьмы и столпотворения, но до гнезда приходилось добираться по пояс в воде. Море было теплым и очень парило.

Когда я забирался в гнездо, то все еще чувствовал раздражение из-за необходимости пробираться между палатками и сквозь толпы незнакомцев. С моего меха капала вода. Я с облегчением плюхнулся на койку и позвал:

— Жены! Я готов для расчесывания. Сегодня у меня выдался такой день, который трудно перенести самому сильному мужчине.

— О, наш бедный Лэнт, — заголосили женщины. — Наверняка, даже самая серьезная напасть — всегда лишь детская игра для такого сильного мужчины, как ты.

— Естественно, но заботы утомляют. Пурпурный хочет, чтобы я летел с ними на воздушном шаре, и того же хотят Вилвил и Орбе.

— О, нет, нет, наш храбрый Лэнт! Только не на воздушной лодке! Ты можешь упасть! — заголосила одна Мисс. — Не делай этого, муж мой. Ты

никогда не вернешься! Как нам жить, если мы потеряем тебя! — запричитала другая, имя которой было Катэ.

— Скажи нам, что не полетишь, — заголосила первая.

— У тебя есть, чем заняться, есть твоя резьба по кости, — поддержала вторая. — И еще много дел кроме этого. Стены гнезда протекают, их надо отремонтировать.

— Подождите немного, — я пинками заставил их замолчать. — Это что за шум вы устроили? Или вы осмеливаетесь говорить и советовать, что мне делать?

— О, нет, нет! И они бросились к моим ногам. Мисс вторая приподняла голову и сказала:

— Это только потому, что мы тебя так любим и не хотим, чтобы ты уходил...

Мисс первая:

— Ведь это такая опасная экспедиция... может быть даже слишком опасная для такого храброго мужчины, как ты, Лэнт!

Я со злобой посмотрел на них.

— И как же вы осмеливаетесь хотя бы такое предположить! Я — Глава своей деревни! Я укротил дух самых безумных волшебников, я не позволю им убивать друг друга. Я руководил постройкой летающей лодки...

— Да, мой муж, но это не означает, что ты должен лететь на ней!

— Да, но оставь эту честь кому-нибудь другому...

— А почему я должен это делать? — возмутился я. — У меня столько же прав путешествовать на "Ястребе", как и у любого другого. А может и больше...

— О, мы так боимся за тебя...

— Или вы думаете, что я боюсь опасностей?

— О, нет, наш храбрый Лэнт, это мы боимся...

— Вы слишком много думаете, мои жены, и от этого ваши мозги протухли. Я полностью сознаю опасность такого предприятия. Вы думаете нет? Ну, так в таком случае, я вот вам что скажу: если бы я не был уверен, что это безопасное путешествие, я и не собирался бы лететь.

— О, мой муж, мой храбрый муж, останься с нами, мы даже не будем протестовать против покупки третьей жены...

— Что вы не будете? Если я захочу третью жену, я ее куплю! Если я захочу лететь, я так и сделаю. И я собираюсь сделать и то, и другое! А теперь принесите мой ужин, и будьте благодарны, что я еще недостаточно разгневан.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Красный закат. Тихий и спокойный, жаркая духота в воздухе — память об обжигающе раскаленном голубом дне.

Френ и четверо других держали веревку. Орбе и Вилвил были наверху, на снастях, меняя позицию двух баллонов. По их сигналу Френ и его рабочие отпустили веревку, и баллоны скачком вернулись в общий ряд. Пурпурный провел этот день подкачивая опавшие воздушные мешки. Даже сейчас он все еще наполнял из водяного горшка последний, балансируя на узких дощечках палубы.

Шута и я стояли в стороне от помоста. Я держал в руках пакет и размышлял, как же я мог влипнуть в такое положение. Я перебирал в голове все разговоры дня, но ответ на это как-то не находился. Но в своем рвении уговорить меня не рисковать своей жизнью, моя жена настойчиво просила совета у множества женщин. А эти женщины рассказывали своим мужьям...

Вскоре я обнаружил, что каждый мужчина, женщина и ребенок на холме знают, что Лэнт Глава будет на борту "Ястреба", когда он поднимется в небо на красном закате...

Когда Орбе и Вилвил спустились со снастей, Пурпурный сделал отметку в своем контрольном списке. Орбе нырнул под ткань, прикрывающую кучу грузов.

— Одежда здесь внизу, Пурпурный.

— Хорошо, — ответил Пурпурный. — Я не хотел бы их оставить. Питевой воды на этот раз у нас достаточно?

— Более чем достаточно, — ответил Вилвил, покосившись на Шуту. Я увидел Пурпурного уже подхаживавшего к нам.

— Я рад, что ты летишь, Лэнт. Путешествие будет долгим, а я привык к твоему обществу.

Шута тут же ответил: — Я тоже рад присутствию Лэнта.

— На этот раз ты не взял с собой огнеделательных устройств, не так ли? — спросил Пурпурный у Шуты.

Шута сурово покачал головой.

— Ты помнишь, что я говорил тебе насчет этого? Новый кивок. — Отлично!

Пурпурный отошел к мальчикам и что-то шепнул им. Вилвил и Орбе посмотрели на нас и переглянулись. Потом выбрались из лодки и подошли к нам.

— О, Шута, — спросили они, — можем ли мы спросить тебя об одном из труднейших мест заклинания...

Шута поковылял за ними. Они скрылись за черными кустами, послышался резкий крик и звуки борьбы. Затем еще один крик — и тишина.

Через мгновение раздалось шипение и плеск воды, выливаемой из горшка. Вилвил и Орбе появились, улыбаясь, и немного погода появился промокший Шуга. Он свирепо поблескивал глазами. Волшебник подошел ко мне.

— Если бы они не были твоими сыновьями...

— И если бы они не нужны были для успешного возвращения домой, — спокойно продолжил я. — То что бы ты сделал?

— Не имеет значения, — проворчал он. — Я тоже рад, что в конце концов ты решился лететь с нами. Я собираюсь устроить Пурпурному такую месть, о которой никто никогда не мечтал и не слышал.

Несмотря на неудобное время дня на склоне собралась значительная толпа. Было много народу из других деревень, которые прослышав о нашей машине пришли посмотреть на старт. Но было много и наших. Каждый горделиво показывал над какой частью машины работал лично он. Среди собравшихся бродили торговцы, продавая сладости и пряности. Как-то я их попробовал, а потом несколько дней чувствовал себя больным. На этот раз я решил не есть ничего, не хотелось лететь в воздушной машине с плохим самочувствием.

— Все в порядке, Лэнт, — сказал Пурпурный. — Теперь ты можешь подняться на борт.

Он помахал рукой волшебнику:

— Шуга... Мы поднялись. Пурпурный указал мне, где сесть — на самом носу лодки. Сам он выбрал себе место на корме. Пурпурный нервно озирался, словно опасался, что в последний момент что-то забудется.

Я оцепенел. Сердце отчаянно билось. Я не мог в это поверить. Я действительно здесь, на летающей лодке... Я собираюсь подняться на ней в небо!

Послышался голос:

— Лэнт! Лэнт! Я перегнулся через борт. Там стоял Пилг Крикун.

— Пилг! — закричал я. — Где ты был?

— Я шел назад, — ответил он. — Лэнт, ты действительно собираешься лететь с Пурпурным?

— Да, — ответил я. — Собираюсь.

— Ты храбрый мужчина, — заключил Пилг, — я буду скучать по тебе.

Еще дальше по склону я разглядел Гортина и двух моих жен. Они обильно рыдали, а маленький Гортин счастливо махал рукой.

— Все в порядке, — сообщил Пурпурный, — наземная команда заняла свои места.

Я осмотрелся. Тысячи лиц глядели на нас. Вилвил и Орбе махали собравшимся. Они забрались на свои велосипеды и как раз привязывали себя страховочными веревками.

— Знаешь, — неожиданно произнес я. — Думаю, мне все же стоит остаться...

Шуга толкнул меня на место.

— Перестань, Лэнт. Хочешь, чтобы все подумали, будто ты трус?

Пурпурный стоял на корме лодки, для равновесия вцепившись одной рукой в снасти. Иногда он подавал команды наземной бригаде. Френ и его люди рассредоточены вокруг помоста. У каждого в руке был тяжелый нож. Каждый стоял возле своего причального каната.

— Порядок, — сказал Пурпурный. — Без сомнения, теперь порядок. Будьте наготове! Все веревки должны быть обрезаны одновременно! Поэтому ждите моего сигнала. Вы должны обрезать канаты только тогда, когда я крикну. Я начинаю обратный отсчет: готовы? Десять, девять, восемь...

— Шуга, дай мне выйти, — сказал я. — Я не собираюсь...

— Что?

— ...участвовать в авантюрах...

— Семь, шесть, пять...

— Шуга!

— Четыре, три... Пятьдесят ножей одновременно упали на канаты. Мы подпрыгнули вверх. Толпа восторженно закричала. Я завопил. Шуга вскрикнул и вцепился в меня. Лодка резко накренилась. Я ухватился за что-то, стараясь удержаться от падения. Раздался рвущийся звук — это оказался Шутин пояс... Мы образовали свалку на дне лодки. Я подтянулся, обрел сидячее положение и оперся о скамью лодки.

Пурпурный яростно ругался.

— Вы, идиоты с протухшими мозгами! Вы даже считать правильно не умеете! Я не успел даже кончить...

— Что кончить? — спросил я. — Три — это волшебное число, Пурпурный. Все заклинания начинаются с тройки.

Он с глупым видом посмотрел на меня, затем отвернулся, бормоча:

— Конечно, Пурпурный. Три — волшебное число, как ты можешь быть таким глупым...

Его слова унес прочь ветер. Я огляделся, Шуга с ужасом смотрел за борт.

— В чем дело? — спросил я.

— Мой волшебный пояс, болван! Ты разорвал его!

Я стал рядом с ним у перил. Лодка рискованно накренилась, но Пурпурный переменял свое место на корме, и нос выравнился. И вот впервые с начала подъема у меня появилась возможность взглянуть вниз. Там далеко внизу была скала, солнечный свет падал на нее под углом. Голубые тени протянулись в бесконечность. Крошечные человечки с каждой минутой делались все меньше и меньше. Я мог видеть помост, домашние деревья, пенистый край моря и его волнующуюся поверхность, простиравшуюся до края мира, с другой стороны виднелись горные пики. Мы летели даже выше их. Шуга смотрел вниз.

— Чем ты так расстроен? — спросил я. — Большинство твоих закипаний здесь, на дне лодки.

— Знаю, — ответил он. — Ты разорвал пояс и кое-что пропало. Пыль желания. Она будет висеть в воздухе над деревней много дней.

— Ну и ну! — сказал я. — И что из этого следует?

— Порошок. Ты помнишь пыль желания, направленную на Пурпурного?

— Когда ты уничтожил его яйцо?

— Так оно и есть. Я содрогнулся. Я все слишком хорошо помнил. Несколько раз вдохнув пыль, Пурпурный направился в деревню и там сделает с моей женой то, ради чего создаются семьи. Несколько раз.

— Я думаю, — прошептал Шуга, — я думаю...

— Ну, значит, мы обязаны вернуться, — заявил я. — Ты должен показать им, какие травы необходимо пожевать. В районе ведь нет другого волшебника. А там сейчас творится такое...

— Вернуться? — повторил Шуга. — Ты плутишь? Мы не можем спуститься на землю, пока газ не устанет от работы и не выберется из баллона. Кроме того, мы движемся строго на север...

Он был прав, конечно. Я оставил его и переместился на другую часть лодки. При каждом моем шаге лодка покачивалась.

Орбе крикнул Вивилу:

— Думаю, мы должны снова поставить киль.

— Да, действительно, — согласился тот.

— Нет, — возразил Пурпурный, — все, что нам надо — это переделать оснастку. Распределить ее шире вдоль лодки. Это...

— Что? — воскликнули сыновья.

Пурпурный вздохнул.

— Не обращайтесь внимания. В небе на такой высоте оказался сильный ветер. Скала Юдионы превратилась в черную точку на горизонте, под нами раскинулось разноцветное море. Его покрывали коричневые и черные пятна. В некоторых местах проглядывали рифы. Можно было разглядеть рожи затонувших деревьев, скальные скопления и даже высокие пирамиды,

посвященные Макс-Вотцу. Кое-где они торчали из воды. В тех местах, где таились водовороты, водная поверхность оставалась серой и пенистой.

Пурпурный поглядел на солнце и что-то отметил на шкуре, натянутой на раму. От центра шкуры к ее краям тянулись странные линии.

— Это заклинание, указывающее направление, — пояснил Пурпурный.
— Мы направляемся почти прямо на восток.

— Я и сам бы мог тебе об этом сказать, — удивился я.

— Каким образом? Я указал вниз. — Видишь вон ту полосу земли... Это дорога, по которой мы двигались во время нашего переселения. Она ведет точно к старой деревне.

— Да? — Пурпурный перегнулся через борт, стараясь собственными глазами увидеть ее. Я опасался за его равновесие. Но еще больше я опасался за Шугу, который поглядывал на нас мерцающими глазами. Пурпурный командовал:

— Вилвил, Орбе! Мы хотим изменить курс. Отвяжите воздухотолкатели!

Ребята кивнули и взялись за дело. Колесо с лопастями закачалось под поплавром. Потом с другой стороны опустилось другое. Я содрогнулся от этого зрелища. Ни за что не поменялся бы местами со своими сыновьями. Меня не затащишь туда, где ничего нет между тобой, морем и бездонной воздушной пустотой.

— Нам надо держать курс вон туда, — кричал Пурпурный. — Поверните к востоку на девять градусов влево.

Последних слов я не понял, но мальчишки, видимо, хорошо их поняли. Вилвил начал крутить педали назад, а Орбе — вперед. "Ястреб" медленно развернулся в небо. Лучи красного солнца пронизывали снасти, по нашим лицам качались тени. Пурпурный внимательно наблюдал за своей измерительной шкурой. На ее центре торчали маленькие палочки, и он следил за положением тени, которую она отбрасывала.

— Стоп! — закричал он. — Все в порядке! — Он помедлил, пока движение воздухотолкателей не прекратилось и снова проверил положение тени. — М-да, недостаточно, еще на десять градусов!

Когда они, наконец, направились в нужную сторону, он отдал еще один непонятный приказ:

— Скорость в одну четверть! Ребята начали напевать и крутить педали. Они сдвинули один из шкивов таким образом, что воздух от толкателей шел теперь в направлении кормы. А сами они сидели в направлении движения. Песня представляла собой набор рифмованных слов в определенном ритме, и они работали ногами в такт им.

Пурпурный немного понаблюдав за ними и опять начал разглядывать что-то за бортом.

Немного спустя он буркнул:

— Ага! — и выпрямился. — Мы на правильном курсе. Мы летим параллельно той полосе, которую ты указывал, Лэнт. Если ветер нам позволит, то постараемся лететь точно над ней.

Он снова прошел на корму и растянулся на койке из воздушной ткани.

— Знаешь, Лэнт, — воскликнул он, — если бы у меня не было дел и обязанностей в другом месте, я, может быть, поселился здесь. У вас очень спокойная жизнь.

— О, нет, Пурпурный, — возразил я. — Ты не был бы счастлив, живя с нами. Тебе лучше вернуться...

— Не бойся, Лэнт. Именно это я и собираюсь сделать. Но я говорю тебе, что действительно наслаждался жизнью здесь. — Он указал на свое брюшко. — Взгляни, я вроде потерял даже несколько фунтов.

— Лучше бы ты посмотрел на себя сзади, — пробормотал Шуга.

— Т-с-с, — пробормотал я, — нам придется пробыть вместе довольно долго. Постарайся, по крайней мере, сдерживаться.

— Из-за него?

— Тебе не надо было лететь, Шуга.

— Как не надо? Как же я иначе докажу...

— Ты просто не обращай внимания. Если не можешь сказать ничего приятного, то совсем ничего не говори. По крайней мере, пока мы в воздухе.

Шуга заворчал на меня и пошел вперед на нос лодки. Я устало опустился на кучу одежды и припасов. Немного понаблюдав, как сыновья крутят педали. Нелепое это было зрелище — велосипед так высоко в воздухе и совсем без колес, а они с таким упорством нажимают на педали, что я рассмеялся. Ребята посмотрели на меня, но продолжали работать. Скопление воздушных мешков над нами напоминало отдаленную скалу. Они были достаточно большими, чтобы покрыть нас, но недостаточно большими, чтобы подавлять. Ощущение такое, словно находишься под навесом, и в то же время — странная свобода.

Время от времени мальчики отдыхали и тогда становилось совсем тихо. Это было самой характерной особенностью воздушного корабля. В небе он никогда не трещал и не содрогался. Здесь совсем не было звуков, не считая, возможно, биения моего сердца.

Воздух был холодным, почти кусающим. Пурпурный достал несколько одеял и раздал их. Вилвил и Орбе одели дополнительную одежду. Она была прикреплена к снастям, так что ее можно было одевать при желании. У них были с собой пакеты сухарей и бутылки с водой. Они могли совсем

не спускаться в лодку, пока сами того не захотят. Последние лучи красного солнца окончательно исчезали за горизонтом.

— Они и в темноте будут крутить педали? — спросил я у Пурпурного.

— А как же! Все время, пока держится ветер. Кто-то должен продолжать крутить педали. Видишь ли, Лэнт, ветер дует на северо-восток. Если мы будем держать курс на запад, то компенсируем восток и нацелимся точно на север. Но ветер не прекращается, и следовательно, мы тоже не должны прекращать крутить педали. Единственной альтернативой является приземление, то тогда необходимо выпустить газ из баллонов.

— А ты не хочешь этого делать, верно?

— Верно. Ты знаешь, лодка может плыть и по воде, но я не хотел бы этим воспользоваться. К тому же, даже если мы спустимся на море, ветер все равно будет сносить нас. Поэтому нам придется оставаться в воздухе и крутить педали всю ночь. Выдержать направление мальчики смогут и сами. Пока мы остаемся над этой полоской земли, беспокоиться не о чем.

Песня и поскрипывание педалей производили в темноте жутковатое впечатление. Звуки, приходящие ниоткуда. К счастью, до голубого рассвета было немногим меньше часа — в это время года тьма долго не длится. За ней следовали семнадцать часов голубого дня, час двойного солнечного света и еще семнадцать часов красного дня. И опять темнота. Темнота постепенно будет расти, как и интервал света двух солнц. Дни одиночных солнц станут сокращаться, и светила все ближе станут подкрадываться друг к другу на небе, — к неизбежному красному соединению.

Мы летели по погруженному во тьму небу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Далеко на востоке горизонт озарился голубым сиянием. Позади нас поднимался голубой Оуэлс, чтобы вскоре выпрыгнуть из-за горизонта и залить мир ярким светом. Под нами чернела равнина моря, мрачная и морщинистая.

Вокруг завывал холодный ветер. Я поплотнее завернулся в одеяло. Лодка мягко покачивалась. Раздутые баллоны над головами казались неподвижными. Морское пространство под нами — неподвижным и плоским.

Мои сыновья упорно крутили педали. Я представил, как позади нас остаются потоки взбаламученного воздуха. Их работа сопровождалась ровным звуком, скорее ощутимым, чем слышимым — постоянная вибрация наполняла лодку.

А затем настало утро — пронзительное и голубое. Яркая точка Оуэлса появилась на краю мира. Пока Пурпурный отыскивал полосу земли под

водой, Вилвил и Орбе отдыхали. Ориентиром была цепь невысоких холмов, на фоне поднявшейся воды они должны были выделяться более светлой линией.

Сперва Пурпурный решил, что мы сбились с курса, но потом заметил холмы слева от нас. Должно быть во тьме ветер чуть-чуть стих. Мальчики не знали этого и продолжали крутить педали, и в результате мы отклонились немного к востоку. К счастью, ветер продолжил дуть на северо-восток, поэтому Пурпурный разрешил ребятам отдохнуть, пока мы опять не окажемся над нашим ориентиром.

Мальчики перебрались в лодку, но не отказались от своих страховочных ремней, пока не оказались в безопасности. Они жадно выпили пузырек пива, передавая его друг другу. А потом растянулись на обтянутых тканью рамах, заменявших на "Ястребе" койки. Через минуту они уже спали.

Я пробрался вперед между пакетов с припасами. Шуга только что улегся и зевал. Он приветствовал меня утробным ворчанием.

— Не спишь? — заинтересовался я.

— Конечно нет, Лэнт. В нашем распоряжении только час темноты. Я наблюдаю за лунами. Луны, — он раздраженно оскалил зубы, — мне нужны луны!

— Шуга, — сказал я. — Тебе не нужны луны...

— Да ну, ты видимо хочешь, чтобы я проиграл дуэль?

Я понял, что его не переубедишь.

— Иди на корму, — сказал я. — Иди на корму и поспи немного. Шуга пошарил у себя в рукаве, но нашел только отсыревший чесоточный шар.

— Проклятие, — пробормотал он. — Они его испортили. Детишки твои испортили мой шар! Я надеялся, что он высохнет, но...

Шуга пожал плечами и швырнул промокшую массу за борт.

— Я собираюсь спать, Лэнт, — буркнул он и поковылял прочь.

Я пробрался на самый нос лодки и выглянул. Вид отсюда не загораживали ни балконы, ни снасти. Я летел над серебристо-голубым морем. Казалось, я плыву в тишине. Спокойствие было подавляющим, оглушающим. Воздух был свежим и в то же время теплым. Голубой Оуэлс уже разогревал воздух.

— Красиво, не правда ли? Я оглянулся. Сзади ко мне подошел Пурпурный. Он положил руки на перила и разглядывал голубой океан.

— Мне кажется, что все меняется, — сказал он, — изменяется свет солнца, меняется и цвет воды.

Я кивнул. Я еще не чувствовал себя расположенным к разговору. Кости все ныли от ночного холода, солнце еще только начинало изгонять его.

— Лэнт, — попросил Пурпурный, — Расскажи еще раз о своем путешествии. Я пытаюсь подсчитать, как далеко вы ушли и сколько мне понадобится времени, чтобы преодолеть это расстояние на летающей машине.

Я вздохнул. Мы говорили об этом уже много раз. Именно на основании рассказа о нашем переселении Пурпурный подсчитал количество баллонов и необходимых припасов.

— Мы шли сто пятьдесят дней, Пурпурный. Мы двигались по той цепочке холмов, потому что море очень быстро поднималось.

Он кивнул.

— Хорошо, хорошо, — затем замолчал и углубился в свои мысли, точно производил в голове подсчеты. Немного погодя он снова принес свою измерительную шкуру и снова начал глядеть на солнце.

— Мы опять уклонились от нашего курса, — сказал он озабоченно. — Лучше разбудить мальчиков.

Вскоре я почувствовал вибрацию от возобновивших свое вращение велосипедов. Я пробрался на корму, чтобы разделить с Пурпурным завтрак — мое первое принятие пищи на борту воздушного корабля. Шута громко храпел на своей койке. Пурпурный откусил от кислой дыни, а потом сказал:

— Иногда я удивляюсь, Лэнт, почему вы зовете меня Пурпурным?

— Как? Разве это не твое имя? Он поднял голову.

— Что ты имеешь в виду? Я знаю, это слово означает мое имя на вашем языке, но когда мое говорящее устройство оказалось уничтоженным, я обнаружил, что это же слово обозначает на вашем языке яркий пурпурный цвет.

— Но ты же сам давным-давно сказал мне, что это твое имя...

— Не говорил я такого. Это не так.

— Как же не так? Но... я подумал, что это твое имя.

— А-а! — протянул он, — говорящее устройство... Как будто этим все объяснилось. — Да, Лэнт, иногда у нас бывают неприятности из-за говорящих устройств.

— Я тоже так подумал, — согласился я, — иногда приходилось сомневаться, правильно ли оно работает. Порой оно говорило очень глупые вещи...

— И что же оно говорило?

— Говорило о пылевых облаках, других солнцах...

— Я имею в виду мое имя.

— О, оно сказала, что твое имя — как цвет — оттенок пурпурно-серого. Мы подумали, что это очень странно.

Пурпурный казался сконфуженным. Он смахнул остатки дыни с подбородка.

— Как цвет оттенка пурпурно-серого. Не вижу каким образом... Но тут его глаза вспыхнули. На лице появилось восхищенное выражение. — Так то же игра слов! Игра слов! Конечно! Конечно! Попался же переводчик, который конструирует двуязычный каламбур. Как цвет оттенка пурпурно-серого. Как розоватого либо лиловый. Нет, как интересно!

Я с недоумением глядел на него. Пурпурный объяснил:

— Он, должно быть, попытался перевести отдельные слоги моего имени на ваш язык.

— Тогда имя Пурпурный — не настоящее твое имя?

— Нет, конечно, нет. Это просто плохой перевод. Мое же настоящее имя...

Он произнес свое имя на демонском языке. Я почувствовал, как холодный озноб прошел у меня по позвоночнику. Ничего удивительного, что первое проклятие Шуги не получилось — он использовал неправильное имя!

Храпение Шуги позади нас прекратилось. Он лежал на спине, вместо глаз узенькие щелочки.

Интересно, слышал ли он наш разговор?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ветер прекратился совершенно. Пурпурный дал сигнал Вилвилу и Орбе отдохнуть, пока он снова не замерит в этот раз точное положение солнца.

— Это очень трудно, — признался он, — здесь нет Полярной звезды, и даже магнитный компас мало помогает. Я должен, в основном, полагаться на солнца, чтобы узнать где мы находимся.

Ребята снова перебрались в лодку, жадно глотали пиво и жевали сухари.

— Отдохните, — говорил им Пурпурный, — раз мы попали в штиль, то нечего беспокоиться, что мы отклонимся от курса.

Мальчишки прилегли вздремнуть. Шуга оставался на носу лодки, решив помолиться Макс-Вотцу и попытаться выпросить у него ветер.

А Пурпурный полез на снасти, чтобы проверить свои баллоны. Я тоже прошел на нос. Путешествие начинало становиться скучным. Делать здесь было совершенно нечего, только сидеть и смотреть вокруг и вниз. Шуга покончил со своей молитвой и опустился на скамью. Он принялся распаковывать свое волшебное оборудование.

— Вонючие подонки, — поминал он своих подмастерьев. — Забыли полсжить мою флейту.

— Ты должен радоваться, что у тебя вообще есть подмастерья, — сказал я. — С недавних пор мало кого на это тянет. Большая часть молодежи деревни желает стать либо ткачами, либо производителями электричества. Немногие стремятся следовать старым обычаям.

— Хм! — фыркнул Шута. Он поглядел на меня, — и что они будут делать теперь, когда воздушная лодка закончена, а? Спроса на воздушную ткань больше нет, генераторы крутить ни к чему. Вот и получается, что работы у них тоже нет.

— Ну, не знаю, — ответил я. — Недавно я слышал, как Леста и Гортин обсуждали возможность постройки еще одной летающей машины. Большие этой. Чтобы доставлять из деревни товары на материк и обратно.

— Это вполне вероятно, — пробурчал Шута. — Но у меня пока что есть дураки-помощники. И они забыли положить в мой мешок саранчу и мои трубы...

— Значит ты плохо учил их, — сказал я. — Со своими у меня неприятностей не было.

— Хм, не так это легко, как ты думаешь, Лэнт, научить стать волшебником. Как вспомню свою учебу...

И он замолчал.

— В чем дело? — спросил я.

— Лэнт, ты прав. Я мало их бил.

— Не понимаю.

— Конечно. Учить волшебника это совсем не то, что учить резчика или ткача. Ученика надо бить три раза в день, чтобы он не стал самодовольным. Затем ты должен бить его еще три раза, чтобы он захотел слушать, и еще три раза, чтобы внушить к себе страх — пусть они будут недовольны своей жизнью, пусть даже восстанут разок против тебя.

— Что-то слишком много битья, — заметил я. Шута кивнул.

— Это необходимо. Вечное величие волшебника прямо пропорционально количеству побоев, которые он перенес.

— Твои годы учебы, должно быть, были ужасными...

— Так и было. Мне повезло остаться в живых. Старик Алгер не шел отдыхать, пока не выбивал из меня все недовольство. Мы смастерили на него около сотни различных волшебных ловушек, и ни одна не сработала — он все их разгадал.

— Ты хочешь сказать, что ученик волшебника должен стараться убить своего учителя?

Шута кивнул.

— Конечно. А как же ты узнаешь, что ты лучше, чем он. Это необходимо, ученики всегда стараются так поступить. Потому что это

самый короткий путь к величию. И это проще, чем ждать нормального посвящения.

— Но Шуга, — забормотал я. — Значит твои ученики тоже постараются убить тебя.

— Конечно. И я этого жду. Но я умнее и искуснее, чем любой из них, чем оба вместе взятые. Насчет их я не беспокоюсь. Они до сих пор даже не выучили, как проклясть родных. Каждый раз, когда покушение у них срысывается, я их сурово наказываю. Таким образом, они получают очередную порцию вдохновения. И в следующий раз все стараются сделать лучше. А значит, учатся планировать более тщательно. Но, конечно, у них опять не получается. Они очень стараются, и вот такое состязание приносит много радости волшебнику. Кто кого перехитрит.

Я покачал головой. Я много не мог понять в жизни, в том числе и этого.

Я пошел на корму, немного вздремнуть. Лодка, подвешенная на раздувающихся баллонах, мягко покачивалась, и через мгновение все заботы волшебников уплыли прочь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мы провели час темноты в дрейфе, собравшись все пятеро на дне лодки. Вести наблюдение смысла не было — почти ничего не было видно, кроме черной воды. Немного погода Пурпурный поднялся и завернулся в одеяло. Мы слышали, как он бродит взад-вперед по корме, ощущали сквозь тонкие доски палубы его шаги.

— Он беспокоен и нетерпелив, — прошептал Орбе.

— Будем надеяться, что ветер повременит немного, — сказал Вилвил.

— Слишком холодно, чтобы влезать и крутить педали.

Я высунулся из-под одеяла. Пурпурный глядел вверх, на баллоны. Они были пугающе высвечены и ярко сверкали в темноте. Пурпурный что-то бормотал об утечке водорода. Орбе и Вилвил переглянулись.

— Он не хочет приземляться, — сказал один.

— Придется, — ответил другой. — Если надо будет подкачать баллоны. Но без этого не обойтись.

Я содрогнулся. Под нами слышался плеск волн, случайные всплески и стоны пещерной рыбы. Лучше бы нам совсем не приземляться, подумал я. Хотя, если водород утекает, то выбора тут не осталось.

Я тосковал по огню, благословенному теплу. Но Пурпурный ничего такого не позволит — ни пламени, ни делающего искры устройства любого вида. Ничего, что могло бы угрожать неистово взрывающему водороду. Если бы мы не прихватили с собой солидный запас пива, то были бы теперь

вдвойне более несчастными и вдвойне промерзшими. Мы с Шугой то и дело передавали друг другу кувшин. А когда немного погода появилось солнце, то мы уже вообще ни о чем не тревожились.

Пурпурный вновь высмотрел наш ориентир. Вилвил и Орбе забрались на велосипеды. Они развернули "Ястреб" в нужном направлении и начали крутить педали. Пурпурный вернулся на свое место на носу лодки и захрапел, как пробудившаяся гора.

Шуга опять погрузился в угрюмость. Несколько раз во время темного периода он высовывался из-под одеяла, но лун все еще не было видно. В первое темное ненастное время небо затянул туман. Во второй раз было ясно, но луны не показывались.

Шуга был раздражен и растерян: это был знак Гафьи — знак того, что все боги отказываются слушать. Но Шуга был непреклонен. Он забрался на снасти, на небольшую платформу, которую Пурпурный назвал "воронье гнездо" и мрачно сидел там.

Позже, когда Пурпурный проснулся, то поинтересовался, отчего это Шуга такой хмурый. Я рассказал, что это все из-за лун. Шуге нужны луны, но он не может их увидеть. Я, правда, не стал объяснять, для чего именно нужны луны.

Пурпурный окликнул:

- Шуга, спускайся, я тебе объясню насчет лун.
- Ты? — фыркнул он. — Ты мне объяснишь насчет лун?!
- Но могу же я тебе о них рассказать, — настаивал Пурпурный.
- Послушать не вредно, — согласился я.
- Хм, — ответил Шуга, — ты что в этом понимаешь?

Но все же спустился. Пурпурный снова достал шкуру животного и начал рисовать на ней линии.

— Прежде чем опуститься на летающем яйце к вам, вниз, я изучал пути ваших лун. Скорее всего, что они — осколки одной большой луны, но остались вместе на орбите. По крайней мере, сейчас они все вместе. И полагаю, бывают периоды, когда они отстоят далеко друг от друга.

Шуга кивнул. Все было правильно.

— Они часто меняют свою конфигурацию, — сказал он, — они проходят раз за разом ряд близких конфигураций, меняющихся с потерей каждой луны.

— Ага, — произнес Пурпурный. — Конечно, они влияют друг на друга. Одни отстают, другие выхватываются из потока обломков, которые следуют за ними на вашей весьма своеобразной орбите.

Я перестал слушать и побрел на нос корабля. Я не волшебник, и этот разговор мне быстро наскучил. Позднее, я заметил, Шуга брал волшебную

карту Пурпурного и с интересом ее разглядывал. В глазах его сверкал яростный блеск, и он бормотал что-то угрожающее.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Третий голубой рассвет застал нас всего в нескольких человеческих ростах над водой. Огромные волны пронеслись под нами, вода вздымалась и опадала в постоянном беспокойном движении. Взираясь на свои велосипеды Вилвил и Орбе ворчали из-за отсутствия высоты.

— Ветер эффективнее толкает нас, когда мы выше, — ворчал Орбе.

Пурпурный задумчиво кивал. Он поглядывал на баллоны. Я же беспокойно косился вниз. Поверхность воды была пенистой и черной. Я видел волны, ощущал запах влаги в воздухе. Мы уже два дня упорно продвигались на север, подгоняемые иногда ветром, иногда воздухотолкателями. Если машина опускалась слишком низко, Пурпурный высыпал песок из балластных мешков, и мы снова поднимались. Но теперь оставался только один мешок с песком, и Пурпурный начинал беспокоиться. Он регулярно осматривал баллоны, начиная еще с первой ночи. Ему приходилось периодически взбираться на снасти и щупать их, затем он опускался, цокая языком и качая головой. Сейчас воздушные мешки опали, мы это видели, даже не поднимаясь на снасти.

Пурпурный провел все утро, склонившись над перилами и пытаясь оценить расстояние до воды под нами. Я и сам проводил долгие часы, склонившись над перилами, но что толку было в созерцании воды? Постоянная смена высоты начала меня нервировать — как и постоянные неритмические колыхания лодки и тревожные раскачивания, когда кто-то менял положение.

Размышления Пурпурного натолкнули его на идею, как измерить нашу высоту. Он должен уронить какой-нибудь предмет и засечь время, за которое тот упадет. Это можно делать даже в темноте, если внимательно прислушиваться к всплескам.

Поэтому после самых последних расчетов, основанных на падении кислой дыни, Пурпурный объявил, что мы очень быстро теряем газ и должны подкачать баллоны как можно скорее. Затем он снова взобрался на снасти, а Вилвил и Орбе оседлали велосипеды. К счастью, добавил Пурпурный, после посадки пропеллеры будут уравнивать нас и направлять в нужную сторону.

Он начал развязывать шейку одного из баллонов. Теперь Пурпурный висел на веревках над нами — пухленький, на фоне обмякших мешков, и продолжал отдавать распоряжения.

— Лэнт, Шуга, подтяните вон ту веревку! Я должен отвести баллоны в сторону. Вилвил, замедляй ход! Орбе, крути назад! Вот так! Держите курс!

Он осторожно манипулировал похожей на шланг шейкой мешка, понемногу стравливая газ. Мы начали спускаться. Пурпурный выпустил еще немного газа, завязал шейку баллона, вскарабкался на снасти к другому мешку. Мы продолжали спускаться.

— На какой мы высоте? — спросил Пурпурный.

Я выглянул за борт. До воды осталось меньше одного человеческого роста. Пропеллеры уже задевали за гребни волн, погружаясь и выныривая, оставляя за собой пенный след.

— Лэнт, проверь, чтобы руль лодки стоял прямо, — кричал Пурпурный.

Я шатаясь прошел на корму, где был смонтирован руль. Он тоже был изготовлен из уплотненной воздушной ткани, натянутой на раму. Я поставил его прямо и обвязал веревкой, чтобы зафиксировать в таком положении.

— На какой мы высоте? Я снова выглянул. Мы все еще находились на высоте человеческого роста от воды. Почему — то снижение прекратилось. Пурпурный выпустил еще немного газа. Мы снижались, снижались и... плух! Шлепнулись в воду. Немного погрузились, всплыли и пошли вверх, вниз, скакать по верхушкам волн.

Вилвил и Орбе по-прежнему крутили педали. Удивительное дело, воздухотолкатели продолжали взбивать позади нас пену, и мы устойчиво двигались вперед. Воздухотолкатели работали и в воде! Ну и чудесным же устройством они оказались!

Пурпурный сбросил узкие рукава воздушных мешков так, чтобы они свисали в лодку. Господи, шестнадцать длинных шлангов. Я посмотрел вверх и подумал о брюшке молочного животного. Пурпурный освободил деревянную раму, которую для него смастерил Пэри Плотник. В ней был сделан паз для батареи. Два медных провода выходили через отдельные прорези. Один из них скрывался в глиняной воронке. Пурпурный подсоединил к ней первый шланг. Затем подвесил все сооружение за бортом, так чтобы провода и труба погрузились в воду. Отрегулировал свою батарею, и от кислородного провода донеслось знакомое яростное бульканье. Мы не могли видеть пузырей от другого провода — он находился внутри воронки. Но мы увидели, как мягко разбухла шейка мешка. И знали, что по ней устремился газ.

И тут же раздался вопль Орбе:

— Эй! Эй! Мы снова поднимаемся! Так и есть, мы поднимались. Раздражающее покачивание лодки на волнах прекратилось. Мы находились

в воздухе. Перегнувшись, я видел, как по поверхности воды скользнула наша тень. Теперь только пропеллеры задевали волны. Но вскоре и они оказались над водой.

— Проклятье! — сказал Пурпурный, — об этом я как-то не подумал! Ветер гнал нас вперед.

— Что нам теперь делать? — спросил я. Пурпурный отключил батарею.

— Подождем.

— Но в баллонах едва хватает газа, чтобы держать нас на весу. Мы шлепнемся на воду через пять минут.

— Я знаю, Лэнт. Именно на это я и рассчитываю.

Он начал оглядываться вокруг. Сдвинул в сторону зарядную раму, начал перекладывать с места на место запасы на дне лодки, развязывая упаковки из воздушной ткани.

— Найдите мне ведро, — потребовал он.

Ведро находилось на носу лодки. Мы использовали его для умывания, и сейчас оно было пустым. Мы подождали, пока Шута сходил за ведром. Вскоре мы опять начали цепляться за верхушки волн. Пурпурный перегнулся через перила с ведром, вытащил его наполовину наполненное и вылил в лодку. Потом снова перегнулся за борт. Когда в лодке оказалось десять ведер воды, мы снова запрыгали по волнам. Следующие десять, и мы погрузились еще больше. Еще десять — и мы уверенно поплыли, раскачиваясь вверх-вниз, вверх-вниз.

— Нам нужен балласт, — заявил Пурпурный. — А здесь больше ничего нет, что можно использовать.

Он посмотрел за борт, прикидывая, на сколько лодка погрузилась в воду. Потом налил в нее еще пятнадцать ведер, прежде чем удовлетворился результатом. В самом глубоком месте в лодке вода стояла нам по колено.

Пурпурный снова взялся за батарею и начал прилаживать зарядное устройство за бортом.

— Э, что я делаю? С тем же успехом сойдет и эта вода...

Он сел на скамью и опустил устройство перед собой. Пошли пузыри. Пурпурный засиял от удовольствия. Мы были в восторге. По сторонам плескался беспокойный океан. Если делающая газ магия перестанет работать, то мы окажемся здесь в ловушке — крошечный корабль, отдаленный от берегов и отданный на волю волн, который несло по равнодушному миру.

Испытывает ли Пурпурный чувство тревоги или нет, я не знал. По-видимому он был полностью уверен в силе своей батареи и работал спокойно. За семь часов он подкачал все шестнадцать баллонов. Теперь они висели над нашей головой плотные и раздутые. Несколько раз мы

доливали в лодку воду, чтобы скомпенсировать их растущую подъемную силу. В ней сейчас было больше сотни ведер воды. Наконец, Пурпурный завязал шейку последнего баллона и начал отсоединять от батареи провода. При этом он задумчиво поцокал языком.

— Гм-м, мы использовали больше энергии, чем я планировал. Нам придется впредь быть более экономными.

Он отложил устройство в сторону и принялся собирать пустые балластные мешки.

— Наполните их водой, — сказал он, — мы используем их вместо песка в качестве балласта.

Пока мы с Шугой делали это, он принялся выливать воду из лодки. После пятнадцатого ведра лодка стала сильно раскачиваться на волнах. Еще несколько ведер, и мы зашлепали по их верхушкам. Волны разбивались о днище. Еще несколько минут — и мы надежно летели, а вода безопасно виднелась под нами.

— Мы уже в воздухе? — спросил Пурпурный у Вилвила. Тот кивнул в ответ.

— На половине человеческого роста. Он и Орбе опять сидели на своих велосипедах, ровно крутя педали и заставляя воздушотолкатели выдерживать заданный курс. Пурпурный выплеснул последнее ведро и выпрямился.

— Хочешь я буду вычерпывать? — предложил я. Он покачал головой.

— Больше не надо, Лэнт. — И отложил ведро в сторону.

Пока я недоуменно почесывал голову, он повернулся к инструментальному ящику "Ястреба", вытащил оттуда дрель и просверлил несколько дырок в днище корпуса. Это заняло несколько минут. Затем он выпрямился горделивый и промокший. Почти тут же Орбе воскликнул:

— Мы снова поднимаемся! Действительно, мы поднимались. Океан отдалялся со все возрастающей скоростью. Вода выливалась из отверстий и постепенно ее в лодке становилось все меньше и меньше. Я возбужденно перегнулся через перила.

— Смотри, вода работает так же, как и балласт из песка, — сообщил я, — когда ты его выбрасываешь, лодка поднимается.

— Конечно, болван! — бросил Шуга. — Это же часть балластного заклинания.

— Это вес, Лэнт, — вмешался Пурпурный. — Ему безразлично, из чего состоит твой балласт. Уменьшение веса заставляет лодку подниматься.

— Хорошо придумано, — похвалил Шуга. — Балласт удаляется сам собой. Никаких толчков, никакой качки.

— Спасибо, — просиял Пурпурный. Это был первый комплимент, который он когда-либо слышал от Шуги. Затем он проверил наш курс. Ветер дул почти точно на север, поэтому ребята могли отдыхать или подталкивать лодку в том же направлении, как им захочется.

Они выбрали отдых и растянулись на поплавках. Пурпурный как мог выжал одежду и снова полез на снасти. Он закрепил рукава воздушных мешков, которые все еще свисали вниз. К этому времени из лодки вытекла вся вода, он спустился вниз и заткнул пробкой дыру в лодке.

Опять море поблескивало далеко под нами. Казалось, мы находимся еще выше, чем раньше. Когда мы сбросили за борт кислую дыню, она превратилась во все уменьшающееся пятнышко и исчезла без всплеска.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Мы провели наверху остаток этого дня и большую часть следующего, прежде чем нам пришлось снова выбрасывать балласт. Пурпурный всегда ожидал, прежде чем мы опустимся ниже определенного уровня, и только потом что-нибудь выкидывал. Иначе, — говорил он, — мы только напрасно теряем груз.

— Надо стараться держаться наверху как можно дольше, — объяснил Пурпурный.

Мы стояли на носу лодки, глядя вперед и вниз, на зеркальную воду. Все вокруг было голубым и красным в сказочном великолепии двойного солнца. Наверху массивные облака закрывали половину неба. многоцветные солнечные лучи раскрашивали их яркими красками. Пурпурный поглядывал на них с некоторым беспокойством.

— Надеюсь, погода не изменится, — пробормотал он.

Голубое солнце помедлило над горизонтом и исчезло, оставив мир, погруженный в розовый цвет. Тишина наверху была абсолютной. Только еле слышно поскрипывали передачи велосипедов, да бормотал на носу лодки Шуга, пытаясь своими заклинаниями изменить направление ветра. Он снова дул на северо-восток, и мальчики педалями выправляли направление движения на север.

— Как ты думаешь, сколько времени продлится путешествие? — спросил я.

Пурпурный пожал плечами.

— Я прикинул, что мы проходим по пятнадцать, может быть двадцать миль в час в нужном направлении. Если бы ветер все время дул на север, мы проделали бы все пятнадцать сотен миль за три дня. Но к несчастью,

Лэнт, ветры над океаном дуют большей частью беспорядочно. Мы летим уже три с половиной дня, но все еще не видно никакой земли.

— Мы потеряли почти целый день на штить, — возразил я. — И это нам только помешало.

— Верно, — согласился он, — но я надеялся...

Он вздохнул и сел на скамью. Я сел напротив него.

— Но я не понимаю, почему ты ведешь себя так нетерпеливо. Твой испытательный полет занял почти столько же времени.

— Да, но нас занесло очень далеко. Ветер тогда дул на запад и нас уволокло за горы. Все три дня мы потратили только на то, чтобы добраться назад.

— Вы боролись с ветром?

— Нет. К тому времени он утих. Но нам пришлось выяснять, каким образом лучше управлять лодкой в воздухе и еще нам надо было доказать Шуге, что его паруса бесполезны. Потребовалось почти целый день на то, чтобы испытать их, но Шугу все равно не удалось убедить. Он заставлял нас возиться с парусами снова и снова. Он продолжал настаивать, что воздушотолкателям необходимо что-то, от чего можно отталкиваться. И все-же паруса были подняты, — продолжал Пурпурный, — нас сносило ветром все дальше и дальше, потому что бороться с ним было бесполезно. Шуга не позволил снимать паруса, и возникла угроза того, что нам вообще не удастся вернуться домой. Пока мы урезонивали его, прошло много времени.

— Но ведь не все же это время вы были над островом, правда?

— Нет, конечно. Как раз когда мы начали крутить педали домой, мы находились вблизи материка. Там на пляже собралась очень возбужденная толпа, но мы не стали приближаться.

— Хорошо, что не стали. Они могли закидать вас камнями, если не хуже...

Я начал пересказывать ему то, что говорил мне Гортин о жителях материка. Но мои слова перебил отдаленный кашель Элкина. При этом звуке Пурпурный вздрогнул. Глаза его расширились.

— Гром! — воскликнул он.

— Гром, — согласился я. — И что с того?

— Гром означает дождь, молнию, Лэнт. Он вглядывался вперед, подставляя руку к глазам. Его глаза лихорадочно шарили по небу и облакам цвета крови. Он не увидел того, что искал, нервно отступил назад, глядя на воду. Потом решил для лучшего обзора взобраться на снасти. Тут раздался другой грр-у-у-мп! На этот раз заметно ближе. Пурпурный не

стал ждать третьего капля Элкина, а мигом взлетел на самый верх и принялся развязывать рукава воздушных мешков.

— Ты что? — закричали мы с Шугой.

— Буря, — прокричал он в ответ. — Забирайтесь сюда и помогите мне. Вилвил, Орбе — вы тоже.

Мои сыновья тут же покинули поплавки и начали взбираться наверх.

— Не понимаю, — недоуменно пробормотал я, — где тут опасность?

— Молния! — прокричал Орбе. Он был уже на снастях.

— Ты хочешь сказать, что молния ударяет в воздушные мешки тоже?

— Особенно в воздушные лодки! Вспомни, что случилось с домашним деревом Пурпурного. Мы должны спуститься и выпустить весь водород из воздушных мешков. Малейшая искра и мы взорвемся.

Ему не надо было растолковывать дальше. Я полез вслед за Вилвилем по веревкам. Шуга — за мной. Лодка угрожающе накренилась.

Пурпурный уже развязал три мешка и трудился над четвертым. Сверкнула вспышка света, раздался еще один оглушительный хлопок. Все произошло как раз под нами. Мы двигались прямоком в самый шторм. Пурпурный злобно бормотал:

— Проклятый мешок... я должен был предусмотреть аварийный выпуск газа. Орбе, слишком медленно... нам никогда не выпустить весь газ через рукава. Эй, кто-нибудь, лезьте сюда с ножом.

— Надо продырявить баллоны и спустить газ... Потом мы их залатаем...

— Нет, не сейчас, — завопил я. — Если ты прорежешь дырки сейчас, мы упадем в воду.

— Не сейчас, — закричал Пурпурный. — Когда мы опустимся на воду. Мы не можем рисковать, дырявя баллоны в воздухе, они могут лопнуть...

Он развязал следующий рукав. Уже шесть шлангов свободно болтались, бурно отдавая драгоценный водород. Еще одна вспышка резко высветила контуры нашего судна. Звук подстегнул нас, заставив действовать еще быстрее. Черная вода внизу неслась к нам с пугающей быстротой.

— Завязывай баллоны, — закричал Пурпурный. — Нужно замедлить наш спуск!

Орбе рискованно раскачивался на снастях. Вилвил с ним рядом. Шуга цеплялся за ограждения "вороньего гнезда". Мы с Пурпурным тоже цеплялись за снасти. И все отчаянно ловили раскачивающиеся рукава...

Ветер выл и свистел. Я подтянул к себе шланг из воздушной ткани и обернул его вокруг тела. Раскачиваясь на снастях я пытался поймать следующий рукав.

— Не надо, — закричал Пурпурный, — подожди! Случайный момент спокойствия, сквозь которое мы падали, через разгневанное небо. Но все

еще слишком быстро, кажется, мы вообще не затормозились. Новый удар грома совсем близко от нас, вспышка ослепительной яркости...

Пурпурный был мрачен и суров. Он глядел на приближающуюся воду без всяких эмоций. Уж не ошибся ли он? Не слишком ли сильно мы ударимся о воду?

Образ раскалывающейся воздушной лодки заполнил мое воображение... И зачем я только отправился в это рискованное путешествие?

— Балласт! — закричал Пурпурный и сиганул со снастей. На мгновение я подумал, что он сорвался, но при следующей вспышке я увидел его, волокущего к борту балластный мешок. Вилвил тоже был уже там и как раз опорожнял свой.

— Я помогу, — завопил я. Но Пурпурный закричал:

— Оставайся на месте, Лэнт! Так будет безопаснее. Завязывай баллоны. Не спускай больше газа, пока я не скажу.

Он неистово заметался по лодке, ища что можно еще выбросить из лодки.

— Что это? — спросил он.

— Это мои паруса, — завопил Шуга со снастей.

— Отлично! — Пурпурный приподнял их и перевалил за борт. Шуга наверху разразился проклятием, но его заглушил грохот разбушевавшейся стихии. За парусами последовали запасные балластные мешки, а также запасы пищи и воды.

Вилвил уже вылил весь балласт и теперь торопливо помогал Пурпурному. Мы все еще падали. Болезненное ощущение в глубине желудка подсказывало, что мы на волосок от смерти. Пурпурный приказал мне освободить рукав воздушного мешка, но не развязывать его. Что он задумал? Пурпурный подхватил его, как только тот упал, прицепил к своему зарядному устройству. Между его ногами был зажат балластный мешок, он погрузил устройство в воду. Я заметил, что он перевел батарею на максимальную скорость отдачи энергии. Сильная струя газа устремилась вверх по рукаву. Мешок резко раздулся. Пурпурный махнул Вилвилу.

— Поднимайся на снасти, там будет безопаснее! Я видел длинные полосы пены под нами. Мы падали уже немного медленнее... море казалось черной стеной. Я уже мог различить отдельные волны... Кр-а-а-к! Лодка упала с силой, расплескав воду во все стороны. На одно мгновение все веревки провисли. Затем они вновь натянулись, когда баллоны устремились в небо.

Позади меня раздался вопль... Шуга! Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Орбе свалился в воду. Но он почти сразу же вынырнул

на поверхность и поплыл к поплаву. Витвил начал спускаться со снастей, чтобы посмотреть, все ли в порядке с Пурпурным, но волшебник закричал:

— Баллоны, баллоны! Выпускайте весь оставшийся газ!

— Тогда тебе лучше отключиться, — заметил Пурпурному Витвил.

Пурпурный вздрогнул и увидел свою батарею в луже воды. Лужа кипела. Он завопил и прыгнул к батарее. Лодка закачалась, когда в нее взобрался Орбе. Он сразу же полез на снасти, и тут же остановился.

— Подождите! — закричал он. — Не выпускайте газ!

— Как? — завопил Пурпурный. — Ты что...

Я тоже остановился. Послышался отдаленный грохот грома. Он слышался далеко позади нас.

— Шторм кончился, — сказал Орбе, — мы прошли сквозь него.

— Мы упали сквозь него, — уточнил Шута. Он начал спускаться. "Воронье гнездо", за которое он держался, было перекошено и помято.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Набегавшая волна поднимала и опускала нас. Лодка держалась на воде, накренившись. Один из поплавков наполовину оторвался. предстояло прикрепить его снова, прежде чем мы рискуем еще раз подняться. Этим как раз сейчас и занимались мои сыновья.

Баллоны, сейчас почти полностью пустые, висели над нами. В них едва хватало газа, чтобы поддержать собственный вес.

Мы провели на воде уже половину дня. Красное солнце спускалось на западе. День уже начал темнеть. Пурпурный мрачно сидел на корме лодки со своей батареей и зарядной рамой. Шута нехотя вычерпывал воду из лодки. По-видимому, в ней где-то образовалась пробоина.

Я, спотыкаясь и пошатываясь, пробрался на корму.

— Насколько скверно наше положение, Пурпурный? Он покачал головой.

— Неважное. Я потратил ужасно много энергии.. пытаясь подкачать баллоны.

— Но тебе пришлось... у тебя не было выбора...

— Я не должен был так паниковать. Я так испугался, что в нас может ударить молния, что начал выпускать газ слишком быстро. А потом пришлось израсходовать слишком много энергии, пытаясь это возместить. Я не думаю, что вел себя наилучшим образом. Появился пар, и я уверен, что какое-то количество кислорода смешалось с водородом.

Он посмотрел вверх, на обвисшие мешки.

— Боюсь, что это конец нашего путешествия, Лэнт. Я огляделся.

К счастью Шуга и мальчики не слышали его слов. Или не подали вида, что слышали такую ужасную речь.

— У тебя совсем нет энергии?

— Есть немного, но я не уверен, что ее хватит, чтобы снова наполнить баллоны.

— Это можно узнать только одним способом... Пурпурный кивнул.

— Да, конечно, мы должны попытаться это сделать, правда придется сохранить немного энергии, чтобы вызвать мое летающее гнездо. Но я не уверен, что у меня хватит энергии и на то и на другое.

Он задумчиво поскреб волосы на подбородке. Я подумал:

— А почему бы еще раз не использовать балластное заклинание. Выбросить что-нибудь. При этих словах он начал было отрицательно качать головой, но затем...

— Подожди, ты прав, мы можем значительно облегчить нашу лодку. Как мне кажется мы недалеко от земли.

Он встал и начал осматриваться, прикидывая, что бы выбросить за борт. Вытащил узел...

— Что это?

— Запасные мешки. Орбе нашел их плавающими на воде.

— Ага! Он вывалил их обратно за борт.

— Сожалею, Лэнт, — сказал он, глядя на мое растерянное выражение.

— Но сейчас у нас такое же положение, как и тогда, когда мы падали. Или мы — или они. Так, что... что там?

— Пузыри с пивом, водой, кислые дыни, сладкие дыни, копченая пицца... Пурпурный, что ты делаешь?

— Выбрасываю все это за борт, Лэнт. Мы набрали продовольствия на три-четыре недели. Нам это никогда не понадобится. Я оставлю запас на два дня.

Он принялся выталкивать пакеты за борт.

— Только не его! — кричал я, но было уже поздно, кувшины с пивом исчезли за бортом.

Мы двигались вдоль лодки, выкидывая разнообразные предметы, без которых как мы считали, мы можем обойтись. Море колотилось вокруг нас, раскачивало лодку, унося прочь наши сокровища. Нашу пищу. За пищей последовали одеяла — все, кроме трех, насчет которых Пурпурный согласился, что они могут понадобиться. Он поднял изогнутый инструмент.

— Орбе, мы обойдемся без него? — Орбе кивнул.

— Хорошо, — сказал Пурпурный. Инструмент шлепнулся за борт, а он двинулся дальше.

— А это что за хлам?

— Нет! — завопил Шуга, — не трогай! Это мое оборудование для заклинаний.

— Ради бога, Шуга, что важнее, твоя жизнь или твои заклинания?

— Без моих заклинаний для меня не будет жизни, — резко ответил волшебник.

На мгновение мне показалось, что Пурпурный не задумываясь выбросит за борт и Шугу. Но вместо этого он швырнул мешок ему назад.

— Ладно, может быть для тебя это так же важно, как для меня моя батарея. Он достаточно легок, так что не имеет значения. Держи его.

Шуга поднял мешок и начал заботливо проверять сохранность содержимого.

Пурпурный прошел вперед и начал опустошать маленькую камеру на носу лодки, затем в лодку перебрался Вилвил.

— Поплавок закрепили, — доложил он.

— Хорошо, — ответил Пурпурный, выволакивая груду предметов.

Он начал бросать инструменты за борт. Разделавшись с ними, он выпрямился и сказал:

— Думаю теперь мы готовы к подъему. Орбе, тащи сюда рукав от первого баллона, а я пока подготовлю источник газа.

Орбе кивнул и начал взбираться на снасти — точнее, попытался это сделать, но все, чего он добился, так это стянул баллон вниз, где мы смогли до него дотянуться.

— Хм, — проворчал Пурпурный, — уж слишком он мягок, верно?

Он подсоединил рукав к воронке, включил батарею и опустил зарядное устройство в воду.

— Я собираюсь накачивать газ очень внимательно, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Пока он работал, остальные решили наполнить балластные мешки.

— Они нам не понадобятся, — сказал Пурпурный, когда увидел, чем мы занялись. — Мы поднимаемся без балласта.

— Да, но вода в лодке нам понадобится, чтобы ты мог заряжать мешки водородом.

— Конечно, ты прав, я забыл... — и Пурпурный отвернулся к источнику. Когда были наполнены два баллона,

Вилвил и Орбе снова забрались на велосипеды. Лодка двинулась, подсакивая на океанских волнах. На пятом баллоне качка прекратилась. Теперь вода только плескалась в днище.

Мы с Шугой переглянулись.

— Нам надо добавить воды в лодку, — сказал он и потянулся за ведром. Я немного помог ему. А потом меня осенило.

— Зачем мы выбрали такой трудоемкий способ, — сказал я. — Надо только вытащить пробку, и пусть вода затечет сама. Я говорил и в то же время вытаскивал ее. С кормы послышался вопль.

— Нет! — кричал Пурпурный, но уже было поздно. Вода брызнула мне в лицо.

— Останови ее! — голосил Пурпурный. — Останови воду!

— Зачем?

— Делай, я что сказано! Не спрашивай, делай! Он кинул зарядное устройство и зашлепал ко мне, но поскользнулся и упал.

— Останови ее, Лэнт!

— Но... Вода быстро наполняла лодку, я начал понимать.

— Но я не могу.

Я выпустил пробку, когда меня ударила вода. Мы все опустились на четвереньки, разыскивая ее, во все поднимающейся воде. Она была холодной и вливалась в лодку довольно энергично — фонтаном отмечая место дыры. Мы неуклопе копошились в холодной воде. И тут вдруг я нащупал — маленькое и твердое. Пробка! Я попытался загнать ее назад в отверстие, но вода доходила уже до бедер. Я опустился на колени, но пришлось вытягивать шею, чтобы колени находились под водой, и через несколько секунд уже и это не получалось. Дрожа, я сделал глубокий вдох и нырнул. Я навалился на пробку, но не мог втолкнуть ее как следует. Вода продолжала поступать слишком быстро. Поверх моих рук появилась пара других — Шугиных. Он пытался помочь мне. Но ничего не выходило. Даже вдвоем мы не могли надавить достаточно сильно. Я вынырнул на поверхность вдохнуть воздух. Вилвил и Орбе кричали на меня с поплавков. Они были в воде уже почти по шею, но все еще неистово крутили педалями. Пурпурный яростно вычерпывал воду.

А затем вода неожиданно перестала прибывать. Теперь она стояла нам по грудь, а пологие волны перехлестывали через борт. Мы перестали тонуть. Воздушные мешки смогли удерживать лодку на высоте нескольких ладоней от окончательного погружения. Мы стояли по грудь в холодной воде и пляли друг на друга.

Я сказал:

— Пурпурный, не топчись так в воде. Сделай же что-нибудь.

Пурпурный, Шуга, Вилвил и Орбе уставились на меня. Мешки висели над нами, а вокруг бурлило беспокойное море. Красное солнце начало спускаться за горизонт. Дневного света остается, очевидно, часа на полтора.

Ладно, раз они ничего не собираются делать... Я побрел в центр лодки и нырнул. Я вынырнул с балластным мешком, подтащил его к борту... и

не мог поднять не погрузившись в воду... развязал мешок и вылил балласт за борт. Нырнул, нашел второй мешок и снова опорожнил его.

Пурпурный начал смеяться. Шуга понял, что я собираюсь делать и начал помогать мне, ныряя и шаря по дну лодки руками. Выбрасывание балласта нашему плачевному положению не помогло. Борта лодки продолжали оставаться на том же месте. Пурпурный, цепляясь за снасти, сдавленно смеялся над нашими усилиями. Это казалось особенно грубым поступком. Наконец он обрел голос и сказал:

— Прекратите! Пожалуйста, прекратите! Вы только переливаете из воды воду.

— Но это — балласт, — сказал Шуга.

— Но это также и вода. Она прибывает с той же скоростью, с какой вы ее выливаете.

Он подплыл к нам.

— Сперва поставьте на место пробку, а уж потом вычерпывайте!

Я посмотрел на зажатую в руке пробку и пожал плечами. Почему бы и нет... Я нырнул и поискал дырку. На этот раз встречный поток не мешал мне, и пробка легко вошла в отверстие.

Я вынырнул набрать воздух.

— Вставлена? — спросил Пурпурный. Я кивнул.

Пурпурный нырнул, чтобы удостовериться в этом лично и вынырнул возле меня.

— Все в порядке. Теперь она сидит достаточно прочно. Он поглядел на меня и на Шугу. — Вы, двое, давайте откачивайте воду, пока я буду наполнять баллоны! Орбе и Вилвил, продолжайте крутить педали!

— Конечно, — закричали ребята, — иначе мы утонем.

Цепляясь за борт, Пурпурный пробрался на корму. Мы с Шугой схватились за ведра и принялись за работу. Мы быстро и яростно вычерпывали воду. К тому времени, когда Пурпурный подкачал два баллона, воды оставалось уже только по бедра.

— Знаешь, — удивленно сказал я Шуге, — это может оказаться хорошим способом не позволять лодкам тонуть — подвешивать к ним воздушные баллоны.

Мне ответил свирепый взгляд Пурпурного. Я продолжал вычерпывать воду. Красное солнце скрылось за коричневым горизонтом, оставив после себя только лихорадочное зарево на западном краю мира. Мы работали во все сгущающейся темноте. Холодная вода доходила уже до колен. Немного погодя я сообразил, что мы раскачиваемся уже более заметно.

— Пурпурный! — крикнул я. — Мы приподнялись на воде.

Он оторвался от зарядного устройства и посмотрел за борт.

— Так и есть.

Он завязал шейку баллона — это был десятый наполненный баллон и пробрался к тому месту, где мы стояли.

— Еще один баллон, и мы выйдем из воды.

— Как твоя батарея?

— Лучше, чем я думал, — он подтянулся на снастях и стащил вниз следующий рукав. Становится ужасно холодно, не так ли, Лэнт? Почему бы тебе не достать одеяла?

— Ты их выбросил за борт, — напомнил я ему, — кроме трех, да и те намочили.

— Все промокло, — проговорил Шуга.

— Да-а, — протянул Пурпурный и ушел на корму к своей батарее. А что ему оставалось делать? Мы с Шутой перестали вычерпывать воду и развесили одеяла на снастях, надеясь просушить их. Я представлял, как тоненькие шевелящиеся сосульки начинают образовываться на шерстинках моего меха.

— Наши запасы пищи тоже раскисли, — сказал Шуга, припихиваясь к пакету. — Сухари! Как же!

Он швырнул пакет за борт.

— Тебе надо было произвести над ним балластное заклинание, — сказал я, и это была безрадостная шутка. Шуга никак не оценил ее, да и время для шуток не подходило. Пурпурный как раз наполнял двенадцатый баллон. Мы чувствовали себя намочшими и несчастными.

— Шуга, чувствуешь? Мы больше не раскисиваемся. Мы вышли из воды.

— Как? Он повернулся к перилам и выглянул. Я присоединился к нему. В последних слабеющих отблесках красного заката мы успели увидеть воду, бессильно плещущуюся внизу. Сомнений больше не было — с каждым мгновением мы поднимались все выше и выше. Двенадцатый баллон тихо разбухал над головами.

— Пурпурный! — окликнул я его. — Мы в воздухе!

— Знаю, — отозвался он. — Вилвил, Орбе, как высоко мы поднялись?

— Меньше чем на человеческий рост. Воздухотолкатели только что перестали задевать за волны.

Пурпурный отцепил от пояса источник света и направил его вверх. Только четыре баллона висели вялыми, остальные обрели от водородного газа знакомую и приятную округлость. Он шагнул к краю лодки и направил источник света вниз. Вода замерцала примерно в пяти человеческих ростах под нами.

— Я вытащу пробку, — сказал я. — Теперь уже бесполезно выливать оставшуюся воду.

Я пошел в ту сторону, вода все еще стояла по колено.

— Нет! — закричал Пурпурный! — Не смей трогать пробку!

— Почему? — я остановился, уже положив руку на пробку.

— Не делай этого, Лэнт! Не трогай пробку, пока я тебе этого не скажу.

— Но ведь мы высоко над водой. Сейчас наверняка нет опасности.

— Я должен наполнить еще четыре баллона. Где я возьму воду, которая мне необходима, если ты вытащишь пробку?

— А-а! — протянул я и быстро отошел от нее подальше.

— Подожди минутку, — неожиданно сказал Шуга. — Ты не можешь использовать эту воду. Это балластная вода. Она заставляет нас опускаться, а не подниматься.

— Шуга, это вода. Вода, как вода, — терпеливо объяснял Пурпурный.

— И это глупо думать, что одна вода может заставить нас двигаться вниз, а другая — вверх.

А потом Шуге осталось только хватать этот воздух. Потому что Пурпурный зачерпнул ладонью воду из лодки и начал пить. Пить балласт!

Шуга задохнулся от бессильной ярости и заковылял прочь.

— Почему бы тебе не отдохнуть, — предложил Пурпурный мне, — я позабочусь о лодке.

— Ладно, — пожал я плечами и сел на скамью. Она была сырой и холодной, как и все остальное на "Ястребе". С кормы донеслось хлопанье мокрых снастей. Пурпурный как раз начал наполнять следующий вялый мешок.

Мы плыли во тьме, дрожащие и несчастные. Вилвил и Орбе крутили педали, пением устанавливая ритм. Пурпурный наполнял баллоны. Мы с Шугой замерзали.

Затем поднялся ветер и погнал нас на север. В любое другое время мы были бы благодарны ему. Но в этом промозглой темноте он только заставлял нас стучать зубами. Тут Орбе и Вилвил махнул рукой на свои воздухотолкатели — было слишком холодно крутить их дальше. Они скорчились на мокром дне лодки вместе с нами. Немного спустя к ним присоединился и Пурпурный.

Лежать, завернувшись в мокрое одеяло все лучше, чем подставлять свое тело укусам верхнего ветра. Или только так казалось. Мои пальцы оковенели настолько, что я даже не имел сил попытаться натянуть на себя ледяную ткань. Спать было невозможно. Я все время бормотал про себя.

— Больше не существует такого понятия как тепло, Лэнт. Все это только твоё воображение. Ты никогда больше не согреешься. Так что лучше начиная привыкать к холоду, Лэнт...

Когда часом позже Оуэлс, крошечный и ярко-голубой, стремительно выскочил из-за восточного горизонта, мы были совсем окоченевшими, а по всей лодке лежал тонкий слой инея.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Утро выдалось бодрящим, мы быстро согрелись. Море представляло собой беспокойную синюю равнину далеко внизу. Мы, казалось, поднялись выше, чем когда-либо. Край мира почти закрутился. Пурпурный сказал, что это оптическая иллюзия. Мы находимся слишком низко, чтобы мы видели действительную кривизну. Новые тарабарские слова.

Мы раскинули одеяла на снастях, чтобы высушить их на солнце. Так же поступили и с накидками. Даже Пурпурный скинул свой "защитный костюм" и вывесил его на солнечный свет.

Ветер продолжал устойчиво дуть на север. Вилвил и Орбе отдыхали на своих поплавках. Я прошёлся по лодке в поисках хоть какой-нибудь пищи, которую пощадили бы вода и Пурпурный.

Но я нашел только половину кислой дыни и мрачно разделил ее между собой и Шугой. Остальные отказались. В лодке все еще оставалась вода, примерно по колено, но Пурпурный приказал не выливать ее.

— Посмотри, как высоко мы уже поднялись. Нет смысла выливать воду. Позднее, когда воздушные мешки немного протекут, она нам еще понадобится. К тому же, вдруг нам еще понадобится водород.

— А у тебя достаточно электричества?

Пурпурный застенчиво улыбнулся.

— Я... хм... немного просчитался, когда начал наполнять баллоны. Я не понял, что в них еще достаточно водорода. У меня энергии еще ровно столько, чтобы наполнить не более трех баллонов. Или четыре, если я раздумаю вызывать вниз свое летающее яйцо, — он осмотрелся. — Этого должно хватить. В нашем распоряжении, по меньшей мере, четыре дня летного времени, прежде чем баллоны слишком ослабнут, а энергия у меня кончится. Если к тому времени мы не сможем вызвать яйцо, то мы никогда его не вызовем.

Мы летели голодные. И двинулись прямым путем на север. Иногда приходилось бороться с боковым ветром, но в основном направлении на север выдерживалось. Во время полета мы потеряли свою ориентир — линию холмов над водой. То, что мы не сможем их потом отыскать, не

беспокоило Пурпурного, как казалось, должно было бы. У него все еще сохранилась измерительная шкала, и он прокладывал наш курс с ее помощью. Когда я спросил его об этом, он только пожал плечами.

— Конечно, Лэнт, это была неплохая мысль, но боюсь, холмы сейчас слишком глубоко в воде, чтобы увидеть их отсюда. Может быть, нам повезет, и мы снова их увидим, когда доберемся до мелководья.

На следующий день он подкачал мешки, оставив энергии ровно столько, чтобы полностью подкачать два мешка или накачать один баллон и вызвать свое летающее яйцо.

Вечером того же дня мы, наконец, вытащили пробку и слили воду, которая была нашим товарищем эти такие длинные двое суток.

— Я думал, что это будет путешествие над водой, а не по воде, — повторил, ворча Шуга.

Пурпурный усмехнулся, наблюдая, как вода уходит. Мы были слишком высоко, чтобы видеть, поднимаемся ли мы, но наш желудок сигнализировал — да, мы поднимаемся.

Пурпурный сказал:

— Ты прав, Шуга, нам следовало подумать об этом заранее — всегда держать некоторое количество воды в лодке. Она помогла бы нам уравновесить корабль, так чтобы он не особенно раскачивался при движении. Она пригодилась бы для подкачки баллонов, и нам не пришлось бы для подкачки баллонов спускаться вниз к морю. К тому же мы использовали бы ее и как балласт.

— А я говорю тебе, что это чушь, — снова вмешался Шуга. — Балласт, питьевая вода, вода для получения газа, вода для умывания... что это за заклинание, если мы произвольно изменяем имя предмета в зависимости от нужд?

И он пошел на нас дуться. Сандалии его хлопали при каждом шаге. Шуга просидел на носу до самой темноты, вглядываясь в небо и бормоча заклинания, вызывающие луны...

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Именно Орбе вновь отыскал наш ориентир. Далеко слева виднелась полоска более светлой воды. Теперь мы летели ниже, несмотря на шесть опорожненных мешков с водой. Пурпурный сказал, что это из-за того, что баллоны протекают сильнее, чем прежде. Они растягиваются, пояснил он. А швы оказались недостаточно надежными. Он приказал мальчикам развернуться и взять курс, который, в конечном счете, должен был привести нас снова к линии холмов.

Я задумчиво жевал кусок сухаря. То, что холмы снова стали видны под водой, означало, что мы приближаемся к мелководью. Вскоре мы окажемся над сушей, и наше путешествие на этом закончится. Мешки наверху были еще плотными, но уже слегка покрылись рябью на ветру. Скоро эта рябь усилится, ткань начнет свисать складками, баллоны обмякнут — и все это время мы будем опускаться все ниже и ниже.

Пурпурный начал опорожнять последние балластные мешки, все, кроме двух, воду в которых мы решили сохранить для питья. Шуга застонал, когда ему сказали об этом.

Когда балласт был вылит, лодка поднялась, но ненадолго.

— Ладно, — сказал Пурпурный, — пусть так и останется. Или мы достигнем цели с тем газом, что у нас есть, или вообще ее не достигнем.

Вилвил и Орбе молча и угрюмо крутили педали. Они больше не распевали бодрящих песен во время работы. Скорее всего, они впали в транс и старались как-то перетерпеть от одной передышки до другой. У обоих на ступнях и руках появились волдыри и язвы. Пурпурный обрызгал их целебной мазью, но потом они появились снова, так что я думаю, от мази было мало толку.

Мы достигли гряды холмов, сориентировались по ним и снова направились на север.

Я пришел на нос лодки и присоединился к Шуге, хотя красное солнце все еще ярко светило на западе, он не хотел пропустить наступление темноты.

— Луны, — печально причитал он. — Скоро ли будут луны? Я не обращал на это внимания. Меня не столько

беспокоило то, что под нами, сколько то, что ожидало нас впереди. Но была ли та линия более плотной тьмы у горизонта материком? Было уже слишком темно, чтобы достоверно сказать об этом. Я обратил на нее внимание Пурпурного. Тот грубо отодвинул в сторону Шугу и всмотрелся вдаль.

— Гм-м, — промычал он, — ничего не разобрать.

— Используй свой источник света, — посоветовал я.

— Нет, Лэнт, у него не хватит силы, чтобы осветить так далеко.

— Подключи его к своей большой батарее. У нее еще осталось немного энергии.

Пурпурный улыбнулся.

— Я могу это сделать, но энергии в ней все же не хватит, чтобы сделать свет достаточно ярким. Кроме того, голубой рассвет наступит меньше, чем через час. Если это земля — мы ее увидим.

Красное солнце исчезло. Мы терпеливо ждали в темноте. Только жужжание велосипедов напоминало нам, что мы движемся.

Пурпурный беспокойно пришел на корму и там остался. Шуга на носу продолжал бубнить заклинания. Я попытался уснуть, но не смог.

Утро вспыхнуло на востоке — и как один мы с Пурпурным ринулись к борту. Вилвил уже кричал:

— Земля! Я вижу землю! Мы достигли ее.

— Продолжай крутить педали! — рявкнул Пурпурный.

Мы были сейчас ниже, чем вчера, ниже чем нам хотелось. Воздушные мешки перестали удерживать водород так долго, как раньше и теперь мы находились на высоте всего нескольких человеческих ростов над водой. Но это не имело значения. Далеко впереди виднелся скалистый берег севера, а за ними острые верхушки холмов, поднимающихся к черной гряде, знакомой гряде — Зубам Отчаяния.

— Нажимай, Вилвил, нажимай! — кричал Пурпурный. — Нажимай, Орбе!

Он так далеко высунулся вперед, что я начал опасаться — не выпрыгнет ли он и не попробует добраться вплавь.

— Осталось чуть-чуть. Море под нами было покрыто пятнами. Мы видели зубья рифов, водовороты то тут, то там. Все это скользило мимо, но ведь мы опускались все ниже и ниже. Пурпурный тоже заметил это. Он пробежал по лодке и начал проверять снасти.

— В одном из мешков должно быть протечка... Он начал взбираться наверх. — Не этот ли, — он потянул за веревку. — Нет, может быть этот... да, там шов... Видишь? Я посмотрел. Как раз под нами на брюхе одного из мешков я увидел тонкую темную полосу. Пурпурный сделал еще шаг по снастям. Тут-то это и произошло...

Шов широко раскрылся, раздался оглушительный звук лопающейся материи. Мешок раскрылся. Лодка внезапно накренилась. Огромные полосы повисшей материи оказались на снастях. Орбе и Вилвил громко вскрикнули.

— Бросайте какой-нибудь балласт! Бросайте какой-нибудь балласт! — кричал Шуга.

Он стремительно помчался вдоль борта, но у нас оставалось всего два балластных мешка. Шуга яростно вцепился в них и потащил.

— Нет, — кричал Пурпурный, — это не поможет! Это недостаточно! Он то ли упал, то ли спрыгнул со снастей. — Лэнт, тащи сюда мой изготовитель газа! — Где он?

— Думаю, на корме. Быстрее! Мы стремительно теряли высоту. И не трудно было заметить, почему Пурпурный хочет, чтобы я поторопился.

Прямо под нами крутился водоворот, голодный, все заглатывающий. Он был огромен.

Пурпурный уже отвязал рукав мешка и подготавливал воду. Одним движением он схватил зарядное устройство, сунул горлышко воронки в рукав и в воду. Включил батарею. Мешок распухал на глазах. Пурпурный отшвырнул в сторону опустевший балластный мешок.

— Давай второй! Шута подтащил его раньше, чем Пурпурный успел закончить команду. Он погрузил в него провода и трубку. Мешок начал распухать от смеси, которая была наполовину водородом, наполовину ненужным кислородом.

Мы уже слышали рев водоворота и находились меньше, чем в два человеческих роста над поверхностью воды.

Вилвил и Орбе яростно тянули вверх воздухоподкатели, чтобы они не заделали водоворот. Но опускаться мы не переставали.

Огромные вращающиеся водяные стены грозно проплывали мимо нас — черные и все сокрушающие. Мы чувствовали, как влажный туман облепляет лица. Пена долетала до лодки.

И тут снижение прекратилось.

— Рот Тивы, — прошептал Шута, — он появляется в конце лета. Когда море отступает, оно заглатывает все, что сможет: людей, лодки, деревни, камни...

— Но лето еще не кончилось, — сказал Пурпурный. Лицо его побледнело, и косточки на пальцах показывали, с какой силой он вцепился в снасти.

— Нет, — сказал Шута, — он уже начал крутиться. К концу лета рот станет намного больше. Рев его будет слышен на мили.

Пурпурный нервно поглядел назад. Темная грязная вода плавно убегала вдаль. Вилвил и Орбе лежали, вцепившись в поплавки.

— Никогда не думал, что увижу его так близко и останусь жив, — слабо проговорил Шута. Пурпурный задумчиво хмыкнул. Он смотрел на зарядное устройство.

— В чем дело, — спросил я.

— Моя батарея. Думаю, она умерла.

— Что? Нет!

— Думаю, да, — он отсоединил батарею и потряс ее. — Посмотри, указатель даже не светится. Мы использовали всю энергию, которую имели.

— Она была нам нужна. Мы оказались бы во Рту Тивы, если бы не сделали этого. Мы могли бы выплыть из него, если обрезали бы лодку и полетели на снастях. Или... или еще что-нибудь.

Он закрыл лицо руками и издал булькающий звук. Затем нервно поднял батарею и... одно мгновение я подумал, что сейчас он швырнет ее за борт и, возможно, последует за ней. Но вместо этого, он энергично воскликнул:

— Вилвил, Орбе, назад на велосипеды! Мы так близко от земли. Вы же не хотите все потерять в последний момент!

Но я понял, что это только внешняя активность. Он не хотел, чтобы другие видели насколько сильно он потрясен потерей своей батареи. Он притворился, что занят проверкой снастей, но я несколько раз замечал, как он смотрит на небо отсутствующим взглядом.

Мальчики снова спустили воздухотолкатели. Шуга велел им работать быстро, прокричав приказ громко и повелительно.

Берег маячил все ближе — белая пенистая линия прибоя. Все равно мы спускались все ниже и ниже к воде — не так быстро, как раньше, но было ясно, что воздушные мешки уже не такие надутые, как были прежде. Вода скользила мимо нас, воздухотолкатели начали уже задевать за самые высокие гребни волн, а затем и совсем погрузились и только ненадолго показывались между волнами. Но вот они скрылись окончательно.

Баллоны в молчаливом спокойствии висели над головой. Случайные брызги пены пролетали между снастями. Шуга прервал свое пение и воскликнул:

— Лэнт, узнаешь, куда мы направляемся! Да ты посмотри, посмотри...

Я посмотрел вперед. Передо мной раскинулся голый мрачный пейзаж — черные и коричневые скалы. Все они были покрыты ямами и шрамами. Тут и там мелькающие красные пятна свидетельствовали о попытках цветов пустить корни, но их было мало. А кроме того... что это за почерневшие остатки дикого домашнего дерева? Они напоминали скрюченную руку застывшего старца, в гневном проклятии к небу.

— Лэнт! Это бухта Таинства — точнее, то что от нее осталось. Мы недалеко от старой деревни. Точнее всего в нескольких милях к югу от нее.

Пурпурный подошел к нам сзади со щелкающим устройством в руках. Я и раньше замечал это у него на поясе, но он никогда не объяснял нам его назначение. Теперь он всматривался в него и хмурился. Потом неожиданно улыбнулся.

— Уровень... — тут он использовал демонские слова, — не такой высокий, как я ожидал. Он немного выше нормального фона. Опасности нет определенно. В этом районе можно безопасно жить.

Теперь лодка уже плескалась в волнах, и Пурпурный приказал мальчикам направиться к тому месту, где земля плавно уходила в воду.

Одно такое мы разглядели неподалеку, когда мальчики взяли курс на него. Пурпурный глядел вперед.

— Лэнт, как мы далеко от Зуба Критика?

— Ну, обычно он был вон там, Пурпурный, — показал я. Несколько расколотых, полурасплавленных скальных плит отмечали непривычную брешь в горах к северу. Он не понял. — Этот пик — Зуб Критика? — Нет, это Зуб Гадюки. Это один из небольших холмов у подножия Критика. А Зуб Критика исчез.

— О!

— Вся эта гряда называется Зубами Отчаяния. Зуб Критика был одним из самых острых пиков. Этим местом правит безумный демон Пиеро, который сильно скрежещет и щелкает зубами. Он одинаково набрасывается и на местных жителей и на чужеземцев. Нам лучше не подходить близко, иначе он может обвинить нас в потере зуба.

Пурпурный снова посмотрел на свое тикающее устройство, покачал им в воздухе и проговорил:

— Хорошая идея. Мы проскочили сквозь прибор. Последовал мягкий толчок, когда нос лодки заскользил по песку, мы достигли северного берега!

-- "Ястреб" приземлился! — закричал Пурпурный. — "Ястреб" приземлился!

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Мы все, как один, ринулись на берег. Шуга, я, Пурпурный, мы рвались вперед, мешая друг другу. Наконец—то мы снова стояли на твердой почве. Земля была пустынная — в основном голая скала, кроваво окрашенная зависшим на западе Оульсом и льющим сверху свет Вирном, но она была твердой. Не надо больше стоять в воздухе, не надо больше было стоять в воде, не надо было больше стоять в обеих стихиях одновременно.

— Если я когда-нибудь невредимым вернусь домой, — поклялся сам себе, — то никогда больше не стану рисковать жизнью в такой глупой аванюре. Небеса были не особенно гостеприимными.

Вилвил и Орбе укрепили на поплавках воздухоподъемники и втащили "Ястреб" на берег, где до него не могли добраться волны.

Потом сразу же стали заполнять балластные мешки и лодку водой, проверять снасти, велосипедные рамы, даже поверхность корпуса лодки и баллонов. Они действовали так, словно ожидали, что "Ястреб" полетит снова. Но как? Я не мог себе этого представить. Все воздушные мешки обмякли от утечки. Я не доверял швам на многих из них. Баллоны все еще тянулись вверх, натягивая веревки, но не очень уверенно. Я не знал, как

они надеются заполнить баллоны. Шуга разгуливал туда-сюда и усмехался каким-то своим мыслям.

— Мне совсем не надо будет знакомиться с местными богами и местными заклинаниями. Я могу начать сразу же, как только увижу луну.

И он побрел к отдаленному почерневшему холму, прихватив свой мешок с волшебным оборудованием.

Странная черная корка покрывала все кругом. Она рассыпалась, когда кто-нибудь наступал на нее, превращаясь в крохотные обломки или колючую пыль, которая клубами поднималась от порывов ветра. Я, удивленный, похрустел по ней к холму, на котором стоял Пурпурный. Когда я подошел, он выглядел странно.

— Ну, я должен попробовать, не так ли?

— Но ты же сказал, что она мертвая?

— Возможно. А вдруг произойдет чудо? Сейчас только в чудо и можно поверить. И ничем больше не поможешь.

Он кончил подсоединять провода к дискообразному предмету, вывернул шишку на нем, но ничего не произошло.

— Этот желтый глаз должен засветиться, чтобы показать, что прибор работает, — сказал Пурпурный, глуповато улыбаясь.

Он повернул шишку еще раз, теперь сильнее, но желтый свет все равно не появился.

— Магия тоже не подействовала, — со вздохом сказал он.

Я точно знал, что он в эту минуту чувствовал. Я тоже стремился домой. Как странно! Я уже считал домом район, в котором прожил совсем немного, в то время, как эта черная пустыня и сожженные остатки деревни, в которой я провел большую часть своей жизни домом больше не были, а стали незнакомой чужой территорией. "Домом" была теперь новая земля и другая жизнь за морем.

В этот момент не было разницы между мной и Пурпурным. Два странника, оказавшиеся на голом почерневшем берегу. Каждый стремится к своему дому, своим женам, своему плану...

— Все, что мне надо — один-единственный импульс энергии, — сказал Пурпурный. — Шуга оказался прав, нельзя смешивать символы.

Он поднял свои бесполезные устройства и медленно пошел с холма. Земля хрустела у него под ногами.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Есть было нечего. Я лежал в темноте, прислушиваясь к рокоту прибоя и урчанию в собственном желудке. Человек не предназначен жить без хлеба. У меня кружилась от голода голова. А в мыслях не было даже смысла.

Пурпурный провел красный день бесцельно бродя туда-сюда по этому ландшафту отчаяния. Я и мои сыновья ждали. Мы мало что могли сделать. Шуга был единственным, кто сохранял чувство цели. Он устроился на вершущке ближайшего холма и терпеливо ждал появления луча. И напевал песню триумфа.

Пурпурный непрерывно бормотал.

— Когда море уйдет, мы сможем отправиться назад пешком. Люди Лэнта уже проделали это однажды. И мы тоже можем это сделать. Да, мы можем вернуться пешком. Генераторы все еще там, мешки все еще там. Я смогу перезарядить свою батарею. Мы сможем сделать другую летающую машину. Да, конечно. Но на этот раз мы сделаем ее гораздо лучше. Моя батарея будет полностью заряжена. Мы не повторим снова те же ошибки. То-то и оно, что мы долетели, не подготовившись как следует. У нас не было достаточно опыта. И все же мы почти что все сделали. Почти. В следующий раз мы сделаем это лучше и добьемся успеха. В следующий раз...

Он хрустел подошвами, бродя в темноте и безумно приговаривая. Он поднимал камни, осматривая их и отшвыривая в сторону.

Я глядел в темноту, на мерцающие луны. Следующего раза не будет. Я был в этом уверен. Шуга не позволит быть следующему разу. Сейчас с его холма не доносилось ни звука. Я пошевелился на одеяле и приподнялся на локтях.

— Пурпурный, — окликнул я. — Тебе надо отдохнуть.

— Я не могу, Лэнт, — отозвался он. И вдруг послышался глухой звук удара. — О-о!

— В чем дело? — я вскочил на ноги, думая, что это Шуга нанес удар. Но нет. Источник света в руке Пурпурного показывал, что он наткнулся на валун.

Пурпурный лежал возле него и глупо улыбался. Я подошел и помог ему встать.

Ночь была душная и тихая. Прибой напоминал о себе отдаленным рокотом. Мы стояли в темноте, только источник света Пурпурного бросал призрачный луч в непроглядную темень. Пурпурный выключил его.

— Думаю, лучше побережь его энергию, — сказал и замер. Тишина была мертвой. На этой проклятой земле не жили даже насекомые.

— Поберечь энергию, — тихо повторил Пурпурный. Его руки вдруг обхватили мои плечи и он закричал: — Энергию! В моем фонаре, Лэнт! В моем фонаре!

— Да отпусти же ты! Он был силен, как старый баран. — Энергия, Лэнт! Энергия!

— Не слишком радуйся, Пурпурный. Подожди пока тебе ответит твое большое яйцо.

Он мгновенно очнулся.

— Да, тут ты совершенно прав, Лэнт.

В тишине раздался царапающий звук, когда он вынимал маленькую батарейку из фонаря, еще один звук, когда он снимал с пояса вызывающее устройство. Затем непонятное ругательство — это он пытался в темноте нащупать провода. Пурпурный работал энергично и нетерпеливо. Я вполне разделял его чувства и понимал его.

Наконец он сказал:

— Готово! Послышался щелчок, когда он включил свое устройство. Указатель бросил мягкий желтый отблеск на его лицо. Пурпурный посмотрел на индикатор.

— Здесь достаточно энергии, Лэнт. Более чем достаточно. С энергией этой батареи я смогу вызвать свое яйцо раз десять, если не больше.

— А ее хватит, чтобы подкачать воздушные мешки? — с надеждой спросил я.

По его лицу промелькнула темная тень.

— Нет, не хватит. Это потребует огромного количества энергии, Лэнт. Нужны более сильные источники энергии, например, как моя первая... Но не беспокойся. Когда мое большое яйцо будет здесь, я позабочусь, чтобы ты и твои сыновья невредимыми вернулись домой.

— Дом, — повторил он. — Я буду дома. Не будет больше двойных теней. Не будет больше лохматых женщин. Не будет черных растений...

— Зеленых, Пурпурный, — растения зеленые.

— Там, откуда я пришел, зеленый — яркий цвет. Не будет больше скверной пищи и дрянного питья. Не будет больше царапающей одежды. Не будет больше лечения мужланов-деревенщин.

Этот монолог он произносил на человеческом и демонском языках. Это было заклинание возвращения домой. Он произносил его со всей страстью.

— У меня даже будут книги, музыка и нормальный вес...

— Ты хочешь перейти на диету?

Он засмеялся от этого замечания и продолжал смеяться уже от радости.

— Я получаю возможность полететь домой! — закричал он в ночь.

— Так почему бы тебе не испытать свое вызывающее устройство?

Я сам уже начал ощущать нетерпение. Пурпурный признался:

— Я боюсь.

— О!

Он повернул шишку, желтый глаз ярко засветился.

— Вот! — закричал Пурпурный. — А красный глаз отмечает, что большое яйцо ответило!

— Какой красный глаз?

Пурпурный нетерпеливо крутил ручку.

— Ответь, — шептал он, — ответь же ты...

Ничего не происходило. Он гневно потряс устройство.

— Отвечай! Будь ты проклят! Я хочу домой!

Желтый глаз ровно горел, но ответа не было.

— Мы находимся достаточно далеко к северу, — вслух размышлял Пурпурный. — Почти у экватора. Видимость даже более чем хорошая. Кривизна планеты не мешает проходу луча. Что же тогда не так? Оно не может работать на неверной частоте, — бормотал он. Если он применил магию, то она не действовала.

— Может это из-за применения не той батареи? — предположил я.

— Дело не в батарее. Но все же, почему они не отвечают? Почему не отвечают?

Он вскочил на ноги и ринулся в темноту. Немного погодя я последовал за ним. Я нашел его в отчаянии сидящем на камне. Устройство лежало перед ним. Он колотил по нему камнем. Хотя он и не мог нанести ему никакого вреда — только глубоко вдавливая его в мягкую почву.

— Пурпурный, перестань, — мягко попросил я его. — Перестань.

— Почему? — с горечью произнес он. — Мы проделали весь этот путь зря? Все ваши устройства сработали, Лэнг, а из моих ни одного. Ваша воздушная ткань принесла нас сюда, ваши генераторы дали нам энергию, толкатели пригнали нас сюда, а мое вызывающее устройство не работает. Тогда зачем мы вообще сюда стремились? Единственно, кто собирается извлечь из этого выгоду — Шуга.

— Как? Неужели он знает о дуэли? Неужели он догадался?

— Да, Шуга, — ответил Пурпурный на вопрошающий взгляд. — Ему нужно было узнать про луны. Он должен был лететь на север. Остальные могли бы спокойно оставаться дома.

Он опять начал колотить по устройству.

— Может быть мы недостаточно далеко забрались на север? — предположил я.

Он издал такой звук, будто подумал, что я дурак. Я цеплялся за любую мысль, чтобы только придать ему мужества.

— Или, может быть, планета все еще на пути... Что бы это не значило, но он и раньше пользовался этим словом. На мгновение стало тихо.

— Что ты сказал? Я открыл было рот, чтобы повторить. — Не обращай внимания, я уже понял. Послышались звуки разрываемой земли, очистка и вытирание. — Будь я проклят! Какой же я идиот.

— О чем это ты? Он выпрямился, мелькание тени во тьме. В руках он держал свое вызывающее устройство.

— Лэнт, иной раз ты просто гений. А я то все время думал, что ты не понимаешь, о чем я говорю, и только из вежливости притворяешься, что понял. Конечно, на пути луча планета, — он переступил с ноги на ногу, — это единственно возможное объяснение.

— Угу, — повторил я, притворяясь, что понял. Да и вообще, кто я такой, чтобы разбивать иллюзии.

— Разве ты не видишь? Мое яйцо еще не взошло. Подобно солнцам, оно, вероятно, на другой стороне планеты. Я должен подождать, пока оно не окажется над нами, и только тогда пытаться вызвать его снова. Вероятно поэтому оно и не отвечало.

Когда магия не срабатывает, у хорошего волшебника всегда найдется объяснение. Пурпурный же был одним из самых лучших. Я спросил:

— И сколько времени нужно ждать, прежде чем ты пригласишь его вниз?

— Пару часов — это все, что мне нужно. Я буду пытаться вызывать его через каждые пятнадцать минут. Его орбита всего два с половиной часа. Я, возможно, не пропущу его, как бы низко над горизонтом оно не появилось.

Я оставил его счастливого и бормочущего себе под нос что-то неразборчивое.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Голубой рассвет вспыхнул над восточным горизонтом и явил мир еще более печальный и пустынный, чем прежде, если только таковое было возможным.

Страдая от голода, я взобрался на холм и застал Шугу рисующим в черной пыли огромные знаки. Он использовал ослепительно белый порошок и смешивал его с разнообразными волшебными зельями, а потом высыпал тоненькой струйкой, выписывая округлые заклинания. При этом он часто останавливался, чтобы свериться с пергаментом в руке. Я узнал пиксуру с ее кругами и эллипсами, окружавшими центральную точку, а затем я узнал и нарисованные знаки.

— Шуга, что ты делаешь?

— Разве ты не видишь? Я творю заклинания.

— А твоя клятва?

— Я точно помню, что поклялся местным богам. Разная территория подразумевает различных богов и различные клятвы. Сейчас мы на моей домашней территории. И я нарисовал здесь руны о дуэли с Пурпурным. Эта дуэль все еще впереди.

— Но как много изменилось... Я замолчал, так как Шуга был прав. — Это ты украл его карту с путями лун? —

Нет. Он сам подарил ее мне. Глупец. Я использую его собственную магию против него же. И его собственное имя — его настоящее имя! Конечно, он раньше не волновался. Он знал — я не могу ему повредить, так как говорящее устройство не назвало его настоящего имени. Но на этот раз...

— Может он лгал? — быстро вставил я. Шуга бросил на меня самодовольный взгляд.

— Лэнт, — терпеливо объяснил он. — Сам факт произнесения слов "мое настоящее имя"... является благословляющим заклинанием. Даже если он лгал, произнося это, эти слова сделали его настоящим, таким же настоящим, как и его настоящее имя. И оно может быть использовано против него. Если бы это было не так, у волшебников совсем не было бы власти. Тогда люди могли бы по желанию менять имена, чтобы избежать местных заклинаний.

— Но почему лунные пути? — спросил я, но тут меня осенило.

— Нет, ты еще не можешь...

— Могу... И сделаю это. Я собираюсь сбросить луну ему на голову. Я почувствовал сильнейшее желание расхохотаться. Это было безумие. Дикое невероятное безумие.

— Шуга, — сказал я. — Луна однажды падала. Ты знаешь, какой был из этого результат.

— Я видел Круглое Море.

— Круглое Море было когда-то богатой плодородной областью. Теперь море плещется о камень, на котором ничего не растет.

Шуга безразлично пожал плечами.

— Это место уже проклято, Лэнт. Какой же вред может нанести ему падающая луна?

— Она может убить нас! — почти закричал я.

— Я выберу одну из самых маленьких.

— Даже маленькая луна может нас убить... Говорят Круглое Море долгие годы было кольцом оплавленных гор, прежде чем море не стало выкипать и заполнило его.

— Люди, вероятно, преувеличивают...

— Но...

— Лэнт, — сказал Шуга, — я не могу согласиться на меньшее. Подумай, Пурпурный оскорбил самих богов! Он постоянно повторяет, что богов вообще не существует. И он с невероятной наглостью строит летающую машину, чтобы доказать это. В своем надругательстве над здравым смыслом, как например его игра с понятием балдаста, он смеется над законами, которым подчиняются даже боги, — говоря, Шуга свирепо расхаживал взад-вперед, глаза его наливались кровью. — Он оскорбляет обычаи, Лэнт. Он дал имена женщинам и научил их занятиям мужчин. Он вмешался в освящение домашних деревьев и превратил их в колючие растения. Он превратил в хаос жизнь нашей деревни. Некоторых традиционных процессий вообще больше не существует. В то время как другие — подобно кузнечному делу, чудовищно раздулись от важности. — Он перестал вышагивать и посмотрел на меня. — Он дал нам новые понятия, Лэнт. Он научил нас дурным обычаям, которые уменьшают ценность жизни и повышают значение вещей. Но самое главное, — выкрикнул Шуга, — он оскорбил меня! Он не научил меня летать, пока это ему самому не понадобилось. И он все еще не научил меня заклинаниям, которые делают электричество. Мы зависим от его милости, от его светящихся коробочек с делателями грома. Он подорвал мой авторитет своим ложным лечением, так что они обменивают его символы за один его десять моих.

Я был связан с ним клятвой о помощи, но он никогда не попросил меня помочь ему — никогда, ни единого раза! Разве он не выкинул мои паруса за борт. Никогда менее смертельное заклинание не восстановит мою честь, — воскликнул Шуга. — Я приведу луну вниз и обрушу ее на его голову. На этот раз я должен продемонстрировать свои силы прежде чем он исчезнет навечно.

— Я не буду помогать тебе, — тихо сказал я.

— Ты и не должен, Лэнт. Я уверен, что как раз твоя помощь в тот раз так подействовала на магию.

— Сколько потребуется на это времени?

— Недолго. Я скоро закончу, а потом начну молиться, пока красное солнце не поднимется высоко на западе. Тогда мы уйдем подальше и будем ждать.

— Я бы предпочел, чтобы ты сперва что-нибудь придумал насчет еды, — проворчал я.

— Забудь хоть раз про свой желудок, Лэнт. Прежде чем снова поднимется голубое солнце, Пурпурный будет уничтожен. Можешь мне в этом поверить!

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Пурпурный еще трижды включал свое устройство, пытаясь вызвать яйцо. На третий раз красный огонек вспыхнул и начал размеренно мигать. Пурпурный заорал от восторга и радостно подкинул прибор вверх. Он дико горланил и пританцовывал.

— Я лечу домой! Я лечу домой! Затем он бросился на землю и начал кататься по ней, лягаясь ногами. Потом с криком вскочил и начал неистово метаться в разных направлениях. Туда и сюда. По большому кругу и вокруг меня. Он выделял кульбиты и неистово вопил. Наконец он устал и, задыхаясь, подошел ко мне.

— Лэнт, я едва могу верить в это. Я этого так долго ждал, — начал он оправдываться. — Но это произошло. Мое большое яйцо услышало.

Я нервно взглянул на холм, где Шуга все еще продолжал работу. Теперь он сидел и напевал.

— Хм, и сколько времени пройдет, прежде чем твое большое яйцо доберется сюда, Пурпурный?

Он нахмурился.

— Кого это волнует? Оно летит и это самое главное.

— Меня волнует! — чуть не выкрикнул я. Он посмотрел на меня как-то особенно.

— Я и не представлял, что для тебя это значит так много.

— Да, — сказал я немного спокойнее. — Сколько времени ему потребуется?

— Может быть день, — ответил он. — Может быть больше. Яйцо было законсервировано. Оно должно активизировать себя, набрать полную силу, проверить все системы. Рассчитать курс. Спуститься, наконец. И на все это нужно время, Лэнт. Возможно яйцо не прилетит сюда еще до голубого заката.

Я застонал.

— Я знаю, что ты страдаешь, друг мой. Но не бойся. Я уже так долго ждал, подожду и еще немного.

Я застонал и побрел прочь. Я направился к берегу. Море неустанно накатывалось на пляж, на котором работали Орбе и Вилвил.

— Отец, ты плохо выглядишь, — сказал один из них.

— Я устал, голоден, и у меня болит все, — ответил я. — Я мечтал о скромной пище и постели.

— Вилвил нашел несколько яиц пещерной рыбы, — сказал Орбе. — хочешь одно?

Я застонал. Но это было все же лучше, чем ничего. Я взял темный шар и отбил его корку. Солено-сладкая жидкость наполнила рот.

— О, это ненадолго, — простонал я и сделал глоток из балластного мешка.

— Смотри, чтобы Шуга не заметил, что ты пьешь отсюда, отец.
— Будь он проклят, этот Шуга, — сказал я. — Знаете, что он делает? Он пытается вызвать вниз луну!

Орбе фыркнул. Билвил ничего не сказал.

— Вы не слышали, что я сказал?

— Слышали, — ответил Билвил. — Шуга пытается вызвать сюда луну. Во всяком случае благодаря этому он держится от нас подальше.

— Ага, — произнес я, — по-видимому, они были настолько поглощены своим занятием, что забыли про все.

— А вы что делаете? — спросил я и присел на корточки взглянуть. Они объяснили:

— Один из шкивов соскочил с велосипедной рамы. А у нас почти не осталось инструментов. Пурпурный побросал все за борт. Теперь нам приходится обходиться камнями, палками и полосками воздушной ткани. Если мы сможем починить передачу, то используем лодку чтобы выбраться отсюда, независимо от того, будут у нас воздушные мешки или нет.

Я кивнул и предложил помочь, но Орбе сказал, что я буду только мешать. Я собрал яйца и убрал их с дороги. Затем насобирав немного плавленника и развел костер, чтобы испечь яйца. Они были невкусные, но это все же была пища. Одно яйцо я понес Пурпурному, но застал его растянувшимся на куске воздушной ткани от лопнувшего баллона, безмятежно похрапывающим. Блаженно и мирно. В первый раз с тех пор, как я узнал его, я видел его полностью расслабленным.

Я оставил его спать, а сам побрел на холм к Шуге. При виде яйца он покачал головой.

— Я займусь им позднее, когда закончу заклинание.

Я посмотрел на огромные волшебные символы.

— Почему ты не чертишь их вокруг Пурпурного? — спросил я.

— Зачем? Если луна упадет, то не имеет значения, упадет ли она на него или чуть в стороне. Она просто сделает еще одно круглое море.

— Ясно, — сказал я, развернулся и пошел к сыновьям, наблюдать, как они работают.

Они проработали большую часть дня, останавливаясь только для того, чтобы пожевать печеное яйцо и сделать глоток воды. К тому времени, когда наступила ночь, и красное солнце исчезло на западе, велосипедная передача снова работала так же хорошо, как и раньше.

День быстро приближался к концу. Яйцо Пурпурного все еще не появилось. А Шуга все еще распевал на холме. Мои сыновья блаженно растянулись на одеялах и благодарно жевали неподатливую яичную массу. Будь у них инструменты, они могли бы закончить эту работу менее чем за час. Но в данном затруднительном положении это заняло у них почти целый день.

Я лежал на спине и глядел в небо. На потемневшем востоке уже появилась одна из лун, скоро к ней присоединятся и другие. Я глядел на

неба и чувствовал беспомощность. Я не мог отговорить Шуту от заклинания. Предупреждение Пурпурного тоже ни к чему хорошему не привело бы. Я знал, что он думает о магии Шуги. Я пытался догадаться, какую конфигурацию примут луны. Две из трех больших образовали диагональ через линию из четырех маленьких, настолько крошечных, что их цвета разбирались с трудом. Знак Перечеркнутого Поля? Какой бы не был это знак, Шуга найдет способ им воспользоваться...

А тут он и появился, сбежав с холма и грубо поднял меня.

— Идем, Лэнт. Время уходить.

— Как? — сонно произнес я. — Что?

— Я закончил заклинание. Все, что нам теперь остается, это бежать.

Он поволок меня за руку. Я дошел с ним до лодки. Шуга беспорядочно хватал наши вещи и швырял их в лодку, но они плюхались в воду.

— Уходим, Лэнт, уходим! У нас нет времени.

Я разбудил сыновей. Они были такими же сконфуженными и растерянными как и я, и вдвойне раздраженными.

— Если заклинание Шуги сработает, — настаивал я, — это место будет очень страшным.

Они позволили подтолкнуть себя к лодке. Вилвил вытащил пробку, чтобы стекла вода. Она была больше не нужна. Воздушные мешки обмякли настолько, что не могли даже натягивать снасти. Орбе собрал разбросанные куски ткани, которые мы использовали вместо одеял и оставшиеся яйца. Мы вбили пробку обратно в лодку и столкнули ее на воду.

— Торопитесь, торопитесь! — подгонял Шуга. — Луна скоро упадет.

— А Пурпурный знает? — спросил Орбе.

— Конечно, нет! Почему это я должен говорить Пурпурному?

— Причин конечно нет, — ответил Орбе, влезая на поплавок. — Кроме той, что он бы мог умереть от страха, и тогда тебе не надо было бы проверять заклинание.

Шуга фыркнул и взобрался в лодку. Наши накидки успели промокнуть до самых бедер, так как пришлось толкать лодку через прибой, прежде чем мы смогли взобраться в нее. Последним залез Вилвил. Он развернул лодку так, чтобы корма ее была направлена в море — разворачивать ее наоборот заняло бы слишком много времени. Затем взобрался на велосипедную раму, и оба мальчишка начали яростно крутить педали.

Мгновенно спустя мы уже двигались прочь от берега. Пурпурный оставался там в темноте, со своими устройствами и сначала ничего не заметил. Но потом он подошел к берегу и крикнул:

— Эй, что вы там делаете?

— Проверяем лодку, — ответил Шуга.

— Хорошая мысль, — одобрил Пурпурный и пошел назад на холм. Луны давали достаточно света, чтобы разглядеть его пухлую фигуру на гребне. Вилвил начал крутить педали вперед, тогда как Орбе внезапно начал крутить их назад. Лодка развернулась, встав кормой к Зубам Отчаяния и вперед

носом. Мы поплыли. Мы двигались медленно, так как ветер дул к берегу и мешал нашим усилиям.

— Крутите педали быстрее, — подгонял Шуга. — Иначе падающая луна уничтожит и нас тоже.

— Чепуха какая, — пожаловался Орбе, — Шуга не сможет сбросить луну вниз.

— Ты не веришь в магию? — потребовал я ответа.

— Ну...

— Глупец! Ты же сам летал. Как ты не можешь верить в магию?

— Конечно, я верю в магию, — прошептал мне Орбе. — Я только не верю в магию Шуги.

— Я вижу, — заметил я, — что несмотря на весь свой скептицизм, ты достаточно разумен, чтобы не говорить об этом вслух.

— Я не боюсь. Он не такой сильный волшебник, как Пурпурный. Но даже Пурпурный никогда не говорил, что может сбросить вниз луну.

Я не ответил. Мальчики продолжали крутить педали, но уже не так охотно, как прежде. С-с-с-с, журчали велосипеды. Вода бурлила. Лодка казалась хрупкой скорлупкой с обвисшими над ней мешками. Море было беспокойным, похожим на бесконечную ванную с чернилами. Вода напоминала густое черное масло с белыми пятнами пены. Берег потемнел. Пурпурный черным силуэтом вырисовывался на холме.

Я посмотрел на луны. Две были дисками, розоватыми с одного края и голубоватыми с другого. Черные луны были слишком малыми, чтобы смотреться дисками — и там было что-то неправильное. Что-то ужасно неправильное. Мальчишки увидели это тоже. Жужжание велосипедов усилилось. Лодка запрыгала по волнам.

Я, оцепенев, продолжал всматриваться в небо. Одна из маленьких лун на конце изогнутой линии выплыла из строя. Я поглядел на берег. Подозревает ли Пурпурный?

Он казался крошечной фигурой, неистово пляшущей на темном берегу. Да, он должно быть пытался вернуть луну обратно на небо. Он прыгал, кричал, но тут была родная земля Шуги.

Я взглянул на него. Он сидел, опершись спиной о корму лодки. Наблюдая за происходящим, и зубы его поблескивали. Мои сыновья как бешеные крутили педали. Позади лодки оставалась вспененная борозда.

Луна становилась крупнее. Сперва она была яркой точкой на темном небе, подобно другим лунам, но движущейся быстрее, чем имела право двигаться любая другая луна. Затем она стала большим диском, подобно крупным лунам, красной с одной стороны и голубой с другой. Теперь это была самая большая луна на небе. Она все росла! Она должна была упасть на Пурпурного. Должна была! Но вместо этого казалось, что она, постоянно увеличиваясь, парит над нашими головами. Голубовато-белый край ее неожиданно потемнел, став черным. Луна начала расти быстрее, и красная

сторона тоже начала тускнеть. Из центра почти черного шара вниз начал глядеть круглый желтый глаз.

А луна все росла, росла...

— Быстрее! Проклятье на вас! Быстрее... — кричали мы с Шугой. Шуга — это болтающая глупости жаба — просчитался... Луна слишком большая для того, чтобы с ее помощью отомстить одному человеку. Она может уничтожить весь мир из-за гордыни одного человека.

А затем она поплыла вниз, и подобно чудовищному мыльному пузырю — Шуга не просчитался — вниз, туда, где прыгал на черном холме Пурпурный. Она остановилась над головой Пурпурного и над знаками Шуги.

— Ну, не останавливайся, — заклинал луну Шуга. Он чуть не выпрыгивал из лодки. — Раздави его! Раздави! Всего два человеческих роста осталось, разве трудно с этим справиться!

Но луна больше не падала. Вместо этого Пурпурный начал подниматься к желтому глазу. Поднялся и исчез в нем.

— Она его сожрала! — Шуга был поражен. — Почему она это сделала? Такого нет ни в одном руне.

— Может быть, это было в рунах Пурпурного? — предположил Вилвил.

— Да, он прав, — сказал я. — Теперь я все понял. Твоя луна и большое яйцо Пурпурного — это одно и то же.

— Что ты имеешь в виду?

— Он полетит на ней домой, — ответил я, — домой. Я рад.

— Пурпурный, в моей луне? Он не может! Я не позволю этого! Мальчишки, поворачивайте назад!

— Поворачивайте, — сказал я им. Как только лодка медленно описала круг. Шуга прошел на нос. Я последовал за ним, чтобы образумить.

— Он, вероятно, собирается подождать нас, — спокойно предположил я. — Он говорил мне, что прежде чем улетит, удостоверится, что мы безопасно добрались домой. Что ты собираешься сказать ему?

— Я? Ему? Я ему скажу, чтобы он не прикасался своими безволосыми огрызками к моей луне. А что я еще могу сказать?

— И, как ты думаешь, что он ответит?

— Ты на что намекаешь?

— Если Пурпурный захочет удержать луну, то он может сказать только одно. Он скажет, что это его повозка, и что именно он позвал ее вниз, а ты здесь совершенно ни при чем.

— Но это гнусная ложь!

— Конечно, Шуга. Но ему нужна луна, чтобы добраться домой. Ему придется так сказать. И, как твоему единственному свидетелю, — мягко объяснил я, — мне придется сказать жителям деревни, что Пурпурный отрицал твое заявление, будто это ты сбросил вниз луну.

— Но это ложь! Черная наглая ложь! Шуга был ошеломлен вероломством свихнувшегося волшебника. — Я тоже призывал ее вниз. И

все это узнают. Кому скорее поверят жители деревни — мне или этому ненормальному лысому волшебнику?!

— Они поверят своему Главе, — сказал я. На мгновение Шуга устоял на меня. А затем потопал на корму. До берега мы добрались минут за двадцать.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Огромная желтая луна ждала нас, освещая мягким светом песок.

— Никогда не думал, что он сможет это сделать, — без конца повторял Орбе, вытаскивая лодку на песок. — Представить Шугу сбрасывающим вниз луну. Он даже безволосость не может вылечить.

— Возможно, он оказал свою помощь, — сказал я, выпрыгивая из лодки в мелкую по щиколотки воду.

— Отец, ты думаешь, луну вызвал Пурпурный? — спросил Орбе.

— По-видимому, он ожидал действия Шугино заклинания. Но они оба хотели одного и того же. Падения луны и ухода Пурпурного. Если два могущественных волшебника работают в согласии, что ж в этом удивительного, что они добились желаемого.

С другой стороны ко мне подошел Вилвил. Послышался всплеск — это из лодки упрямо вылез Шуга. Мы обернулись и посмотрели на него. Шуга презрительно окинул нас взглядом, выпрямился во весь рост и надменно проществовал мимо нас...

— Шуга, — окликнул я его. Он остановился, скрестил руки и обзрел гигантскую сверкающую сферу на вершине холма. Когда я подошел к нему сзади, он сказал:

— Ладно, пусть забирает себе мою луну, раз она унесет его к себе домой. Моя клятва обязует меня изгнать его с моей территории — этого я определенно добился.

— Хорошо сказано! — воскликнул я. — Ты великий волшебник, Шуга!

Не произнося больше ни слова, мы все четверо побрели к вершине холма, где нас ждал Пурпурный. Его настроение было само нетерпение, но прежняя тревога, казалось, навсегда исчезла с его лица. Он светло светился улыбкой, широкой, как весь мир.

Мы подходили очень осторожно. Огромная черная масса нависла над нами как рок богов. Но мы не видели ничего, что бы ее поддерживало. То, что воздушных мешков не было — совершенно точно. Да и сама она была похожа на воздушный мешок.

— Не бойтесь, — сказал Пурпурный, — оно безопасное.

Мы вошли в конус желтого света, который превращал зеленый свет во что-то яркое, ранящее глаза, и я удивился, как можно выдерживать такое? Яйцо возвышалось над нами, как скала Юдиони, а возможно и еще выше. Шуга откинулся назад, как мог, чтобы оценить его высоту. Не замечая

ничего вокруг, он принес яйцо пещерной рыбы и начал царапать на нем руну.

Пурпурный подозвал нас. Я заметил груды лежащих вещей. Он протянул Орбе новую батарею. Она была похожа на ту, которую Пурпурный использовал для подкачки воздушных мешков, но, как он сказал им, она была полностью заряжена. Теперь не было опасности, что на обратном пути она может умереть. Она могла наполнить такое количество воздушных мешков, сколько нам понадобится на весь обратный путь, да и тогда только чуть-чуть ослабнет.

— В ней хватит энергии, чтобы провести дюжину таких путешествий, Лэнт. Вот указатель, Орбе. Он скажет тебе, сколько энергии в ней еще остается. Эта ручка регулирует скорость, с какой отдается энергия.

Он протянул батарею Вилвилу, чтобы тот тоже мог ее осмотреть и потянулся за большим ящиком с крышкой на петлях.

— Это запас аварийного рациона. Я положил туда пять пакетов. Здесь хватит пищи на месяц.

Он подтолкнул ящик к нам и потянулся за следующим предметом. Мы, заинтересованные, подошли поближе.

— Вот тут одеяла, — сказал Пурпурный, — они без сомнения понадобятся вам в верхнем небе. Посмотрим, что еще? Он счастливо шарил в своей куче, передавая что-нибудь Вилвилу или Орбе. Мальчики передавали мне, а я, после осмотра, кидал это в кучу позади себя. Его куча уменьшилась. Куча позади нас росла. Шуга ничем не интересовался. Он продолжал бродить вокруг основания гигантского яйца и царапал что-то на корке яйца пещерной рыбы.

— Вот тут фонари. А это набор инструментов. Я подписал лекарства. Одни вы сможете использовать против безволосости, другие против других болезней. Только будьте внимательны, хотя здесь и нет ничего такого, что могло бы вам навредить.

Пурпурный поднял еще один из немногих оставшихся странных предметов. Он состоял из нескольких сложенных вместе странных картинок. Он назвал это книгой и сказал, чтобы мы посмотрели ее позднее. Но Шуга вцепился в нее, как только увидел.

— Волшебные образы! Пурпурный пытался втолковать ему, что это не так, но Шуга не стал и слушать. Немного погодя Шуга швырнул книгу в общую кучу и вновь принялся рисовать на скорлупе.

Наконец остался только один предмет — бесформенная масса мерцающего белесого света. Пурпурный даже не пытался поднять его — слишком уж массивным он казался. Он просто указал на него и сказал:

— Думаю, вы сочтете наиболее полезным вот это.

— Что это?

— Новый воздушный мешок, — ответил Пурпурный, улыбаясь. — Я опасаясь за те, которые мы сделали, они оказались не такими уж стойкими, как я предполагал. Они едва выдержали это путешествие. Один уже лопнул.

Боюсь, остальные долго не протянут. Друзья мои... а я знаю, что вы мои друзья...

Позади меня фыркнул Шуга.

— Друзья мои, я хочу, чтобы ваше путешествие домой было таким же приятным, как и мое. Это — воздушный мешок для вас. Он служит для изучения погоды в других мирах. Он достаточно большой, чтобы нести ваш вес. Используйте его вместе с другими воздушными мешками — и вы доберетесь домой!

Орбе деловито осматривал его. Материал был легким, прозрачным и наиболее тонким из всех, какие мы когда-либо видели.

— Здесь нет нитей, — воскликнул Орбе. — Вилвил, или сюда! Ты только посмотри!

Но Вилвил исчез. Немного погодя он опять появился на холме.

— Ужасное место для яйца ты выбрал, — сказал он, тяжело отдуваясь.

— Почему бы тебе не поставить его пониже.

— Где ты был?

Вилвил показал то, за чем он ходил. — Я тоже принес подарок Пурпурному. — Он протянул одеяла из воздушной ткани и... мешок балласта. — Они могут тебе пригодиться.

Пурпурный был тронут. Он взял плотный мешок и нежно обнял Вилвила, как ребенка. Глаза его повлажнели, на лице расплылась улыбка. Он позволил Вилвилу набросить одеяла себе на руку.

— Спасибо, — забормотал он в смущении. — Это замечательный подарок. Он говорил, и голос его прерывался.

Потом Пурпурный повернулся ко мне.

— Лэнт, благодарю тебя за все. Спасибо тебе за помощь, за то, что ты такой превосходный Глава... Подожди, у меня кое-что есть для тебя.

Пурпурный исчез в своем яйце, но быстро вернулся. Он оставил там наши подарки и принес кое-что еще. Шар со странными пиинками и выпуклостями на поверхности.

— Лэнт, это для тебя...

— Что это? Я с удивлением взял предмет. Он был весом с маленького ребенка. — Это твой символ Главы. Я знаю, у Шуги не было времени сделать его для тебя. Я надеюсь, он не станет возражать, если символ подарю я. Смотри — здесь написано мое имя знаками моего языка. Мы — Глава волшебника Пурпурного.

Я был смущен, поражен и восхищен, напуган, эмоции беспорядочно сменяли одна другую.

— Я... я...

— Не говори ничего, Лэнт. Просто — возьми. Это особый символ. Он будет узан и окружен почетом любимыми из моих людей, если кто-то из них снова попадет в ваш мир. А если вернусь я, он сделает тебя моим Главой официально. Владей им, Лэнт!

Я немо кивнул, взял предмет и отступил с ним назад. Пурпурный, наконец, повернулся к Шуге, который все это время терпеливо ждал.

— Шуга, — сказал он, протягивая пустые руки. — У меня нет ничего, что бы я мог дать тебе. Ты слишком великий волшебник, чтобы я посмел оскорблять тебя ненужным подарком. Я не могу предложить тебе ничего, чтобы не оскорбить твое мастерство. — Челюсть у Шуги отвисла. Он чуть не выронил свое яйцо. И его глаза тут же подозрительно прищурились.

— Нет для меня подарка? — переспросил он. Я не понял, чувствует ли он себя обиженным или польщенным.

— Только один, — ответил Пурпурный. — Но он такой, что его невозможно унести. Я оставляю тебе две деревни. Теперь ты их официальный волшебник. Шуга уставился на него широко раскрытыми глазами. Пурпурный стоял, высокий, производящий впечатление. В этом странном свете он выглядел почти что богом. Ничего в нем не осталось от той пухленькой, почти комической личности, которая терроризировала нас на протяжении нескольких месяцев. Неожиданно он начал казаться благородным, великодушным, всезнающим.

Шуга выдал из себя:

— Ты признаешь это? Ты признаешь? Что я самый великий волшебник?

— Шуга, я признаю это. Ты ведаешь о магии и о богах этого мира гораздо больше, чем кто-либо. Ты самый великий. И теперь у тебя есть летающая машина.

Затем он обвел нас всех взглядом и прошептал:

— Я покидаю вас всех. Я прощаюсь с вами всеми. И с тобой, Шуга, и с твоей дуэлью.

С этими словами он поднялся в свое яйцо и исчез. Желтый свет на мгновение вспыхнул ярче, затем погас. Яйцо начало всплывать вверх, так же медленно, как и пришло. Оно поднималось все выше и выше, становилось все меньше и меньше, то ярко загораясь на мгновение, то исчезая.

Шуга был так потрясен этим зрелищем, что совсем забыл о заклинании на яйце пещерной рыбы. Он с шумным чавканьем торопливо впился в него зубами. И тут же подавился. Нам пришлось с силой колотить его по спине, прежде чем он пришел в себя.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Море бросалось на почерневший берег и откатывалось. Все, кроме этого, было спокойно. В небе висела крохотная искорка Оуэлса, яркая и голубая.

"Ястреб" лежал на берегу, с наполненными, но вялыми баллонами. Большой белый баллон расцвел над остальными — наполненный на одну десятую — он представлял собой узкий цилиндр с выпуклостью на вершине.

Груз воды удерживал лодку от подъема. Наши припасы были разбросаны по песку, чтобы защитить их от воды в лодке.

Мы четверо сидели и мрачно глядели на наше судно.

— Я знал, что мы про что-нибудь забудем, — сказал Вилвил. Он повторял это уже в двенадцатый раз.

— Север, — бурчал Орбе, — мы забыли, где север.

— Мы забыли, что ветер дует на север, — уточнил я.

— Неважно, — пожал плечами Орбе. Он швырнул камешек в море. Мы все еще никуда не летели. Орбе швырнул очередной камень.

— Проклятье!

— Не ругайся, — пробормотал Шуга. — Как же так? Я — величайший волшебник в мире — и даже не могу изменить направление ветра. Проклятье!

— Сам ругаешься, — обидчиво сказал Орбе.

— Это моя работа. Я волшебник. Мы уже четыре дня пытались подняться на лодке. И всякий раз минимум, что нам удавалось, так это остаться над берегом на прежнем месте. Каждый раз, как только мальчишки уставали, ветер грозил унести нас вглубь материка. И каждый раз мы опускались на землю.

— Какое имеет значение, сколько энергии в этой батарее, — сказал Вилвил, — мы все равно не можем никуда улететь. А так мы только попусту ее расходует. — Если мы будем продолжать в том же духе, то дождемся того, что там ничего не останется.

Мы находились всего на несколько миль восточнее того места, где была наша бывшая деревня. Место было пустынное.

Я задумчиво жевал один из пищевых брикетов Пурпурного. Он был маленький, коричневого и имел странный привкус.

— Должен же быть какой-нибудь способ, — продолжал бормотать я. — Должен быть!

— Но не по воздуху, — отрезал Вилвил. Орбе швырнул очередной камень.

— Тогда давай по воде.

— А почему бы и нет. Лодка ведь может плыть, верно?

— Да, но водовороты, рифы, — напомнил я.

— А мы над ними поднимемся, — чуть ли не закричал Вилвил. — Вот-вот, мы наполним баллоны газом ровно настолько, чтобы лодка находилась над водой, но не воздухотолкатели! Они ведь могут гнать и воду. А мы будем крутить педали в сторону дома. Когда ветер утихнет, мы сможем подняться в воздух.

— Но если ветер будет дуть на баллон, как на паруса, то и в этом случае нас будет гнать назад, — сказал я.

— Да, но вода будет гнать нас вперед. Таким образом вода даст нам точку опоры, которая необходима, чтобы вернуться домой. К тому же мы не

будем накачивать баллоны так сильно как обычно. Они будут представлять меньшую площадь для ветра. И с ним легче будет бороться.

Конечно, Вилвил и Орбе были правы, как всегда, когда дело касалось летающей машины. О ней они знали почти все, как и сам Пурпурный. И уж несравненно больше Шуги. Шуга возражал против приравнивания действия ветра на баллоны и действия ветра на паруса. Но Орбе заявил, что ветер — есть ветер. И Вилвил и Орбе оказались правы. Вода лениво плескалась под нами, воздухотодкатели оставляли позади себя пенный след. Мальчикам приходилось налегать на педали вдвое сильнее, чем в воздухе. Море уже начало отступать, пороги и водовороты встречались чаще, поэтому нам частенько приходилось подниматься в воздух. Когда мы это делали, нас пыталось оттащить назад, но мальчики тогда брали курс на восток или запад и, таким образом, мы смогли избежать больших опасностей нашего путешествия.

Когда мальчики уставали, мы или увеличивали балласт, или выпускали немного газа. На воде нас сносило совсем немного.

За собой мы тащили рыболовные сети. Это был подарок Пурпурного. Нам не терпелось испытать их на деле. Однажды мы поймали что-то очень большое, и оно полдня тащило нас на восток, прежде чем мы сумели перерезать веревки. Нам пришлось использовать для этого специальный инструмент.

Пища, которой снабдил нас Пурпурный, была не то чтобы очень съедобной, но имела неприятный привкус.

На пятый день нам явно повезло — мы наткнулись на участок воды со стремительным течением, уносящим нас к югу. Мы держались за него сколько могли, пока течение не стало слишком бурным. Тогда мы поднялись в воздух. Мальчики были в восторге, обнаружив, что ветер дует нам в спину.

Периоды темноты стали теперь больше. Два часа. Один сезон сменял другой. Океан начинал отступать. Это будет длиться еще несколько месяцев. Море под нами пенилось вокруг бритвенно острых скал — это начали обнажаться горные пики. Был период сильного тумана: голубого, красного, черного — бесконечное повторение вместе с циклом солнц.

Мы уже потеряли три воздушных мешка. Их швы разошлись неожиданно и как-то одновременно. Мы компенсировали их потерю еще большим накачиванием мешка Пурпурного. Он был уже наполовину пуст, но еще более чем заменял недостаток других.

В следующие дни мы расстались еще с двумя мешками. Очевидно, очень большая ошибка была допущена с клеем, который Грим использовал для заклейки швов — или возможно сама ткань оказалась не такой крепкой, как ожидалось. Те мешки, которые у нас еще остались, держали газ не дольше дня. Шуга и я постоянно подзаряжали их. В момент изготовления воздушная ткань была плотной, но теперь она определенно перестала быть таковой. При постоянном использовании что-то ослабило ее.

Мы еще волочили за собой наши рыболовные снасти. Они свисали за бортом, как тоненькие нити мерцающей паутины. Я удивлялся мастерству их изготовления и прикидывал, сможем ли мы сделать такие же.

Нас внесло в новую зону тумана: голубой, белый, красный... В черном тумане наш крючок опять зацепился за что-то большое, слишком большое, чтобы его можно было вытащить. Мы не решились обрезать нить. Она была слишком ценной, чтобы терять ее. Ветер свистел в снастях, так быстро мы двигались.

Туман тогда рассеялся, когда голубое солнце выпарило его. И мы увидели, что поймали на крючок... землю. Пустыня, которую мы пересекали много месяцев назад, которая еще совсем недавно была морским дном, теперь представляла собой непролазное болото. Болотная тина за несколько дней бурно зацвела. Там должны быть жевательные корни. До дома осталось недалеко.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Мы вернулись к мирной жизни близнецов-деревень. Жизнь и в самом деле представлялась даже более спокойной, чем раньше. И ответственность за это несли я и Шуга. Во время отлета "Ястреба" мы просыпали над веселящейся толпой пыль желания. В результате там продолжались оргии целых три недели. Непристойная, конечно, но она породила чувство братства между верхней и нижней деревнями. Другим связующим звеном между нами стал Шуга. Теперь он был главным волшебником обоих поселений.

Гортин, правда, позволил ему занять этот пост, только заручившись клятвой Шуги, что он выкупит все волшебные символы в деревне за их полную стоимость. Потребовались уговоры, чтобы он согласился выкупать и символы Пурпурного, но прощальные слова Пурпурного надолго привели его в хорошее настроение. Однажды его видели даже улыбающимся.

Конечно, нашлось несколько человек, которые огорчились из-за расстройства их планов. Пилг, например, вложил почти весь свой капитал в символы Пурпурного и считал, что их следовало бы выкупать по прежней цене — десять к одному.

Но жизнь наша текла мирно. По вечерам я сидел и слушал, как бранятся жены и кричат дети и думал, до чего же хорошо быть дома. Жизнь вернулась к своему неспешному ритму. Я по-прежнему нарезал плашки и этим регулировал развитие коммерции. Другие — производили товары, а я распределял плашки, теперь уже только голубые, поскольку Пурпурный улетел.

Ткачество оставалось основным ремеслом. Торговцы прибывали не только с других деревень, но даже с материка и южных краев. Каждые пять дней прибывал новый караван. Они приходили из все более отдаленных

поселений. Мы стали теперь могущественной торговой деревней, а слава о нашей ткани распространилась по всей нашей земле.

Вилвил и Орбе работали над новым "Ястребом". Старый был установлен на почетном месте на особой поляне, принадлежащей сыну Френа Кузнеца. Ни один из торговцев не проходил мимо, чтобы не остановиться и не удивиться лодке.

Новый "Ястреб" должен был получиться огромным — почти в пятнадцать человеческих ростов длиной. Ему потребуется свыше сотни воздушных мешков и десять мужчин а велосипедах, чтобы приводить его в движение. Теперь следующий болотный сезон не прервет нашу торговлю с материком. Подмастерья ткачей и изготовители лодки никогда так напряженно не работали, как в последнее время.

Когда Орбе и Вилвил объявили о своих намерениях, некоторые стали возражать.

— Для чего нужна еще одна летающая машина? Одну мы уже построили, мы доказали, что можем ее сделать, так чего ради мы будем делать еще? Ради кого мы будем тратить на нее время и силу. Лучше использовать воздушную ткань для торговли.

— Но как вы собираетесь здесь торговать? — последовал вопрос. — Если мы не будем строить другой "Ястреб", нам будут не нужны генераторы и генераторные бригады. И мы не сможем заключать на них пари. Нам некуда будет тратить плашки, которые вы зарабатываете, производя ткань, нам нигде будет торговать вашей тканью.

Тех, кто не был в этом убежден, скоро перекричали. Гортин и я одобрили намерение моих сыновей, и вскоре на скале начали расти внушительных размеров подмости.

Казалось, что женщины теперь навечно обзавелись именами. Шута думал, что по окончании строительства первой лодки мы сможем отменить даже имя Мисс, но поскольку они снова оказались нам нужны для прядения нитей, мы не посмели этого сделать. А чума эта распространялась.

Новая жена, которую я купил на материке, не успела пробыть в моем доме и трех дней, как уже потребовала себе имя. Мои другие жены поддерживали ее. Каким-то образом им пришла эта идея. Единственным исключением была моя безволосая дочь. Шута намеревался вскоре освятить ее. У нее будет свое имя, собственное секретное имя.

Все эти дни Шута был очень занят. Теперь он мог снять благословение и позволить взять сок и снова наложить благословение на домашнее дерево почти без затрат времени. И это стоило владельцу гнезда всего одного волшебного символа. К счастью, Шута открыл, что взятие сока домашнего дерева отгоняет демонов. Он перепродавал сок домашнего дерева ткачам, по три порции на плашку. И это была очень справедливая цена. Из-за повысившегося авторитета Шуты мне пришлось набрать новых подмастерьев. Теперь их у меня было больше десяти, и они изготавливали в день плашек больше, чем их мог выкупить любой волшебник.

Многие жители деревни, кажется, не считали больше компенсацию символов необходимой. Они обменивались плашками, как легким, ценным и неразрушающимся товаром. Но другие ценили их достаточно высоко, так что Шуга был постоянно занят.

Ткань нужно было благословлять, станки освящать, у домашних деревьев брать сок. Были еще оплодотворяющие заклинания, благословение имен. И все время приходилось присматривать за своими учениками, которые становились все искуснее в своих попытках убить Шугу.

— Бегаешь и молишься! — жаловался он. — Нет времени отдохнуть! И ты знаешь, Лэнт, они все еще обмениваются плашками Пурпурного. Меняют ее одну к четырем. Почему? Пурпурный же улетел.

— Но его магия сохраняется. Она впиталась в плашки и делает их счастливыми.

Шуга раздраженно фыркнул.

— Кроме того, ты работаешь лучше и более впечатляюще за плашку Пурпурного. Так мне рассказали, — добавил я.

— Это верно. Потому что я и собираю плашки Пурпурного. Когда я уничтожу последнюю, здесь от него никаких следов не останется. И все будет так, как до его прихода к нам. Я искренно память о Пурпурном, Лэнт!

— Думаю ничего не получится, Шуга. Плашки и ткань разошлись так широко, что ты никогда не сможешь выкупить их все.

Я опять принялся за разрезание и раскрашивание плашек. Намерения Шуги несбыточны. Каждый раз, когда он уничтожает очередную плашку Пурпурного, остальные еще поднимаются в цене. Люди уже не очень охотно расстаются с ними. Но я должен подумать и решить, что же я смогу сделать для Шуги.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЛАРИ НИВЕН
ДЭВИД ДЖЕРАЛД**

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ

Книга первая

3

Книга вторая

140

Сборник фантастики: том восьмой.

ЛАРИ НИВЕН, ДЭВИД ДЖЕРАЛД. Летящие колдуны. кн. 1,2

Литературный Фонд "Ахul-Z", Кишинев, ул. Армянская, 33

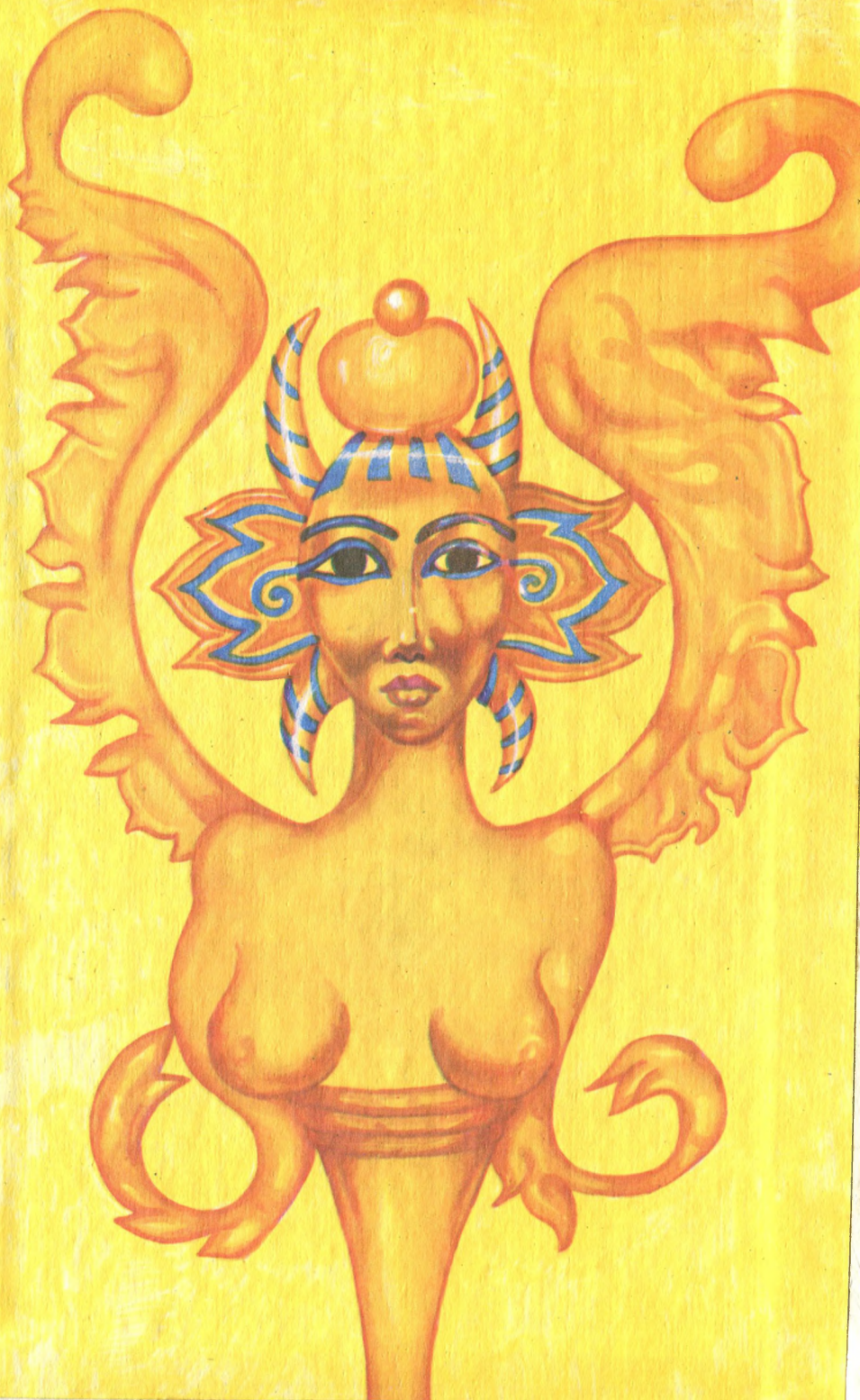
Формат издания 60х90 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 18.

Тираж 50 тыс. экз. Зак. 30609.

Кишинев, ул. П. Мовилэ, 35, Полиграфкомбинат.

AXUL

